Ю. Н. Щербачевъ.

ПРІЯТЕЛИ ПУШКИНА

Михаилъ Андреевичъ Щербининъ

и

Петръ Павловичъ Каверинъ.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

Москва. Синодальная Типографія. 1912.

lib.pushkinskijdom.ru

ПАМЯТИ Л. Н. МАЙКОВА.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкину и при жизни и послѣ смерти бросали упрекъ въ томъ—въ чемъ впрочемъ онъ и самъ сознавался,—что съ молоду „на разныя забавы“ онъ „много жизни погубилъ“[1]). Сѣтовали на него, что онъ прожигаетъ жизнь въ обществѣ петербургской золотой молодежи, вмѣсто того чтобы всецѣло посвятить себя творчеству въ области поэзіи[2]); попрекали и эту молодежь, что она мѣшаетъ поэту отдаваться призывамъ его генія и завлекаетъ его въ кутежи и оргіи[3]).—Но поэтъ не есть ученый, производительность котораго большею частью прямо соотвѣтствуетъ числу часовъ, посвящаемыхъ труду въ тиши кабинета. Кутя съ золотою молодежью и хотя бы предаваясь съ нею при этомъ излишествамъ, Пушкинъ одновременно наблюдалъ ее. И не участвуй онъ всецѣло въ круговоротѣ легкомысленной петербургской жизни, первая глава „Евгенія Онѣгина“ не отразила бы эту жизнь такъ красиво, такъ ярко и такъ полно[4]). Слѣдовательно пріятельская молодежь нѣкоторымъ образомъ способствовала его вдохновенному творчеству,—и если въ дѣйствительную, активную заслугу поставить ей этого нельзя, то все же съ указаной точки зрѣнія личности первыхъ пріятелей Пушкина—„минутныхъ друзей минутной его младости“[5])—являются весьма интересными,—не говоря уже о томъ, что многіе изъ нихъ занимались не одними кутежами[6]).

Къ числу такихъ пріятелей поэта слѣдуетъ отнести Михаила Андреевича Щербинина и Петра Павловича Каверина. Надо полагать, что первый изъ нихъ былъ скорѣе однимъ изъ „минутныхъ друзей“ Пушкина, второй же пользовался болѣе теплымъ и болѣе длительнымъ его расположеніемъ.

Будучи со стороны матери роднымъ внукомъ Щербинина и внучатнымъ племянникомъ Каверина[7]), къ тому же бывши женатъ на родной племянницѣ послѣдняго[8]), я имѣлъ возможность, успѣшнѣе чѣмъ кто другой, собрать объ этихъ двухъ лицахъ біографическія данныя, черпая ихъ частью изъ фамильныхъ бумагъ, частью изъ семейныхъ преданій[9]). Настоящая статья представляетъ сводъ этихъ данныхъ—все же далеко неполныхъ и, несмотря на достовѣрность, часто грѣшащихъ анекдотическими подробностями.—Въ примѣчанія мною отнесено все то, что—хотя бы отдаленно—касается предмета.

Изъ письменныхъ памятниковъ, какъ главными источниками, пользуемся неизданнымъ объемистымъ дневникомъ Елизаветы Павловны Каве-

lib.pushkinskijdom.ru

риной, сестры Петра Павловича, позднѣе жены М. А. Щербинина,—и немногими уцѣлѣвшими бумагами П. П. Каверина: обрывками его дневника, записными тетрадями и проч.

Елизавета Павловна вела дневникъ съ 1813 г.,—ребенкомъ, подросткомъ и молодою дѣвушкой—по самый день своей свадьбы, 30-го Апрѣля 1821 г. Отдаваясь сантиментальности той эпохи, она допускаетъ на его листкахъ частыя и пространныя отступленія въ область безпредметныхъ жалобъ и безпричинной грусти внѣ мѣста и времени. „Le tristesse est le fond de mon être“*), пишетъ она въ 17 лѣтъ [10]) и высказываетъ убѣжденіе, что чувствительное сердце есть высшій даръ небесъ. Но всетаки мы находимъ въ дневникѣ много хотя мелкихъ, но яркихъ чертъ, обрисовывающихъ характеръ какъ ея брата, такъ и будущаго ея мужа [11]).

Выдержки и записи въ тетрадяхъ Каверина, по выбору ихъ, могутъ—вмѣстѣ съ другими его бумагами—служить для собственной его характеристики. Тетради эти заключаютъ въ себѣ между прочимъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, въ томъ числѣ два-три неизданныхъ его куплета; въ обще-извѣстныхъ же Пушкинскихъ пьесахъ встрѣчаются интересныя разночтенія, а потому тетради имѣютъ и непосредственную цѣнность, какъ матеріалъ для исторіи творчества поэта и для пополненія, хотя бы десяткомъ лишнихъ строкъ, сокровищницы его произведеній [12]).

Что касается личнаго архива Щербинина, по которому можно бы болѣе опредѣленно возстановить внутренній міръ Михаила Андреевича, то онъ исчезъ безслѣдно. Въ фамильныхъ бумагахъ сохранилось нѣсколько его писемъ—къ матери, къ брату, къ дѣтямъ,—но изъ принадлежащихъ лично ему бумагъ уцѣлѣли точно чудомъ одно письмо къ нему сестры, отмѣтки на записныхъ листкахъ календаря за 1829 г., да подлежащій еще сомнѣнію—быть можетъ изъ его альбома или тетради вырванный—листокъ съ двумя стихотвореніями, о которыхъ будетъ сказано ниже [13]).

На самыя отношенія между Пушкинымъ и двумя его пріятелями наши источники къ сожалѣнію бросаютъ мало свѣта. По этой части приходится больше руководствоваться догадками.

I.

Михаилу Андреевичу Пушкинъ посвятилъ извѣстное стихотвореніе. Приведемъ его здѣсь полностью, чтобы возстановить въ памяти читателей: намъ придется ссылаться на отдѣльные его стихи [14]).

Житье тому любезный другъ,
Кто страстью глупою не боленъ,
Кому влюбиться недосугъ
Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ.
Кто Наденьку подъ вечерокъ
За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ
И жирный Стразбурскій пирогъ

*) „Грусть составляетъ основу моего существа“.

lib.pushkinskijdom.ru

Виномъ душистымъ запиваетъ.
Кто удаливъ заботы прочь,
Какъ вѣрный сынъ Паѳоской вѣры
Проводитъ набожную ночь
Съ младой монашенькой Цитеры.
Поутру сладко дремлетъ онъ,
Читая листикъ инвалида—
Весь день веселью посвященъ,
А въ ночь—вновь царствуетъ Киприда[15])
И мы не такъ ли дни ведемъ,
Щербининъ рѣзвый другъ забавы?
Съ амуромъ, шалостью, виномъ
Покамѣстъ молоды и здравы.
Но дни младые пролетятъ
Веселья, нѣга насъ покинутъ
Желаньямъ чувства измѣнятъ
Сердца изсохнутъ и остынутъ.
Тогда—безъ пѣсенъ, безъ подругъ
Безъ наслажденій, безъ желаній—
Найдемъ отраду милый другъ
Въ туманномъ снѣ воспоминаній.
Тогда, качая головой
Скажу тебѣ у двери гроба:
Ты помнишь Фанни милой мой?
И тихо улыбнемся оба[16]).

Стихотвореніе это, съ пропусками, появилось впервые въ Москвитянинѣ въ 1841 году подъ заглавіемъ: „Въ Альбомъ М. А. Щербинину". Такъ оно озаглавлено во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, между прочимъ и въ Академическомъ[17]). Но было ли на самомъ дѣлѣ стихотвореніе записью въ альбомъ или оно адресовано Михаилу Андреевичу какъ посланіе? Въ тетради, куда близкій Щербинину П. П. Каверинъ записывалъ стихи поэта, на ряду съ заглавіями „Орлову", „Языкову" и проч. читаемъ „Щербинину", въ оглавленіе же тетради „къ Орлову", „къ Языкову", „къ Щербинину". Не указываетъ ли этотъ предлогъ „къ", что данная пьеса, такъ же какъ и прочія, была посланіемъ, а не записью въ альбомъ. Послѣ 1827 г., вѣроятно въ бытность свою въ Харьковѣ, Баронъ Дельвигъ подарилъ Михаилу Андреевичу портретъ Пушкина, гравированный Уткинымъ съ портрета, писаннаго Кипренскимъ[18]). На бѣломъ полѣ подъ гравюрою написано карандашемъ:

„Житье тому, любезный другъ,
Кто страстью глупою не боленъ.....
Посл: къ Щербинину
отъ барона Дельвига М. Щербинину подарокъ".

Такимъ образомъ и Дельвигъ называетъ стихотвореніе посланіемъ[19]). Весьма вѣроятно, что заглавіемъ „Въ Альбомъ" неправильно окрестилъ

lib.pushkinskijdom.ru

пьесу сынъ Михаила Андреевича, Андрей Михайловичъ Щербининъ, сообщившій ее въ Петербургъ для печати [20]).

Въ прежнихъ изданіяхъ о самомъ Щербининѣ мы находимъ мало свѣдѣній. Въ изданіи Ѳ. И. Анскаго 1882 г. въ библіографическихъ примѣчаніяхъ сказано, что М. А. Щербининъ былъ, будто бы, первымъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати и умеръ 4-го Сентября 1881 г. [21]). Свѣдѣніе это безусловно невѣрно, т. е. касается другого Щербинина (Павловича, а не Андреевича) [22]), на что впрочемъ уже въ 1884 г. обращено было вниманіе „Любителемъ Старины", въ „Русскомъ Архивѣ" [23]).—Въ изданіи А. С. Суворина 1903—1905 гг. про Щербинина отмѣчено, что онъ „въ то время былъ штабсъ-капитаномъ л.-гв. Московскаго полка и состоялъ адъютантомъ при князѣ Репнинѣ"; упомянуто также, о принадлежности его къ обществу Зеленой Лампы. Здѣсь рѣчь идетъ о настоящемъ Щербининѣ, но и это свѣдѣніе требуетъ поправки. Въ самомъ дѣлѣ, стихотвореніе отнесено въ изданіи Суворина къ 1819 г.; между тѣмъ по документальнымъ даннымъ [24]) Щербининъ переведенъ въ Московскій полкъ съ назначеніемъ въ адъютанты къ малороссійскому военному губернатору генералъ-адъютанту князю Репнину лишь 14-го Октября 1820 г. Такимъ образомъ надо искать ошибку или въ указаніи тогдашняго званія Щербинина или въ обозначеніи даты стихотворенія. Но время написанія пьесы—лѣтомъ, до 13-го Августа 1819 г.—какъ кажется, весьма обстоятельно и основательно выяснено Б. Л. Модзалевскимъ [25]).

Во II т. Академическаго изданія [26]) про Щербинина сказано и того меньше, а именно: „М. А. Щербининъ, служившій въ военной службѣ, былъ членомъ общества Зеленой Лампы"—и больше ничего. Съ одной стороны указаніе это крайне скудно, съ другой—одинаково приложимо и ко многимъ другимъ пріятелемъ поэта. Казалось бы, лице, къ коему Пушкинъ обратился съ вышеприведеннымъ изящнымъ дружескимъ посланіемъ, заслуживало бы болѣе подробной замѣтки, особенно въ изданіи Академіи наукъ.

Только въ книгѣ Венгерова, въ статьѣ того же Б. Л. Модзалевскаго, объяснительной къ пьесѣ [27]), подробно говорится о Щербининѣ—главнымъ образомъ о внѣшнихъ фактахъ его жизни, его предкахъ и проч.; вообще тщательно собрано все или почти все, что сказано о немъ въ печати.

Свѣдѣнія эти мы имѣемъ возможность пополнить нѣкоторыми чертами не только внѣшней, но также и внутренней жизни Михаила Андреевича.

Столбовые дворяне Щербинины принадлежатъ къ древнему дворянскому роду и ведутъ происхожденіе отъ нѣкоего Анофрія, выходца „изъ нѣмецъ", бывшаго въ XIV вѣкѣ бояриномъ при великомъ князя Всеволодѣ Тверскомъ. Праправнукъ Анофрія, Василій, прозванъ былъ Щербиною, и потомки его стали носить имя Щербининыхъ [28]). Но существуетъ и другое преданіе,—что упомянутый родъ, въ числѣ десятковъ другихъ родовъ, значился въ такъ называемой „Поганой книгѣ", т. е. велъ, будто бы, происхожденіе отъ русскихъ холоповъ [29]). Оставляя однако въ сторонѣ

lib.pushkinskijdom.ru

общій вопросъ о происхожденіи Щербининыхъ, остановимся лишь на ближайшемъ восходящемъ поколѣніи Михаила Андреевича.

Въ 12-ти верстахъ отъ Харькова, въ господской усадьбѣ села Бабаевъ, этого бывшаго дворянскаго гнѣзда одной изъ отраслей Щербининыхъ, до сихъ поръ въ неприкосновенной свѣжести сохранилась большая, во всю стѣну, фамильная картина семидесятыхъ годовъ позапрошлаго столѣтія, изображающая харьковскаго помѣщика Петра Андреевича Щербинина, окруженнаго его домашними [30]). Семейная группа собралась въ паркѣ подъ сѣнью развѣсистыхъ дубовъ. Самъ Петръ Андреевичъ сидитъ въ креслѣ; по правую руку стоитъ его жена Татьяна Яковлевна, рожденная княжна Крапоткина; она поддерживаетъ младшаго сына Николая, грудного еще ребенка, стоящаго на столѣ въ одной рубашечкѣ; возлѣ матери второй сынъ, Дмитрій, играетъ со своею младшей сестрой Варварой. По лѣвую руку старшій сынъ Андрей, мальчикъ лѣтъ десяти или одиннадцати, въ мундирѣ сержанта Измайловскаго полка, подноситъ отцу рисунокъ; за нимъ стоитъ гувернеръ—типичный, благообразный, бритый нѣмецъ среднихъ лѣтъ. Мужчины: Петръ Андреевичъ, гувернеръ и старшій сынъ—въ пудренныхъ парикахъ; на второмъ сынѣ камзолъ, чулки и башмаки съ пряжками, какъ на взрослomъ; мать семейства въ чепцѣ и шали; дочь, лѣтъ пяти-шести, тоже одѣта какъ большая—въ богатый нарядъ того времени.—За паркомъ, на заднемъ планѣ, виденъ господскій домъ принадлежавшаго Щербининымъ села Должики, въ 16-ти верстахъ отъ Харькова, въ противоположную сторону отъ Бабаевъ.

Вотъ что мы знаемъ о лицахъ, изображенныхъ на картинѣ.

Петръ Андреевичъ былъ харьковскимъ губернскимъ прокуроромъ (въ 1782 г.) и какъ по своему служебному положенію, такъ и по родству съ намѣстникомъ харьковскимъ и воронежскимъ, генералъ-поручикомъ Евдокимомъ Алексѣевичемъ Щербининымъ [31]), доводившимся ему троюроднымъ братомъ, а главнымъ образомъ по огромному богатству, несомнѣнно пользовался во всей округѣ большимъ значеніемъ. Доставшіяся ему въ приданое за женою угодья раскидывались на десятки верстъ вокругъ Харькова. Онъ былъ самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ краѣ. Кромѣ Должиковъ и Бабаевъ, ему принадлежали еще многія имѣнія [32]). Главною его резиденціей были Бабаи, и рисунокъ, подносимый на фамильной картинѣ сыномъ отцу, изображаетъ, кажется, флигель, со стороны сада, первоначальнаго бабаевскаго дома, нынѣ болѣе не существующаго.

Въ усадьбѣ Петра Андреевича велась вообще разсѣянная жизнь. Праздничныя приготовленія, дѣлавшіяся лѣтомъ 1767 г. ко дню его рожденія [33]), отличались невиданною роскошью. Вѣроятно фамильная картина представляетъ принесеніе поздравленій по случаю какого либо семейнаго празднества того же рода.

Петръ Андреевичъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ украинскимъ философомъ Г. С. Сковородой [34]).

Супруга Петра Андреевича, Татьяна Яковлевна, была особа весьма некрасивая; объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ сама картина, такъ и одинъ

lib.pushkinskijdom.ru

современникъ [35]). Въ остальныхъ отношеніяхъ о Татьянѣ Яковлевнѣ имѣется мало свѣдѣній. Смерть ея, приключившаяся около 1776 г. [36]), сильно потрясла здоровье Петра Андреевича, и въ 1778 г. онъ отправился заграницу для пользованія водами въ Пирмонтѣ [37]).

Старшій изъ сыновей, Андрей Петровичъ, родился 1-го Іюля 1760 г. Четырехлѣтнимъ ребенкомъ онъ уже выказывалъ большія способности, но какъ единственный въ то время сынъ былъ до крайности избалованъ матерью и нянь̀ками. Лѣтъ пяти онъ отлично читалъ порусски и писалъ довольно сносно, а вскорѣ сдѣлалъ замѣчательные успѣхи во французскомъ языкѣ и въ другихъ предметахъ,—вообще уже въ самый ранній возрастъ радовалъ своего воспитателя успѣхами въ наукахъ и искусствахъ; отличался, однако, упрямствомъ. Воспитывался затѣмъ, вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ и двоюроднымъ братомъ Хомутовымъ, за границею, главнымъ образомъ въ Берлинѣ, и путешествуя съ наставникомъ по Европѣ, побывалъ въ Англіи, Голландіи, Брюсселѣ, Парижѣ, объѣздилъ Италію, останавливаясь во всѣхъ городахъ и осматривая достопримѣчательности. Въ Россію Андрей Петровичъ вернулся, уже юношей, къ концу 1780 г. Еще въ дѣтствѣ онъ и братъ его Дмитрій записаны были сержантами въ излюбленный полкъ Щербининыхъ—Измайловскій. Андрей Петровичъ умѣлъ рисовать. Имъ между прочимъ написанъ былъ портретъ его бабушки [38]).

Второй сынъ, Дмитрій Петровичъ, впослѣдствіи велъ тяжбу съ братомъ, невѣсткою и племянниками [39]). Единственный сынъ его умеръ въ молодыхъ лѣтахъ [40]).

Третій—Николай, будучи еще несовершеннолѣтнимъ, былъ завлеченъ въ карточную игру, и ему „учинены по этому случаю разные обманы, а также взяты съ него укрѣпленія на его имѣнія и другія обязательства“ [41]). Выручилъ его старшій братъ, Андрей, уплатившій значительные его долги [42]). Позднѣе Николай Петровичъ жилъ, кажется, въ нахлѣбникахъ у племянниковъ, сыновей Андрея Петровича. Имѣлъ чинъ лейбъ-гвардіи прапорщика; умеръ бездѣтнымъ.

Дочь Варвара, судя по портрету, нѣсколько горбатая или сутуловатая, была замужемъ за Рамбахомъ [43]).

Наконецъ гувернеръ, изображенный на картинѣ, очевидно не кто иной какъ пасторъ Іоганнъ Вигандъ, записки котораго о пребываніи его въ Россіи и о жизни въ семействѣ Щербининыхъ, въ Бабаяхъ, напечатаны въ Русской Старинѣ за 1882 г. Часть вышеприведенныхъ свѣдѣній о Петрѣ Андреевичѣ и его домочадцахъ заимствована нами у него [44]).

Вигандъ родился 17-го Іюля 1744 г. Онъ былъ мистикомъ и членомъ секты гернгутеровъ. Въ поискахъ за наставникомъ къ старшему сыну, Петръ Андреевичъ прислалъ въ Москву конвой, съ которымъ долженъ былъ отправиться этотъ учитель, и денегъ для него на дорогу. Посредникъ въ дѣлѣ пріисканія воспитателя, маіоръ Хомутовъ, предложилъ мѣсто у Щербининыхъ Виганду. Тотъ согласился и отправился въ Украйну въ Іюнѣ 1767 г. Онъ съумѣлъ внушить къ себѣ полное довѣріе родителей, и четырехлѣтній Андрей Петровичъ былъ предоставленъ исключительному

lib.pushkinskijdom.ru

его попеченію. Забавно описываетъ онъ, какъ ему сдали ребенка ночью, спящимъ, и какъ родители, плача, шли за постелькою, въ которой переносили сына изъ женской половины въ комнату гувернера.

Надо полагать, что вліяніе Виганда оставило во многихъ отношеніяхъ слѣды на Андреѣ Петровичѣ. Во время путешествія заграницу они вмѣстѣ посѣщали собранія гернгутеровъ (въ Лондонѣ) и присутствовали на ихъ братскихъ трапезахъ. Вигандъ, какъ узнаёмъ изъ его записокъ, былъ архитекторомъ. На главной бабаевской площади, противъ своего двора, Петръ Андреевичъ выстроилъ каменную церковь своеобразной архитектуры, въ замѣнъ прежней, деревянной [45]). Можетъ быть Вигандъ участвовалъ въ ея постройкѣ, и его протестантскіе взгляды отразились на наружномъ видѣ этого зданія, представляющаго точное воспроизведеніе петербургской лютеранской церкви св. Анны, что на Фурштатской [46]). Не Вигандъ ли завѣдывалъ также постройкою уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени бабаевскихъ капитальныхъ каменныхъ погребовъ и кладовыхъ, въ которыхъ еще недавно хранился древній Щербининскій архивъ [47])?

Андрей Петровичъ былъ женатъ на русской нѣмкѣ, дочери гофмаклера Екатеринѣ Петровнѣ Барцъ [48]). Быть можетъ, слѣдуетъ искать причинъ этого его выбора равнымъ образомъ въ основахъ воспитанія, полученнаго имъ отъ Виганда.

У Андрея Петровича и Екатерины Петровны было три сына—Петръ [49]), Александръ [50]) и Михаилъ, и одна дочь—Марья [51]).—Михаилъ и былъ пріятелемъ Пушкина.

Михаилъ Андреевичъ Щербининъ родился 14-го Декабря 1793 г., слѣдовательно былъ старше Пушкина на шесть лѣтъ. Въ 1811 г. онъ числился воспитанникомъ пансіона, учрежденнаго при только-что открытомъ Харьковскомъ университетѣ [52]) Въ Февралѣ 1812 г. опредѣлился на военную службу, въ свиту государя императора по квартирмейстерской части. До Іюля 1812 г. состоялъ при съемѣ Новой Финляндіи; въ Августѣ командированъ въ дессантскій корпусъ, затѣмъ участвовалъ въ кампаніи чрезъ Европу во Францію, при чемъ все время состоялъ, вмѣстѣ съ среднимъ братомъ Александромъ Андреевичемъ *), при начальникѣ штаба государя императора генералъ-адъютантѣ князѣ В. М. Волконскомъ. Участвовалъ въ сраженіяхъ: подъ Дессау, Семюлемъ, гдѣ получилъ контузію ядромъ въ плечо, при Люценѣ, въ двухдневномъ бою при Бауценѣ, въ трехдневномъ подъ Лейпцигомъ и въ сраженіяхъ при Бріеннѣ и подъ Парижемъ. Въ Вѣнѣ, во время конгресса, продолжалъ находиться при Волконскомъ и государѣ. Съ Іюня 1816 по 3-е Ноября 1817 г. состоялъ при посольствѣ въ Персіи съ генераломъ-отъ-инфантеріи Ермоловымъ, послѣ чего снова откомандированъ къ начальнику главнаго

*) Ниже подъ словами: братъ Михаила Андреевича—мы всегда будемъ разумѣть Александра Андреевича, такъ какъ о Петрѣ Андреевичѣ, скончавшемся осенью 1813 г., (см. прим. 49) болѣе не будетъ рѣчи.

lib.pushkinskijdom.ru

штаба его величества. Въ 1818—1819 гг. былъ при кн. Волконскомъ „въ вояжахъ съ государемъ императоромъ“; по возвращеніи изъ оныхъ опредѣленъ въ канцелярію квартирмейстера главнаго штаба. Въ 1820 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ съ назначеніемъ къ Малороссійскому военному губернатору, въ 1822 г. получилъ чинъ капитана, въ концѣ 1823 г. чинъ полковника съ назначеніемъ въ Муромскій пѣхотный полкъ, а весною 1824 г. согласно прошенію уволенъ въ отставку [53]).

Михаилъ Андреевичъ хотѣлъ покинуть службу еще въ Іюлѣ 1820 г., но кн. Волконскій возвратилъ ему прошеніе объ отставкѣ, согласившись на опредѣленіе его въ адъютанты ко князю Репнину, что устраивало Щербинина въ томъ смыслѣ, что онъ могъ продолжать службу, оставаясь вблизи общаго Щербининскаго дома [54]).

Впослѣдствіи, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, Михаилъ Андреевичъ служилъ по выборамъ предсѣдателемъ гражданской палаты въ Харьковѣ (гдѣ въ то же самое время братъ его Александръ состоялъ предсѣдателемъ уголовной палаты) [55]). При этомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней Михаилъ Андреевичъ исполнялъ должность харьковскаго губернатора [56]).

Еще въ 1821 г. Михаилъ Андреевичъ женился на дочери сенатора не у дѣлъ Павла Никитича Каверина, Елизаветѣ Павловнѣ [57]). Сначала молодые поселились въ Бабаяхъ, потомъ на довольно продолжительное время уѣхали въ Москву, пріѣзжая иногда на лѣто въ Бабаи. Наконецъ, выдѣлившись отъ брата, Михаилъ Андреевичъ окончательно основался съ женою въ Харьковской губерніи, живя лѣтомъ въ своемъ имѣніи, а зимою въ Харьковѣ, и предпринимая путешествія въ другіе города Россіи.

По выходѣ въ отставку Михаилъ Андреевичъ, если не считать службы по выборамъ, жилъ свободнымъ человѣкомъ. Это былъ по преимуществу дилетантъ-помѣщикъ, поддерживающій прежнія связи въ обществѣ. Особыя старанія приложилъ онъ къ устройству своей усадьбы въ угодьяхъ выпавшаго на его долю, сосѣдняго съ Бабаями, села Жихора.

Бабаи, въ старину Архангельское тожъ (по церкви во имя св. Михаила Архангела), расположено въ живописной долинѣ рѣки Удъ, несудоходнаго притока Донца. Несмотря на сравнительную незначительность, рѣка Уды имѣетъ характеръ большихъ русскихъ рѣкъ: правый берегъ ея холмистъ и покрытъ чернолѣсіемъ, лѣвый—луговой, съ широкою полосой заливныхъ луговъ и сосноваго бора. Въ то время, да и недавно еще, Уды были чистою, рыбною рѣчкой, не загрязненной мойками и отбросами пригородныхъ фабрикъ. Бабаи раскинулись на правомъ ея берегу, спускаясь отъ полосы чернаго лѣса къ рѣкѣ.

Михаилъ Андреевичъ построился въ той же долинѣ Удъ верстахъ въ трехъ отъ Бабаевъ въ направленіи къ Харькову и въ такомъ же разстояніи отъ с. Жихора. Господская усадьба расположена была на опушкѣ того же, сплошного съ бабаевскимъ, тогда почти дѣвственнаго чернаго лѣса, столь красиваго и разнообразнаго въ Малороссіи по смѣси древесныхъ породъ [58]).

Усадьба была задумана съ широкими затѣями. Воздвигнуты величественныя по размѣрамъ конюшни съ двумя каменными двухэтажными

lib.pushkinskijdom.ru

флигелями подъ конторы, баня и голубятня въ китайскомъ вкусѣ, большія оранжереи и проч. Службы для дворовыхъ выстроены въ значительномъ разстояніи отъ дома, подъ горою, за садомъ, въ видѣ длиннаго порядка аккуратныхъ домиковъ-хатъ, образующихъ цѣлую улицу. Каждая хата окружена была садикомъ [59]). Подъ паркъ съ фруктовымъ садомъ отведено 36 десятинъ; разбиты цвѣтники (садовымъ дѣломъ Михаилъ Андреевичъ сообенно интересовался; славный крѣпостной его садовникъ Парфентій Поликарповъ сталъ впослѣдствіи городскимъ садовникомъ Харькова); вырыты два пруда, по берегамъ ихъ посажены плакучія ивы, серебристые и канадскіе тополи; черезъ пруды перекинуты диковинные мосты; устроенъ паромъ, бесѣдки, фонтаны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ деревьями положены огромные камни, вѣроятно привезенные издалека чумаками; въ перелѣскѣ, вдавшемся въ паркъ, вырублены кресла въ дубовыхъ пняхъ на корню; изваянъ изъ дерева какой-то монахъ, о которомъ теперь сохранилось лишь смутное преданіе; въ лѣсной глуши на дубѣ взгроможденъ „эрмитажъ“— что-то въ родѣ жилища Робинзона; по дорогѣ въ усадьбу, на протяженіи версты слишкомъ, насаждена аллея пирамидальныхъ тополей, которая позднѣе, уже послѣ смерти Михаила Андреевича, могла смѣло соперничать съ знаменитою Кисловодской аллеей,—а при въѣздѣ въ паркъ поставлена затѣйливая арка изъ часто-сколоченныхъ березовыхъ стволовъ и сучьевъ въ берестѣ. На одномъ изъ прудовъ плавали лебеди; по саду расхаживали павлины.

Нынче отъ этого чуднаго сада-парка остались едва примѣтные слѣды, но выросшія въ немъ два поколѣнія—дѣти и внуки Щербинина—унесли съ собою въ жизнь, изъ подъ его сѣни, много чарующихъ воспоминаній.

Если Михаилу Андреевичу и удалось, поразстроивъ свои дѣла, завести всѣ эти роскошныя усадебныя принадлежности, то на постройку дома соотвѣтствующихъ размѣровъ уже не хватило средствъ; поэтому домъ былъ построенъ „временный“—деревянный, одноэтажный и—хотя и помѣстительный,—однако гораздо меньшій, чѣмъ конюшня [60]).

Щербинины все же жили широко. По Четвергамъ въ ихъ „Елизаветполь“ съѣзжались на обѣды. Во дворѣ на высокой мачтѣ, окрашенной цвѣтами Щербининскаго герба, развѣвался флагъ, указывавшій, что хозяева—дома; флагъ былъ виденъ за девять верстъ изъ самого Харькова.

Когда Щербинины жили еще въ Бабаяхъ, ихъ окружало веселое молодое общество [61]). Лѣтомъ 1825 г. къ нимъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней жизнерадостный, разбитной П. П. Каверинъ. Вообще время проводили оживленно, въ деревенскихъ развлеченіяхъ. Сохранилось довольно забавное описаніе, въ стихахъ и прозѣ, одной прогулки въ сосѣдній Хорошевскій монастырь [62]).—Часть этой молодежи переселилась въ Елизаветполь, гдѣ кромѣ того въ разное время гащивали и постороннія, между прочимъ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, служившій одно время въ сосѣднемъ Чугуевѣ, въ гусарахъ [63]), извѣстный посредственный стихотворецъ Константинъ Айбулатный, попечитель Харьковскаго учебнаго округа графъ Головкинъ, французъ Деларю, ухаживавшій за Елизаветою Павловной еще

lib.pushkinskijdom.ru

въ бытность ея, молодою дѣвушкой, въ Парижѣ, въ 1820 г., впослѣдствіи шталмейстеръ Наполеона III, и другіе.

Проѣздомъ чрезъ Харьковъ, съ Михаиломъ Андреевичемъ видѣлись: старый его товарищъ и знакомецъ Пушкина[64]) Н. И. Шенигъ[65]); графъ Толстой, вѣроятно „Американецъ“, тоже хорошо извѣстный поэту[66]); баронъ Дельвигъ, пробывшій здѣсь съ женою нѣкоторое время въ 1828 г.[67]); испытанный другъ дома Щербининыхъ сенаторъ Горголи[68]) и другіе.

Вотъ въ общихъ чертахъ то немногое, что дошло до насъ о жизненномъ поприщѣ Михаила Андреевича.—Умеръ онъ въ расцвѣтѣ силъ, 48-ми лѣтъ отъ роду, переживъ Пушкина всего на четыре года. Смерть его была, если не совсѣмъ внезапная, то неожиданная. Въ 1841 г. 5-го Сентября онъ по обыкновенію праздновалъ именины жены; къ обѣду съѣхалось множество гостей; былъ въ ихъ числѣ и харьковскій генералъ-губернаторъ князь Н. А. Долгорукій. Съ утра Михаилъ Андреевичъ еще самъ ходилъ въ оранжереи выбирать виноградъ и другіе плоды къ десерту, но какъ только гости сѣли за столъ, почувствовалъ себя такъ плохо, что вынужденъ былъ покинуть приглашенныхъ и слечь въ постель. Черезъ тринадцать дней, 18-го Сентября, онъ скончался[69]), оставивъ послѣ себя вдову[70]) и четырехъ дѣтей[71]).

Относительно личности Михаила Андреевича мы знаемъ, что онъ былъ человѣкомъ развитымъ, передовымъ и притомъ искренно любящимъ Россію и все русское; отличался онъ благородствомъ; былъ склоненъ къ литературѣ и художествамъ; самъ писалъ довольно гладко и рисовалъ какъ любитель; пѣлъ; умъ у него былъ острый, живой и наблюдательный, но серьезнаго труда онъ повидимому избѣгалъ (если не считать занятій его въ гражданской палатѣ, продлившихся впрочемъ недолго)[72]). Работа въ канцеляріи по квартирмейстерской части его не удовлетворяла. „Румянцева дѣла уморили меня“, писалъ онъ къ брату отъ 13-го Апрѣля 1820 г., „въ штабѣ ни за что служить не останусь. Т. мерзокъ, и занятія низки!“ Изъ отпусковъ онъ опаздывалъ. Съ другой стороны Александръ Андреевичъ сѣтовалъ на него, что по пріѣздѣ, уже женатымъ, въ Бабаи, онъ „отъ занятій по хозяйству рѣшительно уклонившись, не входилъ ни во что“,—пришедъ однажды по приглашенію брата въ контору, „тотчасъ же ушелъ, сказавъ, что тамъ жарко отъ множества людей, собравшихся къ наряду“[73]). Вообще Михаилъ Андреевичъ отличался безпечностью[74]). Это отмѣтилъ и Пушкинъ, дважды употребившій эпитетъ „безпечный“ въ варіантахъ посланія къ нему: разъ въ приложеніи къ нему и къ себѣ, а разъ относительно его одного[75]).— „Жить только для плезира намъ не полезно“, писалъ къ нему Александръ Андреевичъ осенью 24-го года, когда Михаилу Андреевичу было уже 30 лѣтъ.

Въ общемъ, какъ и многихъ людей высшаго круга, Михаила Андреевича можно бы охарактеризовать сибаритомъ въ широкомъ значеніи слова. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые сами ничего не производятъ, но для кого трудятся другіе, начиная съ чернорабочихъ и ремесленниковъ и кончая художниками. Такіе люди пожалуй полезны, какъ цѣнители всего удобнаго и изящнаго, невольно поощряющіе всякія ремесла и художества. Къ тому

lib.pushkinskijdom.ru

же, обыкновенно, вмѣстѣ съ крайне развитымъ чувствомъ изящнаго, въ ихъ душѣ живетъ высшая порядочность и благородство, придающія имъ особое обаяніе.

Объ отношеніяхъ, связывавшихъ Михаила Андреевича съ Пушкинымъ, какъ уже сказано, мы не имѣемъ особыхъ данныхъ. Принадлежность обоихъ къ обществу Зеленой Лампы отчасти показываетъ, на какой почвѣ они сблизились. „Компанія Зеленой Лампы составляла болѣе тѣсный кругъ пріятелей Пушкина“[76]). „Это былъ кружокъ молодыхъ повѣсъ, собиравшихся главнымъ образомъ для веселаго и пріятнаго времяпрепровожденія; онъ былъ не лишенъ однако и нѣкотораго литературнаго оттѣнка. Участниками этого общества были представители богатой свѣтской молодежи, прожигавшіе жизнь“[77]). „Самый кружокъ Зеленой Лампы образовался изъ молодыхъ театраловъ“[78]). По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, общество имѣло частью и политическій характеръ[79]). Изъ посланія Пушкина къ Щербинину видимъ, что оба они совмѣстно предавались беззаботной жизни: („И мы не такъ ли дни ведемъ“? „Ты помнишь, Фанни, милый мой?“) Кромѣ того, по тону посланія можно заключить о свойствахъ ихъ взаимныхъ отношеній. Михаилъ Андреевичъ, троекратно назначаемый состоять при начальникѣ главнаго штаба государя императора, находился въ непосредственной близости ко двору, при чемъ, равно какъ и братъ его, пользовался высокимъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳедоровны[80]). Двоюродный дядя Михаила Андреевича, Семенъ Александровичъ, былъ около того времени петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ[81]). Черезъ Андрея Евдокимовича Щербинина (сына харьковскаго намѣстника), женатаго на Настасіи Михайловнѣ Дашковой, Михаилъ Андреевичъ состоялъ въ свойствѣ съ этою послѣдней и съ ея вліятельною родней. Словомъ, не столько по рожденію—„у насъ нова рожденіемъ знатность“[82]),—сколько по случайному личному положенію, онъ принадлежалъ къ тому высшему кругу, къ которому Пушкинъ, по свидѣтельству современниковъ, чувствовалъ извѣстное влеченіе,—то что́ французы называютъ prédilection. Въ данномъ случаѣ поэтъ, можетъ быть, поддавался и личному обаянію Щербинина. Какъ бы то ни было, въ посланіи къ нему чувствуется та же угодливая нотка, какъ и въ посланіяхъ къ Орлову, къ Горчакову и къ другимъ лицамъ, занимавшимъ высокую ступень въ обществѣ. Вѣроятно и Наденька[83]), и Фанни были звѣздами тогдашняго полусвѣта, съ которыми молодому человѣку, при господствовавшихъ въ высшемъ петербургскомъ кругу тщеславіи и суетности, лестно было находиться въ интимныхъ отношеніяхъ, и упоминая о нихъ, Пушкинъ какъ бы намѣренно льстилъ самолюбію Щербинина.

Что касается отношенія Михаила Андреевича къ Пушкину, то можно предположить, что наоборотъ, при всемъ своемъ дружескомъ расположеніи къ поэту, онъ подобно многимъ представителямъ тогдашняго высшаго общества, безъ малѣйшаго на то права и основанія, смотрѣлъ на своего геніальнаго пріятеля сверху внизъ, относясь если не къ его стихамъ, то къ нему самому безразлично или даже пренебрежительно. Стихи Пушкина у Михаила Андревича сохранялись—нѣкоторые были сообщены позднѣе

lib.pushkinskijdom.ru

его сыномъ Исакову[84]); уцѣлѣлъ и упомянутый литографированный портретъ Пушкина. Но лишь высокомѣрнымъ равнодушіемъ можно объяснить то обстоятельство, что развитой, „литературный“ Михаилъ Андреевичъ не оставилъ въ своей семьѣ, члены которой были всѣ прекрасно воспитаны и образованы, никакихъ преданій о сношеніяхъ своихъ съ поэтомъ.

Въ обращеніяхъ къ Пушкину онъ называлъ его „Сашей“, вѣроятно подчеркивая этимъ разницу лѣтъ между ними[85]).

Вернемся къ посланію.—Возможно, что оно являлось косвеннымъ извиненіемъ за другіе написанные Пушкинымъ стихи, подобно тому какъ посланіе къ Каверину: „Забудь“ и проч., служило прямымъ извиненіемъ за неосторожный стихъ въ „Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“[86]). Упомянутые другіе стихи мы находимъ въ одной изъ тетрадей П. П. Каверина.

Забѣгая впередъ, раскроемъ эту тетрадь. На страницѣ 116-й, подъ датою 10-го Ноября 1824 г., Калуга, читаемъ: „Щербининъ, Олсуфьевъ—Пушкинъ—у меня въ П.бургѣ ужинали—шампанское въ ледъ было поставлено за сутки впередъ—случайно тогдашняя красавица моя [для удовлетворенія плотскихъ желаній] мимо шла—ее зазвали—жаръ былъ несносный—Пушкина просили память этого вечера въ насъ продолжить стихами—вотъ онѣ—оригиналъ у меня.—

27 Мая 1819.

Веселый вечеръ въ жизни нашей,
Запомнимъ юные друзья;
Шампанскаго въ стеклянной чашѣ
Шипѣла хладная струя—
Мы пили—и Венера съ нами
Сидѣла прѣя за столомъ
Когда жь вновь сядемъ въ четверомъ
Съ б . . . ., виномъ и чубуками“.

Надо признать, что пьеса по формѣ не представляетъ особыхъ достоинствъ, предпослѣдній стихъ даже хромаетъ,—но по содержанію она въ высшей степени характерна. Не знаемъ другого примѣра, гдѣ Пушкинъ отнесся бы съ такимъ циническимъ сарказмомъ къ кутежу въ обществѣ „юныхъ друзей“—изъ коихъ въ данномъ случаѣ двое были членами милой ему „Зеленой Лампы“[87]).

Прямо обиднаго въ стихахъ ничего не было, но на Щербинина сарказмъ могъ произвести неблагопріятное впечатлѣніе, и чуткій Пушкинъ могъ пожелать изгладить это впечатлѣніе. Замѣчаемъ, что и въ осьмистишіи, и въ посланіи рѣчь по существу идетъ о томъ же, но въ посланіи разгульное времяпрепровожденіе, вызывая уже не порицаніе, а восхваленіе, изображено въ самыхъ поэтическихъ краскахъ: кутежи и порывы страсти названы наслажденіями и желаніями (въ одномъ варіантѣ—„милыми вѣтренными желаніями“)[88]); красавицы „для удовлетворенія плотскихъ желаній“—подругами. Какъ „Каверина пьянству“ противопоставлено дружное житіе „съ стихами, съ картами, съ Платономъ и съ бокаломъ“[89]),

lib.pushkinskijdom.ru

такъ здѣсь сидѣнію „съ б . . . ., виномъ и чубуками“—провожденіе дней „съ амуромъ, шалостью, виномъ“. По стихамъ и отдѣльнымъ словамъ, откинутымъ въ черновикѣ, видимъ, съ какою тщательностью устранено изъ пьесы все непоэтичное и будничное. „Спальный колпакъ“, „похабная книжка“, „копченіе пѣнковой трубки“ [90]) опущены, а „шипучее пиво“ замѣнено „душистымъ виномъ.“—Если допустить, что посланіе имѣло характеръ извиненія, то обращеніе поэта къ Щербинину: „И мы не такъ ли дни ведемъ“ тоже должно было служить смягченіемъ первоначальной ироніи—чрезъ признаніе Пушкинымъ, что и самъ онъ причастенъ такому легкомысленному образу жизни. Во всякомъ случаѣ на несомнѣнную связь между пьесами указываетъ почти тожественный стихъ въ черновикѣ посланія и въ осьмистишіи:

„(Съ б . . . .) (съ Венерой) (и) виномъ“
„Съ б . . . ., виномъ и чубуками“ [91]).

Если приведенная догадка основательна, то дату написанія посланія, въ дополненіе къ опредѣленію Б. Л. Модзалевскаго, можно бы обозначить еще точнѣе—„лѣтомъ 1819 г., до 13-го Августа и вскорѣ послѣ 27-го Мая“.

Сколько длились отношенія между Пушкинымъ и Щербининымъ?—Начались они повидимому въ 1819 г. До лѣта этого года Щербининъ былъ въ посольствѣ въ Персіи и въ вояжахъ съ государемъ. Самъ Каверинъ, который вѣроятно свелъ съ нимъ Пушкина, сблизился, а быть можетъ познакомился съ Щербининымъ только около 1819 г.[92]). Такимъ образомъ знакомство поэта съ Михаиломъ Андреевичемъ, до высылки перваго изъ Петербурга, длилось всего нѣсколько мѣсяцевъ. Но встрѣчался ли Щербининъ съ поэтомъ по возвращеніи послѣдняго изъ ссылки? Имѣемъ основаніе думать, что да. Въ побывкахъ Михаила Андреевича, послѣ женитьбы, въ Петербургѣ и Москвѣ, онъ посѣщалъ свѣтъ [93]) и, надо полагать, сталкивался въ обществѣ и съ Пушкинымъ. Въ 1831 г. поэтъ былъ въ Москвѣ на балу у какой-то Щербининой [94]). Была ли то Елизавета Павловна—не знаемъ. Во всякомъ случаѣ у насъ имѣется достовѣрное анекдотическое свѣдѣніе, что Михаилъ Андреевичъ угощалъ у себя Пушкина послѣ раздѣла родовыхъ имѣній между братьями Щербиниными, каковой раздѣлъ произошелъ въ концѣ 1829 г.[95]). Когда Михаилъ Андреевичъ задавалъ какой нибудь пиръ или особенно-тонкій обѣдъ, онъ, чтобы покрыть расходы, вырубалъ въ Елизаветполѣ нѣсколько десятинъ чернаго или краснаго лѣса. Это было болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно. И вотъ однажды, когда Михаилъ Андреевичъ предлагалъ Пушкину (вѣроятно въ Москвѣ или въ Петербургѣ) отвѣдать своихъ пулярдокъ, своей спаржи, своихъ трюфелей, Пушкинъ шутя возразилъ, что это въ сущности его, Михаила Андреевича, сосенки, его березки, его дубки.

Мы упомипали объ уцѣлѣвшемъ листкѣ изъ тетради или альбома, принадлежавшаго, можетъ быть, Щербинину. На листкѣ этомъ (малое in octavo безъ водяныхъ знаковъ) написаны слѣдующія стихотворенія:

lib.pushkinskijdom.ru

I.—Mon portrait[96]).

Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
Уже не властны надо мной;
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.—
Теперь ужъ мнѣ влюбляться трудно,
Вздыхать неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить безразсудно,
Мужей обманывать грѣшно.—
Прошелъ веселый жизни праздникъ,
Я сталъ задумчивый проказникъ,
Одно и то же все твержу:
Нельзя-ль найти подруги нѣжной,
Нельзя-ль найти любви надежной,—
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей....
Когда любовникъ изступленный
Тоскуя плачетъ предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой,
Тогда, я льщу его надеждѣ,
Я молодъ юностью чужой,
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.—

II.

Въ уныломъ томленьи прошла моя младость,
Но, право, минувшихъ годовъ мнѣ не жаль,
Не зналъ я на свѣтѣ, что̀ свѣтлая радость,
Не зналъ я, что̀ горе, что̀ злая печаль.
Недвижной стопой утвердясь надъ могилой,
Готовясь оставить на вѣки людей,
Я здѣсь не прощаюсь ни съ другомъ, ни съ милой;
Я жажду снять бремя несносныхъ цѣпей.

---

lib.pushkinskijdom.ru

Первое изъ этихъ стихотвореній представляетъ собою посланіе Пушкина къ Алексѣеву[97]) съ пропускомъ четырнадцати стиховъ и съ измѣненіями въ двухъ стихахъ[98]); оно довольно искусно прилажено къ заглавію „Mon portrait“. Но кѣмъ сдѣлана компановка—неизвѣстно: почеркъ не принадлежитъ ни поэту, ни его брату, ни Щербинину.

Автора второй пьесы не знаемъ; предоставляемъ доискиваться его имени любителямъ русскихъ стиховъ; во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы эта унылая вещица принадлежала перу Пушкина.

По части отношеній между Пушкинымъ и Щербининымъ интересенъ еще вопросъ, не оставила ли личность Михаила Андреевича, помимо посланія, какого либо слѣда на поэзіи Пушкина; не отразилъ ли поэтъ въ своемъ творчествѣ нѣкоторыя черты и свойства своего пріятеля.

Все въ тѣхъ же Бабаяхъ, въ числѣ разныхъ фамильныхъ изображеній сохранились и портреты Михаила Андреевича; изъ нихъ одинъ, поясной, масляными красками, писанный вѣроятно тотчасъ по выходѣ его въ отставку, т. е. около 1824 г., представляетъ красиваго молодого человѣка въ статскомъ, съ тонкими, правильными чертами, высокимъ лбомъ и зачесанными назадъ темно-русыми волосами. Въ самой осанкѣ, во взглядѣ умныхъ сине-сѣрыхъ глазъ, въ едва замѣтной улыбкѣ красиваго рта какъ будто просвѣчиваетъ, сквозь оболочку свѣтской выдержки и благовоспитанности, самодовлѣющая гордость, сознательное, принципіальное высокомѣріе и легкое пренебреженіе ко всему. Но при этомъ въ выраженіи лица есть что-то почти привѣтливое, привлекательное, обаятельное. Изъ одѣянія видны только высокій, подпирающій шею воротникъ, повязанный широкимъ бѣлоснѣжнымъ галстукомъ съ воткнутою въ него должно быть драгоцѣнною булавкой, и темно-синій, накинутый на плечи плащъ. Все изящно и просто—ничего выдающагося, „кричащаго“.

Подъ этими именно чертами мнѣ съ дѣтскихъ лѣтъ почему-то воображался герой любимаго моего романа „Евгеній Онѣгинъ“[99]). Отъ впечатлѣнія этого я не могу отрѣшиться и теперь. Въ моемъ представленіи портретъ изображаетъ не Онѣгина первыхъ строфъ, преданнаго удовольствіямъ и бездѣлью, также не позднѣйшаго Онѣгина, попадающаго „съ корабля на балъ“, когда

Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній[100]),

а на собственномъ его лицѣ отражается „сплинъ иль страждущая спѣсь“. На мой взглядъ это портретъ Онѣгина, хотя уже извѣдавшаго жизнь, но сравнительно еще благодушнаго, выслушивающаго за бутылкою вина признанія Ленскаго или собирающагося ѣхать съ нимъ въ первый разъ къ Ларинымъ.

И параллельно съ этимъ впечатлѣніемъ воображаемаго наружнаго сходства, меня издавна преслѣдовала мысль, не послужилъ ли Михаилъ Андреевичъ хоть нѣкоторыми сторонами своего нравственнаго облика образцомъ, съ коего Пушкинъ писалъ Онѣгина.

lib.pushkinskijdom.ru

Разумѣется, не можетъ быть рѣчи о точномъ снимкѣ Онѣгина съ кого бы то ни было. Вообще, по самому художественному процессу, поэтъ „образуетъ“ типъ, а не пишетъ портретъ, и избирая кого нибудь въ образцы, можетъ въ своемъ созданіи измѣнить оригиналъ до неузнаваемости.

Мы встрѣчаемъ намеки, что извѣстныя лица послужили Пушкину прототипами—Татьяны[101]), Ольги[102]), Зарѣцкаго[103]), но относительно главнаго дѣйствующаго лица въ романѣ не имѣемъ такого указанія.

Въ типѣ Онѣгина нѣкоторые видятъ что-то собирательное и тѣмъ устраняютъ вѣроятность существованія живого образца, съ котораго онъ былъ бы срисованъ. „Онѣгинъ твой,“ пишетъ П. А. Плетневъ Пушкину[104]), „будетъ карманнымъ зеркаломъ петербургской молодежи“. „Вижу человѣка, которыхъ тысячи встрѣчаю на яву“, пишетъ А. А. Бестужевъ про Онѣгина[105]). Булгаринъ утверждалъ, что „Онѣгинъ принадлежитъ къ числу людей, какихъ встрѣчаемъ дюжинами на всѣхъ большихъ улицахъ“. „Онѣгинъ есть существо совершенно обыкновенное“, говоритъ Кирѣевскій[106]). „Поэтъ“, читаемъ у Поливанова, „не далъ Онѣгину опредѣленной физіономіи; не одного человѣка, а цѣлый классъ людей представилъ онъ въ его портретѣ: тысячи различныхъ характеровъ могутъ принадлежать описанію Онѣгина“[107]).

Напротивъ, другіе находятъ въ Онѣгинѣ типическія особенности. Такъ, по мнѣнію Ключевскаго, Онѣгинъ не общій или господствующій типъ времени, а типическое исключеніе[108]). По заключенію Бѣлинскаго, Онѣгинъ человѣкъ чувствующій свое превосходство надъ толпою, рожденный съ большими силами души[109]).

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ послѣднихъ взглядовъ, возможно допустить существованіе оригинала для Онѣгина, но во всякомъ случаѣ нельзя искать этого оригинала среди сосѣдей поэта по Михайловскому[110]). Кстати сказать, такимъ оригиналомъ врядъ ли могъ послужить А. Н. Вульфъ, родившійся 17-го Декабря 1805 г.[111]) и слѣдовательно достигшій лишь 14-ти лѣтняго возраста, когда Пушкинымъ задуманъ былъ Онѣгинъ. Къ тому же, по заключенію Достоевскаго,—и съ заключеніемъ этимъ трудно не согласиться,—„Онѣгинъ изъ Петербурга—непремѣнно изъ Петербурга“[112]). Нельзя также допустить предположенія Мицкевича, что, рисуя байрониста, Пушкинъ дѣлалъ свой собственный портретъ[113]). Поэтъ предчувствовалъ, что его будутъ подозрѣвать въ списываніи Онѣгина съ самого себя,—

Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ
Какъ только о себѣ самомъ[114]).

Пушкинъ, быть можетъ, только пріурочилъ себя, и то лишь слегка, къ Онѣгину, уловивъ, запечатлѣвъ и представивъ нѣкоторыя свои черты и привычки[115]). Изъ извѣстныхъ публикѣ лицъ, Онѣгина внутренними чертами, пожалуй, напоминаетъ демонъ-Раевскій, а наружнымъ силуэтомъ брезгливая, неприступная фигура Чаадаева.

lib.pushkinskijdom.ru

Фотот п. Павлова

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Что касается Щербинина, то до сихъ поръ о немъ мало кто зналъ,— а если и знали его, то только поверхностно; но въ этомъ случаѣ онъ могъ скорѣе показаться прямою противоположностью Онѣгину.

Въ молодости Михаилъ Андреевичъ былъ шумливъ, болтливъ, даже склоненъ къ хвастливости, а развлеченія его доходили до шалостей „съ переодѣваніями“. Муравьевъ въ своихъ запискахъ [116]) пишетъ о посольской свитѣ Ермолова въ 1817 г., что члены ея „привыкли ничего не дѣлать цѣлый день и потому безъ всякаго зазрѣнія совѣсти приходятъ другимъ мѣшать“. „Всѣ ко мнѣ лѣзутъ, Щербинина никогда дома нѣтъ, а когда дома, то кричитъ безостановочно до такой степени, что когда онъ выйдетъ, то въ ушахъ съ часъ послѣ него звенитъ; когда же, возвратясь домой, онъ застаетъ гостей, то радъ случаю поболтать и приходитъ въ мою комнату лясничать съ ними и смѣяться“. Во время посольства, Михаилъ Андреевичъ предавался всякаго рода веселью. „Молодежь наша не унывала“, пишетъ, одинъ изъ участниковъ посольства [117]), „развлекалась то музыкою, то устройствомъ иллюминацій и разнаго рода игръ и даже танцами съ переодѣваніями, какъ это случилось 16-го Іюня, при угощеніи посольскаго михмандаря Аскеръ-хана; гр. Самойловъ нарядился въ костюмъ одного изъ кабардинскихъ узденей, а подпоручики Щербининъ и Бобарыкинъ въ женскія платья, которыя они какъ бы нарочно для подобныхъ случаевъ захватили съ собою изъ Тифлиса“.—Полтора года спустя, Муравьевъ упоминаетъ о полученномъ отъ Щербинина письмѣ, извѣщающемъ, что онъ „попалъ въ большіе люди; ѣдетъ съ государемъ въ Варшаву и оттуда въ Молдавію; по письму его можно думать, что онъ будетъ очень близокъ къ царю и скоро флигель-адъютантомъ сдѣлается“ [116]).—Всѣ эти черты какъ-то не вяжутся съ представленіемъ объ Онѣгинѣ.

Есть и другія несоотвѣтствія.—Пушкинскій герой не хотѣлъ ограничить жизнь домашнимъ кругомъ и ни единого мига не плѣнялся „семейственной картиной“; а Михаилъ Андреевичъ, пріѣхавъ однажды въ Москву, на „ярмарку невѣстъ“ [118]), съ первой же встрѣчи безумно влюбился въ красавицу-безприданницу Каверину и мѣсяца черезъ три совсѣмъ „помѣщански“ на ней женился. „Лиза одного роста съ вами“, писалъ онъ къ матери, объявляя о своей свадьбѣ—„стройна какъ пальма, бѣла, мила, добродѣтельна, умна и учена; неприхотлива, привыкла къ походамъ,—и необыкновенной любезности“. „Умоляю васъ, полюбите Лизу мою, дочь вашу“. Въ періодъ ухаживанія онъ не проявлялъ и тѣни Онѣгинскаго кокетства,—напротивъ, былъ весь олицетвореніемъ пламенной страсти и, не будучи увѣренъ во взаимности, нерѣдко предавался настоящему неистовству: плакалъ, приходилъ въ бѣшенство, когда что либо мѣшало его близости къ Елизаветѣ Павловнѣ, безъ толку ревновалъ ее, чуть не собирался застрѣлиться [119]). Любовь его была такъ пылка, что Елизавета Павловна даже не вѣрила ея устойчивости и длительности [120]). Какъ мало, въ поведеніи съ молодою дѣвушкой, Щербининъ руководствовался „наукой страсти нѣжной“, можно заключить уже изъ того, что невѣста въ своихъ запискахъ то и дѣло называетъ его „добрымъ малымъ“, „bon garçon“, „bon

lib.pushkinskijdom.ru

enfant", говоритъ о его добротѣ и добромъ сердцѣ и подмѣчаетъ въ немъ ребяческія черты: „Il est encore si enfant!"(*) Головы онъ ей не старался вскружить и не вскружилъ[121]); какъ сама она довѣрила своему дневнику, рѣшилась она выйти за него замужъ „по разсудку, чтобы не оставаться на рукахъ у отца и у мачихи".

Онѣгинъ былъ непостояненъ:

„Я сколько ни любилъ бы васъ", говоритъ онъ Татьянѣ,
„Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ"[122]).

Напротивъ, чувство Щербинина, несмотря на всѣ опасенія благоразумной Елизаветы Павловны, было помѣщански же прочно и долговѣчно. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ свадьбы, ставъ уже отцомъ многочисленнаго семейства[123]), Михаилъ Андреевичъ заботился о женѣ, отзывался о ней съ любовью, дѣлалъ ей сюрпризы и любезности, самое имѣніе свое назвалъ въ ея честь (Елизаветполь—Elisabeth-Paul), воздвигнулъ на островкѣ нижняго пруда, въ рощицѣ изъ пирамидальныхъ тополей, храмъ съ надписью на фронтонѣ крупными золотыми буквами: „Л И З Ѣ" и проч. (Храмъ этотъ имѣлъ видъ круговой галлереи изъ двойного ряда колоннъ; посрединѣ былъ фонтанъ. На одной изъ колоннъ К. Айбулатный, посвятившій не мало стихотвореній Елизаветѣ Павловнѣ, начерталъ слѣдующія строки:

Издревле храмы посвящали
У грековъ лишь однимъ богамъ,
Но нынче женщины богами стали —
И Лизѣ посвященъ сей храмъ).

Позднѣе и у Михаила Андреевича бывали мимолетныя сердечныя увлеченія „на сторонѣ", но они не нарушали прочнаго чувства къ Елизаветѣ Павловнѣ.

Онѣгинъ не служилъ. Щербининъ, какъ мы видѣли, былъ сначала на военной службѣ, затѣмъ служилъ по выборамъ. Вниманіе харьковскихъ дворянъ, побудившихъ его къ этого рода службѣ, весьма ему польстило[124]).

Въ деревнѣ Онѣгинъ бѣгалъ отъ людей; съ задняго крыльца ему подавали верховую лошадь, лишь только заслышатъ домашніе дроги его сосѣдей. Михаилъ Андреевичъ, наоборотъ, былъ общителенъ и у себя въ имѣніи видался со всѣми, угощалъ знакомыхъ тонкими обѣдами и т. п.

Таковы черты различія между Онѣгинымъ и Щербининымъ.

Но кто изучилъ бы Щербинина ближе, тотъ не могъ бы не отмѣтить, въ отношеніи многихъ другихъ внѣшнихъ и внутреннихъ чертъ, нѣкотораго сходства между нимъ и Онѣгинымъ,—хотя, нѣтъ сомнѣнія, у Михаила Андреевича было несравненно больше положительныхъ и симпатичныхъ сторонъ, чѣмъ у Пушкинскаго героя. Впрочемъ, спѣшимъ оговориться, что эти черты сходства были весьма общаго свойства.—Тѣмъ не менѣе постараемся подробно разобраться въ нихъ—хотя бы затѣмъ, чтобы основательнѣе опредѣлить и выяснить частности характера и вообще личность Михаила Андреевича.

---

*) „Онъ еще такой ребенокъ!"

lib.pushkinskijdom.ru

Всѣмъ ли читателямъ памятенъ общій эпиграфъ къ Онѣгину?—Приводимъ его на всякій случай. „Pétri de vanité (по первоначальному тексту: pas entièrement exempt de vanité)[125]), il avait encore plus de cette espèce d'orgueil, qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité peut-être imaginaire". Tiré d'une lettre particulière.

Любопытно, что этою „выдержкой изъ частнаго письма" Пушкинъ какъ бы дополняетъ характеристику Онѣгина: въ самый романъ изо всего сказаннаго попадаютъ развѣ только примѣры Онѣгинской суетности или тщеславія (vanité), въ остальномъ же герой не дѣйствуетъ сообразно эпиграфу.

Тщеславіе и извѣстнаго рода гордыня, orgueil, были отличительными свойствами Михаила Андреевича. Нѣкоторыя проявленія въ немъ тщеславія могли бы, въ наше время, показаться даже смѣшными. Достаточно вспомнить о флагѣ, развѣвавшемся надъ Елизаветполемъ, какъ надъ замкомъ какой нибудь владѣтельной особы. На границахъ своего имѣнія, у проѣзжихъ дорогъ, Михаилъ Андреевичъ поставилъ большіе каменные столбы, украшенные Щербининскихъ гербомъ. На прелестной его печаткѣ, подъ щитомъ герба изображены полученные имъ ордена и знаки отличія, въ томъ числѣ и персидскій Льва и Солнца 2-й ст. съ алмазами[126]). Въ Елизаветпольскомъ саду въ торжественные дни стрѣляли изъ небольшой пушки.

Какъ первопричиною любви Онѣгина къ замужней Татьянѣ—„законодательницѣ залъ"—было тщеславіе, такъ извѣстная доля тщеславія играла роль и въ чувствѣ Щербинина къ Кавериной. Елизавета Павловна въ теченіе двухъ лѣтъ путешествовала съ старшею сестрой за границею и между прочимъ прожила нѣкоторое время въ Парижѣ; въ глазахъ всего московскаго общества это придавало ей особый блескъ и значеніе, что̀ она сама прекрасно сознавала и о чемъ упоминаетъ въ дневникѣ, отмѣчая, какимъ всеобщимъ вниманіемъ она вслѣдствіе этого окружена. „Вотъ что̀ значитъ провести годъ въ Парижѣ", прибавляетъ она.—Сообщая матери о своей свадьбѣ, Михаилъ Андреевичъ пишетъ: „Скажите Христинѣ Кондратьевнѣ[127]), чтобы она не думала, что жена моя изъ числа московскихъ „фисталокъ". Это самая образованная дѣвушка, которая безъ кокетства, съ природною откровенностью, блистала въ лучшихъ обществахъ вѣнскихъ, парижскихъ, но сохранила привязанности къ русской землѣ".

О гордынѣ Михаила Андреевича и его самолюбіи Елизавета Павловна упоминаетъ чуть ли ни съ первыхъ дней знакомства. Ставъ его невѣстою, она въ лице упрекаетъ его въ этихъ недостаткахъ. „Je lui ai reproché son amour-propre, sa fiérté", отмѣчаетъ она (но fiérté значитъ гордость въ хорошемъ смыслѣ и представляетъ качество, а не порокъ; очевидно, Елизавета Павловна хотѣла сказать „orgueil"),—„il m'a dit que je le corrigerai" *). Между тѣмъ означенныя особенности проявлялись въ Михаилѣ Андреевичѣ и послѣ этого обѣщанія, какъ во время ухажива-

*) „Я упрекала его въ самолюбіи и чванствѣ; онъ сказалъ мнѣ, что я его исправлю".

lib.pushkinskijdom.ru

нія, такъ и когда онъ уже былъ почти женихомъ. Въ самомъ началѣ знакомства, изъясняясь съ Елизаветою Павловной въ любви и требуя отъ нея отвѣта, Михаилъ Андреевичъ сослался на то, что по разсказамъ ея брата знаетъ ее уже два года; Елизавета Павловна весьма разсудительно возразила, что со своей стороны она знаетъ его всего три дня; Михаилъ Андреевичъ крайне обидѣлся этою отповѣдью. Въ другой разъ, вслѣдствіе подобнаго же неосторожнаго слова все свадебное дѣло чуть не разстроилось; Михаилъ Андреевичъ уѣхалъ въ Петербургъ, не простившись ни съ кѣмъ и повидимому съ твердымъ намѣреніемъ порвать съ молодою дѣвушкой. „N'est-ce pas être fou", пишетъ Елизавета Павловна, „Stcherbinine est parti; il a écrit un billet d'adieu à Pierre sans dire un mot pour nous. Sa conduite a été inconcevable"*).—Но страсть превозмогла, и онъ вернулся.

Съ людьми, которыхъ Щербининъ не считалъ принадлежащими къ своему кругу, онъ былъ высокомѣренъ и сухъ, и люди эти, кажется, болѣе уважали и боялись его, чѣмъ любили. Чиновъ полиціи, онъ у себя не принималъ; нанятаго къ своимъ дѣтямъ гувернера-француза везъ къ себѣ въ имѣніе, чуть ли не изъ самой Одессы, на козлахъ; между тѣмъ впослѣдствіи гувернеръ этотъ оказался въ высшей степени достойнымъ человѣкомъ [128]). Очевидно, Михаилъ Андреевичъ дѣйствовалъ такъ вслѣдствіе чувства „воображаемаго" превосходства, ибо не имѣлъ основанія гордиться ни особенною древностью рода, ни подвигами предковъ, ни личными доблестями или выдающимися служебными заслугами. Замѣтимъ кстати, рискуя стать въ противорѣчіе съ извѣстнымъ критикомъ, что казалось бы, нѣтъ основанія чувствовать, а въ особенности „проявлять" свое превосходство только вслѣдствіе того, что „вчужѣ уважаешь чувства"—или, напримѣръ, не берешь взятокъ [129]).

Мы не имѣемъ данныхъ, что Михаилъ Андреевичъ говорилъ бы „съ одинаковымъ равнодушіемъ или безразличіемъ о своихъ хорошихъ и дурныхъ поступкахъ", но знаемъ случаи, когда онъ бывалъ невоздерженъ на языкъ и изъяснялся слишкомъ откровенно. Благодаря такой откровенности, еще въ началѣ своей службы, въ 1814 г., онъ нажилъ себѣ крупную непріятность, должно быть съ начальствомъ. „Александръ старается за тебя у князя" [130]), писала по этому поводу его сестра (отъ Января 1815 г.), „не знаю, успѣетъ ли?—Теперь, мой другъ, надо жить по нынѣшнему свѣту, не говорить все, что думаешь, ибо всегда потеряешь. Ты это испыталъ надъ собой"!

Отъ эпиграфа переходимъ къ самому роману.

Начнемъ съ наружности Онѣгина. Въ повѣствованіи о ней прямо

---

*) „Не сумашествіе ли со стороны Щербинина? Онъ уѣхалъ, написавъ на прощанье записку Пьеру и не сказавъ въ ней ни слова намъ. Поведеніе его было непостижимо".

lib.pushkinskijdom.ru

не говорится, имѣется только намекъ на то, что Онѣгинъ обладалъ привлекательною наружностью. Онъ

изъ уборной выходилъ,
Подобный вѣтреной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ[131]).

Во всякомъ случаѣ въ представленіи поэта Онѣгинъ былъ красивъ. „Вотъ тебѣ картинка для Онѣгина“, писалъ Пушкинъ къ брату въ Ноябрѣ 1824 г., „найди искусный и быстрый карандашъ“. Подъ картинкою отмѣчено: „1) хорошъ“[132]), затѣмъ слѣдуютъ другіе пункты требованій. Такимъ образомъ главнымъ требованіемъ „искусному карандашу“ Пушкинъ ставилъ передачу красоты Онѣгина.

Въ этомъ отношеніи про Михаила Андреевича можно бы сказать qu'il avait le physique de l'emploi*),—о томъ свидѣтельствуютъ какъ его портреты, такъ и отзывы людей, помнившихъ его лично. Помимо замѣчательной красоты, высокаго роста и статности, онъ отличался особенною представительностью: его крѣпостные не безъ гордости называли его „настоящимъ бариномъ“.

Въ изданіи Венгерова, въ статьѣ о Евгеніи Онѣгинѣ Иванова-Разумника[133]), воспроизведены два старинные рисунка, изображающіе „щеголя 1818—1820 гг.“. По странной случайности одинъ изъ этихъ рисунковъ—верхній—имѣетъ нѣкоторое сходство съ Михайломъ Андреевичемъ. Но въ той же книгѣ мы находимъ другой намекъ, быть можетъ основанный не на одной только случайности. На стр. 205 и 251 отгравированы факсимиле рисунковъ Пушкина, изображающихъ безъ сомнѣнія Онѣгина. Если рисунокъ на стр. 205, напоминаетъ Александра Раевскаго—судя по его же портрету въ старости, приведенному тамъ же на стр. 529,—то въ рисункѣ на стр. 251 мы находимъ положительное сходство съ Михаиломъ Андреевичемъ, какъ бы подчеркнутое и въ прическѣ, и въ небольшихъ бакахъ около ушей, и особенно въ характерномъ очертаніи носа съ горбиною.

Въ смыслѣ воспитанія, на Онѣгина наведенъ былъ лишь наружный лоскъ; настоящаго образованія онъ не получилъ.

Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясниться и писалъ[134]),

и въ то же время (по одному черновому варіанту)

зналъ нѣмецкую словесность
По книгѣ госпожи Де-Сталь[135]), да помнилъ еще анекдоты минувшихъ временъ
Отъ Ромула до нашихъ дней[141]).

---

*) что наружность у него была подходящая.

lib.pushkinskijdom.ru

Къ современному ему воспитанью Пушкинъ относился вообще отрицательно:

„Мы всѣ учились понемногу
Чему нибудь и какъ-нибудь[136]).

„Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Воспитаніе ограничивается изученіемъ двухъ-трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь нанятымъ учителемъ“[137]).

Братья Александръ и Михаилъ Щербинины сами сознавали недостаточность полученнаго ими образованія. „Майеръ, Буковъ, Марья Астафьевна не положили въ насъ много сѣмени ученаго“, писалъ Александръ Андреевичъ къ брату (отъ 23-го Ноября 1824 г.). И тотъ, и другой дообразовали себя уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Но иностранные языки, французскій и нѣмецкій—послѣдній вѣроятно отъ матери—оба знали превосходно съ дѣтства[138]). Елизавета Павловна, получивъ отъ жениха первое письмо—на французскомъ языкѣ—записала въ свой дневникъ (пофранцузски же): „comme il écrit, quel joli style, il me fait honte“*).—Съ нѣмецкою словесностью Михаилъ Андреевичъ вѣроятно былъ знакомъ не по одной французской литературѣ (—о знаніи имъ нѣмецкаго языка между прочимъ отмѣчено въ его формулярѣ). Но что представляло по тому времени исключеніе, это то, что Михаилъ Андреевичъ прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ и отъ своихъ дѣтей, получившихъ уже отличное воспитаніе и знавшихъ нѣсколько иностранныхъ языковъ[139]), требовалъ въ особенности знанія отечественнаго.

Михаилъ Андреевичъ любилъ читать, хотя вѣроятно и читалъ „безъ толку“; получалъ „Сѣверные Цвѣты“[140]), подписывался на собраніе сочиненій Фонъ-Визина[55]). Писалъ легко, быть можетъ велъ записки; собираясь ѣхать изъ Москвы обратно въ Бабаи, онъ по почтѣ обсуждаетъ съ братомъ, въ какой комнатѣ стоять его письменному столу. Въ переплетѣ альбома, поднесеннаго имъ женѣ, вставлено нарисованное имъ самимъ изображеніе письменнаго его стола въ Елизаветполѣ, покрытаго разнообразными письменными принадлежностями. Рисунокъ подписанъ „M. S. fecit“ (— изъ чего можно кстати заключить, что подобно Онѣгину, и Михаилъ Андреевичъ

Зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать)[141])...

Но, какъ мы уже видѣли,

трудъ упорный
Ему былъ тошенъ“.[142])

Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ d a n d y Лондонскій одѣтъ:
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.[134])...

*) „Какъ онъ пишетъ, какой прелестный слогъ, мнѣ предъ нимъ стыдно“.

lib.pushkinskijdom.ru

Второй Каверинъ, мой Евгеній,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа по крайней мѣрѣ
Предъ зеркалами проводилъ и проч.[143])

Какое значеніе придавалъ Михаилъ Андреевичъ туалету, видно отчасти изъ порядковъ, заведенныхъ въ его деревенскомъ домѣ, гдѣ какъ въ англійскомъ замкѣ мужчины и дамы, ежедневно, и въ будни и въ праздникъ, переодѣвались къ обѣду по звонку. Самъ онъ одѣвался, судя по портрету, со вкусомъ и сукно себѣ на фракъ покупалъ по 35 р. за аршинъ[140]).

Достойно замѣчанія, что по щегольству Пушкинъ сравнилъ Онѣгина съ Каверинымъ—штатскаго съ военнымъ,—хотя по самой техникѣ щегольство военное и щегольство штатское имѣютъ мало общаго: военное гораздо строже ограничено формою, чѣмъ штатское—модою. Не обусловлено ли подобное сравненіе тѣмъ, что первообразъ Онѣгина рисовался въ воображеніи Пушкина въ военномъ мундирѣ, и не перерядилъ ли поэтъ своего героя въ штатскіе „панталоны, фракъ, жилетъ“[144]), чтобы нѣсколько сблизить съ собою?—Да и такое сравненіе повидимому далось поэту нелегко и не съ первой попытки: сначала онъ сопоставилъ было Онѣгина съ другимъ лейбъ-гусаромъ, Чаадаевымъ, при чемъ, хотя и искалѣчилъ фамилію послѣдняго, все же написалъ неблагозвучный стихъ:

Второй Чадаевъ, мой Онѣгинъ[145]).

Нѣтъ сомнѣнія, что Щербининъ не отставалъ по щегольству ни отъ Каверина, ни отъ Чаадаева. „Неся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ службу лично при государѣ“[146]), братья Щербинины поневолѣ должны были хорошо одѣваться, и Пушкинъ могъ бы смѣло сказать „второй Щербининъ, мой Евгеній“,—если же не назвалъ Щербинина, то не изъ опасенія ли, что этимъ онъ выдалъ бы псевдонимъ своего героя?

Кто знаетъ, не находились ли и на туалетномъ столѣ Михаила Андреевича, въ pendant къ его вычурнымъ письменнымъ принадлежностямъ,

Гребенки, пилочки стальныя,
Прямыя ножницы, кривыя
И щетки тридцати родовъ
И для ногтей и для зубовъ[147]).

Насчетъ Онѣгина свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ[134])...
И могъ Евгеній, въ самомъ дѣлѣ,
Вести пріятный разговоръ,
А иногда и жаркій споръ[148]).

Михаилъ Андреевичъ умѣлъ нравиться, когда хотѣлъ. Въ началѣ сватанья его къ Кавериной, родные послѣдней были возстановлены противъ него и колебались дать согласіе, въ особенности мачиха, принимав-

lib.pushkinskijdom.ru

шая каждый день новое рѣшеніе. Одинъ изъ свойственниковъ, будучи самъ влюбленъ въ Елизавету Павловну, страстно ополчался противъ ея замужества. И несмотря на это Щербинину удалось понравиться всѣмъ. Онъ старался всѣмъ угодить, занималъ невѣсту и ея родныхъ разсказами о своемъ путешествіи по Персіи, невѣстѣ говорилъ комплименты, игралъ съ нею въ шахматы. Въ дневникѣ Елизаветы Павловны въ разныхъ мѣстахъ читаемъ: „Il plait généralement.... Il plait à tout le monde... Tout le monde m'en fait l'éloge.... Je suis mécontente de moi aujourd'hui et contente de Stcherbinine: il se conduit bien, moi très mal.... Nous passâmes la soirée en petit comité. Stcher. était du nombre, tachant de plaire à tous; il était aux petits soins..... Tout le monde est enchanté de lui..... Complimenteur au possible, me dit mille choses flatteuses... On continue de dire du bien de Michel..... Schnaubert l'a beaucoup loué, papa en fait un éloge complet... Stcher. fut fort parlant ce soir; je ne l'ai pas encore vu aussi bien; il me semble avoir de l'esprit, du jugement; on en dit beaucoup de bien. Il a parlé de son voyage en Perse... Il fait tellement la conquête de tout le monde, que je ne sais plus si on me laissera attendre quinze jours“ *)...

Ужъ темно: Онѣгинъ садится въ санки;
Къ Talon помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ[149]).

Кто изъ представителей тогдашней золотой молодежи не обѣдывалъ съ Каверинымъ въ модныхъ ресторанахъ; но ближайшимъ и безъ сомнѣнія самымъ постояннымъ застольникомъ его былъ Михаилъ Андреевичъ. Каверинъ и Щербининъ были близкими пріятелями. О дружбѣ между ними можно заключить изъ записей Елизаветы Павловны. Въ Москву въ годъ сватовства Щербининъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Каверинымъ. Елизавета Павловна называетъ его „le compagnon de mon frère“. Самъ Пушкинъ, какъ кажется, тѣсно связывалъ представленіе о нихъ. Кутилъ онъ совмѣстно съ ними съ обоими. Въ бумагахъ его, находящихся въ Академіи наукъ, имѣется автографъ на которомъ надъ заглавіемъ:

---

*) „Вообще онъ нравится... Онъ нравится всѣмъ... Всѣ мнѣ его хвалятъ... Сегодня я недовольна собою, Щербининымъ же довольна: онъ велъ себя хорошо, а я очень дурно... Мы провели вечеръ въ тѣсномъ кружкѣ, у насъ былъ Щербининъ, онъ старался всѣмъ понравиться, за всѣми ухаживалъ... Всѣ имъ очарованы. Комплиментамъ его нѣтъ конца, наговорилъ мнѣ кучу любезностей... О Михаилѣ продолжаютъ хорошо отзываться... Шнубертъ очень хвалитъ его. Папа отзывается о немъ съ полнымъ уваженіемъ... Сегодня вечеромъ Щербининъ былъ очень разговорчивъ. Никогда еще не видала я его такимъ интереснымъ; онъ, мнѣ кажется, уменъ и разсудителенъ; про него говорятъ много хорошаго... О немъ очень хорошо отзываются... Онъ разсказывалъ про свое путешествіе въ Персію... Онъ такъ всѣхъ очаровываетъ, что я уже не знаю, позволятъ ли мнѣ ждать еще двѣ недѣли“.

lib.pushkinskijdom.ru

„Къ Каверину 1817“, надписано „Къ Щербинину 1819“ [150]).—Въ одной изъ своихъ тетрадей [151]) поэтъ нарисовалъ на той же страницѣ двухъ военныхъ, въ которыхъ кажется можно узнать ихъ обоихъ; въ самомъ дѣлѣ, верхнее изображеніе напоминаетъ Каверина, а нижнее (въ которомъ Анненковъ ошибочно усматривалъ портретъ графа Милорадовича) Щербинина—хотя послѣднему по тому времени и не подобали бы густые эполеты; рисунки относятся къ 1818—1819 гг., т. е. какъ разъ къ эпохѣ знакомства Пушкина со Щербининымъ [152]).

Онѣгинъ вошелъ къ Talon—
и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнулъ токъ,
Предъ нимъ roast beef окровавленный,
И трюфли—роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ,
И Страсбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ [149])...

Михаилъ Андреевичъ любилъ и умѣлъ хорошо поѣсть; вопросъ о столѣ и кушаніяхъ живо его интересовалъ [153]); повара своего онъ отдалъ въ ученіе въ Москву и то не сразу. „На Никитушкино мастерство московская однообразная жизнь не можетъ дѣйствовать въ худую сторону“, писалъ онъ къ Александру Андреевичу [154]); „я въ виду имѣю многихъ артистовъ лакомыхъ столовъ, но рѣшусь не прежде его отдать, какъ посовѣтовавшись съ отличнымъ гастрономомъ столицы (хотя ихъ немного)“. Деревенскій столъ Михаила Андреевича славился въ околоткѣ. Онъ и въ Харьковской губерніи не отказывалъ себѣ въ устрицахъ [140]).

Какъ Онѣгинъ, Щербининъ былъ театраломъ и вѣроятно „непостояннымъ обожателемъ очаровательныхъ актрисъ“. На приверженность его къ театру указываетъ уже принадлежность его къ обществу „Зеленой Лампы“. Въ черновикѣ посланія упоминается о посѣщеніи Михаиломъ Андревичемъ театра [155]). Уже женатый, въ бытность въ Москвѣ, онъ разъ въ недѣлю бывалъ въ итальянской оперѣ, гдѣ восхищался новымъ оркестромъ извѣстнаго Теплова, новымъ теноромъ, примадонною и басомъ, и удивлялся, что зрительная зала бываетъ пуста; интересовался также открытіемъ Петровскаго театра [156]), которое имѣло начаться прологомъ, „сочиненнымъ по сему случаю молодымъ поэтомъ Дмитріевымъ“, какъ онъ шутливо сообщалъ брату [157]). Въ Одессѣ, около 1830 г., онъ равнымъ образомъ посѣщалъ оперу [158]); въ Харьковѣ также бывалъ въ театрѣ [140]).

Онѣгинъ былъ „роскоши дитя“ [159]).

Со своей стороны Михаилъ Андреевичъ любилъ роскошь и умѣлъ роскошествовать; до свадьбы онъ жилъ въ долгъ, послѣ женитьбы сдѣлалъ

lib.pushkinskijdom.ru

большія издержки и по собственному сознанію „занималъ вездѣ, гдѣ попадалось“ [160]). Въ 1824 г. въ Москвѣ онъ расходуется на свои и женины туалеты, на обмундировку прислуги, выписываетъ туда лошадей и разныя вещи, до лакейскихъ шляпъ включительно. „Нужно болѣе денегъ“, пишетъ онъ къ Александру Андреевичу [161]). Въ своихъ замѣткахъ [73]) его братъ упоминаетъ о его „привычкахъ къ роскоши“.

„Сперва Онѣгина языкъ“ смущалъ поэта, но онъ—„привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ“ [162]).

Щербининъ имѣлъ наклонность говорить ѣдкости, по крайней мѣрѣ своему брату, который упрекаетъ его въ этомъ [163]), а въ сохранившихся письмахъ его то и дѣло проскальзываетъ язвительное остроуміе [164]).

„Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
Когда не въ шутку занемогъ“ [165]),

разсуждаетъ въ самомъ началѣ романа Онѣгинъ, „летя въ пыли на почтовыхъ“.—Въ Михаилѣ Андреевичѣ прямыхъ образчиковъ такого ярко выраженнаго цинизма мы не видимъ, однако будущая его невѣста отмѣчаетъ [166]) нѣкоторое его неуваженіе къ памяти его покойнаго отца. „Le soir vint Stch.; il a eu quelque chose de particulier: il est venu d'un déjeuner dansant des Potem.—C'est, je crois, l'anniverasaire de la mort de son père. Cela ne prouve pas pour lui“(*) [167]).

Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель [168])...
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ [134]).

Какія были отношенія Михаила Андреевича къ его крестьянамъ мы въ точности не знаемъ, но у брата его въ сосѣднихъ Бабаяхъ уже въ 1819 г. была учреждена больница для крестьянъ и около того же времени крестьянская школа [73]); и хотя барщина у Михаила Андреевича оставалась въ силѣ, тѣмъ не менѣе надо полагать, что и онъ относился къ своимъ крѣпостнымъ, хотя быть можетъ съ извѣстной строгостью [169]), но и съ большою человѣчностью [170]). Дворовымъ своимъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ, онъ платилъ жалованіе [140]).

Оттого ли, что по уму и стремленіямъ Михаилъ Андреевичъ былъ выше окружающей среды, что ему несносно было „видѣть предъ собою однихъ обѣдовъ длинный рядъ“ [171]), или оттого, что онъ просто томился „въ без-

*) „Вечеромъ былъ Щербининъ: у него былъ какой-то странный видъ; пришелъ онъ съ танцовальнаго завтрака отъ Потемкиныхъ. Сегодня кажется годовщина смерти его отца. Это не говоритъ въ его пользу“.

lib.pushkinskijdom.ru

дѣйствіи досуга“ [172]), но жизнь какъ будто не удовлетворяла его, такъ же какъ Онѣгина.—Герою Пушкинскаго романа только два дня

казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы и т. д. [173])

Промѣнявъ столичную жизнь на деревенскую, Михаилъ Андреевичъ дольше выносилъ условія послѣдней и послѣ женитьбы, оставаясь еще на службѣ, прожилъ съ женою въ родныхъ Бабаяхъ около трехъ лѣтъ, но вскорѣ по выходѣ въ отставку почувствовалъ, „что и въ деревнѣ скука та же“ [174]).—„Мнѣ здѣсь скучно“, сказалъ онъ однажды матери; „вы меня нескоро въ Бабаяхъ увидите“ [175]), и затѣмъ уѣхалъ съ семьею въ Москву. „Имѣя жену, связи, случаи, болѣзни“, писалъ онъ оттуда къ брату [161]), „нельзя мнѣ вѣчно жить въ деревнѣ“.—Въ Москвѣ онъ хотѣлъ было пріискать себѣ службу, но жена ему это отсовѣтывала. Впрочемъ онъ и тамъ скучалъ, по крайней мѣрѣ бранилъ Москву на чемъ свѣтъ стоитъ и писалъ къ брату, что никакого удовольствія и никакой радости отъ тамошней жизни не испытываетъ [176]).

Словомъ,

Недугъ котораго причину
Давно бы разгадать пора,
Подобный англійскому сплину,
Короче—Русская хандра [177])

овладѣла понемногу Михаиломъ Андреевичемъ, такъ же какъ Онѣгинымъ.

Хандра ждала его на стражѣ
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь иль вѣрная жена [173]),—

вѣроятно „хандра отъ праздности, замѣнившая мрачный сплинъ Чарльдъ Гарольда“ [178]),—та хандра, именемъ которой Пушкинъ озаглавилъ первую пѣснь Онѣгина [179]). Только въ пору первой молодости, Михаила Андреевича, опять таки подобно Онѣгину, „не вѣдала печалъ“, „его забавы“ были „безконечны“ [180]), онъ былъ „занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ“.

„Отъ души желаю“, писала про него мать, вскорѣ послѣ выхода его въ отставку, „чтобы онъ свою хандрю оставилъ бы въ Москвѣ“. Александръ Андреевичъ равнымъ образомъ упоминаетъ о „хандрѣ“ брата.

Одновременно съ хандрою, Михаиломъ Андреевичемъ овладѣло безпокойство,

Охота къ перемѣнѣ мѣстъ
[Весьма мучительное свойство
Немногихъ добровольный крестъ] [181]).

Послѣ двухъ-трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ деревнѣ, въ кругу семьи, ему необходимо стало освѣжаться, и онъ ѣздилъ, уже одинъ то въ Одессу, то въ Москву, то въ Петербургъ. Въ календарѣ за 1829 г. Михаиломъ Андреевичемъ отмѣчены тѣ города въ Россіи, въ которыхъ ему случилось быть; число этихъ городовъ 165 [182]). Хотя, будучи въ отлучкѣ, онъ и писалъ семьѣ самыя нѣжныя письма съ увѣреніями,

lib.pushkinskijdom.ru

что тоскуетъ безъ нея, но такія поѣздки стали явленіемъ болѣе или менѣе заурядным. Уцѣлѣло одно шуточное стихотвореніе, свидѣтельствующее объ обычности подобныхъ путешествій[183]).—И въ карты Михаилъ Андреевичъ вѣроятно игралъ отъ скуки, хотя особенно крупной игры не велъ[184]).

Онѣгинъ не разъ являлъ
Души прямое благородство.—
„Я знаю въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость и прямая честь[185])“,

говоритъ ему Татьяна въ заключительномъ монологѣ.

По общимъ отзывамъ, Михаилъ Андреевичъ отличался и такимъ благородствомъ, и такою гордостью. За неимѣніемъ болѣе яркихъ тому примѣровъ, приведемъ два незначительныхъ случая.

Въ одинъ изъ Четверговъ, въ Елизаветполь въ числѣ прочихъ гостей былъ званъ на обѣдъ харьковскій губернаторъ кн. П. И. Трубецкой. Михаилъ Андреевичъ предупредилъ его, что онъ застанетъ въ гостинной военныхъ въ разстегнутыхъ мундирахъ, и просилъ быть къ этому обстоятельству снисходительнымъ. Казалось, князь принялъ предупрежденіе къ свѣдѣнію, но при встрѣчѣ съ первымъ же офицеромъ—Павловымъ, женихомъ племянницы хозяйки дома, Полины Ивановны Малышевой,—оборвалъ его за безпорядокъ въ формѣ. Когда встали изъ за стола, Михаилъ Андреевичъ самымъ сухимъ образомъ высказалъ Трубецкому, что приглашаетъ къ себѣ обѣдать не по чинамъ, а по знакомству, и что у него въ гостяхъ всѣ должны считать себя равными. Обиженный Трубецкой ушелъ по снѣгу къ конюшнямъ и тамъ дождался, пока ему запрягли лошадей. Въ Петербургѣ нашли, что Михаилъ Андреевичъ поступилъ „какъ вполнѣ порядочный человѣкъ“[186]).—„Я право не знаю, въ кого онъ такой хохорь“, выражалась про него его мать.

Когда графъ Головкинъ, гостившій у Щербининыхъ[187]), имѣлъ безтактность, словно отдариваясь за гостепріимство, поднести Елизаветѣ Павловнѣ дорогой фермуаръ, Михаилъ Андреевичъ настолько обидѣлся, что изъ этого чуть не вышло цѣлой исторіи.—„Его характеръ нескоро кто уломитъ“, писала по другому поводу Екатерина Петровна[188]).

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны:
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно....
Сноснѣе многихъ былъ Евгеній[189]),

однако распространенный въ то время культъ Бонапарта раздѣлялъ, на что указываетъ стоявшій на его каминѣ столбикъ съ чугунной куклою,

Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками сжатыми крестомъ[190]).

Нѣжный къ семьѣ[158]), но въ отношеніи другихъ скорѣе съ душою „себялюбивой и сухой“[191]), Михаилъ Андреевичъ былъ также поклонникомъ великаго изгнанника. Одна изъ бесѣдокъ въ его паркѣ посвящена была „Генію“, слово это блистало крупными золотыми буквами надъ входомъ,—

lib.pushkinskijdom.ru

генію, котораго въ то время въ Россіи еще не принято было открыто возвеличивать, но посвященіе коему бесѣдки, для всѣхъ близкихъ Щербинину не составляло тайны.

Таковы въ свою очередь общія черты сходства между героемъ Пушкинскаго романа и Михаиломъ Андреевичемъ.

Но помимо этихъ чертъ мы наблюдаемъ еще нѣкоторое совпаденіе датъ и фактовъ во внѣшней жизни созданнаго воображеніемъ поэта—Онѣгина, и существовавшаго въ дѣйствительности—Щербинина.

Въ предисловіи къ 1-му изданію первой главы, Пушкинъ объявляетъ, что „она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодого человѣка въ концѣ 1819 г.“ [192]). Въ самомъ романѣ про себя и про Онѣгина онъ говоритъ: „Съ нимъ подружился я въ то время“. Это какъ разъ годъ, въ который Пушкинъ написалъ посланіе къ Щербинину и въ который, должно быть, впервые съ нимъ познакомился,—развѣ только что познакомился въ началѣ года, а не въ концѣ.

Отецъ Евгенія, „служивъ отлично, благородно“, жилъ долгами,

Давалъ три бала ежегодно
И промотался наконецъ [193]).

Отецъ Михаила Андреевича, Андрей Петровичъ, достигшій на службѣ чина полковника, въ молодости обладалъ большимъ состояніемъ, полученнымъ имъ по наслѣдству отъ отца. По точному подсчету, у него было въ Харьковскомъ уѣздѣ [194]) 1980 душъ крестьянъ [195]) и 9176 десятинъ всякихъ угодій [196]), не принимая въ разсчетъ спорныхъ имѣній [197]); однако, подобно отцу Онѣгина, онъ „земли отдавалъ въ залогъ“ [198]) и такъ съумѣлъ запутаться въ долгахъ, что уже въ 1795 г. имѣніе его было взято въ управленіе его женою и братомъ Дмитріемъ [199]), а въ 1802 г. формально отдано въ опеку [200]). Михаилу Андреевичу было тогда девять лѣтъ. Разстройство дѣлъ было полное, и едва лишь къ 1815 г. семья Щербининыхъ была выведена изъ крайняго положенія [201]). Но, какъ и Евгенія, „судьба хранила“ [193]) Михаила Андреевича.

Вскорѣ послѣ того какъ Пушкинъ подружился съ Онѣгинымъ, они были разлучены на долгій срокъ: „отецъ его тогда скончался“, прибавляетъ поэтъ. Причиною разлуки была конечно не смерть отца Онѣгина, а то обстоятельство, что для Пушкина „Сѣверъ былъ вреденъ“, какъ онъ иронически объясняетъ въ началѣ романа [202]). Но и въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ близкое совпаденіе: отецъ Михаила Андреевича умеръ въ началѣ 1820 г. (см. прим. 38-е).

Въ книгѣ Венгерова, г. Ивановъ-Разумникъ изъ ряда остроумныхъ заключеній выводитъ хронологію для главныхъ событій романа „Евгеній Онѣгинъ“. Указанное выше приблизительное совпаденіе датъ находимъ и тутъ. По Иванову-Разумнику „появленіе Онѣгина въ свѣтѣ случилось въ 1812 г.“ [203]). Михаилъ Андреевичъ поступилъ на службу въ свиту государя въ томъ же году и безъ сомнѣнія тогда же появился въ свѣтѣ. „Съ лѣта 1820 г. Онѣгинъ поселился въ деревнѣ“ [204]). Щербининъ поселился въ

lib.pushkinskijdom.ru

Бабаяхъ съ лѣта 1821 г.—Что касается времени рожденія Онѣгина, относимаго Ивановымъ-Разумникомъ къ 1796 году[203]), то намъ кажется, что время это правильнѣе отнести къ 1794 г., такъ какъ при появленіи своемъ въ свѣтъ—по указанной хронологіи въ 1812 году—онъ былъ „философомъ въ осьмнадцать лѣтъ“[205]).—Этотъ 1794 годъ ближе подходитъ ко времени рожденія Щербинина, родившагося въ 1793 г.

Еще подробность.—„Альбомы были необходимою принадлежностью каждаго въ образованномъ кругу начала прошлаго вѣка“[206]). И Онѣгинъ имѣлъ альбомъ, но альбомъ этотъ былъ особаго свойства; въ него писали не другіе, а самъ его владѣлецъ: альбомъ былъ „кругомъ“ „исписанъ, изрисованъ“[207]) рукою самого Онѣгина, заносившаго туда преимущественно сатирическія замѣтки.—У Михаила Андреевича былъ альбомъ такого же характера, въ которомъ онъ рисовалъ карикатуры на своихъ знакомыхъ, а можетъ быть писалъ и сарказмы въ родѣ Онѣгинскихъ. Альбомъ этотъ не сохранился[208]).

Охватывая общимъ взглядомъ приведенныя соображенія и сопоставленія, мы конечно должны сознаться, что они далеко не выводятъ нашего основнаго положенія изъ области догадокъ. Однако нѣкоторымъ подтвержденіемъ ему можетъ служить такъ сказать косвенное свидѣтельство самого Пушкина.

Если сличить описаніе жизни Онѣгина въ началѣ первой главы—до той поры, когда въ немъ „остыли чувства“ и „ему наскучилъ свѣта шумъ“[210])—съ описаніемъ жизни Щербинина въ посланіи къ послѣднему—принимая во вниманіе также варіанты черновика,—то не только по существу, но иногда и въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, мы найдемъ любопытныя соотвѣтствія.

Онѣгинъ, подобно Беппо и Чайльдъ Гарольду[209]), былъ преданъ лишь „наукѣ страсти нѣжной“[210]), самъ же серьезно не отдавался любви. „Какъ рано могъ онъ лицемѣрить!“[211])

Въ немъ билось сердце вовсе не такое,
Которое, принявъ любовь въ себя,
Само затрепетало бы, любя... *(Беппо)*[212])
И жилъ поклонникъ наслажденій,
Не зная дѣла и трудовъ,
Среди вакхическихъ пировъ,
Среди любовныхъ похожденій *(Чайльдъ Гарольдъ)*[213]).

Мы указывали на бурную страсть Михаила Андреевича къ Елизаветѣ Павловнѣ; вспомнимъ однако, что Пушкинъ зналъ его до этой страсти, когда по всѣмъ вѣроятіямъ Михаилъ Андреевичъ считалъ себя забронированнымъ противъ истинной любви.

Житье тому, любезный другъ,—говоритъ ему Пушкинъ—
Кто страстью глупою не боленъ,
Кому влюбиться недосугъ...

Очевидно, это была собственная точка зрѣнія Михаила Андреевича въ 1819 г.—Она близко подходитъ къ точкѣ зрѣнія Пушкинскаго героя.

lib.pushkinskijdom.ru

Годомъ раньше Пушкинъ написалъ стихотвореніе: „Къ Мечтателю,“ обращенное, какъ извѣстно, къ его лицейскому товарищу Кюхельбекеру; но въ черновомъ текстѣ, въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ 5-му стиху, Пушкинъ какъ будто дѣлаетъ отступленіе, обращаясь къ другому лицу:

Повѣрь мнѣ,—
Такъ вѣдай,
Щ—

Послѣ буквы Щ въ рукописи большая черта[214]). Врядъ ли это Щ— означаетъ простое нарицательное существительное (напр., „щастливецъ“); вѣрнѣе, что это имя собственное.—Щербинина Пушкинъ, какъ кажется, не зналъ до 1819 г.; но съ другой стороны намъ неизвѣстны другіе пріятели поэта, фамилія которыхъ начиналась бы на Щ[215]). Предоставляя болѣе свѣдущимъ изслѣдователямъ разрѣшить любопытную загадку относительно этого неизвѣстнаго Щ— , замѣтимъ только, что во всякомъ случаѣ вторая часть стихотворенія „Къ Мечтателю“ могла бы служить пророчествомъ относительно будущихъ чувствъ Щербинина, когда его „постигло страшное безуміе любви“.

Но будучи свободенъ отъ „глупой страсти“, Михаилъ Андреевичъ въ то же время всецѣло отдавался игрѣ въ любовь. Какъ выразился про него поэтъ, „онъ создалъ мысленно сераль и въ немъ блаженствовалъ“[181]). По семейному преданію, въ молодости онъ былъ „сердцеѣдомъ“.

Самая приверженность Щербинина къ „Паѳосской вѣрѣ“, если и не составляетъ отличительной Онѣгинской черты, то не противорѣчитъ строю жизни Онѣгина первой поры, и конечно младая монашенка Цитеры тожественна съ упоминаемыми въ первой главѣ младыми красотками,

Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По Петербургской мостовой[142]).

Онѣгина поэтъ характеризуетъ какъ „забавъ и роскоши дитя“[216]), Щербинина—какъ „рѣзваго друга забавы“.—„Его забавы безконечны“[181]).

Онѣгинъ предается свѣтской жизни:

Бывало онъ еще въ постели
Къ нему записочки несутъ...
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ...
Вездѣ поспѣть немудрено[217]).

Въ посланіи къ Щербинину все это опредѣляется кратче: „Весь день веселью посвященъ“.

Онѣгинъ

Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера[216]).

Обращаясь къ Щербинину, Пушкинъ говоритъ: „И мы не такъ ли дни ведемъ“, т. е. изо дня въ день, однообразно и пестро, вчера какъ завтра.

lib.pushkinskijdom.ru

Онѣгинъ вернулся съ бала,—

И утро въ полночь обратя,

Спокойно спитъ въ тѣни блаженной[216]).

Послѣ ночи, проведенной въ царствѣ Киприды, Михаилъ Андреевичъ „по утру сладко дремлетъ“...

Къ вечеру,—

Надѣвъ широкій боливаръ,

Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ

И тамъ гуляетъ на просторѣ[217]).

Щербининъ тоже „гуляетъ“ (неразборчиво: „кто на гулянья“)[218]).

Послѣ обѣда у Talon „Онѣгинъ полетѣлъ къ театру“[131]). Щербининъ—„не то въ театрѣ ввечеру“[155]).

Онѣгинъ „поскакалъ“ „въ ямской каретѣ“ (на балъ)[219]). Щербининъ „летитъ въ двойной каретѣ“ (мимо Бьянки)[155]).

Онѣгину—

Друзья и дружба надоѣли

Затѣмъ, что не всегда же могъ

Beef-steacks и страсбургскій пирогъ

Шампанской обливать бутылкой[220]).

Щербининъ

...жирный страсбургскій пирогъ

Виномъ душистымъ запиваетъ.

Замѣтимъ кстати, что о страсбургскомъ пирогѣ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ говорится два раза[221]), въ посланіи разъ, во всѣхъ же остальныхъ стихотвореніяхъ Пушкина не говорится нигдѣ и ни разу.

Всѣ соотвѣтствія эти между стихами первой главы Онѣгина и стихами посланія—на протяженіи 32-хъ строкъ послѣдняго: „младая монашенка Цитеры“ и „молодыя красотки“, „дитя забавъ“ и „другъ забавы“, „спокойно спитъ“ и „сладко дремлетъ“, „гуляетъ“ и „гуляетъ“, „къ театру“ и „въ театрѣ“, „поскакалъ въ ямской каретѣ“ и „летитъ въ двойной каретѣ“, „страсбургскій пирогъ“ и „страсбургскій пирогъ“, „шампанское“ и „душистое вино“,—всѣ эти соотвѣтствія, полагаемъ мы, не лишены знаменательности. Пусть Плещеевъ правъ, пусть Онѣгинъ (первой главы) могъ служить зеркаломъ петербургской молодежи, но если Пушкинъ, говоря съ одной стороны объ Онѣгинѣ, съ другой о Щербининѣ, употребляетъ тѣ же выраженія, часто тѣ же слова, то можно думать, что онъ такъ или иначе связывалъ ихъ въ своемъ представленіи, и что при созданіи типа Онѣгина передъ нимъ—хоть можетъ быть и смутно—мелькалъ образъ Щербинина.

III.

Уже одно то обстоятельство, что сношенія между Каверинымъ и Пушкинымъ продлились много лѣтъ, вызываетъ особый интересъ къ личности этого пріятеля поэта.

Въ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, о Каверинѣ отмѣчалось только, со словъ кн. П. А. Вяземскаго[222]), что онъ былъ особенно извѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

стенъ своими проказами и „скиѳскою жаждой“; свидѣтельство же того же Вяземскаго о свѣтлыхъ его чертахъ оставлялось безъ вниманія. Неудивительно поэтому, что „на фигуру Каверина по прихоти случая налегъ одноцвѣтный отпечатокъ спеціалиста и виртуоза въ дѣлѣ вина и веселья“ [223]). Только въ I-мъ томѣ Академическаго изданія сообщены добавочныя свѣдѣнія, касающіяся не однѣхъ дикихъ сторонъ Петра Павловича, и впервые поставленъ на очередь вопросъ о дѣйствительномъ нравственномъ его обликѣ [224]). Затѣмъ уже, съ легкой руки издателя I-го тома, покойнаго Леонида Николаевича Майкова, комментаторы Пушкина одинъ за другимъ стали высказывать догадку, что Каверинъ представлялъ собою нѣчто болѣе интересное, чѣмъ обыкновенный кутила [225]). Догадка эта подтверждается и имѣющимися у насъ данными.

Приводимъ ниже все, что̀ знаемъ о Петрѣ Павловичѣ. Начнемъ съ краткой справки о его предкахъ и семьѣ.

Родъ Каверинныхъ извѣстенъ еще съ XVI-го вѣка. Яковъ Каверинъ былъ воеводою въ Казани въ 1537 г. [226]), Ляпунъ Каверинъ—дьякомъ при Грозномъ въ 1558—1573 гг. [227]); Ильѣ Агаѳоновичу Каверину пожалованы въ 7177 (1670—1671) г. изъ помѣстья въ вотчину, въ Каширскомъ стану, 186 четвертей, а въ 7199 г. сыну его, стольнику Ивану Ильичу Каверину, 90 четвертей [228]). Въ концѣ позапрошлаго столѣтія Никита Ивановичъ Каверинъ отправлялъ въ Тамбовѣ должность казначея и имѣлъ тамъ собственный домъ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ извѣстнаго Н. И. Новикова, отличался велерѣчивостью, говорливостью и гостепріимствомъ [229]); вѣроятно этотъ же Каверинъ состоялъ въ 1791—1794 гг. предводителемъ дворянства въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи [230]).—Можно бы предположить, что отецъ Петра Павловича, Павелъ Никитичъ, былъ сыномъ названнаго Никиты Ивановича. Указаніемъ на это могли бъ служить какъ бы унаслѣдованныя Павломъ Никитичемъ гостепріимство, говорливость и велерѣчивость, связи его съ Тамбовомъ и домъ, принадлежавшій ему въ этомъ городѣ (въ 1812 г. въ Тамбовъ бѣжала изъ Москвы вся семья Павла Никитича [231])). Имѣющаяся у насъ родословная не подтверждаетъ однако этого предположенія: Павелъ не значится въ числѣ сыновей Никиты Ивановича, а указанъ сыномъ нѣкоего Никиты Васильевича [232]).

Самъ по себѣ Павелъ Никитичъ является личностью настолько интересною, что конечно заслуживалъ бы самостоятельнаго и притомъ подробнаго біографическаго очерка. Но здѣсь мы поневолѣ ограничимся общими свѣдѣніями о немъ. Князь П. А. Вяземскій, близко знавшій семью Каверинныхъ, причислялъ Павла Никитича къ „лицамъ, если не прямо принадлежащимъ исторіи, то запечатлѣннымъ особымъ выраженіемъ, особымъ значеніемъ, такъ что имѣющимъ косвенное вліяніе на дѣло и на общество“. По словамъ кн. Вяземскаго, „онъ можетъ не имѣлъ обще-европейской образованности, но былъ русскій краснобай въ полномъ и лучшемъ значеніи этого слова“ [233]). „Умный, веселый, неистощимый говорунъ, соловей рѣчи и соловей неумолкаемый. Говорунъ и разсказчикъ, имѣлъ онъ что говорить и что разсказывать“ [234]). „Онъ былъ ума бойкаго и смѣтливаго. Настоящій русскій умъ,

lib.pushkinskijdom.ru

тамъ гдѣ онъ есть, свѣжій, простосердечно-хитрый и нѣсколько лукавый. Онъ имѣлъ случай многое и многихъ узнать, обучиться жизни на практикѣ вблизи и разносторонне. Вся эта живая наука отзывалась въ разговорѣ его“ [235]).

Родился Павелъ Никитичъ 3-го Января 1763 г. [236]); въ началѣ службы состоялъ при князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ [237]), затѣмъ въ царствованіе Павла былъ полицмейстеромъ и оберъ-полицмейстеромъ въ Москвѣ [238]). Одно время Павелъ особенно отличалъ его за его прямо феноменальную расторопность [317]), распорядительность [239]) и находчивость [240]). Вскорѣ однако Павелъ Никитичъ былъ причисленъ къ герольдіи [241]), но въ самомъ началѣ царствованія Александра снова назначенъ на прежнюю должность московскаго оберъ-полицмейстера. Прибылъ онъ въ Москву вмѣстѣ съ кн. С. Н. Долгорукимъ, привезшимъ манифестъ о восшествіи на престолъ Александра Павловича. Въ этотъ разъ Павелъ Никитичъ замѣстилъ ненавистнаго всѣмъ генерала Эртеля [242]), одного изъ неумолимыхъ и непреклонныхъ гатчинскихъ офицеровъ [243]). Въ Петербургѣ на первыхъ порахъ оцѣнили дѣятельность Павла Никитича. „Учтивымъ твоимъ поведеніемъ съ публикой здѣсь довольны“, писалъ ему оттуда Валеріанъ Зубовъ отъ 20-го Мая 1801 г. [244]). Званіемъ своимъ „онъ никогда во зло не употреблялъ“ [245]). Одно время Павелъ Никитичъ былъ директоромъ банка въ Москвѣ [246]). Потомъ около 1812 г. назначенъ былъ Калужскимъ губернаторомъ, съ пожалованіемъ въ сенаторы, и въ Отечественную войну завѣдывалъ одновременно и Смоленскою губерніей [247]), при чемъ игралъ, если не видную, то весьма важную роль въ дѣлѣ снабженія нашей арміи провіантомъ и приведеніемъ въ порядокъ опустошенныхъ мѣстностей [248]); Кутузовъ оставался имъ доволенъ, одобрялъ его распоряженія и благодарилъ за нихъ [249]). По особенному къ нему довѣрію государя Александра Павловича на него возложена была раздача денегъ раззореннымъ жителямъ Смоленска [246]). Въ подвѣдомственныхъ ему губерніяхъ онъ пользовался большимъ значеніемъ [250]). Въ разгаръ войны Павелъ Никитичъ искалъ попасть въ интенданты арміи на мѣсто сенатора Ланскаго [251]). Въ 1816 г. вслѣдствіе разстроенныхъ дѣлъ онъ оставилъ губернаторскую должность и удостоенъ пенсіею въ двѣ тысячи рублей серебромъ [246]).

П. А. Вяземскій часто уговаривалъ Павла Никитича составить на досугѣ свои записки. „Не знаю“, пишетъ Вяземскій, „исполнилъ ли онъ мое желаніе“ [252]). Согласно одному свидѣтельству, записки эти онъ велъ, руководствуясь разсказами современниковъ [253]). Во всякомъ случаѣ слѣдовъ ихъ не сохранилось.

У Павла Никитича было много недоброжелателей, о чемъ можно заключить по возводившимся на него обвиненіямъ самаго жестокаго, а иногда и нелѣпаго свойства [254]). Однако, судя по многимъ указаніямъ онъ былъ только человѣкомъ стараго закала и быть можетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Фамусовскихъ правилъ [255]). Изъ сохранившейся послѣ него переписки со многими высокопоставленными лицами видно, что онъ особенно умѣлъ съ ними ладить и угождать имъ [256]). На самомъ же дѣлѣ это былъ вполнѣ честный человѣкъ. Занимая должность оберполиц-

lib.pushkinskijdom.ru

мейстера, губернатора, директора банка, завѣдывая поставкою провіанта для арміи и распредѣленіемъ депегъ пострадавшимъ во время войны, онъ никогда не пользовался случаемъ для незаконной наживы, и даже злѣйшіе его враги не рѣшались бросить ему обвиненія въ этомъ. Несмотря на свою болтливость, онъ былъ правдивъ и никого напрасно не порочилъ[257]). Вообще вѣскимъ свидѣтельствомъ о его нравственныхъ качествахъ служатъ пріятельскія отношенія его съ графомъ Ростопчинымъ, И. И. Дмитріевымъ, Н. М. Карамзинымъ[258]) и кн. Андреемъ Ивановичемъ Вяземскимъ. Отъ Ростопчина сохранилось нѣсколько дружескихъ писемъ къ нему[259]). И. И. Дмитріевъ любилъ Павла Никитича[260]). Карамзинъ, тоже признававшійся, что „чистосердечно любитъ его“, писалъ про него, что „онъ вѣтренъ, но уменъ и добръ“[261]), и „всегда съ уваженіемъ упоминалъ объ одномъ случаѣ, который хорошо характеризовалъ нравственныя качества Каверина: задолго до вступленія непріятеля въ Москву, графъ Ростопчинъ говорилъ Каверину и ему о возможности предать городъ огню и такою встрѣчей угостить непріятеля. Каверинъ совершеннно раздѣлялъ мнѣніе его и одобрялъ къ приведенію въ дѣйствіе. А между тѣмъ у небогатаго Каверина все достояніе заключалось въ домахъ въ Охотномъ Ряду“.—Въ домѣ Вяземскихъ Павелъ Никитичъ считался близкимъ человѣкомъ[262]). Поэтъ, кн. Петръ Андреевичъ, былъ гораздо младше его и познакомился съ нимъ, будучи еще ребенкомъ, а въ зрѣлыхъ годахъ сблизился съ нимъ[263]). Вѣроятно въ виду разницы лѣтъ Павелъ Никитичъ говорилъ ему „ты“, когда Вяземскій занималъ уже сравнительно высокое положеніе[264]). Вообще какъ самъ Павелъ Никитичъ, такъ и семья его пользовались, въ бытность ихъ въ Москвѣ, уваженіемъ и почетомъ, что̀ впрочемъ объясняется отчасти и служебнымъ положеніемъ, которое онъ тамъ занималъ[265]).

Отрицательными сторонами Павла Никитича были мотовство и приверженность къ картамъ; жилъ онъ всегда свыше средствъ и проигрывалъ огромныя суммы. Если въ 1812 г., по свидѣтельству Карамзина, онъ былъ небогатъ, то до того и впослѣдствіи цѣлыя состоянія протекли черезъ его руки. Въ концѣ прошлаго столѣтія ему пожаловано было въ вѣчное потомственное владѣніе 300 душъ въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, въ селѣ Уметѣ, съ оброчною мельницей, отхожими пустошами и съ нарѣзкою въ недостающее число по 15-ти десятинъ на каждую душу изъ близлежащихъ казенныхъ земель[266]). Въ 1798 г. благодѣтельствовавшій ему Павелъ подарилъ ему строенія Монетнаго двора[267]), а впослѣдствіи остатки каменной стѣны Бѣлаго Города. Въ Охотномъ Ряду, помимо принадлежавшихъ ему тамъ домовъ, которые отдавались въ наемъ подъ лавки московскимъ торговцамъ[268]), Каверинъ пользовался монополіею на торговлю мясомъ[269]). У него была подмосковная—и кажется не одна[270]). За первою женой Павелъ Никитичъ взялъ 900 или тысячу душъ крестьянъ, болѣе полусотни тысячъ наличными деньгами, кромѣ серебряной утвари, брилліантовъ и жемчуговъ[271]). Вторая жена также принесла ему большое приданое, изъ котораго имъ была промотана значительнѣйшая часть. Въ концѣ концовъ у него ничего не осталось[272]).

lib.pushkinskijdom.ru

Первымъ бракомъ Павелъ Никитичъ былъ женатъ на воспитанницѣ Архаровыхъ, Аннѣ Петровнѣ [273]), побочной дочери Корсакова, брата Екатерины Александровны Архаровой [274]). „Она была рѣдкой красоты дѣвица, отлично образованная, одаренная талантами, съ большимъ умомъ... мила, любезна какъ майское утро, свѣжа какъ распускающаяся роза... прекрасная какъ ангелъ.. Отецъ ея не щадилъ ничего, платилъ большія деньги за ея ученіе. Она все приняла, казалась прелестнымъ ангеломъ и дѣйствительно была ангеломъ по врожденному ея расположенію къ добру“ [271]). Анна Петровна была примѣрною матерью, и ея дѣти страстно ее любили. Умерла она въ чахоткѣ, сравнительно молодою [275]), 9-го Апрѣля 1808 г. [276]).

Дѣла Павла Никитича всегда шли плохо [277]), а послѣ его отставки семья его находилась уже „въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ“ [278]). и около 1817 г., преслѣдуемый многочисленными кредиторами и нравственно пригнетенный совершеннымъ безденежьемъ, онъ послѣ долгихъ колебаній рѣшился вступить во второй бракъ съ богатою калужской помѣщицей, старою дѣвой Авдотьей Сергѣевной Богдановой, чрезвычайно чванною особой, свыше мѣры гордившейся—до свадьбы своимъ происхожденіемъ отъ никому неизвѣстнаго С. И. Богданова и отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири Д. И. Чичерина (дѣда по матери), а послѣ свадьбы званіемъ тайной совѣтницы и сенаторши [279]).

Павелъ Никитичъ былъ особенно нѣжнымъ отцомъ [280]) и весьма плохимъ мужемъ. Со второю женой, которая повидимому утомилась его измѣнами, кутежами и вынужденною уплатой его все возраждающихся долговъ, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ разошелся и остался при одной пенсіи.

Подъ старость Павелъ Никитичъ ослѣпъ, пріютился въ послѣдніе свои годы у сына, Петра Павловича, въ Радзивиловѣ, гдѣ и скончался 4-го Февраля 1853 г. [281]) на 91-мъ году отъ рожденія. Авдотья Сергѣевна, забывъ прежнія неудовольствія, воздвигла надъ его прахомъ церковь и повѣсила внутри ея широковѣщательныя могильныя надписи на мѣдныхъ таблицахъ [282]). Церковь существуетъ до настоящаго времени; называется она Кладбищенскою-Каверинской.

Отъ перваго брака у Павла Никитича, кромѣ Петра Павловича, было пятеро дѣтей: Елена, Марія, Елизавета, Анна и Алексѣй [283]). Отъ втораго дѣтей не было.

Сестры Петра Павловича отличались замѣчательною красотой, въ особенности старшая, Елена, бывшая въ замужествѣ за богатымъ помѣщикомъ Псковской губерніи Иваномъ Захаровичемъ Малышевымъ [284]). Она была „очаровательна какъ ангелъ“ [285]). Примѣры обаятельнаго дѣйствія ея красоты приводятся въ дневникѣ Елизаветы Павловны. Портреты, писанные съ нея Изабеемъ и Даффингеромъ, изображаютъ на самомъ дѣлѣ прелестную женщину [286]). А. И. Тургеневъ называлъ ее „прекрасною“. Помимо привлекательной наружности Елена Павловна обладала и высокими нравственными качествами, о которыхъ сестра ея равнымъ образомъ часто упоминаетъ въ своихъ запискахъ. Она была женщина „чарующаго обхожденія и прелестнаго нрава“. Послѣ преждевременной смерти ея объ этой

lib.pushkinskijdom.ru

„милой женщинѣ“ „всѣ знавшіе ее вспоминали со слезами“. Еще при жизни Елены Павловны Батюшковъ, который „любилъ ее и уважалъ“ [287]), по просьбѣ С. И. Тургенева сочинилъ стихи для гробницы шестилѣтней дочери Малышевыхъ, умершей въ Неаполѣ [288]). Когда же скончалась сама Елена Павловна [250]), то С. И. Тургеневъ „огорчился необыкновеннымъ образомъ“ и заказалъ Батюшкову изъ Царьграда подобную же эпитафію и для нея [289]).

Е. П. Малышева, такъ же какъ и ея мать, страдала чахоткою. Мужъ въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ перевозилъ ее изъ одной европейской столицы въ другую, гдѣ она то лѣчилась, то въ періоды облегченія отдавалась свѣтскимъ удовольствіямъ. По правиламъ тогдашней науки ея подвергали кровопусканіямъ, а на послѣдніе дни жизни помѣстили въ коровникѣ, въ которомъ свѣжій человѣкъ вслѣдствіе спертаго воздуха и высокой температуры не могъ пробыть болѣе одного часу сряду. Умерла Елена Павловна въ Парижѣ, 23-хъ лѣтъ отъ роду, въ 1820 г. [290]). „Soyez bonne comme moi“, были послѣдними ея словами, сказанными въ предсмертномъ бреду Елизаветѣ Павловнѣ [285]).

Вторая сестра, Марія, вышла замужъ за Александра Дмитріевича Ольсуфьева [291]). Онъ былъ сравнительно богатъ, она не имѣла ничего—и свадьба ихъ, какъ кажется, произвела въ Москвѣ самое лучшее впечатлѣніе. Марія Павловна „была прелестна во всѣхъ отношеніяхъ“, „очень хороша, умна, прекрасно себя держала и вообще была премилая особа“, „очень мило играла на фортепьяно, участвовала въ любительскихъ концертахъ“ и проч. [292]). Какъ и старшая сестра, съ которою она соперничала красотою [293]), Марія Павловна скончалась въ молодости, не достигнувъ и 21-го года отъ рожденія [294]). Извѣщая князя Вяземскаго о ея смерти, А. И. Тургеневъ вспомнилъ, что танцовалъ съ нею на его балу (балъ этотъ упоминается также Елизаветою Павловной въ ея дневникѣ). „Братъ (Петръ Павловичъ) по-своему горюетъ“, писалъ Тургеневъ, „мужъ иначе, ибо зналъ счастье любви также иначе“ [295]).

О Елизаветѣ Павловнѣ, женѣ М. А. Щербинина, мы уже говорили выше. Дневникъ ея можетъ служить матеріаломъ и для ея характеристики. Изъ него видно, что независимо и помимо сентиментальничанія, или точнѣе несмотря на него, она на самомъ дѣлѣ была замѣчательно милою, достойною и доброю женщиной. Въ душѣ ея отъ младенческихъ лѣтъ проявлялось стремленіе къ усовершенствованію, безкорыстное стараніе угождать всѣмъ, склонность прощать наносимыя ей обиды и приписывать себѣ вину во всѣхъ недоразумѣніяхъ, происходившихъ между нею и другими и проч. Изъ дневника кромѣ того видно, что Елизавета Павловна—вѣроятно такъ же, какъ и ея сестры—знала французскій языкъ лучше русскаго, занималась музыкою, рисованіемъ, мелкими женскими рукодѣліями и т. п.

Четвертая изъ сестеръ, Анна [296]), красотою лица, быть можетъ, не уступавшая старшей [297]), съ дѣтства отличалась невыносимымъ по ревнивой мнительности характеромъ. Ссорилась она даже съ добродушною Елизаветой Павловной, несмотря на всѣ уступки, дѣлаемыя ей послѣднею. Въ

lib.pushkinskijdom.ru

Анну былъ влюбленъ братъ ея деверя, лейбъ-гусаръ В. Д. Олсуфьевъ, но въ виду свойства, бракъ между ними состояться не могъ. Гораздо позднѣе, въ деревенской глуши, въ с. Колодезяхъ Козельскаго уѣзда, гдѣ Анна Павловна проживала одно время съ отцемъ и мачихой, за нею ухаживалъ сосѣдъ по имѣнію [298]), немолодой уже Скобелевъ, между прочимъ посвятившій ей свое малограмотное „Прощаніе со штыкомъ“ [299]). Умерла она старою дѣвой въ Елизаветполѣ 8-го Ноября 1854 г. [300]).

Младшій сынъ, Алексѣй Павловичъ, воспитывался въ лицейскомъ пансіонѣ; выпущенъ былъ 1825 г. въ гвардію [301]), впослѣдствіи служилъ жандармскимъ офицеромъ въ Сибири, а затѣмъ въ Вильнѣ; достигъ чина полковника [300]); былъ женатъ на вдовѣ князя Шехонскаго Калистѣ Александровнѣ, урожденной Засыпкиной; умеръ внезапно 7-го Сентября 1856 г.

Петръ Павловичъ былъ старшимъ въ семьѣ; родился онъ 9-го Сентября [285]) 1794 г. [491]) первоначальное воспитаніе получилъ дома [303]), гдѣ обучался „на собственномъ иждивеніи россійскому, французскому, нѣмецкому и латинскому языкамъ и разнымъ наукамъ“ [332]); должно быть къ нему въ 1798 г. выписанъ былъ Павломъ Никитичемъ изъ за границы, въ качествѣ гувернера или дядьки, французъ Дебонуаръ [304]). Въ Январѣ 1808 г. юный Каверинъ былъ зачисленъ въ благородный пансіонъ, учрежденный при Московскомъ Университетѣ; учился онъ тамъ „съ весьма хорошимъ понятіемъ, и съ похвальными успѣхами“, и по выдержаніи въ концѣ того же года, публичнаго экзамена (на которомъ „въ награжденіе получилъ два приза“) былъ произведенъ студентомъ. Въ Московскомъ университетѣ онъ пробылъ всего съ Января до Ноября 1809 г., но и за это короткое время успѣлъ прослушать курсы по самымъ разнообразнымъ предметамъ [351]). Въ 1810—1812 гг. Петръ Павловичъ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ, первые два года съ Н. и С. Ив. Тургеневыми и А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ [305]); если быть можетъ онъ и не вынесъ изъ Геттингена серьезныхъ познаній, то во всякомъ случаѣ еще болѣе расширилъ тамъ свой умственный кругозоръ, такъ что для общаго склада своего воспитанія провелъ время не безъ пользы. Вѣроятно онъ не избиралъ никакого спеціальнаго предмета для изученія. Математикомъ самъ онъ признавалъ себя плохимъ [306]); иностранные же языки зналъ хорошо еще въ дѣтскомъ возрастѣ [366]), но порусски, какъ и всѣ въ то время, писалъ не особенно грамотно, хотя уже въ первой молодости, опережая вѣкъ, позволялъ себѣ новшество въ русской орѳографіи: въ концѣ словъ опускалъ твердый знакъ [307]).

Доканчивать образованіе за границей Петръ Павловичъ отправился частью по собственному влеченію, частью слѣдуя посмертному желанію матери, „имѣвшей въ виду сдѣлать изъ него дипломата“ [308]). Еще весною 1805 г. онъ былъ зачисленъ „на службу въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ, съ причисленіемъ къ ея архиву“ [454]) и находясь при ономъ подъ начальствомъ Н. М. Бантышъ-Каменскаго [458]), былъ произведенъ въ переводчики 1810 г. Мая 31-го. Когда, вскорѣ послѣ того, Каверинъ поѣхалъ за границу, чтобъ поступить въ Геттингенскій

lib.pushkinskijdom.ru

университетъ, онъ былъ „опредѣленъ къ миссіи“ (въ Берлинѣ?)[468]).—Но мечтаніямъ Анны Петровны не суждено было окончательно сбыться; Отечественная война и послѣдующая кампанія измѣнили первоначальныя предположенія, и Павелъ Никитичъ, согласно желанію великаго князя Константина Павловича опредѣлилъ сына на военную службу[308]). 15-го Января 1813 г. Петръ Павловичъ былъ зачисленъ сотеннымъ начальникомъ Смоленскаго ополченія подъ начальство генерала Вистицкаго I-го, при которомъ состоялъ затѣмъ адъютантомъ[608]); 13-го Мая 1813 г. переведенъ, съ производствомъ въ поручики, въ Ольвіопольскій гусарскій полкъ[514]) участвовалъ въ кампаніи 1813—1815 гг. и былъ въ сраженіяхъ при д. Юзгибель, при м. Дона, подъ Дрезденомъ, при д. Плиденъ и г. Дрезденѣ; подъ Лейпцигомъ, подъ м. Ленбергомъ и дважды при блокадѣ Гамбурга[309]). Во время кампаніи состоялъ адъютантомъ графа Бенигсена[310]). 16-го Января 1816 г, перешелъ[309]) (вмѣстѣ съ Чаадаевымъ[262])) въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, а позднѣе, 17-го Марта 1819 г., въ Павлоградскій, съ производствомъ изъ штабсъ-ротмистровъ въ маіоры[309]); находясь въ лейбъ-гусарскомъ полку, былъ адъютантомъ графа Толя[311]). Въ 1820 г. ѣздилъ за границу, въ любезную его сердцу Германію, гдѣ между прочимъ встрѣтился съ сестрою Елизаветой Павловной[285]). 14-го Февраля 1823 г. былъ уволенъ въ отставку, согласно прошенію, „по болѣзни“[309]),—вѣрнѣе вслѣдствіе другихъ личныхъ обстоятельствъ, можетъ быть изъ-за недостатка средствъ къ продолженію военной службы[312]). Отставленъ съ чиномъ подполковника[309]).

Лѣтомъ 1823 г. Каверинъ путешествовалъ по Россіи, былъ въ Саратовѣ и въ Астрахани[313]). Въ 1824 г. и 1825 жилъ то въ Калугѣ, то въ названномъ селѣ Колодезяхъ, имѣніи своей мачихи[314]); иногда бывалъ подъ Москвою и въ самой Москвѣ.—11-го Сентября 1826 г. снова опредѣлился на службу, въ этотъ разъ въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ; 23-го Мая 1827 г. переведенъ въ Курляндскій драгунскій полкъ и въ 1828—1829 гг. принималъ дѣятельное участіе въ Турецкой кампаніи. Былъ во множествѣ сраженій: при д. Силишь, близъ крѣпости Журжево, при взятіи Краева, при с. Поголинцинѣ, при Калафатѣ, въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ дѣлахъ подъ Силистріею (16-го и 30-го Августа и 3-го Сентября), при преслѣдованіи турецкихъ партій, выступившихъ изъ села Каургу, въ экспедиціи при занятіи Разграда, въ сраженіи близъ с. Эскисмиль, при осадѣ Силистріи и еще во многихъ дѣлахъ подъ этою крѣпостью—при взрывѣ нашихъ минъ Іюня 14-го, 15-го и 16-го, въ овладѣніи при с. Дервишъ-Джеване пяти орудій, трехъ патронныхъ ящиковъ и двухъ знаменъ и въ преслѣдованіи разбитаго непріятеля до с. Аспро; въ сраженіи съ семитысячнымъ турецкимъ отрядомъ при р. Инджикей, при взятіи укрѣпленнаго лагеря между Мессемврією и Ровдою и покореніи крѣпости Мессемвріи; при разбитіи войскъ Ибрагимъ-паши у г. Айдоса и взятіи послѣдняго штурмомъ; при занятіи города Каркабаша, при Ямболи и при сожженіи турецкаго лагеря; въ дѣлѣ при занятіи Сливно, при занятіи Адріанополя и въ экспедиціи въ г. Энось[309]).—Въ своей записной

lib.pushkinskijdom.ru

книжкѣ графъ П. Х. Граббе отмѣчаетъ,подъ 19-мъ Іюня 1828 г., встрѣчу съ Каверинымъ на переходѣ до Краева[315]).

Въ 1831 г. Петръ Павловичъ участвовалъ въ усмиреніи Польскаго возстанія, послѣ чего состоялъ при содержаніи цѣпи по Австрійской границѣ, для наблюденія за прогнанными въ Австрію мятежниками. 5-го Января 1836 г. былъ вторично уволенъ отъ военной службы, уже съ чиномъ полковника, мундиромъ и пенсіономъ одной трети оклада[309]). Въ томъ же году опредѣленъ ротнымъ командиромъ въ пограничную стражу, а 11-го Апрѣля 1838 г. назначенъ командиромъ Волынской пограничной бригады[316]). Въ послѣдней должности постояннымъ мѣстожительствомъ его былъ г. Радзивиловъ. Скончался онъ 30-го Сентября 1855 г. Похороненъ въ упомянутой Каверинской церкви[318]).

Переходя къ характеристикѣ Петра Павловича, мы поневолѣ должны прежде всего остановиться на внѣшнихъ его свойствахъ, создавшихъ изъ него „лицо замѣчательное, характерно-типическое въ отношеніи къ своему времени“[319]).

Наружностью Каверинъ былъ красивъ[320]), хорошо сложенъ и крѣпокъ[321]), отличался близорукостью[322]). Въ молодости желѣзное здоровье позволяло ему дѣлать всякія безразсудства—купаться, напримѣръ, послѣ „Іордани“ въ проруби[323]), безнаказанно утолять свою „скиѳскую жажду“ и проч. Избытокъ силъ тѣлесныхъ и душевныхъ проявлялся у него въ крайней своеобразности, самоувѣренности и жизнерадостности. „Toujours le même, toujours singulier, extravagant,—comme il est drôle et inconcevable*)!“ пишетъ про него сестра. О характерѣ его—безъ сомнѣнія своеобразномъ и интересномъ—она часто упоминаетъ: „Nous avons beaucoup parlé du caractère de Pierre... Nous parlâmes... de Pierre... Nous avons parlé de Pierre... N. a deviné le caractère de Pierre par l'écriture“ **).

Увѣренность Петра Павловича въ себѣ, подмѣтилъ и Пушкинъ, когда еще былъ въ лицеѣ: „Я самъ въ себѣ увѣренъ..... Я маленькій Каверинъ“, написалъ онъ про себя[324]). Указываетъ на эту черту и Елизавета Павловна: „Pierre a été en train de discuter ce soir“, пишетъ она въ 1818 г.; „quel amour-propre—il se croit supérieur à tout le genre humain; cela lui fait tort—cela lui en fera dans la suite;—c'est bien dommage que sous quelques idées bizarres, extravagantes, il cache mille belles qualités, qui à cause de cela ne seront jamais appréciées—et malheureusement il ne croit pas à tout ce qu'on lui dit, et cela me fait une véritable peine***)“.

---

*) „Все тотъ же, всегда оригинальный, сумасбродный,—какъ онъ забавенъ и непостижимъ“.

**) „Мы много говорили о характерѣ Пьера... мы говорили о Пьерѣ... N. угадалъ характеръ Пьера по его почерку“.

***) „Сегодня вечеромъ Пьеръ былъ въ расположеніи спорить. Какое самомнѣніе,—онъ воображаетъ, что онъ умнѣе всего рода человѣческаго. Это вредитъ ему, это будетъ вредить ему и впослѣдствіи; какъ жаль, что за нѣсколькими странными, сумасбродными идеями въ немъ скрываются тысячи пре-

lib.pushkinskijdom.ru

Въ молодости жизнерадостность Петра Павловича сказывалась въ неизсякаемой веселости. Ничто не омрачало его хорошаго настроенія. „Son humeur est inconcevable", отмѣчаетъ Елизавета Павловна: „il est toujours gai*)". Мелкія житейскія непріятности только возбуждали въ немъ приливы веселья. Происходила ли задержка въ лошадяхъ на станціи въ теченіе утомительно-долгаго путешествія[325]), опрокидывалась ли коляска, въ которой онъ ѣхалъ, все служило новымъ предлогомъ къ шуткамъ и смѣху[326]).

Какъ у многихъ бойкихъ натуръ у него были смѣнявшія одна другую любимыя поговорки, которыя онъ повторялъ при каждомъ случаѣ[308]). Одну изъ нихъ („Гдѣ намъ дуракамъ чай пить") заимствовалъ у него Лермонтовъ, вложившій ее въ уста Печорина[327]).

Проказами своими Петръ Павловичъ прославился[328]). Перечисляя лейбъ-гусарскую молодежь, разыгрывавшую роль каждый по своему вкусу, Юзефовичъ придаетъ Каверину одинъ только эпитетъ—повѣсы[329]). М. А. Корфъ говоритъ, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ лихихъ повѣсъ въ полку[330]). Лермонтовъ (не называющій Каверина по имени) далъ ему опредѣленіе „одного изъ самыхъ ловкихъ повѣсъ прошлаго времени"[327]). Павлищевъ охарактеризовалъ его „веселымъ проказникомъ". „Удалыя шалости Каверина подобно шалостямъ воспѣтаго поэтомъ-партизаномъ Денисомъ Давыдовымъ забіяки-Бурцева—были извѣстны тогдашнимъ военнымъ кружкамъ"[331]). По одному свидѣтельству, будучи адъютантомъ Бенигсена, онъ до того проказилъ въ Гамбургѣ, что былъ цѣлому городу и околотку извѣстенъ подъ именемъ „краснаго гусара"[333]). Шалость его Пушкинъ называетъ „безумною"[334]), и надо полагать, что Петръ Павловичъ былъ главнымъ участникомъ тѣхъ собраній, которыя по опредѣленію поэта являлись „грозой полуночныхъ дозоровъ". И хотя, благодаря заграничному воспитанію, Каверинъ врядъ ли принадлежалъ къ числу шалуновъ, бившихъ, какъ упоминаетъ Дельвигъ, квартальныхъ[353]), все же его проказы переходили иногда всякую мѣру. Такъ, во время стоянки нашихъ войскъ въ Гамбургѣ, онъ вышелъ, на пари, на театральную сцену въ военной формѣ, за что былъ лишенъ награжденія орденомъ Владиміра 4 ст., къ которому уже былъ представленъ. „Почаще выходи въ формѣ предъ театральною публикой", сказалъ ему Бенигсенъ, „и будешь получать награды"[308]).

О проказничествѣ, шуткахъ и продѣлкахъ Петра Павловича то и дѣло упоминаетъ его сестра. „C'est un ange en pensant à son coeur", пишетъ она въ 15 лѣтъ, „mais avec cela bien polisson".—Въ дневникѣ ея часто читаемъ: „Pierre nous a fait rire jusqu'aux larmes... Il nous a fait mourir de rire par ses bétises... Pierre fit des farces, nous avons ri à notre aise... Pierre et Off. nous ont fait mourir de rire... Pierre fit mille follies... Pierre et Rodo: firent mille follies... Mon frère a fait un vacarme hor-

---

красныхъ качествъ, которыя изъ за этого никогда не будутъ оцѣнены по достоинству. И къ сожалѣнію онъ не вѣритъ ничему тому, что ему говорятъ. Это меня искренно огорчаетъ".

*) „Настроеніе его непостижимо—онъ всегда веселъ".

lib.pushkinskijdom.ru

rible, a eteint les lumières... Pierre a fait toutes sortes de bêtises... J'ai reçu au moins cinquante baisers de Pierre... Pierre est revenu et toutes les bêtises avec lui !“ *) [336])...

Веселость Каверина была заразительна. При немъ и другимъ не могло не быть весело. Московскія барышни съ нетерпѣніемъ ожидали его пріѣздовъ въ Москву. Онъ умѣлъ расшевелить всѣхъ, даже когда шалилъ прямо по дѣтски,—напримѣръ содроганіями лица представлялъ громъ и молнію [337]). Иногда въ домашнемъ кругу смѣшилъ всѣхъ, играя въ пьесахъ забавныя роли [611]). Подобно отцу, онъ „бывалъ душею общества, безъ него было скучно“ [338]).

По своему веселому нраву, Петръ Павловичъ цѣнилъ не только все остроумное, но и попросту все смѣшное и забавное, о чемъ можно судить по сохранявшимся имъ безграмотнымъ афишамъ, чепуховатымъ письмамъ, курьезнымъ объявленіямъ и т. п. [379]).

Изъ неугомонности его натуры, изъ внутренней непосидчивости, необходимости движенія въ себѣ и кругомъ, вытекала отмѣченная выше склонность его дразнить другихъ и играть съ ними всякія шутки. Такія шутки ему привыкли прощать [339]). „Pierre nous a empêché de jouer“... „Il ne fait que tourmenter П. С.“ **), читаемъ въ запискахъ Елизаветы Павловны. Особенно доставалось отъ него ей и младшей сестрѣ. У Елизаветы Павловны онъ подсматривалъ дневникъ, хранимый ею втайнѣ [340]), пугалъ ее [341]), заставлялъ въ насмѣшку говорить о политикѣ [342]), а иногда нарочно конфузилъ при постороннихъ нарушеніемъ съ ея точки зрѣнія всякихъ благоприличій [285]). Аннѣ же не спускалъ ея причудъ и неуживчиваго характера и иногда бывалъ съ нею даже „жестокъ“ [343]). Но къ старшей сестрѣ Еленѣ всегда относился съ особеннымъ уваженіемъ.

Однако, благодаря гиперболическимъ шалостямъ Каверина, ему ставились въ вину и такіе поступки, къ которымъ онъ безъ сомнѣнія не былъ причастенъ. „Такъ, Павлищевъ приписываетъ этому умному и воспитанному человѣку глупый поступокъ и глупые пошлые стишки“ [344]). Каверинъ будто бы написалъ въ альбомъ одной рыжеволосой особѣ, приставшей къ нему съ просьбою о стихахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заслонявшей ему свѣтъ,—слѣдующее четверостишіе:

Сижу я въ компаніи,
Никого не вижу,
Только вижу дѣву рыжу
И ту ненавижу.

---

*) „Это ангелъ, когда подумаешь о его сердцѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ужасный шалунъ... Пьеръ смѣшилъ насъ до слезъ... Онъ смѣшилъ насъ до слезъ своими шалостями... Пьеръ дѣлалъ глупости, мы нахохотались вволю... Пьеръ и Офф. смѣшили насъ до слезъ... Пьеръ дѣлалъ тысячу шалостей... Пьеръ и Родо: дѣлали тысячу шалостей... Братъ мой поднялъ ужасный шумъ, потушилъ свѣчи... Пьеръ дѣлалъ всякія глупости... Я получила по крайней мѣрѣ пятьдесятъ поцѣлуевъ отъ Пьера... Пьеръ вернулся и съ нимъ вмѣстѣ всѣ его шалости“.

**) „Петръ мѣшалъ намъ играть“, „Онъ не перестаетъ дразнить П. С..“

lib.pushkinskijdom.ru

Но если въ этомъ куплетѣ, вмѣсто словъ „дѣву рыжу“, прочесть „одну жижу“, то получится тогдашняя кадетская пѣсенка, сочиненная на супы въ корпусахъ,—пѣсенка, которая вѣроятно была извѣстна обоимъ братьямъ Каверинымъ[345]). Возможно еще что Петръ Павловичъ, въ виду приставаній указанной особы, безо всякой задней мысли записалъ въ ея альбомъ глупую кадетскую пѣсенку въ настоящемъ ея видѣ, что было бы только неостроумно съ его стороны, но рѣшительно недопустимо, чтобы онъ сдѣлалъ приведенную замѣну словъ. Такой грубой выходки, недостойной и послѣдняго забулдыги, конечно не могъ позволить себѣ „Геттингенецъ“, бывшій гвардеецъ, свѣтскій, благовоспитанный человѣкъ, отличавшійся особенною „любезностью обращенія“, за которую сестра, несмотря на всякія проступки въ отношеніи ея, называла его „l' incomparable Pierre“.— Въ одной изъ его тетрадей читаемъ: „Le schach de Perse Schapoor [de. J. C. 371] disait: „On peut retirer d'un corps la lance qui l'a percé, mais une expression dûre ne peut s'arracher du coeur qu'elle a blessé““ *).

Къ числу внѣшнихъ чертъ Каверина, стяжавшихъ ему столь широкую извѣстность, приходится въ первую очередь отнести его „гусарскіе грѣхи“— и вмѣстѣ съ ними его гусарскія доблести. Петръ Павловичъ былъ прежде всего гусаръ, гусаръ по преимуществу, „отчаянный гусаръ„[346]) и „всюду“ и „вѣчно“ гусаръ[347]). Онъ былъ кутилою, храбрымъ рубакою, мучителемъ красавицъ; курилъ трубку, выписывая себѣ и во время Забалканской кампаніи табакъ изъ Москвы; звалъ своего жеребца „Вихремъ“[348]); былъ щеголемъ:

Онъ три часа по крайней мѣрѣ
Предъ зеркалами проводилъ[349]);

„La soirée se termina en présidant a la toilette de Pierre qui est allé à l'assemblée**)“, отмѣчаетъ Елизавета Павловна (—подъ 12-мъ Декабря 1820 г.). Отъ франтовскихъ своихъ привычекъ онъ не отставалъ нигдѣ,—и во время похода, подъ непрерывнымъ проливнымъ дождемъ, продолжалъ ежедневно мѣнять бѣлье, хотя чистое бѣлье было такъ же мокро насквозь, какъ и грязное[308]).

Но главнымъ гусарскимъ грѣхомъ, или въ то время гусарскою добродѣтелью Петра Павловича, было несомнѣнно пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ. Сохранились преданія о его „гомерическихъ“[350]) кутежахъ. Сестра Пушкина, Ольга Сергѣевна Павлищева, называла Каверина кутилою-мученикомъ[331]). Въ 17-мъ году Грибоѣдовъ писалъ про него: „Онъ все такой же, любитъ съ друзьями и наединѣ подвыпить, или что онъ называетъ „тринкену задать“[352]). Въ „Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“ Пушкинъ проситъ Бога избавить его отъ „Каверина пьянства“. Въ двухъ дошедшихъ

*) „Шахъ Персидскій Ша-Пуръ говорилъ: „Можно извлечь изъ тѣла пронзившее его копье, но нельзя вырвать изъ сердца поразившее его грубое выраженіе““.

**) „Вечеръ заключился тѣмъ, что мы нарядили Пьера, поѣхавшаго въ собраніе“.

lib.pushkinskijdom.ru

до насъ дилетантскихъ стихотворныхъ посланіяхъ къ Петру Павловичу только и рѣчи, что о попойкахъ, буфетѣ, бутылкахъ, стаканахъ, клико, венгерскомъ и проч.[353]). По выраженію поэта, въ Каверинѣ кипѣлъ „всегдашній жаръ пунша", моднаго въ тѣ дни напитка, который Петръ Павловичъ особенно любилъ. Въ припискѣ къ письму, адресованному ему Пушкинымъ, Соболевскій проситъ Каверина: „Помни меня, какъ помнишь пуншъ" (а подъ адресомъ прибавляетъ: „Какой у насъ славный Ерофеичъ!")[354]). Въ стихахъ Комарова къ Каверину[348]) упоминается о „пуншевой чашѣ". Самъ Петръ Павловичъ пишетъ[355]): „Въ Черномъ яру имѣлъ удовольствіе получить пароксизмъ лихорадки, взбѣсился, выпилъ бочку поншу; лихорадку прервалъ, а сдѣлалась горячка"[356].—Онъ былъ охотникъ и до шампанскаго, „поставленнаго въ ледъ за 24 часа впередъ"[357]), и до мадеры, и до рома[358]), и при этомъ не прочь былъ помолодечествовать своею крѣпостью къ вину. Въ Парижѣ ему однажды случилось блеснуть въ этомъ отношеніи передъ посѣтителями одного моднаго ресторана. Когда четверо молодыхъ людей, усѣвшись за столъ, потребовали одну бутылку шампанскаго и четыре стакана, онъ попросилъ себѣ четыре бутылки шампанскаго и одинъ стаканъ, выпилъ въ теченіе обѣда всѣ четыре бутылки и, заключивъ десертъ кофеемъ съ ликеромъ, твердою походкой вышелъ на улицу подъ общіе аплодисменты незнакомой публики.

Отъ грѣха извѣстной неумѣренности въ питьѣ Петръ Павловичъ повидимому не совсѣмъ избавился и въ самой старости. Имѣются намеки на это въ послѣднихъ его поденныхъ запискахъ (напр., „Аѳанасій пьянъ, а я пилъ"). Въ Радзивиловѣ, сидя съ гостями за вечернимъ самоваромъ, онъ порою жаловался на общее недомоганіе, непозволяющее ему пить по прежнему, и одновременно выпивалъ съ чаемъ до полубутылки рома. Такого рода „сидѣнія", продолжавшіяся иногда далеко за полночь и случавшіяся разъ или два раза въ мѣсяцъ, Петръ Павловичъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ съ раскаяніемъ: „Плохой ужинъ, и (что дурно) въ 3-мъ часу дома". „Солонина вкусная, но поздно сидѣлъ". „Сидѣлъ до 11-го часа—глупо и глупо!"[358]).

И при всемъ томъ его нельзя было назвать алкоголикомъ. „Каверина пьянство" являлось преувеличенною метафорой, по поводу которой Пушкинъ и поспѣшилъ такъ чистосердечно предъ нимъ извиниться. Въ одну изъ тетрадей Петръ Павловичъ записалъ афоризмъ Брилья Саварена[359]): „Тѣ которые объѣдаются или напиваются, не умѣютъ ни ѣсть, ни пить". Что самъ онъ въ отношеніи „питья" не опускался, показываютъ вообще его дѣятельная до преклонныхъ лѣтъ жизнь, записи, свидѣтельствующія объ интересѣ его ко всему, а главное упомянутый дневникъ, который онъ, какъ кажется, велъ всю жизнь изо дня въ день. Начатъ имъ этотъ дневникъ еще до пріѣзда въ Геттингенъ, оконченъ лишь за три недѣли до смерти. Уцѣлѣвшій конецъ — записи за 1854 и 1855 гг.— писанъ безъ пропуска одного дня, все тѣмъ же быстрымъ, мелкимъ, твердымъ, хоть и неособенно разборчивымъ почеркомъ.—Достойно примѣчанія, что въ запискахъ Елизаветы Павловны, гдѣ постоянно упоминается о Петрѣ

lib.pushkinskijdom.ru

Павловичѣ, ни разу не намекается на возбужденное его состояніе, тогда какъ относительно М. А. Щербинина есть одно такое указаніе[285]).

Сродни дѣлу выпивки—пристрастіе къ хорошей кухнѣ. Въ Каверинѣ пристрастіе это проявлялось пожалуй еще интенсивнѣе, чѣмъ въ Михаилѣ Андреевичѣ. Онѣгина онъ ждалъ у Talon, окруженный всѣми искушеніями и прелестями французской кухни. „Животные насыщаются; человѣкъ ѣстъ; одинъ умный человѣкъ умѣетъ ѣсть“,—выписанъ имъ другой афоризмъ названнаго выше французкаго автора. Въ дневникѣ своемъ, по крайней мѣрѣ за послѣдніе два года жизни, Петръ Павловичъ чуть не каждый день отмѣчалъ, что онъ ѣлъ. Изъ называемыхъ имъ блюдъ можно бъ составить цѣлое собраніе меню на всѣ вкусы. Живя въ глуши, въ Радзивиловѣ, и не выходя изъ самаго ограниченнаго бюджета, Петръ Павловичъ умудрялся кушать (у себя и въ гостяхъ) „дивные трюфели“, свѣжія стерляди, свѣжія сельди, котлеты изъ раковъ, „телятину со свѣжею икрой“ и пр., и пр. Иногда онъ „самъ жарилъ бифштексъ“. Порою ѣздилъ на рогатку угощать нѣмцевъ русскими блюдами—икрою, блинами, филе изъ рябчиковъ съ трюфелями и т. п. (хотя, къ слову сказать, въ то время нѣмцевъ не долюбливалъ и бранилъ. „Не понимаютъ они Россіи и русскихъ“, записано имъ въ дневникѣ).

Вмѣстѣ съ жаромъ пунша въ Петрѣ Павловичѣ кипѣлъ и „всегдашній жаръ войны“,—другая, притомъ уже дѣйствительная гусарская доблесть. Мало того, что „на Марсовыхъ поляхъ онъ славный былъ рубака“, казалось онъ былъ изъ тѣхъ военныхъ по призванію, изъ тѣхъ воителей въ душѣ, которые преданы войнѣ такъ же страстно, какъ охотники охотѣ. Въ отставкѣ Петръ Павловичъ какъ бы томился бездѣйствіемъ и жизнь свою называлъ „холодною и мертвою“[360]). Вторично онъ поступилъ на военную службу словно въ предвидѣніи разрыва съ Турціею.—Несмотря на обычную казенную сухость и блѣдность послужныхъ списковъ, въ формулярѣ Каверина встрѣчаются яркіе примѣры его мужества, подвижности и иниціативы. Читаемъ, напримѣръ, что „1814 г. Янв. 28-го и Февр. 5-го онъ былъ при блокадѣ г. Гамбурга, во время каковой имѣлъ отъ начальства разныя порученія, съ которыми былъ посылаемъ въ самыхъ опасностяхъ, и исполнялъ оныя съ точностью, неустрашимостью и расторопностью“... „31-го Іюля 1829 г. участвовалъ въ дѣлѣ при занятіи г. Сливно и преслѣдованіи непріятеля по горамъ, при чемъ, командуя онъ эскадрономъ, сдѣлалъ нѣсколько атакъ на непріятеля, состоявшаго изъ значительныхъ силъ кавалеріи и пѣхоты, въ чемъ имѣлъ совершенный успѣхъ и награжденъ за сіе золотою саблей съ надписью „за храбрость““. Въ Турецкую кампанію онъ получалъ непосредственные выговоры отъ Дибича за то, что безъ нужды подвергаетъ жизнь свою опасности[308]). И, какъ часто бываетъ съ беззавѣтными храбрецами, Петръ Павловичъ никогда не былъ ни раненъ, ни контуженъ.

Извѣстна выходка Каверина на двойной дуэли—Шереметева съ Завадовскимъ и Якубовича съ Грибоѣдовымъ—въ 1817 г. Когда Шереметевъ, смертельно раненый, упалъ навзничь и „сталъ нырять по снѣгу какъ рыба“, Каверинъ будто бы прехладнокровно сказалъ: „Вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!“[361])

lib.pushkinskijdom.ru

Если дѣло было такъ, то не тому же ли духу гусарскаго удальства слѣдуетъ приписать эту выходку. Вѣроятно съ тою же шуткой Каверинъ отнесся бы и къ себѣ самому, если бъ былъ раненъ насмерть.

Но конечно всѣ эти гусарскія свойства и особенности далеко не исчерпываютъ сущности характера Петра Павловича. Уже одно посланіе Пушкина показываетъ, что Каверинъ былъ „не заурядный гуляка“ [362]). Въ рукописныхъ запискахъ Комовскаго, тамъ гдѣ названы по имени „нѣкоторые отчаянные гусары“ и на первомъ мѣстѣ Каверинъ, Яковлевъ подчеркнулъ слово отчаянные въ знакъ неодобренія [363]), какъ бы указывая, что такая характеристика относительно Каверина и другихъ гусаръ по меньшей мѣрѣ грѣшитъ односторонностью и не исчерпываетъ главныхъ ихъ характеристическихъ отличій. На самомъ дѣлѣ, „подъ легкимъ покрываломъ“ „рѣзвой шалости“ скрывался нравственный обликъ со многими положительными, симпатичными чертами. По словамъ сестры, Петръ Павловичъ таилъ въ себѣ тысячу прекрасныхъ качествъ. Уже немногія уцѣлѣвшія страницы изъ ранняго его дневника [307]) показываютъ, какимъ онъ былъ милымъ и порядочнымъ юношей, enfant de bonne maison. И дѣйствительно, Каверинъ отличался благородствомъ, добротою, отзывчивостью, особою душевной деликатностью, общительностью, гостепріимствомъ [364]) и безусловною честностью, унаслѣдованною имъ вмѣстѣ съ тѣлесною крѣпостью отъ отца [365]).

Уже въ университетскомъ пансіонѣ Петръ Павловичъ, судя по выданному ему аттестату, „въ поведеніи былъ вѣжливъ и благороденъ“ [612]). Болѣе вѣское свидѣтельство о благородствѣ его характера находимъ у кн. Вяземскаго. О его добротѣ упоминаютъ многія лица. Павлищевъ называетъ его добрякомъ, душою на распашку [331]). „Pierre est bon, excellent“, пишетъ Елизавета Павловна, какъ мы видѣли, съ отроческихъ лѣтъ отличавшая его золотое сердце [285]). Пушкинъ тоже говоритъ о его „сердцѣ“ (въ посланіи къ нему).—Мы знаемъ не одинъ примѣръ участливаго отношенія Петра Павловича къ окружающимъ. Онъ умѣлъ не только забавлять ихъ, но и поддерживать въ серьезномъ горѣ.„ Je suis contente que Pierre vous ait annoncé la mort de Macha“, пишетъ сестра къ своимъ семейнымъ,— „il vous donnera du courage“ *).—Послѣ кампаніи 1828—1829 г., самъ небогатый средствами, Петръ Павловичъ сдѣлалъ денежное пожертвованіе крестьянскимъ семействамъ, пожелавшимъ переселиться изъ Турціи въ Россію [367]). Въ западные предѣлы, въ пограничную стражу, его назначили въ виду мягкаго его нрава, на смѣну Л., удаленнаго за звѣрское обращеніе съ поляками [308]). Съ послѣдними Каверинъ жилъ въ добрыхъ отношеніяхъ, ознакомился съ польскимъ языкомъ и вступилъ въ сердечную связь съ одною знатной полькой.

Относительно честности Петра Павловича достаточно сказать, что занимая на глухой границѣ должность по департаменту внѣшней тор-

*) „Я рада, что о смерти Маши (Малышевой) вы узнали черезъ Пьера. Онъ съумѣетъ ободрить васъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

говли, близкую къ таможенному вѣдомству, онъ сначала не могъ обходиться безъ денежной помощи отца[368]), въ послѣдніе же годы жилъ весьма скромно, ожидая отъ Пасхи до Пасхи высочайшихъ наградъ въ видѣ денежныхъ пособій, горько жаловался въ дневникѣ на свою бѣдность и послѣ себя ничего не оставилъ кромѣ незначительнаго долга, уплаченнаго позднѣе его родными.

„Друзьямъ“ онъ былъ „вѣрный другъ“ [369]).—По натурѣ Каверинъ былъ человѣкомъ общительнымъ; среди сослуживцевъ пользовался любовью и уваженіемъ[370]); любили его и офицеры другихъ полковъ (напримѣръ, конные егеря)[331]). Не говоря уже о дружбѣ его съ Пушкинымъ, онъ былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ со многими лицами, имена коихъ извѣстны намъ изъ печатныхъ источниковъ. О расположеніи къ нему кн. Вяземскаго свидѣтельствуетъ самый отзывъ о немъ послѣдняго. Съ Тургеневыми и Михайловскимъ-Данилевскимъ Петръ Павловичъ, какъ уже сказано, слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ; С. И. Тургенева зналъ чуть не съ дѣтства и испытывалъ къ нему самое пылкое душевное влеченіе[307]). Михайловскій-Данилевскій питалъ къ Каверину добрыя чувства, о чемъ можно отчасти судить по дневнику Елизаветы Павловны. Съ бывшимъ своимъ товарищемъ по Павлоградскому полку, поэтомъ Викторомъ Тепляковымъ, другомъ и товарищемъ Пушкина по Царскосельскому лицею[372]), Петръ Павловичъ поддерживалъ переписку, носившую иногда довѣрительный характеръ. Въ теченіе Турецкой кампаніи[373]) онъ былъ неразлученъ съ Сабуровымъ[374]). Смолоду дружилъ съ Хомутовымъ, впослѣдствіи казацкимъ атаманомъ, и находился съ нимъ въ перепискѣ еще незадолго до своей смерти[375]). Пріятельскія его сношенія съ Грибоѣдовымъ тоже продлились многіе годы. Въ 1817 г. на упомянутой выше двойной дуэли Каверинъ былъ у него секундантомъ[376]). Въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 4-го Сентября 1817 г. Грибоѣдовъ описываетъ, какъ однажды Петръ Павловичъ добродушно навязался къ нему въ гости:„ Черезъ два дня послѣ Ижоры (числа 10-го Авг.)“, пишетъ Грибоѣдовъ, „встрѣчаюсь у Ларевы съ Каверинымъ. Онъ говоритъ мнѣ: „Что Бѣгичевъ уѣхалъ? Пошелъ съ кавалергардами въ Москву? Тебѣ вѣрно скучно безъ него? Я къ тебѣ переѣзжаю“.—Мы разошлись, я поѣхалъ натурально къ Шаховскому, послѣ являюсь домой и нахожу у себя чужихъ пенатовъ, Каверинскихъ“ [352]). Въ Декабрѣ 1826 г. Грибоѣдовъ обратился съ письмомъ къ Бѣгичеву, прося о посредничествѣ Каверина для полученія трагедіи Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Позднѣе изъ Персіи, онъ прислалъ Петру Павловичу въ подарокъ кривую персидскую саблю въ позолоченныхъ ножнахъ[377]).—Нельзя не признать, можемъ мы повторить слова Майкова, что дружескія отношенія всѣхъ этихъ лицъ къ Каверину много говорятъ въ его пользу.

Петръ Павловичъ былъ отзывчивъ не къ однимъ только людямъ,—все возвышенное и прекрасное находило откликъ въ его душѣ. По живости и впечатлительности своей натуры, а также вслѣдствіе „германскаго“ образованія, расширившаго его кругозоръ, онъ интересовался всѣмъ, не отдаваясь всецѣло какому-либо одному предмету,—увлекался и литера-

lib.pushkinskijdom.ru

турою и музыкою, удѣлялъ вниманіе исторіи, философіи, частью мистикѣ, и съ живою любознательностью слѣдилъ за явленіями общественной жизни.

Въ области изящныхъ искусствъ Каверинъ особенно интересовался литературою, какъ отечественной, такъ и иностранной. Не напрасно слушалъ онъ въ Московскомъ университетѣ лекціи „россійскаго краснорѣчія и поэзіи“[351]), и недаромъ въ числѣ его друзей было столько писателей. Въ его тетрадяхъ граціозныя пьесы Désaugiers, французскіе куплеты легкаго содержанія, студенческія нѣмецкія пѣсни—чередуются со стихами Пушкина, съ опытами малоизвѣстныхъ русскихъ поэтовъ-любителей и съ народными пѣснями—русскими, малороссійскими и польскими. Встрѣчаются также выписки изъ произведеній въ прозѣ. Нѣкоторыя записи сопровождаются краткими отмѣтками, заключающими ихъ оцѣнку: „charmant!!!“ „хорошо“. Въ другихъ подчеркнуты въ знакъ неодобренія отдѣльныя слова или строки. Приверженность Петра Павловича къ стихамъ, замѣченную и Пушкинымъ („можно дружно жить съ стихами, съ картами“ и проч.), не охладили и годы. Такъ, Шиллеровская „Thekla“ записана имъ въ подлинникѣ въ 1824 г., въ переводѣ Розенгейма въ 1832 г. и въ переводѣ А. Григорьева въ 1847 г. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, онъ восхищался героическими стихотвореніями Глинки и другихъ поэтовъ, написанными по случаю войны нашей съ союзными державами, и заносилъ ихъ въ свою послѣднюю тетрадь[378]).

Не ускользывали отъ вниманія Каверина и событія, совершавшіяся въ литературномъ мірѣ. „Плачьте музы по Байрону, онъ достоинъ слезъ и стона“,—такъ начинается одно изъ его писемъ къ Теплякову. „Получая Allgemeine Zeitungen, вѣроятно поразила васъ вѣсть о смерти славнаго поэта.—За послѣднее письмо особенно благодарю, изъ него видно, что вы понимали, любили и почитали умершаго“[380]). Въ другихъ его письмахъ къ тому же Теплякову читаемъ: „Каковъ Онѣгинъ, каковъ Фонтанъ?“[381]) „Читали ли вы Пушкина „Братья разбойники“?—Хорошо очень“[382]). Какова въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ „Недовѣрчивость“ Крылова и пѣсня Дельвига: „На яву и въ сладкомъ снѣ все мечтаетесь вы мнѣ“[383]).

Вообще натура у Каверина была поэтическая, склонная къ мечтательности. По собственнымъ его словамъ, „проза жизни ни въ немъ самомъ, ни въ другихъ его не занимала“[384]). Въ бумагахъ его находимъ засушенные цвѣты, листокъ какого-то растенія и проч. Въ самое дѣло выпивки онъ влагалъ долю поэзіи. „Вода въ стаканѣ позолотилась“, пишетъ онъ въ частномъ письмѣ[385]), „ромъ далъ ей силу, красоту и запахъ“.— Невольно вспоминается:

Кубокъ янтарный
Полонъ давно.

Самъ Петръ Павловичъ писалъ съ плеча, не заботясь о слогѣ, но письма у него выходили занимательныя и бойкія[386]). Особенною живостью и остроуміемъ отличались письма, адресуемыя его семейнымъ[387]). Къ сожалѣнію, изъ послѣднихъ ни одно не сохранилось. Въ литературныхъ кругахъ легкость, съ какою писалъ Каверинъ, была какъ кажется извѣстна,

lib.pushkinskijdom.ru

и если не ошибаемся, Вяземскій, уже въ бытность Петра Павловича въ Радзивиловѣ, предлагалъ ему, въ виду стѣсненнаго его матеріальнаго положенія, писать и печатать воспоминанія—чуть ли не о сношеніяхъ его съ Пушкинымъ[388]). Но стиховъ, по крайней мѣрѣ русскихъ, Петръ Павловичъ сочинять не умѣлъ и, когда хотѣлъ облечь мысль въ стихотворную форму, обращался къ чужому содѣйствію[389]).

Каверинъ любилъ и музыку, при чемъ не лишенъ былъ музыкальнаго таланта[390]). Самъ пѣлъ[391]). Съ сестрою Елизаветой Павловной и съ Малышевымъ у него бывали горячіе споры о композиторахъ. Идя противъ общаго теченія,[392]) онъ не цѣнилъ Россини и въ своей тетради назвалъ его, съ чьего-то чужого голоса, „кондитеромъ“[393]). Говорятъ, встрѣтившись съ нимъ однажды въ обществѣ, за границей, Каверинъ и относительно его позволилъ себѣ шутку. Россини искалъ музыкальную фразу для будущей своей оперы—„Севильскій Цирюльникъ“. Петръ Павловичъ пропѣлъ ему:

„Ахъ, на что было огородъ городить,
Ахъ, на что было капусту садить!“[308])

Мотивъ какой-то русской пѣсни въ самомъ дѣлѣ попалъ въ эту оперу[394]).

По части философіи Каверинъ „умѣлъ мирно жить... съ Платономъ и съ бокаломъ“. Правда, выдержекъ изъ древнихъ философовъ мы въ его тетрадяхъ не находимъ, за то есть выдержки изъ романовъ, содержащихъ философическіе мысли, напримѣръ, изъ Шанди, столь цѣнимаго Пушкинымъ. Историческими сочиненіями Каверинъ болѣе интересовался въ зрѣлыя лѣта[395]). Въ своемъ дневникѣ онъ удѣлялъ мѣсто и явленіямъ природы. Встрѣчаемъ тамъ ежедневныя отмѣтки о погодѣ и температурѣ, свѣдѣнія о появившейся кометѣ, о пролетѣвшемъ метеорѣ, записи о первомъ весеннемъ пѣніи соловья, о прилетѣ ласточекъ. Въ газетной вырѣзкѣ находимъ описаніе сѣвернаго сіянія, сдѣланное профессоромъ Перевозчиковымъ.

Вмѣстѣ съ уваженіемъ къ самой наукѣ, духъ германскаго университета вселилъ въ Петра Павловича преклоненіе предъ ея свѣтилами. До старости хранилъ онъ и „съ какимъ-то благоговѣніемъ“[308]) показывалъ записку, полученную имъ въ Геттингенѣ отъ знаменитаго естествоиспытателя профессора Блуменбаха[396]).

Петръ Павловичъ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій и при этомъ нѣсколько склонный къ мистицизму. Будучи масономъ, онъ относился къ масонству со слѣпымъ довѣріемъ. Въ бумагахъ его сохранился сборникъ масонскихъ гимновъ, масонскій патентъ или паспортъ, аккуратно предъявлявшійся имъ для визы подлежащимъ масонскимъ властямъ въ германскихъ городахъ[397]). Вынужденный, вслѣдствіе извѣстнаго общаго распоряженія, отказаться подпискою отъ масонства[398]), онъ все же въ душѣ оставался масономъ и по семейному преданію, въ кампанію 1829-30 гг., такъ же какъ и товарищъ его Сабуровъ, имѣлъ при себѣ вмѣсто настоящаго — игрушечный пистолетъ, „потому что масонамъ запрещено было убивать людей“[308]). На одномъ изъ позднѣйшихъ портретовъ[399]), относящемся къ концу 30-хъ или началу 40-хъ годовъ, Петръ Павловичъ изображенъ въ масонскомъ

lib.pushkinskijdom.ru

одѣяніи, съ масонскимъ орденомъ на шеѣ[400]). Принадлежалъ онъ къ ложѣ „Августа Золотого Циркуля въ Геттингенѣ“[401]); вѣроятно вскорѣ по поступленіи въ масоны, изъ продуцентовъ былъ возведенъ въ званіе мастера[402]); позднѣе ввелъ въ члены ложи и В. Г. Теплякова[403]).

Но самую важную роль въ жизни Каверина играли отношенія его къ женщинамъ. У него собственно было два рода отношеній къ нимъ. Съ одной стороны онъ не пренебрегалъ красавицами „для удовлетворенія плотскихъ желаній“ или затѣвалъ любовныя интриги, „любви не вѣдая страданій и наслаждаясь, не любя“[404]), при чемъ ставилъ себѣ горчишники, чтобы придать болѣе естественности страдальческому своему виду при объясненіяхъ въ любви[405]). Съ другой стороны „красавицамъ мучитель“ былъ самъ ихъ горячимъ поклонникомъ, испытывая къ нѣкоторымъ изъ нихъ безграничное уваженіе и самую возвышенную любовь, длившуюся по нѣскольку лѣтъ. Въ такую любовь переходила порою и простая интрига[406]).

Любовь была путеводною звѣздою въ жизни Петра Павловича. „Грустно существованіе безъ любви“, пишетъ онъ. „Да успокаиваютъ васъ Аполлонъ, музы и любовь“[407]). Въ первую тетрадь его занесено двустишіе, которое можно встрѣтить и теперь во множествѣ нѣмецкихъ альбомовъ:

Die Erde wird sterben, die Sonne vergehen
Doch Liebe wird ewig und ewig bestehen *)[409]).

Затѣмъ по всей тетради разсыпаны диѳирамбы любви. Приводимъ ихъ полностью въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же выписываемъ только начальныя ихъ фразы: „Aimer c'est vivre dans un monde que nous avons crée nous-mêmes[410])“... „Quel pouvoir, quel empire sur la terre peut se comparer à celui d'une femme véritablement aimée“[411])... „Qu'est ce que la lumière, qu'est-ce que l'air, la ville, la campagne, qu'est-ce que le monde entier sans toi“[412])... „Oh! si vous aviez une seule fois goûté la millième partie des plaisirs que l'on goûte quand on aime“[413])... „Le langage n'est plus nécessaire à ceux, dont les coeurs palpitans savent se faire entendre“ **)[414]) и т. п.

Отдернемъ нескромно завѣсу съ сердечныхъ тайнъ Петра Павловича. Вотъ краткій его донжуанскій списокъ съ перечнемъ тѣхъ только женщинъ, къ которымъ онъ питалъ истинное чувство; Элиза, Эмма Я., Неизвѣстная, Наталья Николаевна, Вѣра, Ольга, Софія Потоцкая.

Къ Элизѣ Петръ Павловичъ горѣлъ въ 16 лѣтъ самымъ чистымъ и ровнымъ платоническимъ пламенемъ[307]).—Эмму Я.—какъ кажется, милое, живое существо—любилъ уже не столь духовно въ бытность свою въ Геттингенѣ. Она присылала ему остроумные нѣмецкіе и французскіе стихи[415]). Въ глазахъ

*) Земля умретъ, солнце исчезнетъ, но любовь будетъ существовать во вѣки вѣковъ.

**) „Любить—значитъ жить въ мірѣ, созданномъ нами“... „Какое могущество, какая власть на землѣ могутъ сравниться съ вліяніемъ женщины, которую любишь настоящею любовью?“... „Что такое свѣтъ, что такое воздухъ,—городъ, деревня, вся вселенная, безъ тебя?“... „О если бы вы только однажды испытали тысячную часть тѣхъ наслажденій, которыя чувствуешь, когда любишь!“... „Слова излишни для тѣхъ, сердца которыхъ умѣютъ понять другъ друга“...

lib.pushkinskijdom.ru

ея онъ „видѣлъ рай“[609]) и 24 года спустя еще вспоминалъ о ней[416]).—Та, имя которой до насъ не дошло, составляла его счастье всего въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ; разлучила ихъ смерть[417]). Быть можетъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой тяжелой утраты Каверинъ писалъ къ Теплякову отъ 12-го Апрѣля 1824 г.: „Я не могу написать моихъ намѣреній, потому что ихъ нѣтъ. Мое существованіе кончилось; я живу, не знаю для чего, ничего не желая, въ туманномъ снѣ воспоминаній; счастье, пріятности меня давно забыли, я о нихъ знаю, какъ объ азбукѣ, по которой меня читать учили“[407]).—Съ Натальею Николаевной Каверинъ жилъ около 1824 г. и „воздухомъ дышалъ болѣе къ Калугѣ, потому что она была тамъ“. Въ Январѣ 1825 г. у нихъ родился сынъ Евгеній[407]). Не его ли судьбою интересовался Петръ Павловичъ въ 1854 г.? Въ дневникѣ его за этотъ годъ читаемъ: „Отъ Павлова грустное извѣстіе про Евгенія, будто онъ въ чахоткѣ“. „Писалъ къ Евгенію; Господи, спаси его“. Но молитва эта не была услышана, и вскорѣ затѣмъ Евгеній умеръ. „Миръ праху его“, записано Петромъ Павловичемъ мѣсяца два спустя.

Вѣра долго занимала мѣсто въ сердцѣ Каверина. Еще въ 1821 г. онъ былъ неравнодушенъ къ ней. „Nous avons eu M-me D. avec sa soeur“, отмѣчаетъ Елизавета Павловна въ запискахъ этого года (дѣло происходило въ Москвѣ); „ces dernières restèrent longtemps; Pierre sera aux regrets: il est un peu épris des charmes de Véra. Nous le contrarions“ *). Въ концѣ 1824 г. Вѣра отвѣчала на его любовь. „Въ моей жизни расцвѣлъ цвѣтокъ“, писалъ онъ къ пріятелю: „я блаженъ, какъ только можетъ подлунное существо быть блаженнымъ, мало сказать—счастливъ“. „Или думаешь, что я уже не дышу воздухомъ; нѣтъ, дышу, живу и наслаждаюсь жизнью“...[419]) „Нашимъ общимъ знакомымъ обо мнѣ и о моемъ счастьѣ прошу ни слова“[421]). Связь эта длилась не одинъ годъ. Въ припискѣ къ письму Пушкина отъ 18-го Февраля 1827 г., С. А. Соболевскій увѣдомляетъ Каверина, что „6-го Генваря отправленъ екстрадилижансъ со вложеніемъ Вѣры Ѳ. Де.“[354]).

Ольга, одна изъ „красавицъ сѣвера“, какими ихъ изобразилъ С. Челищевъ[422]), была беззавѣтно и страстно предана Петру Павловичу[423]). Но чувства на землѣ преходящи. Когда на старости лѣтъ Каверинъ неожиданно встрѣтился съ ней въ Житомірѣ, она даже не пожелала съ нимъ видѣться. А на него пахнуло молодостью и прежнею любовью.—„Уничтоженъ“, писалъ онъ 27-го Іюня 1855: „неожиданно вдругъ въ входѣ въ кофейню М-мъ И. и Olympie... Я насилу на ногахъ устоялъ. Выросла, похорошѣла... Я самъ не свой. „Depuis cinq mois nous sommes ici et demain nous partons“ **). Отчего? Зачѣмъ?—Не могу писать, ошалѣлъ, боленъ“. Тщетно въ тотъ день добивался онъ свиданія—на обѣдѣ, въ театрѣ, ѣздилъ мимо дома... „Такъ близко къ раю и не въ немъ!“ На другой день

*) „У насъ была Mme Д. съ сестрою. Онѣ оставались недолго. Пьеръ будетъ очень сожалѣть: онъ находится немного подъ обаяніемъ Вѣры. Мы его дразнимъ“.

**) „Мы провели здѣсь пять мѣсяцевъ, а завтра уѣзжаемъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

Петръ Павловичъ поѣхалъ къ ней; сердце его билось... „И что же?— Встрѣчаетъ Барановскій, говоритъ, что И. заболѣла, а я самъ видѣлъ, какъ лежала на балконѣ. Подъ одною крышей и не вижу... Господи, прости стараго дурака“. (29-го Іюня). *„Уѣхали вчера“*. (30-го Іюня) „Легче, что знаю, что ея нѣтъ“. (11 Іюля) „Мечты и сны объ Olympie. А Ольга имянинница“.

Наконецъ съ Софьею Потоцкой Петръ Павловичъ находился въ любовной связи въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей жизни [358]), но зналъ онъ ее, кажется, съ давнихъ поръ. Такъ въ 1815 г. въ Тульчинѣ полагали, что Петръ Павловичъ влюбленъ въ „Софью П.....“ [348]). Въ 1818 г. Елизавета Павловна, проѣзжавшая чрезъ Западный край, упоминаетъ о „Софьи П.....“, какъ о „знакомой“ своего брата [285]). Повидимому еще задолго до смерти Петра Павловича она стала его женою. Была она католичкою.

По записямъ Петра Павловича можно отчасти вывести заключеніе и о его политическихъ взглядахъ. Подобно Чаадаеву и многимъ другимъ молодымъ офицерамъ той эпохи, онъ несомнѣнно „принадлежалъ къ кругу передовой военной молодежи, направленіе которой сложилось во время Отечественной войны и заграничныхъ походовъ 1813—1814 гг., молодежи проникнутой по возвращеніи изъ Европы общественными стремленіями, преданностью свободѣ и справедливости“ [424]). Студентъ Геттингенскаго университета, онъ привезъ изъ Германіи туманной „вольнолюбивыя мечты“ [425]), и несмотря на впитанный съ молокомъ матери строгій монархизмъ [426]), въ немъ проявлялись конституціонныя стремленія. Великій Новгородъ представлялъ для него не однѣ только „развалины Ганзы“ [427]). Въ его тетради на самомъ первомъ мѣстѣ записана „Ода на свободу“ („Бѣги, сокройся отъ очей“). Приведена далѣе и слѣдующая нѣмецкая пьеска:

„Du hättest es verprasst“, so spricht zum Wandersmann
Der Gaudieb, der sein Geld ihm aus der Börse leeret.
„Du hättest sie misbraucht“, so tröstet der Tyrann
Das gute Volk, dem er der Freiheit Flügel scheeret *).

Послѣдніе шесть стиховъ Пушкинской пьесы „Изыде сѣятель“ (начиная со стиха: „Паситесь мирные народы“) посвящены въ его тетради „Русскому народу“ [428])—впрочемъ кѣмъ, имъ самимъ или Пушкинымъ неизвѣстно. Находимъ у него равнымъ образомъ четверостишіе: „Я видѣлъ рабскую Россію“ [429]). Съ „рабствомъ“ въ Россіи онъ примириться не могъ. Обстоятельство, что „въ отечествѣ“ свобода ужасаетъ тысячи рабовъ, приводило его въ негодованіе [430])—такъ же, какъ видъ надсмотрщика, наблюдающаго съ плетью за работающими бабами и дѣвками [431]). Какъ образчикъ проявленія раболѣпія, Петръ Павловичъ хранилъ письмо нѣкоей дворовой дѣвки Маріы къ его мачихѣ, съ фанатическими увѣреніями въ рабскихъ чувствахъ [432]).—Кто знаетъ, не въ честь ли этой самой Маріы прозвалъ

*) „Ты промоталъ бы свои деньги“, говоритъ путнику грабитель, вытряхивая его кошелекъ. „Ты злоупотребилъ бы своею свободой“, утѣшаетъ тиранъ благодушный народъ, обрѣзывая свободѣ крылья.

lib.pushkinskijdom.ru

онъ Марѳуткой рабски преданную ему кошку, ночевавшую въ рукавѣ его халата[433]). Вообще въ Петрѣ Павловичѣ можно было подмѣтить стремленіе къ демократизму и къ полному равноправію между людьми. „Кто будетъ стыдиться—выписано имъ изъ одного романа—передъ тропомъ Вышняго стоять возлѣ бѣднѣйшаго нищаго? Кто можетъ негодовать, что смерть царю и земледѣльцу стелетъ ложе для вѣчнаго сна на одной землѣ?—Какъ?—А если любовь соединяетъ герцогиню съ рыцарями, невольниковъ съ дворянами, должно ли быть то постыдно?“[434]). Вотъ и другая, тожественная по смыслу, запись въ его тетради:

Als Adam hackt' und Eva spann,
Wo war damals der Edelmann?*)

Имѣется свѣдѣніе, что заподозрѣнный въ прикосновенности къ дѣлу Декабристовъ, Каверинъ одно время сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. По семейному преданію, отецъ его Павелъ Никитичъ на колѣняхъ вымолилъ для него прощеніе у императора Николая,—и Петръ Павловичъ былъ помилованъ, ему было даже разрѣшено вновь поступить на службу, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что онъ никогда не удостоится производства въ генералы(?)[435]).—Но можно положительно утверждать, что Каверинъ ни прямо, ни косвенно не участвовалъ въ Декабрьской революціи. Въ концѣ 1825 г. онъ былъ въ отставкѣ и жилъ въ глуши, въ Калужской губерніи; да и государь Николай Павловичъ не отпустилъ бы ему серьезной вины изъ-за заступничества отца. Вѣрнѣе предположить, что въ числѣ многихъ другихъ лицъ онъ былъ арестованъ по подозрѣнію, быть можетъ въ виду принадлежности къ „Союзу благоденствія“[436]), и затѣмъ освобожденъ и „оставленъ безъ вниманія“[437]). Правда, къ позднѣйшей службѣ въ Радзивиловѣ Петръ Павловичъ относился какъ къ своего рода ссылкѣ: „Все же лучше, чѣмъ въ Сибири“, говаривалъ онъ. Но не слѣдуетъ забывать, что въ тѣ времена можно было пострадать и за самыя невинныя сношенія съ Декабристами[438]).

Во всякомъ случаѣ по своимъ убѣжденіямъ Петръ Павловичъ въ активные бунтовщики не годился, и участіе его въ дѣлѣ 14-го Декабря было бы (по выраженію Пушкина, сказавшаго это о Кюхельбекерѣ) „похмельемъ въ чужомъ пиру“. Понималъ онъ присягу по-военному и никогда не измѣнилъ бы ей.—„Помните, какъ я всегда свято исполнялъ долгъ, берите примѣръ, молодой человѣкъ“, писалъ онъ къ одному товарищу, замышлявшему некорректный въ служебномъ отношеніи шагъ[439]).

Жизнь свою Петръ Павловичъ прожилъ „по своей волѣ“. Эпиграфомъ къ его дневнику выставлено:

Und was er gewollt, hat er empfunden!
Und was er gewollt, hat er gethan!**)[358])

---

*) Въ то время какъ Адамъ копалъ землю, а Ева пряла, гдѣ были дворяне?

**) Чѣмъ хотѣлъ тѣмъ и наслаждался, что хотѣлъ то и дѣлалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

На земное поприще онъ смотрѣлъ свѣтло до легкомыслія. Далекій ото всякихъ искусовъ тщеславія и суетности[440]), онъ искалъ лишь самаго скромнаго счастья[441]), благословлялъ мирный свой удѣлъ, не желалъ ни славы, ни богатства[440]), высшимъ счастьемъ считалъ свободу и покой, никому не завидовалъ и не желалъ зла, со всѣми хранилъ миръ[443]), былъ врагомъ всякаго лицемѣрія[442]), не умѣлъ изгибаться дугой, душевно ненавидѣлъ ложь и льстецовъ—„и тамъ лишь якорь свой бросалъ, гдѣ можно сердцемъ отдохнуть“[443]). Вообще жилъ онъ какъ жилось, не размышляя надъ загадкою бытія и не оглядываясь назадъ. Есть указаніе, что задумался онъ надъ своимъ существованіемъ и оглянулся на прошлое только на пятомъ десяткѣ[444]).

Въ старости Петръ Павловичъ круто измѣнился. Платя дань за излишества и невоздержанность въ молодости, онъ страдалъ разными недугами—хиагрою, ревматизмомъ, общею слабостью и проч., часто грустилъ, рѣдко бывалъ веселъ; тѣмъ не менѣе до послѣднихъ дней дѣятельно исполнялъ служебныя обязанности, находился въ постоянныхъ разъѣздахъ по должности, цензуровалъ иностранную почту, много читалъ и кажется дѣлалъ какія-то сообщенія въ одно научное повременное изданіе. Послѣдніе годы жизни онъ сталъ до крайности набожнымъ и стремился къ самоусовершенствованію. Въ дневникѣ его часто встрѣчаются такого рода отмѣтки: „Пѣлъ, мыслилъ и Бога благодарилъ“... „И тужилъ, и грѣшилъ, и Богу молился“... „Грѣшилъ, сердился и на кучера, и на Аѳанасья“... „Я глупъ и золъ, Господи помилуй!“

Какъ горячій патріотъ, онъ принималъ близко къ сердцу событія несчастной для насъ войны 1854—1855 гг.[358]), и быть можетъ вѣсть о взятіи Севастополя буквально убила его. Онъ заболѣлъ въ началѣ Сентября въ Житомірѣ, во время служебной поѣздки, когда новость эта еще не достигла его. Затѣмъ ему стало нѣсколько лучше, онъ снова принялся за чтеніе, которое до того вѣроятно было ему запрещено,—и 30-го Сентября его нашли мертвымъ съ газетою въ рукахъ, содержавшей подробности паденія Севостополя[445]).

По вопросу о связи между Пушкинымъ и Каверинымъ представимъ сначала краткую хронологію ихъ сношеній и отношеній.

Первое знакомство и вмѣстѣ сближеніе поэта съ Петромъ Павловичемъ восходитъ къ лицейскому времени Пушкина, къ 1816 г., когда Каверинъ опредѣлился въ лейбъ-гусарскій полкъ.—Въ то время поэтъ „пировалъ на распашку въ кружкѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“[446]), „вмѣстѣ съ ними тайкомъ отъ своего начальства любилъ приносить жертвы Бахусу и Венерѣ“[447]), при чемъ любимымъ его собесѣдникомъ[446]) и товарищемъ по кутежамъ былъ Петръ Павловичъ[447]). „Въ средѣ указанной молодежи Пушкинъ дѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. между прочимъ съ Каверинымъ становился кутилой“[448]).

Въ 1816 г. въ одномъ шуточномъ четверостишіи (выше мы привели изъ него два стиха) Пушкинъ сравнилъ себя по самоувѣренности съ Каверинымъ[324]); въ томъ же году или въ слѣдующемъ помянулъ его

lib.pushkinskijdom.ru

весьма нелестно въ „Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“; въ 1817 г. посвятилъ ему два самостоятельныхъ стихотворенія—извинительное посланіе: „Забудь, любезный мой Каверинъ“, и надпись къ его портрету: „Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ“.—17-го Марта 1819 г. Каверинъ былъ переведенъ въ Ольвіопольскій полкъ, но, какъ мы видѣли, въ Маѣ этого года еще кутилъ съ Пушкинымъ въ Петербургѣ.

Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ Каверинъ названъ дважды. Пушкинъ упоминаетъ о немъ также въ наброскѣ стихотворенія:

Сабуровъ, ты оклеветалъ
Мои пріятныя затѣи,
Какъ я съ Каверинымъ гулялъ и проч.[449]).

Въ началѣ 20-хъ гг. всѣ „забыли о Пушкинѣ въ его далекой ссылкѣ“[450]), но и со своей стороны,

Оставя кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи своемъ онъ не жалѣлъ о нихъ[451]);

о Каверинѣ впрочемъ иногда вспоминалъ и корчилъ лихача[452]); однако, какъ можно заключить изъ одного его письма, уже въ 1825 г. „на старыя проказы“ съ нимъ—глядѣлъ „довольно равнодушно“[453]).

Въ 1826 г. сношенія между ними возобновились, на что́ указываетъ между прочимъ упоминаемое выше письмо Грибоѣдова къ Бѣгичеву съ просьбою добыть ему чрезъ Каверина „Бориса Годунова“. Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву 8-го Сентября 1826 г.[455]) и, какъ кажется, пробылъ тамъ болѣе полутора мѣсяца[456]); затѣмъ съ 20-го Декабря 1826 г. по 19-е Мая 1827 г. почти безвыѣздно жилъ въ Москвѣ[457]). Относительно Каверина мы имѣемъ прямое указаніе, что около 24 г. онъ часто бывалъ въ Москвѣ и одно время жилъ въ 29-ти верстахъ отъ нея. Вѣроятно бывалъ онъ въ Москвѣ и въ послѣдующіе два года, между прочимъ осенью 1826 г., когда тамъ находился Пушкинъ. Принятъ онъ былъ вторично на службу 11-го Сентября 1826 г.[309]), но изъ Москвы къ мѣсту служенія должно быть отправился уже къ зимѣ.

18-го Февраля 1827 г. Пушкинъ послалъ Каверину янтарь, при письмѣ, которое, судя по тону, писано было послѣ недавней разлуки. „Каково поживаешь ты въ свиномъ городкѣ?“ спрашивалъ его Пушкинъ (въ 1827 и 1828 гг. Петръ Павловичъ жилъ въ Боровкѣ—Калужской губерніи(?))„—здѣсь тоска по прежнему—наша съѣзжая въ исправности—частный приставъ Соболевской бранится и дерется по прежнему“ и т. д.[354]). Письмо это было вѣроятно не единственнымъ, но конечно черновиковъ для такихъ писемъ Пушкинъ не составлялъ, почему въ бумагахъ его и не сохранилось ихъ слѣдовъ. Изъ Каверинскихъ же бумагъ, какъ мы видѣли, уцѣлѣло весьма немногое.

Встрѣтились они затѣмъ въ Январѣ 1830 г. Поэтъ очень обрадовался этому свиданію[331]).

Въ началѣ 1836 г. Каверинъ ѣздилъ изъ своего юго-западнаго захолустья, гдѣ тогда служилъ, въ Петербургъ[459]) и здѣсь вѣроятно снова видѣлся съ Пушкинымъ. Въ бумагахъ Каверина находимъ собственноручную

lib.pushkinskijdom.ru

записку поэта на маленькомъ неправильной формы лоскуткѣ сѣрой бумаги, оторванномъ несомнѣнно отъ какого-то письма[460]): „Mille pardon, mon cher Kaverine, si je vous fais faux bon—une circonstance imprévue me force à partir de suite“ [502]).—Не къ тому ли времени относится эта записка и не слули извиненіемъ за внезапный уходъ съ какого либо обѣда или ужина у Talon или у самого Каверина[461])?

Послѣ Февраля 1836 г. Пушкинъ и Каверинъ болѣе не видались.

Нѣтъ сомнѣнія, что смолоду друзей связывали главнымъ образомъ совмѣстные кутежи и шалости[223]). „(Я пилъ) съ Каверинымъ... (я пилъ)“, читаемъ въ одномъ черновомъ наброскѣ Пушкина (слова въ скобкахъ впослѣдствіи зачеркнуты)[610]). Объ ихъ кутежахъ много говорилось. Одинъ, какъ мы видѣли, зарегистрованъ въ тетради Каверина осьмистишіемъ Пушкина, быть можетъ другой отмѣченъ извѣстнымъ рисункомъ поэта[151]), изображающимъ двухъ мущинъ за столомъ, полураздѣтую женщину съ бутылками въ рукахъ и маленькій скелетъ въ плащѣ и со шпагою[462]). По словамъ Анненкова[463]), въ фигурѣ, сидящей за столомъ, изображенъ Каверинъ. И дѣйствительно, фигура эта имѣетъ сходство съ одною изъ сохранившихся миніатюръ Петра Павловича[464]).

Надо однако полагать, что такіе кутежи не всегда превращались въ оргію, и хотя волшебная струя аи или моэта „рождала глупостей немало“, за то вызывала также и шутки, и стихи, и споры, и веселые сны[465]). Вдобавокъ, „на шумъ пировъ“ Пушкинъ приводилъ свою музу, которая „за чашей пѣла для гостей“, тогдашняя молодежь „за нею буйно волочилась“ [466]),—и однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ея поклонниковъ былъ Каверинъ.

Съ другой стороны Каверинъ, какъ гусаръ, и къ тому же какъ лихой гусаръ, въ первое время не могъ не имѣть особаго обаянія для Пушкина, такъ какъ поэтъ и для себя мечталъ „о блестящемъ ментика сіяньи“ [467]).

Въ тетради Петра Павловича списку съ посланія „Забудь, любезный мой Каверинъ“ предпослана слѣдующая отмѣтка: „Пушкинъ въ Noël на лейбъ-гусарской полкъ не прочтя мнѣ помѣстилъ и на мой щетъ порядочный куплетъ, и чтобъ извиниться прислалъ чрезъ нѣсколько дней слѣдующее посланіе;—оригиналъ у меня“. Характерны эти слова „не прочтя мнѣ“, безъ сомнѣнія относящіяся по существу ко всей пьесѣ (вспомнимъ неудовольствія, которыя „Молитва“ навлекла со всѣхъ сторонъ на поэта).—Слова эти какъ бы указываютъ, что Каверинъ, будучи изъ гусарской молодежи самымъ близкимъ другомъ Пушкина, служилъ ему отчасти и руководителемъ въ сношеніяхъ его съ этимъ кружкомъ.

Но во всякомъ случаѣ связь Пушкина съ Каверинымъ основывалась не на однихъ кутежахъ и не на однихъ отношеніяхъ къ нему какъ къ гусару, а также и „на глубокой внутренней симпатіи, на общности нравственныхъ и умственныхъ интересовъ“. „Не подлежитъ сомнѣнію“, справедливо замѣчаетъ Майковъ[469]), „что молодой поэтъ не только повѣсничалъ съ Каверинымъ, но и велъ съ нимъ бесѣды о серьезныхъ предметахъ“.—Бесѣды эти—прибавимъ отъ себя—были конечно не академическими разсужденіями, а горячими, не особенно послѣдовательными толками обо

lib.pushkinskijdom.ru

всемъ, приправленными съ обѣихъ сторонъ живостью и остроуміемъ. Надо полагать, что

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Временъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь, въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду[470]).

Вѣроятно польщенный пламеннымъ вниманіемъ Каверина къ его музѣ и цѣня вдобавокъ литературный вкусъ Петра Павловича, поэтъ сообщалъ ему свои стихи, быть можетъ допуская его критику,—и это равнымъ образомъ вело къ сближенію. Нѣкоторыя Пушкинскія пьесы записаны у Петра Павловича въ первоначальной ихъ редакціи, при чемъ отдѣльные стихи и отдѣльныя слова въ стихахъ иногда подчеркнуты въ знакъ неодобренія. Въ двухъ—трехъ стихотвореніяхъ подчеркнутые Каверинымъ стихи были впослѣдствіи измѣнены Пушкинымъ[471]).

Если не самъ Каверинъ былъ вдохновителемъ пьесъ „гусарскаго содержанія", какъ напр. „Слеза", „Усы", то безъ сомнѣнія попадали онѣ къ нему къ одному изъ первыхъ; но Пушкинъ сообщалъ ему и болѣе серьезные стихи—напримѣръ, „Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны",—стихотвореніе, которое самъ для него переписалъ[472]). Поводомъ къ сочиненію оды „Вольность" послужилъ разговоръ поэта съ Каверинымъ: проѣзжая съ нимъ ночью на извощикѣ мимо Инженернаго замка—можетъ быть на Фонтанку, къ Тургеневымъ—Пушкинъ вызвался написать стихи на это мрачное зданіе[308]). Свѣдѣнію этому не противорѣчитъ разсказъ Вигеля, по которому кто-то изъ молодыхъ вольнодумцевъ, смотря въ открытое окно изъ квартиры Тургеневыхъ на пустой „забвенію брошенный дворецъ", шутя предложилъ поэту написать на него стихи. Этотъ кто-то и могъ быть Каверинъ, продолжавшій разговоръ, начатый на извощикѣ.

Упомянутое обращеніе А. С. Грибоѣдова, въ Декабрѣ 1826 г., къ посредству Каверина для полученія „Бориса Годунова" какъ бы указываетъ, что и по возвращеніи поэта изъ ссылки Петръ Павловичъ оставался его повѣреннымъ по части новыхъ произведеній. Какъ быстро сравнительно попадали къ Каверину пьесы поэта, можно видѣть изъ датъ нѣкоторыхъ записей въ первой каверинской тетради[473]).

Стиховъ Пушкина у Петра Павловича было много и кромѣ записанныхъ въ тетрадь (—безъ сомнѣнія предназначавшуюся преимущественно для запрещенныхъ пьесъ); послѣ смерти поэта ему предлагали за нихъ деньги, но онъ почему-то отказался обнародовать ихъ[474]). Какъ любовно относился онъ къ произведеніямъ Пушкина, можно заключить изъ послѣдовательныхъ, притомъ иногда самыхъ незначительныхъ поправокъ, которыя онъ дѣлалъ въ своихъ спискахъ. сообразуясь вѣроятно съ другими ко-

lib.pushkinskijdom.ru

піями и съ печатными изданіями [475]). Можно также судить о его уваженіи къ Пушкинскимъ стихамъ по знакамъ препинанія, свято списывавшимся имъ съ автографовъ поэта. Лишняя запятая, поставленная-было имъ въ спискѣ съ посланія „Забудь“, дважды тщательно перечеркнута. Въ копіи съ другой Пушкинской пьесы замѣчаемъ слизанную запятую. Въ концѣ нѣкоторыхъ Пушкинскихъ стихотооренiй наблюдаемъ въ записяхъ Каверина характерное отсутствіе заключительной точки, тогда какъ въ концѣ остальныхъ ста восьмидесяти слишкомъ сдѣланныхъ имъ списковъ и выдержекъ неукоснительно поставленъ какой либо знакъ: точка, многоточіе, знакъ восклицанія. Пунктуаціи другихъ авторовъ Каверинъ въ свои копіи не переносилъ [476]).

Сравнивая, по внѣшнимъ и внутреннихъ свойствамъ, Михаила Андреевича съ Петромъ Павловичемъ, мы видимъ въ нихъ общаго только то, что въ молодости оба были живыми, веселыми, жизнерадостными людьми. Прочіе ихъ черты представляютъ крайнія противоположности:

....волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой [477]).

Въ Щербининѣ находимъ извѣстную сухость, надменность, выдержку, наружный этикетъ, типическую законченность во всемъ обликѣ; въ Каверинѣ—душу на распашку, непосредственность, поэтическую непослѣдовательность и безпорядокъ, при большей, однако, широтѣ взглядовъ и болѣе разностороннемъ интересѣ ко всему. Каверинъ былъ болѣе кипучъ, болѣе преданъ поэзіи жизни, болѣе самородокъ, чѣмъ Щербининъ. Самая дружба между Щербининымъ и Каверинымъ, подобно дружбѣ Онѣгина съ Ленскимъ, быть можетъ объясняется этими противоположностями. Но, какъ тутъ кстати будетъ замѣтить, если въ Щербининѣ можно найти сходственные черты съ Онѣгинымъ, то между Каверинымъ и Ленскимъ, какимъ послѣдній окончательно вылился у Пушкина, нѣтъ ни малѣйшаго сходства,—развѣ только, что Пушкинъ заимствовалъ у Каверина общія черты геттингенскаго студента, привезшаго изъ туманной Германіи плоды учености и между прочимъ „духъ пылкій и довольно странный“ [478]).

Первоначальный абрисъ Ленскаго по черновому варіанту—„(Крикунъ, мятежникъ) (мечтатель) и поэтъ“ [479])—ближе подходилъ бы къ Каверину.

Если на Щербинина, какъ на представителя высшаго общества, поэтъ смотрѣлъ заискивающе, то съ Каверинымъ былъ на равной ногѣ, за то относился къ нему съ большею душевностью и теплотою. Посланіе къ нему не отзывается лестью, и комплименты, можетъ быть и преувеличенные („умъ возвышенный“), вызваны только искреннимъ желаніемъ примириться съ нимъ и извиниться за нанесенную ему мало заслуженную обиду.

Безъ сомнѣнія Пушкинъ цѣнилъ въ Каверинѣ его открытый нравъ [480]), сердечную доброту, простодушіе, неизсякаемую веселость, „мечтамъ невольную преданность, неподражательную странность“ [481]), самые „экстравагансы“ *), отмѣчаемые Елизаветою Павловной,—экстравагансы, уживавшіеся

*) Безразсудства, сумасбродства.

lib.pushkinskijdom.ru

въ немъ съ полною порядочностью и высшею честностью—вообще все то, что въ совокупности дѣлало изъ него своеобразный, цѣльный типъ, на который не могъ не залюбоваться и который не могъ не полюбить поэтъ.—Въ обращеніи съ Петромъ Павловичемъ Пушкинъ называлъ его „моя прелесть“ [482]), „душа моя“ [354]).

Петръ Павловичъ платилъ Пушкину горячею преданностью за его расположеніе и открыто исповѣдывалъ культъ не только къ его стихамъ, но и къ нему самому. Какъ Ѳ. Н. Глинка, онъ помимо его таланта любилъ въ немъ—„всего его“. Трагическая кончина поэта, какъ кажется, глубоко поразила Петра Павловича. Въ числѣ немногихъ сохранившихся послѣ Каверина газетныхъ вырѣзокъ, находимъ сентенцію военнаго суда по дѣлу о дуэли Пушкина, съ конфирмаціею государя о высылкѣ рядового Геккерна, какъ не русско-подданнаго, за границу. Въ Февралѣ 1837 г., записавъ въ тетрадь, по памяти, нѣсколько Пушкинскихъ строкъ, Каверинъ прибавилъ подъ ними: „Его ужъ нѣтъ!!!“ [483]). Въ этихъ трехъ словахъ, записанныхъ имъ для себя одного, сказались—и сознаніе громадности утраты, понесенной Россіею, и неподдѣльная, сердечная печаль.

Таковою по ближайшемъ знакомствѣ является личность Петра Павловича Каверина, дружбою съ которымъ корили Пушкина многіе десятки лѣтъ.

IV.

Намъ остается еще привести описаніе Каверинскихъ тетрадей и сохранившихся послѣ него бумагъ. Помимо общаго представляемаго ими интереса, содержаніе тѣхъ и другихъ можетъ, какъ мы уже указывали, послужить для болѣе подробной его характеристики.

Тетрадей уцѣлѣло три; по датамъ записей онѣ относятся—первая къ 1824—1830, вторая къ 1832—1847, третья къ 1851—1855 гг.—Записи дѣлались въ нихъ не въ ариѳметическомъ порядкѣ страницъ, а въ разброску, гдѣ случится—вѣроятно согласно тогдашней модѣ [484]). При этомъ всякая помѣчалась мѣстомъ, числомъ мѣсяца и годомъ занесенія. Иногда рядомъ съ такою помѣтой выставлялась другая, болѣе ранняя, указывающая мѣсто и время перваго ознакомленія Каверина съ пьесою.—Здѣсь мы располагаемъ записи не въ постраничномъ порядкѣ, а въ хронологическомъ, т. е. по времени ихъ записанія. Для облегченія справокъ, послѣдовательно номеруемъ и записи, и документы.

Самая цѣнная изъ тетрадей несомнѣнно первая, въ которую попала бо̀льшая часть изъ записанныхъ Петромъ Павловичемъ стиховъ Пушкина. Стихи эти въ то время на половину принадлежали къ числу обращавшихся только въ рукописи.

Правда, „тогда вездѣ ходили по рукамъ, переписывались, читались наизустъ „Деревня“, „Ода на свободу“, „Ура, въ Россію скачетъ...“ и другія мелочи въ томъ же духѣ“ [485]); но записи Каверина представляютъ особые интересъ и важность, такъ какъ въ большей части случаевъ онъ получалъ стихи непосредственно отъ Пушкина или списывалъ ихъ съ авто-

lib.pushkinskijdom.ru

ритетныхъ копій, быть можетъ сообщаемыхъ ему Вяземскимъ, у котораго было много Пушкинскихъ „бредней“ [486]).

У Каверина имя Пушкина ни подъ текстомъ пьесъ, ни въ оглавленіяхъ не значится, приведено оно только въ отмѣткахъ, относящихся къ пяти-шести невиннымъ стихотвореніямъ,—между тѣмъ какъ другіе авторы почти всегда названы. На основаніи этого обстоятельства допустимо предположеніе, что помимо попавшихъ въ тетрадь всѣмъ извѣстныхъ Пушкинскихъ стиховъ, нѣкоторые изъ записанныхъ Каверинымъ русскихъ и французскихъ стихотвореній безъ имени автора, тоже принадлежатъ перу Пушкина—напримѣръ, по части русскихъ стиховъ, четверостишія: „къ Сипягину“ и „къ Плещееву“, записанныя наряду съ извѣстными Пушкинскими посланіями: „къ Дельвигу“, „къ Орлову“, „къ Языкову“, „къ Цензору“, „къ Каверину“, „къ Щербинину“ и проч.—Эти мелочи могли быть обронены поэтомъ въ видѣ экспромтовъ, случайныхъ набросковъ и т. п., и затѣмъ подобраны влюбленнымъ въ него и въ его музу Каверинымъ. Счесть безусловно ихъ за Пушкинскія, конечно, нѣтъ достаточнаго основанія, но ихъ слѣдовало бы оставить „подъ сомнѣніемъ“ [487]).

Какъ бы то ни было, за записями Петра Павловича нельзя не признать особеннаго значенія.

„Русская литература не должна забывать“—говоритъ князь Вяземскій—„что Каверинъ былъ товарищемъ и застольникомъ Евгенія Онѣгина, который съ нимъ заливалъ шампанскимъ горячій жиръ котлетъ“.—Теперь литература наша оцѣнитъ и другую, болѣе существенную заслугу Петра Павловича, а именно, что имъ сохранено для потомства два-три несомнѣнныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ шуточныхъ куплета Пушкина, а также не мало разночтеній напечатанныхъ его стиховъ, и что записи Каверина выясняютъ недоразумѣнія, касающіяся нѣкоторыхъ пьесъ поэта, въ другихъ же пьесахъ исправляютъ ошибки, получившія право гражданства послѣдовательнымъ перенесеніемъ изъ одного изданія сочиненій Пушкина въ другое.

Въ числѣ другихъ стиховъ находимъ у Каверина одно неизданное стихотвореніе Д. Давыдова [390]).

Первая тетрадь—въ четвертую долю листа, переплетена въ красный переплетъ, корешокъ и углушки коего обтянуты зеленою юфтью. На листахъ имѣются кое-гдѣ водяные знаки съ указаніемъ 1823 года.

На внутренней сторонѣ задней крышки переплета написано въ три столбца слѣдующее оглавленіе (цифры слѣва обозначаютъ страницы тетради):

„1.—Ода на свободу.
5.—Импер. Елизаветѣ.
6.—Деревня.
8.—Я люблю вечерній циръ.
9.—Tableau de Paris à 5 h. du matin.
10.— — — — à 5 h. du soir.
13.—Si quelqu'un etc.—изъ Moine.
14.—Отрывокъ мелодраммы.
16.—Le ménage de garçon.
18.—Les coups.
20.—C'est impossible.
22.—Русалка.
24.—Die Erde etc.

lib.pushkinskijdom.ru

25.—Изъ Melmont.
26.—Thekla.—
28.—Aimer.—
30.—Les serments.
32.—Пародія на Людмилу.
33.—Прощаніе съ Лицеемъ.
34.—Къ прелестницѣ.—
35.—Любовницѣ.—
36.—Къ Дельвигу.
38.—Братья разбойники.—
48.—Блаженъ кто и проч.
49.—Au bruit d'une fade etc.
50.—Переводъ этого же.
53.—Къ Орлову.—
55.—Pour assurer etc.
56.—La vie des moines.
57.—Къ Плещееву.
58.—Laissons le myrthe etc.
58.—Il est perdu etc. etc.
59.—Gentil huzard.
60.—Слеза въ бокалѣ.
61.—Къ Языкову.—
63.—Пародія на Черную шаль.
68.—Le bonheur pendant la nuit.
— Comme une erreur mensongère.
69.—Море.—
72.—Къ Цензору.—
77.—Un jour le bon Dieu s'éveillant.
82.—Къ Каверину.
83.—Къ Сипягину.
84.—Къ Щербинину.
85.—Черная шаль.
86.—Эпиграмма Нѣмецк.
87.—Изъ Moine.
— О В....!
88.—Одинокъ въ облакахъ.
— Пушкинъ въ унынiи.
89.—Изъ Шанди.—
90.—Къ Каверину—[Комарова].
92.—Emma ко мнѣ.
93.—La raison cède à l'amour.
94.—Усы.—
96.—Къ Горчакову.—
99.—Звеселився Козаченко.
101.—Anecdote sur la vicomtesse de R.
— Vernimm o Emma etc.
102.—Als ich noch in Flügelkleider.
103.—Изъ романа—Сѣдой локонъ.
113.—На возвратъ Государя.—
115.—Пушкинъ про себя въ Лицеи.
— Русскому народу.—
116.—На вечерѣ у Каверина.
— Надпись къ портрету Пушкина.
117.—Надпись къ портрету Каверина.
— Стурзѣ.
— Слово Mirabeau.
25.—Ахъ тетушка! ахъ Анна Львовна!
65.—О муза пламенной сатиры!
104.—Ода Наполеону.
79.—Les caprices.
— Quand ta beauté.
66.—Quel pouvoir etc.
64.—De plaire sans aimer etc.
87.—Qui te connais etc.—
67.—Jeu de mots sur Napoléon.
106.—Къ красавицѣ—[Давыдова].
80.—N'est-ce pas la marque etc. etc.
— Qu'est-ce que la lumière etc. etc.—
108.—Du bas Poitou etc.—
110.—Старый мужъ!
114.—Катинька.
52.—Parole de Schapoor.
111.—Te souviens-tu?
100.—Je te l'ai fais ‹sic›.
114.—Je veux pour ma félicité etc.
112.—Но помнишь ли?
81.—На що мине женитися?
80.—Люди мѣлкія.
81.—Сабурова: Te souviens-tu.
98.—За горами, за долами.
110.—Когда хотите непремѣнно.
— Для Marcoffski.
25.—Къ Фрейтагу про чай.
103.—2 Souvenirs d'Hadjilar

lib.pushkinskijdom.ru

Слѣдуютъ записи. Онѣ заполняютъ всѣ 117 страницъ тетради.

1.—[488]) „**C'est deja beaucoup** d'être heureux la nuit; la nature ressemble à une belle femme, qui pendant le jour ne montre au vulgaire que les beautés de son visage et qui pendant la nuit en dévoile de secrètes à son amant".—

"28 Octobre 1824. Kaluga".

Сверху приписано: „Первое что написалъ въ этой книгѣ 15 Ноября 827. Боровка".

2. —„**Братья разбойники**".

„30 Октября 824. Калуга".

Приведенъ весь текстъ за исключеніемъ послѣднихъ 16-ти стиховъ, какъ извѣстно появившихся въ печати только въ посмертномъ изданіи. По датѣ видно, что стихотвореніе списано съ рукописи. Въ печати оно появилось впервые въ „Полярной Звѣздѣ" въ 1825 г.—Князю же Вяземскому было сообщено поэтомъ гораздо раньше, при письмѣ отъ 11-го Ноября 1823 г. [489]).—Каверинская копія представляетъ варіанты противъ печатнаго текста; въ копіи сдѣланы Петромъ Павловичемъ нѣкоторыя исправленія (частью тѣми же, частью другими чернилами); одинъ стихъ, вслѣдъ за 172-мъ стихомъ, въ печатныхъ изданіяхъ не встрѣчается.—Приводимъ эти варіанты, исправленія и пропущенный стихъ.

Варіанты: Стихъ 8-й: „Они слеталисъ для стяжаній", вмѣсто: „Они стеклися для стяжаній".

Стихи 19-й—„Суть узы страшнаго семейства", и 21-й—„Прошелъ всѣ степени злодѣйства", первоначально записаны Каверинымъ въ приведенной редакціи, сотвѣтствующей позднѣйшему, печатному тексту, но затѣмъ исправлены: слово „суть" замѣнено словомъ „вотъ", а слово „степени" словомъ „ужасы".

Стихъ 23-й: „Кто грабитъ хладною рукой", вмѣсто: „Кто рѣжетъ хладною рукой".

„ 25-й: „Кто лѣтъ, ни пола не щадитъ", вмѣсто: „Кто не прощаетъ, не щадитъ".

„ 28-й: „Огонь потухъ теперь луна"; первыя три слова зачеркнуты и надъ ними написано: „Затихло все и вотъ" [луна]; въ печатныхъ изданіяхъ: „Затихло все; теперь луна".

„ 30-й: „И кружка пѣннаго вина", вмѣсто: „И чарка пѣннаго вина".

Стихъ 35-й первоначально въ Каверинскомъ спискѣ читался такъ: „Надъ ихъ преступною главой", затѣмъ послѣднія два слова исправлены: „преступной головой".

„ 36-й: „Другимъ бесѣды сокращаетъ", вмѣсто: „Другимъ разсказы сокращаетъ".

lib.pushkinskijdom.ru

Въ 38-мъ стихѣ, первоначально записанномъ соотвѣтственно печатному тексту: „Угрюмой ночи праздный часъ“, слово „ночи“ переправлено на слово „нѣги“.

Стихъ 40-й: „И всѣ, вокругъ, ему внимаютъ“, вмѣсто: „И все вокругъ его внимаетъ“.

Въ 56-мъ стихѣ: „Булатный мечъ, да темну ночь“, послѣ слова „Булатный“ сдѣланъ знакъ выноски и на полѣ написано „ножъ“, при чемъ однако слово „мечъ“ осталось незачеркнутымъ.

Стихъ 57-й: „Забыли рабство и печали“, вмѣсто: „Забыли робость[?] и печали“.—Не можетъ подлежать сомнѣнію, что слѣдуетъ читать „рабство“, и что „робость“ ошибка или, вѣроятнѣе, поправка цензуры.

„ 70-й: „Равно все наше, все беремъ“, вмѣсто: „Все наше, все себѣ беремъ“.

Стихъ 73-й первоначально записанъ такъ: „Поѣдемъ, свищемъ и стрѣлой“; затѣмъ исправленъ согласно печатному: „Поемъ и свищемъ, и стрѣлой“.

„ 85-й: „А стража, отвела въ острогъ“, вмѣсто: „И стража отвела въ острогъ“.

„ 86-й: „Я старшій былъ пятью годами“, вмѣсто: „Я старше былъ пятью годами“.

„ 92-й: „Склонялся къ моему плечу“, вмѣсто: „Склонялась къ моему плечу“.

„ 96-й: „И градомъ потъ съ него катился“, вмѣсто: „И градомъ потъ по немъ катился“.

„ 106-й: „Зачѣмъ меня мой братъ оставилъ“, вмѣсто: „Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ“.

144-й стихъ записанъ такъ: „То мнилъ ужъ видѣть подъ собой“, при чемъ слово „подъ“ подчеркнуто, надъ нимъ поставленъ знакъ выноски, и противъ, на полѣ, въ прямыхъ скобкахъ написано „предъ“, что соотвѣтствуетъ печатному тексту. Слово „предъ“ тоже подчеркнуто. Судя по черниламъ и почерку эта поправка сдѣлана одновременно со всею записью, т. е. до появленія „Братьевъ разбойниковъ“ въ печати. Не представляетъ ли она собою измѣненіе, предложенное напримѣръ Вяземскимъ или самимъ Каверинымъ и принятое Пушкинымъ—такъ же какъ и указанная выше поправка въ 56-мъ стихѣ, повидимому тоже современная списку?

Стихъ 59-й: „Душа рвалась къ лѣсамъ и волѣ“, вмѣсто: „Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ“.

За 172-мъ стихомъ: „Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ“—слѣдуетъ отсутствующій во всѣхъ безъ исключенія печатныхъ изданіяхъ стихъ: „Какъ птицы въ воздухѣ (,) летимъ“ (у Каверина: „лѣтимъ“). Впослѣдствіи, очевидно послѣ сличенія съ печатнымъ текстомъ, стихъ этотъ Каверинымъ зачеркнутъ. Въ печати стихъ вѣроятно выпалъ по ошибкѣ, такъ какъ безъ него послѣдующій стихъ: „Цѣпями общими гремимъ“, остается безъ риѳмы,—чего вообще у Пушкина не бываетъ[490]).

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 180-й читается какъ во всѣхъ изданіяхъ: „Но ужъ на островъ мы ступаемъ“, а не „вступаемъ“ какъ напечатано въ изданіи Суворина 1903 г.[408]).

Стихъ 194-й первоначально записанъ былъ такъ: „И хлыснула на волны кровь“;—затѣмъ, безъ сомнѣнія по сличеніи съ печатнымъ текстомъ, изъ этого характернаго, звукоподражательнаго слова „хлыснула“ буква с вычеркнута („И хлынула на волны кровь“).

Стихъ 222-й, первоначально соотвѣтствовавшій печатному: „Пиры, веселые ночлеги“, исправленъ на: „Пиры, веселье и ночлеги“.

Въ стихѣ 227-мъ: „И въ сердцѣ жалость умерла“, слово „жалость“ подчеркнуто рядомъ точекъ (—въ знакъ одобренія?)

Приведенные варіанты стиховъ 19-го, 23-го, 25-го, 28-го, 40-го и 56-го (двухъ послѣднихъ неполностью) находимъ въ отрывкахъ Пушкинскаго черновика (тетради Румянцевскаго Музея 2365 и 2366[418])). Если бъ весь черновикъ уцѣлѣлъ, то вѣроятно въ немъ нашлись бы и остальныя разночтенія.

Въ отношеніи порядка стиховъ стихотвореніе записано Каверинымъ неправильно, а именно, послѣ 99-го стиха слѣдуютъ стихи 159-й—215-й затѣмъ 100-й—158-й, затѣмъ 216-й—235-й. Но ошибка замѣчена при самой перепискѣ и исправлена посредствомъ ссылокъ и указательныхъ знаковъ.

Въ этомъ спискѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, у Каверина встрѣчаются описки. Напр. стихъ 68-й читается у него такъ: „Идемъ ли позднею порой“, вмѣсто „дорогой“, а стихъ 204-й:—„И се смыкалъ очей дремотой“ вмѣсто: „И не смыкалъ очей дремотой“. Такого рода описки, неимѣющія существеннаго значенія, мы, при разсмотрѣніи прочихъ списковъ, приводить не будемъ.

3.—„Comme une erreur mensongère
Où la nuit plonge nos sens,
Comme une vapeur légère,
Comme une ombre passagère,
J'ai vu s'enfuir mes beaux ans.

* * *

Comme une barque rapide,
Comme un torrent dans son cours,
Comme un prompt coursier d'Elide,
Comme le trait d'un Numide,
J'ai vu s'enfuir les amours.

* * *

Come un éclair, un prestige,
Comme un phosphore trompeur,
Comme un amour qu'on néglige,

lib.pushkinskijdom.ru

Comme un ingrat qu'on oblige,
J'ai vu s'enfuir le bonheur!—[371])

5. Nov. 824. Kaluga.—19 Juin 819. P.Burg."

4.—„Als ich noch in Fluegel-Kleider
In der Mädchen-Schule gieng,
O wie hüpft' ich da von Freude,
Als mich Linna hold empfieng,
Und, wie man als Kind wohl thut,
Zu mir sprach: „ich bin dir gut". [bis]

* * *

Als ich Jüngling heissen wollte
Und nur Knabe erst noch war,
Der die Weisheit lernen sollte,
Las ich schon ganz sonnenklar
Unter Linna's Sommerhut
Den Beweis: „ich bin dir gut". [bis]

5. Nov. 824. Kaluga".

5.—„Я знаю три мѣста, гдѣ человѣчество предстоитъ въ собственномъ видѣ, гдѣ уничтожаютъ случайные свою гордость, гдѣ отбрасываютъ преграду неравенства и знатности и гдѣ остается одна существенность—три мѣста: тронъ Всевышняго Судіи, гробъ и олтарь любви.

* * *

Кто будетъ стыдиться" (и проч.—эта часть записи приведена выше, на стр. 57-й).

„5. Нояб. 824. Калуга—Іюня 27 824. Колодези".

(Выдержка изъ романа „Сѣдой локонъ", см. оглавленіе).

6.—„Покажи мнѣ человѣка, который зналъ эту жизнь, страшился бы смерти (?)—и я покажу тебѣ раба, котораго свобода ужасаетъ [ихъ тысячи, въ отечествѣ].

* * *

Она [смерть] нигдѣ не страшна—подумай только, братъ Гоби,—когда мы существуемъ,—то смерти нѣтъ; а когда смерть есть,—то насъ нѣтъ.—

* * *

А бѣдный порутчикъ [le Fèvre] умретъ.—Клянусь Богомъ, онъ не умретъ, вскричалъ дядя Гоби.

Духъ обвинитель, воспарившій съ сею клятвою въ великое судилище небесъ, покраснѣлъ, ее отдавая:—Ангелъ, вносящій въ книгу дѣла и слова наши, записавъ ее, уронилъ на нее слезу, и смылъ навсегда.—

5. Нояб. 824. Калуга. 20 Мая 824. Калуга".

(Выдержка изъ Шанди, см. оглавленіе).

lib.pushkinskijdom.ru

7.—„Thekla, Geisterstimme“ (записано полностью извѣстное стихотвореніе Шиллера).

„5. Novemb 1824. Kaluga.—20 April 823 Atkarsk“.

8.—„Ille terrarum mihi praeter omnes angulus ridet. [Сей уголокъ зѣмли нравится мнѣ болѣе всѣхъ другихъ на свѣтѣ].

5 Nov. 824 Kal. 23 Іюля 824. Аркадскъ“ (sic).

9.—„Бѣги скройся отъ очей“ и проч.

„6 Ноября 1824. Калуга“.

Въ оглавленіи: „Ода на свободу“—еще одно заглавіе, которое можно прибавить къ списку заглавій этой пьесы, приведенныхъ въ Академическомъ изданіи[492]). Впрочемъ заглавіе это встрѣчается и въ запискахъ И. И. Пущина[455]).

Сличаемъ Каверинскій списокъ съ текстомъ, напечатаннымъ, съ автографа Пушкина, во II-мъ т. указаннаго изданія, стр. 491—494, а также съ редакціею, приведенной въ томъ же изданіи, т. II, стр. 41—44, и съ редакціею Лейпцигскаго изданія 1873 г., стр. 19—23. Въ автографѣ, Пушкинъ допустилъ, если можно такъ выразиться, прямыя ошибки противъ первоначальнаго своего текста (повтореніе словъ „свободы“ и „свободу“ въ I-й строфѣ, „страшный“ и „страшными“ въ X-й строфѣ, „молчитъ“ и „молча“ въ XI-й строфѣ).—Все же, какъ увидимъ, Каверинскій списокъ ближе всего подходитъ къ автографу.

Если дѣйствительно пьеса была написана вслѣдствіе разговора Пушкина съ Каверинымъ, то надо полагать, что она получена Петромъ Павловичемъ тогда же, непосредственно отъ поэта, и что такимъ образомъ приводимыя разночтенія представляютъ первоначальную редакцію.

Строфа 1-я, стихъ 7-й: „Хочу я вольность грянуть міру“,—красивое, образное противопоставленіе предыдущему стиху: „Разбей изнѣженную лиру“[493]). Въ автографѣ (Академическое изданіе, II, 491): „Хочу воспѣть свободу міру“. Въ изданіяхъ Академическомъ, II, 41, и Лейпцигскомъ: „Хочу воспѣть я вольность міру“,

„ 1-я, „ 8-й: „На тронѣ поразить порокъ“, какъ въ изданіяхъ Академическомъ, II, 41, и Лейпцигскомъ; въ автографѣ: „На тронахъ поразить порокъ“.

„ 2-я, „ 3-й: „Которому средь славныхъ бѣдъ“; во всѣхъ трехъ печатныхъ текстахъ: „Кому сама средь славныхъ бѣдъ“.

„ 2-я, „ 5-й: „Питомцы вѣтреной судьбы“—какъ въ автографѣ; въ изданіяхъ Академическомъ, II, 41, и Лейпцигскомъ: „Любимцы вѣтреной судьбы“.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ 3-й строфѣ 7-й и 8-й стихи читаются у Каверина такъ:

Возсѣли: рабства грозный геній
И славы роковая страсть!—

Въ Академическомъ изданіи II, 41:

Вездѣ неволи грозный Геній
И къ славѣ роковая страсть!

Въ Лейпцигскомъ: Повсюду рабства грозный Геній
И къ славѣ роковая страсть.

Въ автографѣ: ...Возсѣла — Рабства грозный Геній
И Славы роковая страсть.—

Такимъ образомъ редакція Каверинскаго списка и тутъ ближе всего подходитъ къ автографу, но у Каверина пунктуація 5-го—8-го стиховъ 3-й строфы даетъ особое, повидимому болѣе правильное чтеніе. Знаки препинанія въ автографѣ:

Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій
Возсѣла—Рабства грозный Геній
И славы роковая страсть.

Послѣднія два подлежащія остаются безъ сказуемаго.—Пунктуація у Каверина:

Вездѣ неправедная власть!
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій
Возсѣли: рабства грозный Геній
И славы роковая страсть![494]).

Строфа 4-я, стихъ 2-й: „Народовъ не легло страданье“; какъ въ автографѣ; въ Академическомъ изданіи, II, 41: „Не слышится людей стенанье“, въ Лейпцигскомъ: „Не слышимо людей стенанье“.

Вся 5-ая строфа Каверинскаго списка соотвѣтствуетъ автографу за исключеніемъ послѣдняго стиха: „Но вѣчно выше Васъ законъ“; въ автографѣ: „Но вѣчный выше Васъ законъ“. Въ Академическомъ изданіи, II, 41, встрѣчаемъ въ этой строфѣ разночтеніе 1-го, 2-го и 4-го стиховъ. Въ Лейпцигскомъ же изданіи находимъ любопытный варіантъ 6-го стиха, дающій болѣе понятное чтеніе:

Строфа 5-я, стихи 5-й и 6-й:

Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не порода (вмѣсто: природа всѣхъ остальныхъ редакцій).

Въ строфѣ 6-й стихъ 2-й читается такъ же, какъ въ автографѣ и въ Лейпцигскомъ изданіи: „Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно“. Въ Академическомъ изданіи, II, 41: „Гдѣ онъ блюдетъ неосторожно“.

Строфа 7-я, стихъ 3-й: „Челомъ развѣнчаннымъ приникъ“, какъ въ изданіяхъ Академическомъ, II, 41, и Лейпцигскомъ; въ автографѣ: „Главой развѣнчанной приникъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

Строфа 7-я, стихъ 7-й: „И самовластная порфира“, какъ въ Лейпцигскомъ изданіи, вмѣсто: „И се злодѣйская порфира“ автографа. Въ Академическомъ изданіи, II, 41, стихи 5-й—7-й читаются слѣдующимъ образомъ:

Молчитъ народъ, законъ молчитъ,
И лишь главу снесла сѣкира
Какъ самовластная порфира...“

„ 8-я, „ 2-й: „Тебя, твой тронъ я ненавижу“, какъ въ автографѣ; въ Академическомъ изданіи, II, 41 и въ Лейпцигскомъ: „Тебя, твой родъ(?) я ненавижу“.

„ 9-я, „ 2-й: „Звѣзда полуночи сіяетъ“, такъ же какъ въ Лейпцигскомъ изданіи; въ автографѣ и въ Академическомъ, II, 41: „сверкаетъ“.

„ 7-я, „ 4-й: „Спокойно сонъ отягощаетъ“; въ автографѣ и Лейпцигскомъ изданіи: „Спокойный сонъ отягощаетъ“; въ Академическомъ, II, 41: „Спокойно сонъ къ себѣ склоняетъ“.

„ 10-я, „ 1-й: „Онъ слышитъ Кліи мрачный гласъ“, какъ въ Лейпцигскомъ; въ автографѣ: „И слышитъ Кліи страшной гласъ“; въ Академическомъ изданіи, II, 41: „Онъ слышитъ Кліи страшной гласъ“.

„ 10-я, „ 2-й: „Надъ сими страшными стѣнами“, какъ въ изданіяхъ Академическомъ, II, 41, и Лейпцигскомъ; въ автографѣ: „За сими страшными стѣнами“.

„ 11-я, „ 2-й: „Опущенъ тихо мостъ подъемный“, какъ въ Академическомъ изданіи, II, 41, и въ Лейпцигскомъ; въ автографѣ: „Опущенъ молча“ и проч.

„ 11-я, „ 3-й: „Врата отверзлись въ тьмѣ ночной“; во всѣхъ трехъ печатныхъ редакціяхъ: „Врата отверсты въ тьмѣ ночной“.

„ 11-я, „ 7-й: „Падутъ преступные удары“; въ печатныхъ редакціяхъ вездѣ: „безславные удары“.

„ 12-я, „ 1-й: „И се, учитесь — о, Цари!“; въ автографѣ: „И днесь учитеся, цари“; въ Академическомъ изданіи, II, 41: „И днесь учитесь, о, Цари!“; въ Лейпцигскомъ: „Внемлите истинѣ, цари“.

lib.pushkinskijdom.ru

Строфа 12-й, стихъ 7-й: „И станутъ вѣчной стражей трона“, какъ въ автографѣ; въ Академическомъ изданіи, II, 41: „И станутъ вѣрной стражей трона“; въ Лейпцигскомъ: „И станутъ стражею у трона“.

10.—„Одинокъ въ облакахъ мѣсецъ плылъ туманный
Одинокъ воздыхалъ въ полѣ витязь бранный.

По травѣ вкругъ его конь бродилъ уныло
Добрый конь, вѣрный конь! понесемся къ милой!

Не къ добру сердце мнѣ что то предвѣщаетъ
Не къ добру грудь моя тяжко воздыхаетъ.

Не къ добру спутникъ мой, бродишь (ты?) уныло.
Добрый конь, вѣрный конь! Понесемся къ милой!

Конь вздрогнулъ. Ты душей смутенъ, витязь бранный
Быстро мчитъ конь тебя къ сторонѣ желанный (желанной?).

Мчись, лети! но настигъ рокъ тебя суровой,
Конь заржалъ, конь взвился надъ могилой новой.

6 нояб. 824 Калуга“.

11.—„Посланіе Николая Комарова ко мнѣ въ Тульчинѣ въ 1815 году;— онъ полагалъ что я влюбленъ въ Софію П.....

Скажи мой другъ гусаръ любезной—
Что значитъ пасмурной сей взоръ?—
Противенъ нектаръ сталъ небесной,
И селадонишь съ нѣкихъ поръ.
Ни сонмъ пирующихъ друзей—
За чашей свѣтлой круговою—
Средь благодѣтельныхъ огней—
Не веселитъ тебя порою?—
Ни трубка съ славнымъ табакомъ
Не манитъ затянуться!
На опушь, ментикъ съ серебромъ*)
Не хочешъ приглянуться.
И конь твой Вихрь**) осиротѣлъ,
И сбрую ржавчина поѣла,
И ярка сабля потускнела,—
Такой и сердцу знать удѣлъ.—
Давно, мой другъ подозрѣваю,
Сей томный, неподвижный взглядъ
И тяжки вздохи понимаю,

*) „[Я тогда служилъ въ Ольвіопольскомъ Гусарскомъ полку]“.
**) „Жеребецъ мой назывался Вихрь“.

lib.pushkinskijdom.ru

Что грудь гусарскую разятъ.
Бывало хороводъ прекрасныхъ,
Въ собраньи вскользь ты пробѣжишь
Вздохнешь объ нихъ какъ о нещастныхъ
И въ мигъ къ буфету полетишь;
Иль избочаса Геркулесомъ
Усами гордо шевелишь
И, подражая всѣмъ повѣсамъ
Стаканомъ только дорожишь.
Теперь же?—Словно съ Капуцина
Смиренность пастырскую снялъ,—
Всю важность постнаго ихъ чина
Во взорахъ томныхъ показалъ.
Стыдись, стыдись быть малодушнымъ
Постыдно рабствовать мечтѣ;—
Не лучше ль бывъ судьбѣ послушнымъ
Все въ чашѣ погружать на днѣ.—
Мечты, заботы, огорченья
И сновидѣнья юныхъ дней (лѣтъ?)
Пускай изчезнутъ въ упоеньи
Какъ изчезаетъ ихней слѣдъ.—
Ужель гусаръ одной мечтою
Возможетъ пьяной духъ питать?
И въ дань ей принесетъ съ собою
Усы и саблю—умирать—
У ногъ Аспазіи прекрасной.—
Ну къ чорту вздохи страстны
Отбрось сонъ сладкій, но пустой,
Забудь всѣ клятвы дорогой
И поспѣши въ бесѣду съ нами
И тамъ съ домашними богами
За чашей полной—пуншевою,
Недуги изцѣлишь, что милая виной.—
Не спорю хорошо и съ мудростію *) знаться
Подъ часъ веселой, не всегда
И есть-ли можно упиваться
Готовъ и мудрость я любить тогда.

6 Нояб. 824. Калуга".

12.—„La Vicomtesse de R: écrivait en 1819 une lettre à sa fille sur le salon du Musée. L'orthographe y était très-remarquable" (слѣдуетъ игра словъ, неудобная для печати).—

„824 6. Nov. Kaluga".

*) „Софія по гречески мудрость".

lib.pushkinskijdom.ru

13.—„Глаза скосивъ на усъ кудрявой“ и проч.

„7. Нояб. 824. Калуга“.

Приводимъ варіанты противъ текста въ Академическомъ изданіи, I, 172, отмѣчая звѣздочкою тѣ изъ нихъ, которые совпадаютъ съ варіантами Путятинскаго автографа и списка въ „Духѣ лицейскихъ трубадуровъ“, приведенными въ Академическомъ изданіи[420]). Редакція этихъ автографа и списка признается одною изъ раннихъ, слѣдовательно упомянутыя совпаденія показываютъ, что и Каверинская копія представляетъ раннюю редакцію пьесы.

Строфа 1-я, стихъ 4-й: „Мудрецъ съ небритой бородою“, вмѣсто: „съ обритой бородою“.

„ 2-я, „ 1-й:*„Гусаръ все тлѣнно подъ луною“, вмѣсто: „гусаръ нѣтъ вѣчнаго въ природѣ“.

„ 2-я, „ 2-й:*„Какъ волны слѣдомъ за волною“, вмѣсто: „Какъ ода вслѣдъ похвальной одѣ“.

Редакцію этихъ двухъ стиховъ по Каверинскому списку находимъ и въ первоначальномъ наброскѣ черновика въ тетради № 2364, гдѣ впослѣдствіи слова, приведенныя здѣсь въ разрядку, вычеркнуты и замѣнены указанною редакціей.

„ 4-я, „ 6-й: „А къ утру вновь его завьешь“, вмѣсто: „И утромъ вновь его завьешь“.

„ 5-я, „ 2-й: „Среди гусаровъ посѣдѣлыхъ“, вмѣсто: „Въ кругу гусаровъ“ и проч.

„ 5-я, „ 4-й:*„Стремя къ бокалу мысли пылки“, вмѣсто: „Веселый гость, любовникъ пылкій“.

„ 6-я, „ 4-й: „Разсудка, времяни не тратишь“, вмѣсто: „Разсудка, памяти не тратишь“.—Въ черновикѣ тетради 2364-й тоже „памяти“.

„ 6-я, „ 6-й: „А саблю выдернешь потомъ“, вмѣсто: „А саблю вѣрную потомъ“.

„ 7-я, „ 5-й: „Блуждаешь по груди прекрасной“, вмѣсто: „Летаешь“ и проч. „Блуждаешь“, впослѣдствіи перечеркнутое, находимъ въ подлинномъ черновикѣ Пушкина (въ тетради № 2364). Въ Академическомъ изданіи это не отмѣчено (на что между прочимъ указываетъ Брюсовъ въ своей статьѣ: „Лицейскія стихотворенія Пушкина“ [617]).

„ 8-я, „ 4-й: „И черны кудри побѣлѣютъ“, вмѣсто: „посѣдѣютъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

Строфа 8-я, стихъ 6-й:*„И старость — выщипитъ усы“, вмѣсто: „выбѣлитъ“.

14.—„Par Jouy[495]).

Au bruit d'une fade musique
Qu'attristaient des vers langoureux,
Hier à l'Opéra Comique
Je baillais comme un bienheureux;
Un voisin me tira de peine,
Et grâce à lui je distinguai
Dans une loge d'avant-scène
Un spectacle beaucoup plus gai. } bis.

* * *

Malgré l'obstacle de la grille,
Je voyais un jeune homme assis
Près d'une femme, veuve ou fille,—
Ce point me semblait indécis.
Mon voisin, qu'une longue étude
Ne mettait jamais en défaut,
Jugea d'après son attitude,
Qu'elle était femme ou peu s'en faut. } bis.

* * *

J'avais d'abord peine à comprendre
Comment à ces chants ennuyeux
Cette belle paraissait prendre
Un intérêt prodigieux:
N'en cherchons pas plus loin la cause,
Me dis-je; dans tout ce fracas
Ella aura saisi quelque chose
Que le public n'aperçoit pas.

* * *

Mais bientôt elle manifeste
De son coeur le trouble croissant;
Son maintien, son regard, son geste
Expriment tout ce qu'elle sent;
Sur la grille sa main posée
Atteste, par son tremblement,
Que sa raison est maîtrisée
Par la force du sentiment. } bis.

* * *

De la musique sur notre âme
Voyez quel différent effet!
De plaisir la dame se pâme

lib.pushkinskijdom.ru

Dans un duo que l'on sifflait;
Mais tout lui plaisait, il me semble,
Car je fus encore plus surpris,
A la fin du morceau d'ensemble
De l'entendre. demander bis. } bis.

* * *

Je riais de sa folle ivresse;
Mais le voisin, grand connaisseur,
Interprétait avec finesse
Tous les mouvements de son coeur.
La grille se baisse; la dame
Paraît dans toute sa splendeur...
Ciel!—Qu'avez vous?—C'était la femme
De mon voisin l'observateur.

15.—„Подражаніе князя Владиміра Голицына“ (въ оглавленіи—„Переводъ“).

„Вчера въ театрѣ я безмѣрно
При звукѣ музыки зѣвалъ
За то ужъ въ жизни своей вѣрно
Скучнѣя въ рядъ ли что видалъ.
Сосѣдъ ко мнѣ вдругъ состраданіе
Изволилъ подъ конецъ явить
Въ одну изъ нижнихъ ложъ вниманье
Мое стараясь обратить } bis.

* * *

Мы чрезъ рѣшетку замѣчали
И юношу узрѣли тамъ
Дѣвица, женщина(,) вдова ли?
Сидѣла съ нимъ;—не зналъ я самъ.
Сосѣдъ мой утверждалъ не ложно
Стараясь громкій смѣхъ унять:
Что вѣрно женщиною можно
Минутъ чрезъ пять ее назвать. } bis.

* * *

Мнѣ странно черезъ чуръ казалось
Что дама веселилась столь
Какъ часто между тѣмъ случалось
Брать вмѣсто дьезиса, бемоль
Сосѣдъ тотчасъ мнѣ отвѣчаетъ:
„Должно быть странно что въ стихахъ[496])!
„Того никто не примѣчаетъ,
„Что піэса у нее въ рукахъ“ } bis.

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

„Сколь разны вкусы въ семъ предметѣ
„Вы явный видете примѣръ
„Въ восторгѣ дама при дуэтѣ
„А свищетъ въ запуски партеръ".
Меня сіе все удивляло
Ужъ время занавѣсъ спустить
Явленія перваго начало
Вдругъ принялась она просить. } bis.

* * *

Тутъ я не вытерпѣвъ, смѣялся;
Съ нее мой другъ глазъ не спускалъ
И все чѣму я изумлялся
Онъ мнѣ съ улыбкой толковалъ.
Рѣшетки нѣтъ—мы вмѣсто друга
Не зрѣли съ дамой никого
„О небо!" что же?—то супруга
Была сосѣда моего".

„7. Ноябрь 824 Калуга".

16.—„Звеселився Казаченко
Да и не оглянувся" и проч., четыре четверостишія.

„7 нояб. 824 Калуга".

17.—„Въ 1810 или 1811 г. Емма Я.. ..." (Въ оглавленіи: „Emma ко мнѣ").

„L'amant que j'adore,
Prêt à me quitter,
D'un instant encore
Voulut profiter,
Félicité vaine
Qu'on ne peut saisir,
Trop près de la peine
Pour être un plaisir.

7. Nov 824 Kalug."

18.—„Императрица Елизавета спрашивала Жуковскаго, который въ то время Александрѣ Ѳеодоровнѣ по русски уроки давалъ, отъ чего Пушкинъ сочиняя хорошо—ничего не напишетъ для нее. Пушкинъ послалъ:
На лирѣ скромной благородной" и проч.
слѣдуетъ текстъ „Отвѣта на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны")

„9. Ноябр. Калуга".

lib.pushkinskijdom.ru

„[У меня есть собственной его руки написан(ные)]“.

Предпосланная пьесѣ отмѣтка устраняетъ предположеніе какъ П. А. Ефремова[613]), такъ и Академическаго изданія, а равно и Н. О. Лернера[615]) о томъ, кѣмъ и по какому поводу сдѣланъ былъ Пушкину „вызовъ“ написать стихи императрицѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ. Если стихотвореніе и было озаглавлено, и очевидно направлено, „къ N. Я. П.“, т. е. къ Натальѣ Яковлевнѣ Плюскиной, то не оттого, что вызовъ былъ полученъ чрезъ эту послѣднюю, а вѣроятно единственно потому, что согласно придворному этикету къ императрицѣ нельзя было обратиться иначе, какъ черезъ ея статсъ-даму или фрейлину. Обстоятельство, что „вызовъ“ переданъ Жуковскимъ, находитъ себѣ отчасти подтвержденіе и въ первоначальномъ намѣреніи поэта вставить въ стихотвореніе, какъ бы изъ любезности къ Жуковскому, имя этого послѣдняго („Пускай Жуковскій намъ“, „Когда Жуковскій лиру въ руки“)[497]).

Приписка Каверина послѣ текста показываетъ, что кромѣ двухъ автографовъ пьесы, извѣстныхъ Академіи (подареннаго Пушкинымъ Маркевичу и первоначальнаго чернового наброска въ тетради Румянцевскаго музея 2364, л. 42 н. о.), существовалъ и третій. Автографъ этотъ нынѣ утраченъ.

Редакція Каверинскаго списка безъ сомнѣнія первоначальная. Приводимъ разночтенія противъ текста Академическаго изданія.

Стихъ 5-й: „Свободу лишь умѣя славить“ тожественъ съ напечатаннымъ у Апскаго (1882 г.), у Морозова (изданіе Литературнаго Фонда) и у Поливанова; въ Академическомъ изданіи: „Природу лишь учася славить“; у Венгерова[616]) „Свободу лишь учася славить“.

Варіантъ Каверинскаго списка опровергаетъ соображеніе, высказанное въ Академическомъ изданіи, что замѣну слова „природа“ словомъ „свобода“ принять трудно.

Стихъ 14-й: „Съ воспламененною душой“, вмѣсто: „Воспламененною душой“.

„ 17-й: „И безпритворная свобода“, вмѣсто: „Любовь и тайная свобода“.

„ 19-й: „И непритворной голосъ мой“, вмѣсто: „И неподкупной голосъ мой“.—

Варіанты эти не соотвѣтствуютъ варіантамъ автографа въ альбомѣ Маркевича[499]), а также варіантамъ, приведеннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1881 г.[500]).

Судя по разстановкѣ знаковъ препинанія и между прочимъ отсутствію точки въ концѣ, пьеса была съ тою же тщательностью списана Каверинымъ съ Пушкинскаго оригинала, какъ и посланіе „Забудь“.

Выше мы упомянули о полномъ пренебреженіи поэта, въ извѣстныхъ случаяхъ, къ пунктуаціи. Пренебреженіе это безспорно. Но что касается неудачности Пушкинской пунктуаціи, то она нерѣдко „является лишь кажущейся“. Несомнѣнно, что знаки препинанія Пушкина часто „обозначаютъ паузы и интонацію живой рѣчи и даютъ чрезвычайно важныя показанія“ относительно „пріемовъ наиболѣе выразительнаго чтенія“[501]).

lib.pushkinskijdom.ru

Въ настоящей пьесѣ любопытны въ этомъ отношеніи: запятая въ 4-мъ стихѣ—„Кадиломъ лести, не кадилъ“, и тире въ заключительномъ стихѣ - „Былъ эхо—русскаго народа“.

19.—Послѣ замѣтки Каверина: **„Пушкинъ въ Noël на Лейбъ-Гусарской полкъ“** и проч., приведенной выше на страницѣ 16-й, слѣдуетъ текстъ посланія: „Забудь, любезный мой Каверинъ“, и затѣмъ дата „824. 9. Ноябрь Калуга“.

„Оригиналъ“, упоминаемый въ замѣткѣ, сохранился. Онъ является четвертымъ извѣстнымъ автографомъ пьесы,—по времени, само собою разумѣется, первымъ и первоначальнымъ. Списокъ въ тетради тожественъ съ автографомъ. Редакція соотвѣтствуетъ тексту, напечатанному у Венгерова за исключеніемъ 29-го стиха. У Каверина: „Съ стихами, съ картами, съ Платономъ и съ бокаломъ“; у Венгерова: „Съ стихами, картами, Платономъ и бокаломъ“ (Въ „Сѣверной Звѣздѣ“ 1829 г., стр. 295, въ этомъ стихѣ предлогъ съ повторяется три раза и отсутствуетъ лишь передъ послѣднимъ словомъ—„бокаломъ“ [503]).

Надо полагать, что въ замѣткѣ Каверина, предпосланной списку, подъ „порядочнымъ куплетомъ“ разумѣются слова изъ „Молитвы лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“:

Избави Боже.....
Каверина пьянства.

(ибо трудно допустить, чтобы дѣло шло о какомъ либо другомъ, нынѣ позабытомъ, стихотвореніи Пушкина на лейбъ-гусарскій полкъ).

Какъ извѣстно, „Молитву“ относятъ къ осени 1816 г., посланіе же къ 1817 г. Если послѣдняя дата вѣрна, то слѣдовало бы заключить, что „Молитва“ написана въ самомъ концѣ 1816-го года, а посланіе—полученное Петромъ Павловичемъ „черезъ нѣсколько дней“—въ самомъ началѣ 1817 г.

Что такое собственно Noël? Этимъ именемъ, по словамъ Морозова, Пушкинъ называлъ свое стихотвореніе: „Ура въ Россію скачетъ“ [504]). Въ изданіи Анскаго 1882 г., гдѣ помѣщенъ небольшой отрывокъ этого стихотворенія подъ заглавіемъ „Сказки“ [618]), въ примѣчаніи объяснено, что „стихотвореніе написано въ подражаніе сказкамъ въ Рождественскіе вечера, поэтому въ рукописи оно имѣетъ еще заглавіе „Noël“. „Noël“ написана въ подражаніе французскимъ поздравительнымъ пѣсенкамъ на Рождество. Подобныя же подражанія были написаны кн. Д. П. Горчаковымъ („Спасителя рожденьемъ встревоженъ весь народъ“)“. Самъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату называлъ пьесу „Ура въ Россію“ и проч. святочною пѣсенкой [506]).—Родзянко написалъ на Пушкина сатиру, въ которой между прочимъ говоритъ: „И всѣ его права—иль два, иль три ноэля“ [507]).—Въ посланіи Пушкина къ В. Л. Пушкину читаемъ:

И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ „Святкахъ“ онъ достоинъ.

Въ изданіи Литературнаго Фонда (I, 175) въ подстрочномъ примѣчаніи объяснено, что эти „Святки“ есть сатира кн. Д. П. Горчакова.

lib.pushkinskijdom.ru

„Noël на лейбъ-гусарскій полкъ“ (вѣроятно въ свое время ходячее заглавіе „Молитвы“) является слѣдовательно еще однимъ такимъ „ноэлемъ“ или „святками“.

20.—„La raison cède à l'amour.

Dans une froide indifférence
Je languissois depuis longtemps;
Et sans désir, sans espérance,
Je voyois finir mon printems.
Je me disois: loin de Cythère
Je vivrai jusqu'au dernier jour;
C'est la sagesse qui m'éclaire;
La raison condamne l'amour.

* * *

Hélas! je cherchois la sagesse,
Sans pouvoir trouver le bonheur.
L'amour, riant de ma promesse,
D'un trait mortel perça mon coeur;
De ma triste philosophie
Eglé triomphe sans retour,
Aimer doit être ma folie;
La raison me cède à l'amour.

* * *

Eglé! ne vois pas ton ouvrage
Avec des yeux indifférents,
Et ne rejette pas l'hommage
Que j'offre à l'esprit, aux talents;
Oh! puisses-tu, ma belle amie,
Avec moi dire quelque jour:
T'aimer est ma philosophie;
Ma raison cède à ton amour.

9. Nov: 824 Kalug—St.-Pe.Bourg, 23 Mai 1817“.

По общей идеѣ—антагонизма между любовью и разсудкомъ—пьеса нѣсколько сходна со стихотвореніемъ Пушкина „Разсудокъ и Любовь“ [508]). Въ ней, такъ же какъ въ нѣкоторыхъ Пушкинскихъ пьесахъ, встрѣчаются упоминаніе о Цитерѣ [509]) и имя Аглая [510]).

Любопытны болѣе раннія петербургскія даты, выставленныя Каверинымъ подъ этою пьесой и подъ другимъ французскимъ стихотвореніемъ, приведеннымъ выше (№ 3).

lib.pushkinskijdom.ru

21.—„Посланіе Горчакову—Пушкинъ вмѣстѣ былъ съ нимъ въ Лицеи.

Питомецъ модъ, большого свѣта другъ“ и проч.

„10. Нояб. 824. Калуга“.

Приводимъ варіанты противъ текста Академическаго изданія.

Стихъ 8-й: „Терялъ для жизни и (?) чувство и покой“, вмѣсто: „Терялъ я жизнь и чувство и покой“.

„ 14-й: „Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую живѣя“, вмѣсто: „сильнѣе“.

„ 22-й: „Я помню васъ, дѣтей честолюбивыхъ“, вмѣсто: „Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ“.

„ 28-й: „Красавицамъ внимательнымъ и соннымъ“, вмѣсто: „красавицамъ изношеннымъ и соннымъ“.

„ 35-й: „Вино, любовь и музы угощаютъ“, вмѣсто: „Свобода, Вакхъ и музы угощаютъ“.

„ 36-й: „Не слышу я бывало острыхъ словъ“, вмѣсто: „Не слышу я въ то время острыхъ словъ“.

Въ 36-мъ и 37-мъ стихахъ Каверинская пунктуація уясняетъ нѣсколько смыслъ этихъ стиховъ. Въ печатномъ текстѣ:

Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
Политики смѣшнаго лепетанья.

Но почему же поэтъ не слышитъ острыхъ словъ среди счастливой семьи молодыхъ повѣсъ, „гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ онъ“? У Каверина:

Не слышу я бывало, острыхъ словъ
Политики—смѣшнаго лепетанья.

Такимъ образомъ поэтъ не слышитъ не вообще острыхъ словъ, а только „острыхъ словъ политики“.

Стихъ 38-й: „Не вижу я изношенныхъ глупцовъ“, вмѣсто: „украшенныхъ глупцовъ“.

„ 40-й: „И мистики придворнаго кривлянья“, вмѣсто: „И мистика придворнаго кривлянья“.

Слѣдовательно въ Каверинскомъ спискѣ рѣчь идетъ не о мистикѣ—лицѣ (существительное мужескаго рода), а о мистикѣ—понятіи (существительное женскаго рода). Въ Анненковской редакціи, въ 37-мъ стихѣ, въ противоположность всѣмъ остальнымъ изданіямъ, идетъ рѣчь о политикѣ—лицѣ, а не о политикѣ—понятіи. Теперь этого „политика“ Академическое изданіе окончательно закрѣпило въ „политику“. Казалось бы слѣдовало, руководствуясь Каверинскою редакціей, замѣнить и мистика—мистикою, такъ чтобы оба существительныя „политика“ и „мистика“ приняты были въ смыслѣ понятій: „Не слышу острыхъ словъ политики—не вижу мистики (придворнаго кривлянья)“.—При этомъ сами собою упразднились бы непроизводительныя догадки о лицѣ (?), которое разумѣлъ Пушкинъ подъ „мистикомъ“.

Стихъ 42-й: „Пріятный льстецъ, язвительный болтунъ“, вмѣсто: „Пріятный лжецъ“ и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

Намъ кажется, что „лжецъ“—грубая ошибка, освященная лишь преемственнымъ перепечатываніемъ во всѣхъ изданіяхъ. Если ошибка эта прошла подъ глазами у Пушкина, то онъ несомнѣнно проглядѣлъ ее. Вообще трудно согласиться съ тѣми, кто полагаетъ, что то, что̀ прочитано было Пушкинымъ или появилось въ печати при его жизни,—непогрѣшимо вѣрно[511]). Вспомнимъ обращеніе поэта къ брату и къ П. А. Плетневу[623]): „Ошибки правописанія, знаки препинанія, описки, безсмыслицы—прошу самимъ исправить—у меня на то глазъ не достанетъ“. Данная описка принадлежитъ къ тѣмъ досаднымъ ошибкамъ и опечаткамъ, которыя не достаточно нелѣпы, чтобы сразу кинуться въ глаза[512]). Но при вдумчивомъ чтеніи поневолѣ усомнишься, чтобы поэтъ, рѣшившись уже назвать Горчакова „язвительнымъ болтуномъ“, позволилъ себѣ въ придачу употребить относительно его, хотя бы и въ шутку, прямо таки бранное слово. Да и эпитетъ „пріятный“ врядъ ли подходитъ къ слову „лжецъ“. Льстецы могутъ быть пріятными и непріятными, а лжецы, казалось бы, всегда непріятны.

Каверинскій варіантъ 42-го стиха во всякомъ случаѣ не новъ: „льстецъ“, вмѣсто „лжецъ“, мы читаемъ и въ „Раутѣ“[513]), но слово это по какой-то странной случайности проглядѣли всѣ прежніе и нынѣшніе издатели и изслѣдователи Пушкинскихъ твореній.

Въ стихахъ—5-мъ: „Я провожу *незнаемой досугъ*“
15-мъ: „И гдѣ мы всѣ *прекраснаго* друзья“
и 28-мъ: „Красавицамъ внимательнымъ и *сонным*ъ“

слова, приведенныя курсивомъ, подчеркнуты Каверинымъ—вѣроятно въ знакъ неодобренія. Въ 28-мъ стихѣ эпитеты „внимательныя“ и „сонныя“ въ приложеніи къ тѣмъ же „красавицамъ“, въ самомъ дѣлѣ какъ будто противорѣчатъ другъ другу. Какъ видимъ изъ приведенной выше печатной редакціи этого стиха, онъ былъ впослѣдствіи измѣненъ поэтомъ.

Въ концѣ 27-го стиха противъ слова „генералъ“, на полѣ, въ выноскѣ, написано: „Левашовъ“.

Судя по знакамъ препинанія, Каверинская копія списана съ Пушкинскаго автографа. Характерна пунктуація 19-го—21-го стиховъ:

Гдѣ Бутурлинъ—невѣждъ законодатель,
Гдѣ Шеппингъ царь—а скука предсѣдатель,
Гдѣ глупостью единой—всѣ равны.

Указанныя разночтенія Каверинскаго списка въ стихахъ: 14-мъ, 36-мъ, 38-мъ и 42-мъ соотвѣтствуютъ тексту, напечатанному въ „Раутѣ“; но текстъ „Раута“ отличается отъ Каверинскаго слѣдующими варіантами, обусловленными отчасти требованіями тогдашней цензуры:

Стихъ 16-й: Чѣмъ в с я к о е бездушное собранье
„ 19-й: Гдѣ.... ш а х ъ, а скука предсѣдатель
„ 20-й: Гдѣ глупостью о д н о ю всѣ равны
„ 25-й: Когда въ кругу.... благочестивыхъ
„ 26-й: З а с т е г н у т ы й невѣжда генералъ

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 35-й: Вино, веселье, музы угощаютъ
„ 39-й: Ханжей, невѣждъ, почетныхъ подлецовъ
„ 46-й: И тѣсный кругъ друзей своихъ умножъ.

22.—„Пушкинъ въ унынiи.

Но я не тотъ: мои златые годы“ и проч.

„10. Ноя. 824 Калуга“.

Отрывокъ этотъ, начинающійся въ изданіяхъ Литературнаго фонда и 8-мъ, Анскаго, словами: „Ужъ я не тотъ“, помѣщенъ въ означенныхъ изданіяхъ вслѣдъ за посланіемъ „къ Горчакову“ и озаглавленъ: „Къ нему же (отрывокъ)“—вѣроятно на томъ основаніи, что въ „Раутѣ“ эти восемь стиховъ пристегнуты къ указанному посланію въ видѣ окончанія. Однако ни П. А. Ефремовъ[515]) ни В. Е. Якушкинъ[516]) не рѣшаются считать эти стихи заключеніемъ посланія „къ Горчакову“[517]). Въ изданіи Анскаго[518]) выражено мнѣніе, что это окончаніе принадлежитъ другому посланію, вполнѣ несохранившемуся. Каверинскій списокъ, дающій отрывку особое заглавіе, не связываетъ его ни съ какимъ посланіемъ.

Приводимъ незначительныя разночтенія противъ текста Академическаго изданія:

Стихъ 2-й: „Безумство (?), жаръ, веселость, острота“, вмѣсто: „Безумства жаръ, веселость, острота“,
„ 7-й: „Задумчива съ поникшею главой“, вмѣсто: „Задумчивымъ, съ поникшею главой“ (въ изданіи Литературнаго Фонда и у Ефремова: „съ поникшей головой“) .

23.—„Орлову—[Алексѣю].

О ты, который сочеталъ“ и проч.

„10 Нояб: 824. Калуга“.

Варіанты противъ печатнаго текста:

Стихъ 26-й: „Безъ доломана и усовъ“, вмѣсто: „Безъ доломана, безъ усовъ“.
„ 33-й: „Въ бухарской шапкѣ и халатѣ“, вмѣсто: „Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ“.

Въ стихахъ 27-мъ—35-мъ пунктуація Каверинскаго списка опять-таки возстановляетъ правильное чтеніе. Въ текстѣ Академическаго изданія, II, 39, 40, читаемъ (курсивъ разумѣется нашъ):

Стихъ 27-й: *Сокроюсь* съ тайною свободой,
. . . . . .
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
„ 30-й: Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или *въ травѣ густыхъ луговъ* [прибавимъ отъ себя: точно насѣкомое!]

lib.pushkinskijdom.ru

Или холма на злачномъ скатѣ
Въ бухарской шапкѣ и халатѣ.—Точка (?!) и затѣмъ:
Я буду пѣть моихъ боговъ и проч.

То же у Ефремова (изданіе Анскаго 1882 г.), у Суворина, въ „Матеріалахъ" Майкова и проч.; у одного Венгерова, встрѣчаемъ послѣ 33-го стиха запятую (равно впрочемъ какъ и въ концѣ слѣдующаго стиха, гдѣ она излишня).

Знаки препинанія у Каверина:

Стихъ 2-й: Сокроюсь.....
. . . . . .
„ 29-й: Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ, (;)
„ 30-й: Надъ озеромъ въ спокойной хатѣ,
Или въ травѣ густыхъ луговъ
Или холма на злачномъ скатѣ
Въ бухарской шапкѣ и халатѣ
Я буду пѣть моихъ боговъ
„ 35-й: И буду ждать.—

Въ концѣ 29-го стиха, какъ и въ печатномъ текстѣ, поставлена всего запятая,—умѣстнѣе была бы точка съ запятою или точка; но въ концѣ 33-го стиха послѣ слова „халатѣ" нѣтъ никакого знака, и это-то возвращаетъ точный и ясный смыслъ стихамъ: поэтъ сокроется подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ, и будетъ пѣть своихъ боговъ въ спокойной хатѣ, въ травѣ луговъ или на скатѣ холма, въ халатѣ и бухарской шапкѣ.

24.—„Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни", и проч.

„10 Ноябр. 824. Калуг".

Варіанты противъ текста Академическаго изданія[519]):

Стихъ 2-й: „Вдали тирановъ и невѣждъ", вмѣсто: „Вдали взыскательныхъ невѣждъ".
„ 3-й: „Живетъ между трудовъ и лѣни", вмѣсто: „Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни".

Оба эти варіанта встрѣчаемъ въ первоначальной редакціи, въ черновой рукописи поэта[520]), гдѣ второй стихъ исправленъ (соотвѣтственно тому, какъ впослѣдствіи напечатано)[521]). Изъ этого можно заключить, что запись Каверина представляетъ первоначальную редакцію пьесы.

Пунктуація послѣднихъ двухъ стиховъ по Каверинскому списку:

Отъ усыпителя — глупца;
Отъ пробудителя — нахала.

Пьеса была вѣроятно сообщена Пушкинымъ Каверину до ссылки; появилась она впервые въ печати въ изданіи 1826 г.

25.—„Пушкинъ про себя" (Въ оглавленіи: „Надпись къ портрету Пушкина").

„И я повѣса вѣчно праздный
Потомокъ негровъ*) безобразный

*) „Пушкина мать Ганибалова".

lib.pushkinskijdom.ru

Взращенный въ дикой простотѣ
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній

10 Ноя 824. Калуга".

Это въ сущности стихи 22-й—24-й посланія къ Юрьеву, съ пропускомъ, быть можетъ случайнымъ, 25-го стиха и съ незначительнымъ измѣненіемъ 22-го стиха: „И я повѣса"..., вмѣсто: „А я повѣса"... Впрочемъ въ сохранившейся отдѣльной копіи, съ которой вѣроятно списаны Каверинымъ эти пять стиховъ, значится: „А я повѣса", какъ въ печатномъ текстѣ. Означенная отдѣльная копія сдѣлана неизвѣстнымъ почеркомъ на половинѣ листа почтовой бумаги съ водянымъ знакомъ: 1817. Самъ ли Пушкинъ сдѣлалъ сначала такую надпись къ своему портрету и уже впослѣдствіи включилъ ее въ посланіе къ Юрьеву, или же „Надпись" выписана изъ посланія—рѣшить трудно. Извѣстно, что Пушкинъ писалъ иногда отрывки, „которые впослѣдствіи вошли въ составъ его пьесъ"[522]). Во всякомъ случаѣ стихи могутъ служить прямымъ противопоставленіемъ къ „Надписи къ портрету Каверина".

26.—„Щербининъ, Олсуфьевъ,—Пушкинъ—" (и проч., слѣдуютъ приведенныя выше, на стр. 14-ой, Каверинская замѣтка и стихотвореніе Пушкина о кутежѣ у Каверина 27-го Мая 1819 г.)

„10 Ноя 824. Калуга".

Оригинала, упоминаемаго въ замѣткѣ, не сохранилось.

27.—„На женитьбу Сипягина" (Въ оглавленіи: „къ Сипягину").

„Уборъ супружескій пристало
Герою съ лаврами носить;
Но ихъ къ несчастію такъ мало
Что нечѣмъ даже плѣшь закрыть.

10. Ноя 824. Калуга."

3-й стихъ первоначально былъ написанъ такъ: „Но къ несчастью такъ ихъ мало",—затѣмъ исправленъ какъ выше.

28.—„Pour assurer à ma patrie
De la paix un constant retour,
Mars est parti de la Russie
Sous la figure de l'amour.
Pour faciliter son passage
Le Rhin écarte ses roseaux,
Et la Bonté dans ce voyage,
Conduit la barque du Héros

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

De l'odieuse tyranie
Alexandre brise les fers.
Que les vœux de notre patrie
Répondent aux vœux de l'univers!
Rendons aux Bourbons leur couronne,
Que l'aigle plane dans ces climats,
Que le lys planté sur le trône
Reprenne son premier éclat.

* * *

O, si cette fleur adorée
Prospère au gré de nos désirs,
Dans les cités de notre Astrée
Le commerce va refleurir.
De la vertu, de l'innoncence
Le lys fut toujours la couleur,
Et la cocarde blanche en France
Est pour nous l'astre du bonheur.

10 Nov 824. Kalug".

29.—„Я люблю вечерній пиръ" и проч.

„11 Нояб. 824 Калуга".

Въ спискѣ встрѣчаемъ разночтеніе 2-го стиха („Гдѣ веселье засѣдатель", вмѣсто: „предсѣдатель"), представляющее, какъ кажется, опечатку „Мнемозины"[523]), въ виду чего слѣдуетъ предположить, что Каверинъ списалъ эту пьесу изъ названнаго изданія.

30.—„Гляжу какъ безумный на черную шаль" и проч.—

„11. Ноя 824. Калуга".

Варіанты записи въ стихахъ 12-мъ, 13-мъ и 16-мъ—„призвалъ раба моего", вмѣсто: „позвалъ", „на борзомъ конѣ", вмѣсто: „на быстромъ конѣ", „и весь изнемогъ", вмѣсто: „я весь изнемогъ"—встрѣчаются всѣ въ текстѣ „Благонамѣреннаго" за 1821 г. („Молдавская пѣсня"), откуда быть можетъ и была списана пьеса.

У Каверина отдѣлены отъ прочихъ стиховъ (пропускомъ строки) только два первые стиха; остальные написаны не двустишіями, а слитно.

Длиннѣйшія многоточія въ спискѣ и помѣщенная въ той же тетради пародія на „Черную шаль"[524]) какъ бы подтверждаютъ предположеніе Поливанова[525]), что Пушкинъ намѣренно „передразнилъ пѣсню", выразивъ въ ней ходульность чувствъ тѣхъ личностей, которыя ему случалось встрѣчать во множествѣ въ Кишиневѣ. И въ самомъ дѣлѣ Молдавская пѣсня, въ которой играютъ роль гречанка, армянинъ, еврей и въ лицѣ автора русскій или румынъ,—пѣсня, гдѣ дѣйствіе происхо-

lib.pushkinskijdom.ru

дить по сосѣдству съ Дунайскими волнами, гдѣ наряду съ черною шалью упоминается о борзомъ конѣ, о рабѣ, о безглавомъ тѣлѣ, текущей крови и кровавой стали — сама по себѣ является какъ бы пародіею на современную Пушкину Кишиневскую дѣйствительность.

31.—„Деревня.

Привѣтствую тебя, пустыни уголокъ“, и проч.

„11 Ноя 824, Калуга“.

Варіанты противъ текста Академическаго изданія (II, 52).

Стихъ 1-й: „Привѣтствую тебя, пустыни уголокъ“, вмѣсто: „пустынный уголокъ“

„ 2-й: „Предѣлъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья“, вмѣсто: „Пріютъ спокойствія“ и проч.

„ 6-й: „Прекрасные пиры, заботы, заблужденья“, вмѣсто: „Роскошные пиры, забавы, заблужденія“.

„ 7-й: „На сладкій шумъ дубравъ, на тишину полей“, вмѣсто: „На мирный шумъ дубравъ“ и т. д.

„ 12-й: „Гдѣ чистые ручьи въ кустарникахъ журчатъ“, вмѣсто: „Гдѣ свѣтлые ручьи“ и проч.

„ 15-й: „Гдѣ парусъ рыбарей бѣлѣетъ иногда“, вмѣсто: „Гдѣ парусъ рыбаря“ и проч.

„ 22-й: „Учуся въ тишинѣ блаженство находить“, вмѣсто: „Учуся въ истинѣ(?) блаженство находить“.

„ 38-й: „Вездѣ невѣжества убійственной позоръ“, вмѣсто: „...губительный позоръ.

„ 42-й: „Себѣ присвоило насильственной лозой“, вмѣсто: „Присвоило себѣ насильственной лозой“.

„ 44-й: „Съ поникшею главой, покорствуя бичамъ“, вмѣсто: „Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ“.

„ 50-й: „Для прихоти безчувственной злодѣя“, вмѣсто: „Для прихоти развратнаго злодѣя“.

„ 53-й: „Изъ хижины родной идутъ собой умножить“, вмѣсто: „...собою множить“.

„ 57-й: „И не данъ мнѣ судьбой витійства грозный даръ“, вмѣсто: „И не данъ мнѣ въ удѣлъ“ и проч.

„ 58-й: „Увижу-ль, о друзья, народъ не угнетеннымъ“, вмѣсто: „Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенной“.

„ 60-й: „И надъ отечествомъ, свободой просвѣщеннымъ“, вмѣсто: „И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной“ [526]).

У Каверина 35-й стихъ сначала написанъ такъ: „Но мысль ужасная здѣсь душу помрачаетъ“; затѣмъ въ послѣднемъ словѣ буква п вычеркнута. Стихъ 55-й („О еслибъ голосъ мой“ и проч.) начинается съ красной строки и черезъ строку отъ 54-го стиха. Стихъ 17-й („Вдали разсыпанныя хаты“), очевидно по ошибкѣ, пропущенъ.

lib.pushkinskijdom.ru

32.—„Щербинину.

Житье тому любезный другъ“, и проч.

„11. Нояб. 824. Калуга“.

Текстъ приведенъ выше на стр. 4—5; онъ соотвѣтствуетъ слово въ слово редакціи Венгеровскаго изданія[527]).

33.—„Надпись Пушкина къ моему портрету—оригиналъ у меня:

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ,
На Марсовыхъ поляхъ, онъ грозный былъ рубака
Друзьямъ онъ вѣрный другъ, въ ....
И всюду онъ гусаръ.

11 Ноября 824 Калуга“

Такимъ образомъ подлинная „Надпись“, не совсѣмъ удобная для печати, нѣсколько отличается отъ общеизвѣстнаго текста.

Въ послѣднемъ стихѣ слово „всюду“ перечеркнуто и надъ нимъ написано слово „вѣчно“. Не сдѣлана ли поправка самимъ Петромъ Павловичемъ за собственный счетъ?—До своей первой отставки онъ служилъ исключительно въ гусарахъ—въ Ольвіопольскомъ полку, въ л.-гв. Гусарскомъ и въ Павлоградскомъ.

Пьесы, писанной рукою Пушкина, въ Каверинскихъ бумагахъ не сохранилось; за то уцѣлѣлъ карандашный портретъ Петра Павловича съ карандашною же надписью приведенныхъ стиховъ, неизвѣстнымъ почеркомъ, на оборотѣ. О портретѣ этомъ см. ниже, № 160-й.

34.—„Къ Плещееву.

Изъ школы возвратившись,
Обрадуй насъ собой,
И пьянымъ здѣсь напившись
Отваливай домой.

11 Ноя 824. Кал.“

Въ „Матеріалахъ“ Майкова, стр. 172-ая, находимъ предложеніе Н. В. Плещееву въ этомъ же духѣ, исходящее отъ Пушкина:

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой,
Приди ко мнѣ на рюмку рома
Приди—тряхнемъ мы стариной.

4-го Сентября 1817 г. Пушкинъ провелъ день съ Батюшковымъ, Жуковскимъ и Плещеевымъ въ Царскомъ Селѣ[528]). „Приходи къ Плещееву вкушать трапезу“, писалъ Пушкинъ къ брату отъ 14-го Марта 1825-го г.[529])—Тотъ ли это Плещеевъ или другой—рѣшить не беремся (см. ниже французскіе стихи Плещеева, № 97-й).

lib.pushkinskijdom.ru

35.—„Ура! въ Россію скачетъ“ и т. д. (въ оглавленіи „На возвратъ Государя“). „11 Ноя 824. Калу“.

Приводимъ варіанты противъ текста Академическаго изданія, прим., стр. 2, 4, 5 (перепечатаннаго изъ 2-го изданія Гербеля—Берлинъ 1870 г., стр. 11—12, и соотвѣтствующаго редакціи Лейпцигскаго изданія Н. Л. Кастровича 1873 г.)

Стихъ 4-й: „За нимъ и весь народъ“, вмѣсто: „А съ нимъ и весь народъ“.

„ 15-й: „Я ѣлъ и пилъ, всѣхъ посѣщалъ“, вмѣсто: „Я ѣлъ и пилъ и обѣщалъ“(?).

Не исправляетъ ли послѣднее разночтеніе прямой ошибки переписчика? Слово „обѣщалъ“ на первый взглядъ не имѣетъ смысла и какъ будто поставлено наобумъ, чтобы замѣнить позабытую риѳму. Пьеса написана на возвращеніе въ Россію государя, и во второмъ осьмистишіи очевидно идетъ рѣчь лишь о томъ, что происходило за границею. Между тѣмъ на основаніи этого слова („обѣщалъ“) А. Веселовскій въ статьѣ своей „Періодъ Зеленой Лампы“ [530]) ставитъ это стихотвореніе (Noël) въ связь съ Варшавскими событіями, „сильно дѣйствовавшими на умы младые“ по выраженію Карамзина, и высказываетъ предположеніе, что пьеса эта „осмѣяла ничтожное послѣдствіе мнимо-благочестивыхъ намѣреній императора“ (?).—Но и проявиться-то „послѣдствіямъ“ не было еще времени.—„Пушкинъ“, говоритъ со своей стороны П. Морозовъ [531]), „сатирически сопоставляетъ съ реакціонными основами (Священнаго) союза тѣ либеральныя конституціонныя обѣщанія, какія даны были въ тронной рѣчи 15/27 Марта 1818 г. въ Варшавѣ при открытіи перваго сейма Царства Польскаго, не только въ отношеніи Польши, но и въ отношеніи всей Имперіи“(?). Наконецъ Академическое изданіе, устанавливая дату написанія стихотворенія—конецъ Марта 1818 г.,—тоже какъ будто готово допустить „предположеніе о связи Сказокъ съ рѣчью императора Александра I на Варшавскомъ сеймѣ“(?).

Но уже однѣ эти сложныя догадки, вызванныя малопонятнымъ здѣсь словомъ „обѣщалъ“, заставляютъ усомниться въ принадлежности этого слова Пушкину, всегда отличающемуся удивительною точностью и ясностью въ выраженіи мыслей. Что касается словъ „всѣхъ посѣщалъ“, то послѣ стиховъ:

И Прусскій и Австрійскій
Я сшилъ себѣ мундиръ,

они вполнѣ понятны и не требуютъ комментаріевъ.

Стихъ 16-й: „И дѣломъ не замученъ“, вмѣсто: „не измученъ“,

„ 22-й: „И людямъ я права людей“, вмѣсто: „И людямъ всѣ права людей“.

„ 23-й: „По ..... милости своей“, вмѣсто: „моей“.

„ 26-й: „Расплакалось (?) дитя“, вмѣсто: „Запрыгало дитя“.

„ 30-й: „Пора уснуть ужъ наконецъ“, вмѣсто: „Пора уснуть бы наконецъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

„ 31-й: „Послушай же какъ ....-отецъ“, вмѣсто: „Послушавши какъ ....-отецъ“.

Въ послѣднемъ стихѣ характерное тире: „Разсказываетъ—сказки“.

У Каверина стихотвореніе не раздѣлено на осьмистишія, притомъ стихи: 5-й, 13-й и 28-ой неправильно разбиты каждый на два стиха.

36.—„На Стурзу“ (въ оглавленіи „Стурзѣ“).

„Холопъ“ и проч. Приведены всѣ пять стиховъ.

„11. Ноя 824. Калуг.“

Какъ извѣстно, эпиграмму эту всѣ издатели Пушкина относили на счетъ Аракчеева. Въ виду этого кн. П. А. Вяземскій самымъ категорическимъ образомъ, даже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, возразилъ: „Вовсе не на Аркачеева, а на Стурдзу, написавшаго современно смерти Коцебу записку о нѣмецкихъ университетахъ“ [532]). Противъ этого свидѣтельства, казалось бы, трудно спорить. Въ 1819 г. студентъ Карлъ Зандъ убилъ кинжаломъ реакціоннаго писателя Коцебу. Стурдза былъ такой же реакціонный писатель (выступилъ въ печати еще въ 1810 г.) и очевидно только поэтому заслуживалъ во мнѣніи Пушкина такой же смерти какъ Коцебу. Аракчееву можно было бы, пожалуй, придумать и болѣе лютую казнь, но пожеланіе ему такой смерти, какою погибъ Коцебу, было бы такъ сказать необосновано.

Нынѣшніе издатели Пушкина продолжаютъ, однако, упорствовать во мнѣніи, что эпиграмма написана на Аракчеева.—„Относить эту эпиграмму на счетъ Стурдзы“, говорится въ изданіи Венгерова [533]), „вопреки утвержденію всѣхъ ея списковъ(?), едва ли есть основаніе“. Взглядъ этотъ раздѣляется и Академическимъ изданіемъ [534]), гдѣ высказано между прочимъ предположеніе, „что замѣчаніе князя Вяземскаго, писанное болѣе чѣмъ черезъ 50 лѣтъ послѣ сочиненія Пушкинской эпиграммы, можетъ заключать въ себѣ неточности отъ запамятованія“(!?).

Но тотъ фактъ, что списки какого-либо стихотворенія ходятъ подъ однимъ заглавіемъ, далеко не доказываетъ, чтобы заглавіе это было вѣрно. Такъ, до послѣдняго времени эпиграмма: „Фигляринъ—вотъ полякъ примѣрный“ называлась эпиграммою Пушкина на Булгарина, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она сочинена кн. Вяземскимъ [535]).—Въ данномъ случаѣ большинство современнаго общества, le gros du public, было совершенно незнакомо со Стурдзою, но „всей Россіи притѣснителя“ знало хорошо и ненавидѣло отъ души, а потому безъ колебаній и со злорадствомъ отнесло эпиграмму на счетъ послѣдняго.

Съ другой стороны быть можетъ грѣшно заподозрить въ „запамятованіи“ изъ ряда вонъ живой и свѣтлый умъ кн. Вяземскаго.

Соображеніе, „что едва ли Пушкинъ сталъ бы съ такою силою выступать противъ какого-нибудь Стурдзы“ [533]), равнымъ образомъ мало убѣдительно. Вопервыхъ, не слѣдуетъ забывать, что А. С. Стурдза былъ ультраретроградомъ [536]), и что по участію своему въ дѣлахъ главнаго управленія училищъ, онъ могъ возбуждать глубокое негодованіе либераль-

lib.pushkinskijdom.ru

ной молодежи; вовторыхъ, пятый стихъ „съ титуломъ“: „А впрочемъ ....“ показываетъ именно, что поэтъ питалъ полное пренебреженіе къ тому, къ кому обращался.

Наконецъ и мнѣніе, высказанное въ Академическомъ изданіи, что первый стихъ „Холопъ ....“, сопоставляющій выводимое въ эпиграммѣ лицо съ Александромъ I, гораздо болѣе подходитъ къ Аракчееву, чѣмъ къ Стурдзѣ, конечно не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ лицо, къ которому относится этотъ стихъ, не должно было непремѣнно само носить военнаго званія. Очевидно, что эпитетъ „холопъ“ и проч.— приложимъ ко всякому слѣпому исполнителю военно-категорическихъ повелѣній своего господина.

Позднѣе поэтъ, какъ извѣстно, примирился со Стурдзою. „Здѣсь Стурдза монархическій“, писалъ онъ ко кн. Вяземскому изъ Одессы отъ 14-го Октября 1823 г. (намекая на другую свою эпиграмму на Стурдзу); „я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково, не лукавя другъ передъ другомъ“ [537]). Можно предположить, что этими словами Пушкинъ какъ бы старался загладить передъ Вяземскимъ свои прежнія жестокія пожеланія Стурдзѣ.

Какъ бы то ни было, теперь, кромѣ запоздалаго свидѣтельства кн. Вяземскаго, мы имѣемъ и другое, современное эпиграммѣ, свидѣтельство Каверина о томъ, кому она была въ дѣйствительности посвящена,—и казалось бы такое тожественное свидѣтельство двухъ близкихъ Пушкину лицъ должно имѣть больше вѣса, чѣмъ догадки неосвѣдомленной публики и предположенія новѣйшихъ изслѣдователей.

37.—„Подражаніе Мирабо.

Мы добрыхъ гражданъ позабавимъ
И у позорнаго столба
. . . . . .
. . . . . .

11. Н. 824. Калуг.“

Послѣдніе два стиха, въ виду ихъ анархическаго цинизма, въ печати привести нельзя.—Если четверостишіе принадлежитъ Пушкину, то оно конечно относится къ числу тѣхъ грѣховъ его молодости, отъ которыхъ впослѣдствіи онъ самъ открещивался [539]).

38.—„Je t'invoque, ô ma lire,
Prends des accords heureux,
Peins le tendre délire
De mon cœur amoureux.

11. Nov. 824 Ка“.

lib.pushkinskijdom.ru

Полагаемъ, что это четверостишіе принадлежитъ перу самого Каверина.

39.—„Laissons le myrthe aux amans,
Aucun n'aima comme j'aime,
Il faut un nouvel emblême
Pour de nouveaux sentiments.
Chacun offre à l'espérance
Et de l'encens et des vœux,
Sans elle je suis heureux
En adorant l'innocence.

* * *

Noble fleur, lys éclatant,
Chef-d'œuvre de la nature,
D'une âme candide et pure
Symbole aimable et touchant!
Embellis la beauté mème
De ton aimable fraîcheur;
Attribut de la pudeur,
Tu dois orner ce que j'aime.

11. Nov. 824. Kalug."

40.—„Nous sommes de l'ordre de St-Bernardin
L'ordre nous commande de nous lever matin,
De boire la chaupine, de vider les flacons
Voilà qui est bon (bis),
Voilà la vie, la vie jolie,
Ah voilà la vie, que les moines font".

Въ оглавленіи: „La vie des moines".—Семь куплетовъ; стихотвореніе осмѣиваетъ образъ жизни монаховъ, предающихся чревоугодію и разврату.

„11 Nov. 824 Kaluga".

41—„Vernimm, o Emma, sanft und gut
Den leisen zarten Grusz.
Er kommt von mir—ist liebevoll
Und freundlich wie mein Kusz.

* * *

Vergessen und verlassen zieht
Der Pilger durch die Welt;
Die Thräne die vorüberflieht
Ist martervoll geweint.

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

Du bist die Sternen meiner Nacht,
Mein Stoltz, mein zweites Ich,
Und wenn mein Aug' auf nichts mehr blickt,
So blickt es doch auf dich.

* * *

Bleib immer treu und ewig mein,
So mag die Welt vergehn!
Ich werde mein Elysium
In Emma's Augen sehn.

11. Novem. 824. Kalug."

Судя по техникѣ и содержанію—авторъ пьесы дилетантъ, быть можетъ опять-таки самъ Каверинъ.

42.—„Oh! si vous aviez une seule fois goûté la millième partie des plaisirs que l'on goûte quand on aime et quand on est aimé, quel serait votre repentir! Vous diriez en soupirant: combien, hélas, j'ai perdu de temps! Il est perdu tout le temps qui ne fut pas consacré à l'amour.

11. No 824. Kalug."

43.—„Отрывки изъ мелодрамы подъ названіемъ Приготовленіе къ Балу—Первое дѣйствіе—третіе явленіе.

[Театръ представляетъ избу—Разсвѣтъ.—Хозяинъ собирается на работу, а хозяйка дотапливаетъ печ.—На палатяхъ стоитъ зеркало, освященное двумя свѣчами, передъ нимъ поперекъ печи лежитъ Поручикъ N и сурмитъ усы.—Въ сію минуту входитъ Юнкеръ М.]

Поруч:

Здорово, милый другъ! Взлѣзай сюда на печку
Любуйся на усы—Поставь поближе свѣчку
Ну какого черню?....

Юнк.

Прекрасно хоть сейчасъ—
Для свѣта въ образецъ писать портреты съ васъ!!!

Пор.

Конечно!—На балу я всѣхъ милѣя буду
И съ прелести усовъ, наряду не забуду
Одѣнусь молодцомъ!... для дѣвушекъ бѣда
Со стороны моей (;) я милый другъ всегда!!!
Ась? Какъ ты думаешь?

lib.pushkinskijdom.ru

Юн.

Я думаю что съ вами
Амуры полетятъ нещетными толпами.

Пор. [радостно]

Прелестно, cher ami, ты правильно сказалъ
Клянусь, что на меня засмотрится весь балъ
Брюнетки, блонды, всѣ!—Колѣна преклоняйте.

Юнкеръ

Смотрите напередъ имъ рукъ не помарайте.

Поруч: [вскакивая]

Какъ? Чѣмъ?—....—Ты братъ съ ума сошелъ
Ну покажи сейчасъ, гдѣ грязь на мнѣ нашелъ,
Я — — весь чистёхонекъ!...—

Юнк.

Все это передъ вами.

Пор.

Ну! чѣмъ же мазать мнѣ?

Юнкеръ [захохотавъ]

Черненными усами!
Возможноль, чтобъ углей и сала намѣшать—
Намазать тѣмъ усы и рукъ не замарать!—

Поруч. [осердясь]

Послушай! милый другъ! Не въ силу взялъ ты ролю
Смѣяться надо мной, никакъ я не позволю
Ты молодъ!—Ты дитя, ты мало знаешь свѣтъ
Еше не прожилъ ты своихъ ребячьихъ лѣтъ—
Еще ты не служилъ—не награжденъ чинами
Не можешь такъ шутить поручика усами
Ты долженъ братъ съ меня, какъ съ старшаго примѣръ
Ты въ зыбкѣ былъ еще, а я былъ офицеръ!!!—

Юнкеръ [съ досады беретъ фуражку]

Прощайте же(ъ?)! Естьли такъ! я не привыкъ бранится
Бездѣлицей, мой духъ не можетъ огорчится,—
Желаю поскорѣй вамъ высушить усы
Одѣтся лучше всѣхъ, быть образцомъ красы
Прельстить брюнетокъ, блондъ, быть милымъ селадономъ
И всѣхъ очаровать, любезнымъ вашимъ тономъ.
Прощайте!—[Уходитъ].

[Занавѣсъ опускается].

14. (Ноября) 824. Калуга".

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ извѣстно, нѣкоторыя отроческія произведенія Пушкина не дошли до насъ—напримѣръ, романъ въ прозѣ „Цыганъ“, написанная имъ съ Яковлевымъ комедія: „Такъ водится на свѣтѣ“, пятиактная комедія въ стихахъ: „Философъ“ [540]). Но приведенную вещицу, въ виду ея безсодержательности, врядъ ли можно бъ, несмотря на сравнительную гладкость стиха, отнести даже къ числу такихъ незрѣлыхъ опытовъ Пушкина.

44—„Tableau de Paris à 5 heures du matin [Désaughier].
Tableau d'une soirée de Paris“.

Выписаны полностью два живыя, остроумныя стихотворенія извѣстнаго французскаго „пѣсенника“—chansonnier—Дезожье (Désaugiers) [541]).

„14. Nov. 824. Kalug“.

45.—„Si quelqu'un vous paraît excessivement vertueux; si vous rencontrez un homme qui, dechaîné contre les vices dont il est peut-être exempt, ne compatit point aux faiblesses d'autrui, ressouvenez-vous de mes paroles: croyez que cet homme, en apparence si parfait, cache sous des dehors séduisants un cœur gonflé d'orgueil et de luxure.

14. Nov. 824. Kalug“.

46.—„O vous, qui sur la nacelle légère de la vanité que pousse le vent des éloges, vous embarquez follement pour le voyage de la renommée, attendez-vous à toutes les variations d'une course orageuse. Votre sort est d'être perpétuellement ou élevé sur le sommet du flot, ou enfoncé dans le gouffre; quiconque soupire après la gloire, n'aûra que de courts instants de repos; ranimé par un souffle, un autre souffle le détruira.

11 Nov. 824. Kalug“.

47.—„Le ménage de garçon.

Je loge au quatrième étage;
C'est là que finit l'escalier;
Je suis ma femme de ménage,
Mon domestique et mon portier:
Des créanciers quand la cohorte
Au logis sonne à tour de bras,
C'est toujours, en ouvrant ma porte,
Moi qui dis que je n'y suis pas.

* * *

De tous mes meubles l'inventaire
Tiendrait un carré de papier;
Pourtant je reçois d'ordinaire
Des visites dans mon grenier:
Je mets les gens fort à leur aise—

lib.pushkinskijdom.ru

A la porte un bavard maudit,
Tous mes amis sur une chaise,
Et ma maîtresse sur mon lit.

* * *

Gourmands, vous voulez, j'imagine,
De moi pour faire certain cas,
Avoir l'état de ma cuisine.
Sachez, que je fais trois repas:
Le déjeuner m' est très-facile,
De tous côtés je le reçois;
Je dîne tous les jours en ville,
Et ne soupe jamais chez moi.

* * *

Je suis riche et j'ai pour campagne
Tous les environs de Paris;
J'ai mille châteaux en Espagne,
J'ai pour fermiers tous mes amis,
J'ai, pour faire le petit maître,
Sur la place un cabriolet;
J'ai mon jardin sur ma fenêtre,
Et mes rentes dans mon gilet.

* * *

Je vois plus d'un millionaire
Sur moi s'égayer aujourd'hui;
Dans ma richesse imaginaire
Je suis aussi riche que lui.
Je ne vis qu'au jour la journée,
Lui vante ses déniers comptants,
Et puis à la fin de l'année
Nous arrivons en même tems.

* * *

Un grand homme a dit dans son livre
Que tout est bien, il m'en souvient;
Tranquillement laissons-nous vivre
Et prenons le tems comme il vient.
Si pour recréer ce bas-monde,
Dieu nous consultait aujourd'hui,
Convenons-en tous à la ronde—
Nous ne ferions pas mieux que lui[550]).

15. Nov. 824. Kalouga".

lib.pushkinskijdom.ru

48.—„Les coups“.

Шесть осьмистишій. Пьеса Désaugiers[542]). Вся построена на забавной игрѣ словъ.

„15. Nov. 824. Kalug—Au siège de Hambourg (,) Pinneberg. le 26/14 Avril 1814“.

49.—„C'esf impossible. [Longchamps].

Vous abusez de mon amour,
Vous tourmentez un coeur sensible,
Disait Orphise à Célicourt:
Non, non, monsieur, c'est impossible.

* * *

Célicourt était jeune et beau;
Orphise, malgré sa colère,
Le suit sous un épais berceau
Et lui dit d'un ton moins sévère.

* * *

Vous abusez de mon amour,
Je suis trop bonne et trop sensible.
On peut venir... Ah! Célicourt!
Finissez donc... c'est impossible.

* * *

Orphise est déjà dans les bras
Du cher coupable qu'elle adore;
Sa voix expire... mais tout bas
On l'entend murmurer encore:

* * *

Vous abusez de mon amour,
Finissons un combat pénible.
Je ne saurais, cher Célicourt,
Vous le sentez—c'est impossible.

* * *

On pardonne le premier tort
En faveur d'une double offense;
Mais cet amant, si fier d'abord,
Tout-à-coup perdit contenance.

lib.pushkinskijdom.ru

*
* *
Vous abusez de mon amour,
Dit Orphise; ah Dieu, c'est horrible!
Me jouriez-vous un pareil tour?
J'espère que c'est impossible.

*
* *
Le moment n'était pas heureux,
Célicourt fuit, on le rappelle;
Mais en s'esquivant tout honteux,
De loin il répète à sa belle:

*
* *
Vous abusez de mon amour,
Vous êtes vraiment trop sensible;
J'en suis fâché, mais à mon tour
Je dis: ma foi, c'est impossible.

15. Nov. 824 Kalug".

Что представляетъ имя Longchamps, поставленное послѣ заглавія—имя автора (—во всякомъ случаѣ не пользующагося извѣстностью), или названье мѣста, гдѣ Каверинъ ознакомился съ пьесою?—По содержанію стихотвореніе нѣсколько напоминаетъ пьесу, приписываемую(?) Пушкину: „A son amant Eglé" (см. прим. 510).

50.—„Ah, que l'amour aurait pour moi de charmes!
Quoi, j'ai quinze ans et pas encor d'amant?
Gentil huzard, viens essuyer mes larmes,
Mon cœur promet de t'aimer tendrement.

*
* *
Ainsi chantait une jeune fillete,
Elle croyait désirer le bonheur;
Mieux eut valu cent fois pour la pauvrette
Qu'amour jamais n'eut paru dans son cœur!

*
* *
Huzard la vit, l'adora, lui sut plaire;
Brûlant amour les embrasa tous deux;
Jamais ce dieu ne forma sur la terre
Cœurs plus ardents, ni plus aimables nœuds.

*
* *
Huzard goûta le bonheur de la vie,
Mais ce bonheur ne dura qu'un seul jour!
Puis fut forcé de quitter son amie:
Honneur parlait, dut lui céder l'amour!

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

Dans les combats huzard perdit la vie,
Bien jeune encor c'était mourir, hélas!
Mais tout un jour dans les bras de sa mie
Il fut heureux,—ah, ne le plaignez pas!".

(Въ оглавленіи: „Gentil Huzard").

„17. Nov. 824 Kalug".

Въ Каверинскихъ бумагахъ сохранилась и другая копія этой пьесы, написаная неизвѣстнымъ почеркомъ на полулистѣ почтовой бумаги.

51.—„Du hättest es verprast" (и проч.; текстъ приведенъ выше на стр. 56).

„25. Nov: 824 Kalug."

52.—„Русалка.

Надъ озеромъ въ глухихъ дубравахъ" и проч.

„17. Декабря 824. Калуга".

Варіанты противъ Академическаго изданія[543]).

Строфа 2-я, стихъ 2-й: „Истлѣвшей хижины своей", вмѣсто: „поникшей хижины своей".

„ 3-я, стихи 1-й—4-й: И видитъ:—закипѣли волны
И присмирѣли вдругъ опять.....
Монахъ глядитъ—боязни полный
Кого то жаждетъ увидать.

вмѣсто:

Глядитъ, невольно страха полный
Не можетъ самъ себя понять...
И видитъ: закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опять...

4-й стихъ: „Кого то жаждетъ увидать" подчеркнутъ Каверинымъ—несомнѣнно въ знакъ неодобренія.

Строфа 4-я, стихъ 3-й: „Святой монахъ дрожитъ отъ страха", вмѣсто: „дрожитъ со страха".

„ „ „ „ 4-й: „Но смотритъ на ея красы", вмѣсто: „И смотритъ" и проч.

„ 5-я, „ 8-й: „Сидитъ прелестна и одна", вмѣсто: „Сидитъ прелестна и блѣдна".

„ 6-я, „ 2-й: „Ласкаетъ издали шутя", вмѣсто: цѣлуетъ издали шутя".

„ 7-я, „ 4-й: „И тѣнь ложилась средь дубравъ", вмѣсто: „А тѣнь ложилась средь дубровъ".

5-й стихъ 7-й строфы у Каверина читается: „Заря прогнала тьму ночную", какъ всюду, кромѣ „Матеріаловъ" Майкова, стр. 24, и изданія Литературнаго Фонда, гдѣ слово „тьму" замѣнено словомъ „тѣнь".

lib.pushkinskijdom.ru

Строфа 7-я, стихъ 6-й: „Монаха не было нигдѣ“, вмѣсто: „Монаха не нашли нигдѣ“

„ „ „ „ 7-й: „И ночью бороду сѣдую“, вмѣсто: „И только бороду сѣдую“.

„ „ „ „ 8-й: „Русалки дергали въ водѣ“, вмѣсто: „Мальчишки видѣли въ водѣ“.

Каверинскій списокъ несомнѣнно представляетъ первоначальную, доселѣ неизвѣстную редакцію пьесы. Доказательствомъ этому служитъ то, что нѣкоторыя разночтенія списка встрѣчаются зачеркнутыми и измѣненными въ черновой рукописи Румянцевскаго Музея 2364 л.[544]); находимъ въ ней именно варіантъ второго стиха второй строфы („истлѣвшей“), перестановку четырехъ стиховъ третьей строфы съ приведенными разночтеніями въ двухъ изъ нихъ, варіантъ 4-го стиха 4-й строфы („Но“) и 8-го стиха 7-й строфы („Русалки дергали“). Этотъ послѣдній варіантъ читаемъ и въ „Новостяхъ Литературы“ 1826 г., хотя издатель ихъ А. Ѳ. Воейковъ объявилъ, что заимствуетъ балладу изъ только-что вышедшаго въ свѣтъ отдѣльною книгой изданія стихотвореній Пушкина[545]), гдѣ на самомъ дѣлѣ стихъ этотъ читается какъ въ теперешнихъ изданіяхъ.

Въ рукописи графа Капниста, разбираемой въ „Матеріалахъ“ Майкова, стр. 24, Каверинскимъ варіантамъ соотвѣтствуютъ 5-й стихъ 4-й строфы и 8-й стихъ 7-й строфы. Въ Академическомъ изданіи варіанты этой рукописи не указаны.

Судя по пунктуаціи, пьеса списана съ Пушкинскаго автографа[546]). Приводимъ болѣе характерные знаки (многоточія въ началѣ стиховъ разумѣется наши):

...И видитъ:— закипѣли волны
...Монахъ глядитъ—боязни полный
...И вдругъ—легка, какъ тѣнь ночная
...Бѣла—какъ ранній снѣгъ холмовъ—
...И вдругъ—падучею звѣздою
...И вдругъ—въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ
...Сидѣлъ—и дѣвы ждалъ прекрасной...
...И тѣнь ложилась средь дубравъ...

Пьеса впрочемъ не разбита на куплеты и только первая строка послѣдняго восьмистишія писана съ alinea. Въ 1-мъ стихѣ 1-й строфы и 4-мъ стихѣ 7-мой—очевидныя описки: „дубрaвахъ“ и „дубравъ“, вмѣсто: „дубровахъ“ и „дубровъ“ (Въ 4-мъ стихѣ 5-й строфы: „дубравы“, такъ же какъ въ Академическомъ изданіи; въ остальныхъ печатныхъ текстахъ „дубровы“).

53.—„**Die Erde wird sterben**“ и проч. (см. выше, стр. 54).

„1. Янв. 825. Калуга.“

54.—„**Aimer, c'est vivre dans un monde** que nous avons créé nous-mêmes, et dans lequel les formes et les couleurs des objets sont aussi brillantes que fausses et décevantes. Pour ceux qui aiment, il n'y a ni jour

lib.pushkinskijdom.ru

ni nuit, ni été ni hiver, ni société ni solitude.—Leur délicieuse, mais illusoire [не всегда] existence n'offre que deux époques—la présence et l'absence. Elles tiennent lieu de toutes les distinctions de la nature et de la société. Le monde pour eux ne renferme qu'un individu et cet individu est pour eux le monde lui-même. L'atmosphère de sa présence est le seul air dans lequel ils puissent vivre, et la lumière de ses yeux est le soleil de leur création.—

Aimer, c'est vivre dans une existence remplie de contradictions perpétuelles; sentir que l'absence est insupportable; souffrir presque autant dans la présence de l'objet aimé; être rempli de dix mille pensées quand nous sommes loin de lui, songer au bonheur que nous éprouverons à lui en faire part en le voyant, et quand le moment de notre réunion arrive, nous sentir, par une timidité également oppressive et insupportable, hors d'état d'exprimer une seule de ces pensées; être éloquent en son absence et muet en sa présence; attendre le moment de son retour comme l'aurore d'une nouvelle existence; et quand il arrive, etre privé tout-à-coup de ses moyens auxquels il devait donner une nouvelle énergie; guetter la lumière de ses yeux comme le voyageur du désert guette le lever du soleil; et quand l'astre a paru, succomber sous le poids accablant de ses rayons, et regretter presque la nuit.

Aimer, c'est sentir que notre existence est tellement absorbée dans celle de l'objet aimé, que nous n'avons plus de sentiment que celui de sa présense; de jouissances que les siennes; de maux que ceux qu'il souffre. Aimer, c'est n'être que par ce qu'il est, n'user de la vie que pour la lui conserver, tandis que notre humilité croit en proportion de notre attachement. Plus nous nous abaissons, moins notre abaissement nous paraît suffire pour exprimer notre amour; la femme qui aime ne doit plus se rappeler son existence individuelle; elle ne doit considérer ses parents, sa patrie, la nature, la société, la religion elle-même... que comme les grains d'encens qu'elle jette sur l'autel du cœur.

9. Janvier 825. Kaluga".

55.—„Le langage n'est plus nécessaire à ceux dont les cœurs palpitans savent se faire entendre, dont les yeux se parlent plus clairement, même à la lumière affaiblie de la lune, que la physionomie ouverte au grand jour; à ceux qui éprouvent une joie exquise au renversement de tous les sentimens et de toutes les habitudes de la terre, trouvent la lumière dans les ténébres et de l'éloquence dans le silence.

825—9. Janvier. Kalug."

56.—„Вчера за чашей поншевою" (въ оглавленіи: „Слеза въ бокалѣ").

„9. Февраля 1825. Калуга".

Пьеса на четверостишія не разбита, а писана сплошь. Приводимъ варіанты противъ рукописи Грота, напечатанной въ Академическомъ изда-

lib.pushkinskijdom.ru

ніи (I, прим., 132). Каверинскій списокъ ближе всего подходитъ къ этой рукописи.

Строфа 1-я, стихъ 3-й: „И молча съ мрачною тоскою“, вмѣсто: „душою“.

Сличи съ факсимиле Академическаго изданія (I, передъ стр. 133 примѣчаній), гдѣ слова „съ мрачною душою“ рукою Пушкина переправлены на „съ дикою тоскою“. Любопытно, что послѣ слова „мрачною“ Каверинъ началъ было писать „ду...“ и затѣмъ по слизанному написалъ „тоскою“. Можно бъ подумать, что въ рукахъ Каверина находился какой либо Пушкинскій черновикъ. Во всякомъ случаѣ, судя по знакамъ препинанія, пьеса списана имъ съ автографа.

Строфа 2-я, стихъ 3-й: „По ней еще ты слава Богу“, вмѣсто: „Еще по ней ты слава Богу“.

„ 3-я, „ 2-й: „Я тихо просвисталъ“, вмѣсто: „Я громко просвисталъ“.

„ 4-я, „ 3-й: „Дитя! ты плачешь по дѣвицѣ“, вмѣсто: „о дѣвицѣ“.

„ 5-я, „ 2-й: „Я въ грусти отвѣчалъ“, вмѣсто: „Ты знать не горевалъ“.

Л. Н. Майковъ признаетъ рукопись Грота за самую раннюю редакцію пьесы. Вѣроятно и редакція Каверинскаго списка является одною изъ раннихъ.

57.—„Море.

Прощай свободная стихія!“ и проч.

„825.—5. Марта. Калуга“.

Варіанты противъ текста Ефремовскихъ изданій:

Строфа 1-я, стихъ 3-й: „Реви, волнуйся непогодой!“ вмѣсто: „Шуми, взволнуйся непогодой“ (соотвѣтствуетъ тексту „Матеріаловъ“ Майкова, стр. 200).

„ 13-я, „ 3-й: „Судьба земли повсюду та же“, вмѣсто: „Судьба людей повсюду та же“.

„ 13-я, „ 5-й: „Стоитъ неистовый тиранъ“, вмѣсто: „Иль самовластье, иль тиранъ“.

Такимъ образомъ стихи 3-й и 5-й 13-й строфы соотвѣтствуютъ тексту Лобановской книги. Въ изданіи 1870 г. стихъ 5-й читается—„Коварство, злоба иль тиранъ“. Въ изданіи Морозова (I, 305), у Поливанова (I, 158) и въ „Матеріалахъ“ Майкова (200): „Иль просвѣщенье иль тиранъ“ [549]).

Строфа 14-я, стихъ 4-й: „Твой шумъ въ вечерніе часы“, вмѣсто: „Твой гулъ“ и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

58.—„О В...! я благословляю
Безвѣстный, мирный свой удѣлъ
Богатства, славы не желаю:
Я щастіе въ тебѣ нашелъ.

18. Марта 1825".

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что авторомъ этого неудалаго четверостишія является самъ Петръ Павловичъ. Часть листка, на которомъ оно записано, тщательно вырвана, вѣроятно изъ авторскаго самолюбія, но затѣмъ таки прилѣплена по 4-мъ угламъ сургучомъ. Позднѣе подъ этимъ четверостишіемъ записано другое, французское, вѣроятно того же автора, озаглавленное „pour V:",—см. ниже № 80. Подъ буквами В... и V: слѣдуетъ очевидно разумѣть „Вѣра", „Véra".

59.—„Пушкинъ еще бывши въ Лицеи куплетъ на себя сдѣлалъ:
Я самъ въ себѣ увѣренъ
Я умникъ изъ глупцовъ
Я маленькой Каверинъ
Лицейской Молостовъ" (sic).

„24 Марта 825. Калуга".

Покойный Л. Н. Майковъ, которому я показывалъ Каверинскую тетрадь, говорилъ мнѣ, что четверостишіе это уже было ему извѣстно, какъ приписываемое Пушкину, но что до сихъ поръ онъ не находилъ основанія признать его за подлинное.

Извѣстна приписываемая Пушкину надпись къ портрету Молоствова. Подлинность ея оспаривается[551]). Между тѣмъ стихъ изъ вышеприведенной пьесы: „Я умникъ изъ глупцовъ", относящійся къ Молоствову, находится въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи со стихомъ означенной надписи къ его портрету: „Дуракомъ онъ не былъ ввѣкъ".

60.—„Oui, je veux t'obéir, je jure d'enchaîner
Ces transports indiscrets dont l'ardeur t'épouvante;
Je jure au nom des dieux de ne plus profaner
Cette aimable pudeur qui m'irrite et m'enchante.

* * *

Je le jure par toi, c'est plus que par les dieux,
Ma main n'osera plus presser ta main timide
Mes regards, moins hardis, permettront à tes yeux
De cacher tes langueurs sous leurs paupières humides.

* * *

Je jure plus encore, quand tu viens à pas lents
Le front penché, vers moi, me parler, me sourire
Tu pourras résistant à mon bras qui t'attire
T'échapper sans effort de mes genoux tremblans.

lib.pushkinskijdom.ru

*
* *

Je jure d'épargner la gaze transparente
Où je vois ton beau sein par un doux mouvement
S'élever, s'abaisser comme l'onde inconstante
Qu'un souffle de Zéphir balance doucement.

*
* *

Jamais dans mes fureurs, jamais je te le jure
Je n'oserai ravir ces baisers enivrants
Qui changent par degrés en un tendre murmure
Ton reproche et ta voix sous ma bouche expirants.

*
* *

Tranquille auprès de toi, maître de ma tendresse,
Je jure, quelqu' ardeur, dont je suis ‹soie?› dévoré,
De te voir, t'écouter, t'admirer sans ivresse
Je jure—on vient, c'est toi; non, je n'ai rien juré.

9. Avril. (1825 ?) Kalouga."

Въ оглавленіи „Les serments".

61.—„Языкову.

Издревле сладостный союзъ" и проч.

„20 Апрѣля 825. Калуга.—Михайловское 1824. 20 Сентября."

Списокъ вполнѣ соотвѣтствуетъ рукописи графа Корфа[552]), за исключеніемъ 2-хъ—3-хъ словъ: (въ стихѣ 28-мъ: „Арабъ", вмѣсто „Арапъ"; въ 30-мъ стихѣ: „Обѣды", вмѣсто „Обѣты"; въ стихѣ 33-мъ: „О милой Африкѣ", вмѣсто „Объ милой").

62.—„Пародія на черную Шаль.

Гляжу какъ безумный на кончикъ носка
И хладную душу терзаетъ тоска.

Неопытны лѣта разсудокъ виня,
Мундиръ, эполеты прельстили меня.

Привѣты и ласки родныхъ и друзей
Смѣнялъ на педанство великихъ князей.

И служба польстила на первы разы
Но скоро я дожилъ до страшной грозы.

Однажды на койкѣ я смирно лежалъ
Ко мнѣ торопливо дневальный вбѣжалъ.

Вставайте скорѣя, сказалъ онъ смѣясь,
Потѣха большая, пріѣхалъ нашъ князь.

lib.pushkinskijdom.ru

Я далъ ему плюху и прогналъ его
Въ нещастьи усмѣшка горчѣе всего.

Я выбѣжалъ въ кухню и позвалъ слугу—
Одѣлся и прямо въ казарму бѣгу.

И что же я вижу у первыхъ дверей
Великой толкуетъ науку царей.

„Гдѣ были вы?“—Дома. „Зачѣмъ же не здѣсь?
Вскричалъ онъ во гнѣвѣ и вспыхнувши весь.

Смотрите какъ ходятъ: носки вверхъ торчатъ,
Колѣны согнуты—здѣсь третій разрядъ.

Какой вы начальникъ! Какой капитанъ!
У васъ погоняетъ болвана, болванъ.“

Ужасно прибытье, ужасный отъѣздъ:—
Меня потащили сейчасъ подъ арестъ.

Съ тѣхъ поръ я по службѣ не справлюсь никакъ
Хоть какъ не стараюсь, выходитъ не такъ.

Гляжу какъ безумный на кончикъ носка
И хладную душу терзаетъ тоска.

20 Апрѣль 825.—Калуга.“

Въ 9-мъ двустишіи встрѣчаемъ выраженіе: „Великой толкуетъ науку царей“, соотвѣтствующее Пушкинскому стиху изъ посланія къ Орлову „Преподаешь царей науку“. Но 3-й и 7-й стихи—если только они не переиначены—ужъ слишкомъ неуклюжи для Пушкина.

63.—„Пародія.

Не за Людмилою Русланъ
Съ душою ѣдетъ безпокойной;
Нѣтъ, ночью съ балу по Мильонной
Гвардейскій ѣдетъ капитанъ.
Не старой битвы видитъ поле,
Не кости, не заржавый щитъ,
Но все чего то поневолѣ
Душа гвардейская дрожитъ.
Проѣхавъ зимнюю канаву,
На право видитъ онъ дворецъ,
На лѣво царскую забаву:
Невольно вздрогнулъ молодецъ,
Невольно шляпу поправляетъ
Съ плеча шинель свою спускаетъ
И все ль по формѣ, вкругъ себя

lib.pushkinskijdom.ru

Взираетъ робкими очами.
Манежъ! Манежъ! кто здѣсь тебя
Измѣрилъ робкими шагами?
Чей полкъ песокъ въ тебѣ топталъ.
Въ послѣдній часъ разводной смѣны
Командѣ чьей внимали стѣны?
Со славой кто маршировалъ?
Манежъ за чѣмъ же смолкнулъ ты
И не слыхать въ тебѣ ученья?
Но отъ разводной суеты
Быть можетъ нѣтъ и мнѣ спасенія.

20. Апрѣля. 825. Калуга."

(Въ оглавленіи: „Пародія на Людмилу".)

Пародія писана на 159—187 стихи 3-ей пѣсни „Руслана и Людмилы". Въ пародіи этой мы равнымъ образомъ находимъ выраженіе Пушкина—„царская забава"; встрѣчаемъ также упоминаніе о „казармахъ на Милліонной", о которыхъ говоритъ П. А. Катенинъ въ письмѣ къ поэту отъ 9-го Мая 1825 г.[553]); вдобавокъ послѣдніе два стиха какъ бы прямо относятся къ поэту, который стремился поступить на военную службу, въ 1818—1819-мъ г., т. е. какъ разъ въ эпоху, когда писалъ „Руслана и Людмилу" (см. прим. 467).

64.—„Къ Цензору." (Первое посланіе).

„16. Іюня 825. Калуга".

Приводимъ варіанты противъ печатнаго текста[554]).

Стихъ 3-й: „Не бойся, не хочу прельщенной славой ложной", вмѣсто: „прельщенный мыслью ложной".

Въ стихахъ 14-мъ и 15-мъ пунктуація Каверинскаго списка, отличная отъ печатной, даетъ другое, болѣе правильное и осмысленное чтеніе 13-го—19-го стиховъ. Пунктуація по печатному тексту (въ 8-мъ изданіи Анскаго 1882 г., I, 427, и въ другихъ, позднѣйшихъ):

Стихъ 12-й: Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
То прозу глупую, то глупые стихи.
„ 15-й: Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожитъ:
Тотъ англійскій романъ съ французскаго преложитъ,
Тотъ оду сочинитъ, потѣя да крехтя,
Иной трагедію напишетъ намъ шутя—

Пунктуація Каверинскаго списка:

Стихъ 12-й: Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
То прозу глупую, то глупые стихи
„ 15-й: Россійскихъ авторовъ.—Нелегкое встревожитъ:
Тотъ англійскій романъ съ французскаго преложитъ и т. д.

lib.pushkinskijdom.ru

Очевидно, что на самомъ дѣлѣ слова „нелегкое встревожитъ“ должны относиться, какъ у Каверина, къ цензору, обязанному пересмотрѣть англійскій романъ, переложенный съ французскаго, оду, трагедію... „До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты, читай, бѣсися, зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.—Нашъ цензоръ мученикъ!“—Если же отнести эти слова къ россійскимъ авторамъ, то въ стихахъ 16-мъ и 18-мъ окажется явное противорѣчіе:

Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожитъ:
...Иной трагедію напишетъ намъ шутя.

Правда въ черновомъ отрывкѣ, въ Майковскомъ собраніи Императорской Академіи наукъ, читаемъ:

Парнасскую толпу
(Писателей) нелегкая встревожитъ

Но „нелегкая“ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе чѣмъ „нелегкое“—и указаннаго выше противорѣчія при этомъ варіантѣ уже не будетъ.

Стихъ 17-й: „Тотъ оду сочинитъ потѣя и кряхтя“, вмѣсто: „...потѣя да кряхтя“.

„ 18-й: „Другой трагедію напишетъ намъ шутя“, вмѣсто: „Иной трагедію“ и проч.

„ 21-й: „Нашъ цензоръ мученикъ“, вмѣсто: „Такъ! (?) цензоръ мученикъ“.—Посланіе несомнѣнно посвящено русскому цензору, обязанному читать россійскихъ авторовъ. Поэтъ не имѣлъ въ виду „поносить хулой неосторожной“ цензуру вообще. „Что нужно Лондону, то рано для Москвы. У насъ писатели я знаю каковы“. Въ упомянутомъ черновомъ отрывкѣ читаемъ: „Умы россійскіе мы знаемъ каковы.“ Изъ всего этого казалось бы можно заключить, что „Нашъ цензоръ“ представляетъ правильное чтеніе, а что „Такъ! цензоръ...“ является опискою, подлежащей исправленію.

„ 30-й: „Учтивыхъ авторовъ затѣйливая дань“, вмѣсто: „Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань“.

„ 36-й: „Не преступаетъ онъ начертанныхъ уставовъ“, вмѣсто: „Не преступаетъ самъ“ и проч.

„ 40-й: „Живой поэзіи рѣзвиться не мѣшаетъ“, вмѣсто: „Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ“.

Тотъ же варіантъ находимъ и въ „Матеріалахъ“ Майкова, гдѣ впрочемъ не объяснено, откуда онъ взятъ [555]).

Не вкралась ли и тутъ ошибка во всѣ изданія? Уже по формѣ—слово „рѣзвиться“ (форма неопредѣленная), болѣе чѣмъ—„развиться“ (форма опредѣленная), подходитъ къ ряду глаголовъ въ томъ же и сосѣднихъ стихахъ—„преступаетъ“, „умѣетъ“, „заграждаетъ“, „мѣшаетъ“,—а по смыслу болѣе чѣмъ „развиться“ подходитъ къ эпитету „живой.“ Музу свою Пушкинъ называетъ „рѣзвою“, она у него „рѣзвится“ и проч. [556]).

Стихъ 41-й: „Онъ другъ писателей“, вмѣсто: „Онъ другъ писателю“...

Стихъ 51-й читается какъ въ изданіи Анскаго 1882 г.: „Благодаря тебя“ и проч., а не „Благодаря тебѣ“, какъ у Суворина.

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 59-й: „О варваръ кто изъ насъ владѣтель русской лиры“, вмѣсто: „О варваръ, кто изъ насъ, владѣлецъ“ и проч.

„ 91-й: „Державинъ бичъ вельможъ при звукахъ громкой лиры“, вмѣсто: „...грозной лиры“.

„ 92-й: „Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры“, вмѣсто: „Ихъ горделивые разоблачилъ кумиры“.

И этотъ варіантъ—опять неопредѣленная форма вмѣсто опредѣленной—встрѣчается въ „Матеріалахъ“ Майкова. Не исправляетъ ли и онъ „огульной“ опечатки изданій. Въ самомъ дѣлѣ: сатирикъ невѣжество казнилъ; Хемницеръ истину говорилъ; наперсникъ „Душеньки“ шутилъ, Киприду являлъ безъ покрывала,—и никому изъ нихъ цензура не мѣшала (стихи 87-й—96-й); казалось бы, и Державинъ разоблачалъ, а не разоблачилъ кумиры[625]).

Стихъ 97-й: „Ты, что то хмуришься? Признайся въ наши дни“, вмѣсто: „Ты что же (?) хмуришься“

„ 114-й: „Я долженъ то того, то этого бранить“, вмѣсто: „щадить“.

„ 124-й: „Тебѣ скорѣй домой убраться осторожно“, вмѣсто: „Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно“.

Особенность Каверинскаго списка заключается въ томъ, что стихи: 31-й, 55-й, 83-й, 113-й и 121-й писаны съ красной строки, соотвѣтственно смыслу, тогда какъ въ печатномъ текстѣ съ красной строки начинается лишь 31-й стихъ. Кромѣ того у Каверина стихи 113-й—120-й заключены въ кавычки. Въ послѣднемъ стихѣ, посрединѣ, встрѣчаемъ тире, вѣроятно подлинное Пушкинское: „Хоть умнаго себѣ — возьми секретаря“.

65.—„Къ Мечтателю.

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье“ и проч.

„16 Іюня 1825. Калуга“.

Варіанты списка противъ редакціи Академическаго изданія.

Стихъ 4-й: „И въ сердцѣ хладное страданіе таить“, вмѣсто: „...тихое унынie“...

„ 7-й: „Постигло страстное безуміе любви“, вмѣсто: „...страшное безуміе любви“.

„ 10-й: „На ложе медленно растерзанной тоской“, вмѣсто: „...терзаемый тоской“.

„ 11-й: „Забывъ надежду и покой“, вмѣсто: „Ты звалъ обманчивый покой“.

„ 13-й: „Покровы хладные рыдая обнималъ“, вмѣсто: „Покровы жаркіе“ и проч.

„ 19-й: „Дрожащій дикій, изступленный“, вмѣсто: „Дрожащій, блѣдный, изступленный“.

„ 23-й: „Довольно я страдалъ“..., вмѣсто: „довольно я любилъ“...

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 15-й: „На вѣкъ остались бы съ тобой“, вмѣсто: „...остались вѣчно бы съ тобой“.

Изъ указанныхъ варіантовъ—относящіеся до стиховъ 4-го, 10-го, 11-го, 19-го и 23-го находимъ въ „Сынѣ Отечества“ за 1818 г.[557]).

66.—„О милый другъ! повсюду ты со мною“ и проч.

„16. Іюня. 1825. Калуга“.

(Въ оглавленіи „къ Любовницѣ“; въ печатныхъ изданіяхъ озаглавлено: „Унынie“ или „Разлука“).

Варіанты противъ Академическаго изданія („Унынie“, I, 224, прим., 296).

Стихъ 1-й: „О милый другъ, повсюду ты со мною“, вмѣсто: „Мой милый другъ, разстался я съ тобою“.

„ 2-й: „Но я унылъ и втайнѣ я грущу“, вмѣсто: „Душей уставъ, безмолвно я грущу“.

„ 5-й: „Я все тебя прелестный другъ ищу“, вмѣсто: „...далекій другъ ищу“.

„ 8-й: „Задумаюсь лишь о тебѣ—внимаю“, вмѣсто: „Задумаюсь—невольно призываю“.

Послѣ 9-го стиха слѣдуетъ:

Сижу разсѣянный между друзьями
Не внятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ
Гляжу на нихъ недвижными глазами
Не знаетъ ихъ уже мой хладный взоръ.

Затѣмъ идетъ 10-й стихъ: „И ты со мной—о лира пріуныла“ и т. д.

Стихъ 16-й: „Изобразятъ мученія любви“, вмѣсто: „...унынie любви“.

„ 18-й: „Вздохнутъ задумчивыя дѣвы“, вмѣсто: „Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы“.

Изъ этихъ варіантовъ видно, что въ сущности редакція Каверинскаго списка ближе подходитъ къ стихамъ 19-му—40-му „Разлуки“ по изданію Анскаго (1882 г., I, 148), чѣмъ къ отдѣльной пьесѣ „Унынie“.

Стихи 6-й, 7-й и 12-й у Каверина пропущены. Пропускъ 6-го—7-го стиховъ отмѣченъ имъ на полѣ крестикомъ. Пропуски эти даютъ поводъ предполагать, что пьеса записана на память.

67.—„Къ Прелестницѣ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ“ и проч.

„16. Іюня 1825. Калуга“.

Текстъ вполнѣ соотвѣтствуетъ редакціи „Невскаго Зрителя“ за 1820 г., № 4-й, и быть можетъ списанъ Каверинымъ оттуда.

68:—„Прощаніе съ Лицеемъ.

Промчались годы заточенья“ и проч., по 26-й стихъ включительно (остальные стихи, съ 27-го по 40-й, записаны особо, см. ниже, № 69).

„16. Іюня 1825. Калуга“.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ печатныхъ изданіяхъ пьеса озаглавлена: „Товарищамъ передъ выпускомъ“ или „Товарищамъ“.

Приводимъ варіанты противъ текста Ефремовскаго изданія (Анскаго, 1882 г.).

Стихъ 8-й: „Въ волненьи юныхъ гордыхъ думъ“, вмѣсто: „юныхъ пылкихъ думъ“.

„ 18-й: „Покорнымъ шутомъ зритъ себя“, вмѣсто: „Покорнымъ плутомъ зритъ себя“.

И здѣсь Каверинскій списокъ несомнѣнно исправляетъ ошибку печатныхъ изданій, притомъ весьма грубую. Опять-таки то обстоятельство, что въ тетради Румянцевскаго Музея № 2364, пересмотрѣнной самимъ Пушкинымъ, дѣйствительно написано плутомъ, врядъ ли можетъ опровергнуть наше предположеніе. Надо допустить, что Пушкинъ проглядѣлъ и эту ошибку,—у него не достало на нее глазъ.

На нѣкоторую непонятность или неловкость 18-го стиха обратилъ вниманіе еще Шевыревъ [558]). „Ужъ конечно не зритъ, а гнетъ себя было у Пушкина“, говоритъ онъ,—„Но было однако жъ такъ, какъ напечатано“, возражаетъ Шевыреву В. Гаевскій. Надо впрочемъ признаться, что замѣна слова, предлагаемая Шевыревымъ, не устраняетъ недоумѣнія и что въ стихахъ 15-мъ—18-мъ все неясно:

Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зритъ себя.

Почему плутъ любитъ не честь, а почести? Зачѣмъ онъ въ прихожей? Почему онъ покорный и отчего въ самомъ дѣлѣ онъ зритъ себя плутомъ?

Если примемъ редакцію Каверинскаго списка, т. е. вмѣсто „плутомъ“ поставимъ „шутомъ“, то все сразу станетъ яснымъ. Шутъ любитъ почести, мѣсто его въ прихожей, эпитетъ „покорный“ приложимъ къ нему, какъ къ слугѣ, наконецъ онъ именно зритъ себя шутомъ (—въ пестромъ нарядѣ, въ колпакѣ съ побрякушками и проч.).

На возможное возраженіе, что Пушкинъ написалъ бы: „Шутóмъ покорнымъ зритъ себя“, вмѣсто: „Покорнымъ шýтомъ зритъ себя“, замѣтимъ, что обѣ формы одинаково правильны (народъ, напримѣръ, говоритъ: „ну его къ шýту“), и что поэтъ повидимому предпочиталъ вторую форму; по крайней мѣрѣ въ стихотвореніи: „Ex ungue leonem“ читаемъ:

Но что жъ ни мнѣ, ни площадному шýту
Не удалось сокрыть своихъ проказъ и проч.

Стихъ 19-й: „Лишь я судьбѣ во всемъ послушной“, вмѣсто: „Лишь я судьбѣ своей во всемъ послушный“.

Стихи 20-й—22-й: Къ честямъ ничтожнымъ равнодушный
Безпечной лѣни вѣрный сынъ
Я тихо задремалъ одинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

вмѣсто:

Счастливой нѣги вѣрный сынъ
Душей безпечной, равнодушной
Въ постели задремалъ одинъ.

Стихъ 24-й: „Равны наказъ и кивера“, вмѣсто: „Равны законы, кивера“.

Каверинская копія весьма близко подходитъ къ рукописи Румянцевскаго Музея № 2364; такъ между прочимъ 24-й стихъ въ рукописи первоначально соотвѣтствовалъ тексту копіи, затѣмъ уже слова „наказъ и“ были зачеркнуты и замѣнены словомъ „законы“, что̀ служитъ указаніемъ, что редакція Каверинскаго списка представляетъ одну изъ раннихъ.

Относительно текста этой пьесы и послѣдующей (№ 69), напечатаннаго въ I т. Академическаго изданія, отмѣтимъ два маленькихъ недосмотра. Какъ указано въ примѣчаніяхъ, стр. 386, текстъ этотъ напечатанъ съ музейной рукописи № 2364; между тѣмъ въ означенной рукописи во 2-мъ стихѣ читаемъ: „мирные друзья“, въ Академическомъ же изданіи: „милые друзья“, въ рукописи, въ стихѣ 34-мъ: „разстегнуть жилетъ“, въ Академическомъ изданіи: „распахнуть жилетъ“.

69.—„Друзья! немного снисхожденья“ и проч.

„16. Іюня 1825. Калуга“.

(Въ оглавленіи: „Красной колпакъ“).

Это 27-й—34-й стихи упоминаемой выше пьесы „Товарищамъ передъ выпускомъ“ или „Товарищамъ“. Не представляли ли первоначально эти стихи отдѣльнаго стихотворенія и не были ли они слиты со стихотвореніемъ „Товарищамъ“ впослѣдствіи? Безъ 27-го—34-го стиховъ пьеса заканчивается вполнѣ логически и притомъ эффектными стихами:

Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассессора.

Къ тому же при внимательномъ разсмотрѣніи, между двумя частями стихотворенія чувствуется разладъ. Упоминаніе о шишакѣ въ 30-мъ стихѣ не подходитъ подъ основную мысль первой части посланія и даетъ поводъ къ произвольнымъ толкованіямъ. Такъ Анненковъ[559]) отмѣчаетъ въ этой пьесѣ автобіографическую черту—желаніе Пушкина поступить въ военную службу (?).—Но можно бы съ такимъ же основаніемъ предположить, что Пушкинъ намекаетъ на возможность „за прегрѣшеніе“ быть отданнымъ въ солдаты.

Варіанты противъ Академическаго изданія:

Стихъ 2-й (28-й): „Оставьте красной мнѣ колпакъ“, вмѣсто: „Оставьте мирный мнѣ колпакъ“; въ рукописи № 2364 первоначально было написано „красной“ (какъ и въ рукописи 2395[560]), затѣмъ зачеркнуто и сбоку поставлено: „мирной“.

Стихъ 7-й (33-й): „Еще рукой неосторожно“, вмѣсто: „...неосторожной“.

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 8-й (34-й): „По волѣ разстегнуть жилетъ“, вмѣсто: „Въ Іюлѣ (?) распахнуть жилетъ“.

И списокъ съ этихъ 8-ми стиховъ приближается у Каверина къ рукописи 2364 (во 2-мъ—29-мъ стихѣ—красной, въ 8-мъ—34-мъ стихѣ—разстегнуть). То обстоятельство, что въ Каверинскомъ спискѣ удержалось слово „красной“, зачеркнутое и замѣненное другимъ въ рукописи 2364, указываетъ на болѣе раннюю редакцію и этого списка.

70.—„Паситесь добрые народы“ и проч. (Стихи 8-й—13-й стихотворенія: „Изыде Сѣятель“).

„17 Іюня 825. Калуга“.

Въ оглавленіи: „Русскому народу“.

Вѣроятно, стихи эти первоначально представляли самостоятельную пьесу. Подтвержденіемъ тому, помимо Каверинской записи, можетъ служить особый черновой набросокъ этихъ стиховъ въ рукописи Румянцевскаго Музея 2366, л. 41, начинающійся со слова „Паситесь“ [619].—Заглавіе въ Каверинской тетради даетъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный академикомъ Н. А. Котляревскимъ по предмету пьесы „Изыде Сѣятель“: „О какихъ народахъ идетъ рѣчь, о народѣ въ собирательномъ смыслѣ, или о народѣ русскомъ?“ [620].

Варіанты противъ редакціи Ефремовскихъ изданій:

Стихъ 8-й: „Паситесь добрые народы“, вмѣсто: „мирные народы“.
„ 9-й: „Васъ не разбудитъ чести кличъ“, вмѣсто: „не пробудитъ чести кличъ“.
„ 11-й: „Ихъ надо рѣзать или стричь“, вмѣсто: „Ихъ должно рѣзать“ и проч. Въ рукописи Румянцевскаго Музея 2364 [561])—„Васъ должно рѣзать“ и проч., что неправильно, такъ какъ здѣсь мѣстоимѣніе замѣняетъ слово „стада“, а не „народы“.
„ 12-й: „Наслѣдство Вамъ—изъ рода въ роды“, вмѣсто: „Наслѣдство ихъ“ и проч.

71.—„Къ Дельвигу.

Любви, надежды, тихой славы“ (и т. д.—записано полностью стихотвореніе, которое до сихъ поръ печаталось и печатается подъ заглавіемъ „Къ Чаадаеву“).

„6 Іюля 825. Бабаи“.

Въ виду этого новаго заглавія, завѣщаннаго намъ Каверинымъ, невольно возникаетъ вопросъ, кому на самомъ дѣлѣ была посвящена пьеса, Чаадаеву или Дельвигу?

Нелегко разобраться во всѣхъ недоумѣніяхъ и прямыхъ несообразностяхъ, коими по какимъ-то случайнымъ причинамъ опутана исторія двухъ посланій Пушкина, носящихъ въ печати заглавіе „Къ Чаадаеву“;

lib.pushkinskijdom.ru

„Любви, надежды, гордой славы“ и „Къ чему холодныя сомнѣнья?“ Здѣсь коснемся только тѣхъ изъ указанныхъ недоумѣній, которыя относятся до нашего предмета[562]).

Любопытная исторія печатнаго текста первой изъ этихъ пьесъ подробно разсказана въ Академическомъ изданіи[563]), но она не выясняетъ, кому собственно посланіе адресовано. Мы узнаёмъ только, что до 1859 г. оно печаталось съ анонимнымъ посвященіемъ—„къ NN“.—Въ Библіографическихъ Запискахъ 1858 г., № 11, стр. 338, посланіе впервые названо „Посланіемъ къ Чаадаеву“; то же названіе перешло въ изданіе 1859 г. (подъ редакціею Геннади). Съ тѣхъ поръ посланіе неизмѣнно и какъ-то безсомнительно печатается подъ заглавіемъ „Къ Чаадаеву“. Въ засѣданіи 21-го Апрѣля 1904 г., коммиссія для изданія сочиненій Пушкина окончательно рѣшила—„придерживаясь принципа, принятаго Г. Якушкинымъ, заглавіе „Къ Чаадаеву“ сохранить, со ссылкою подъ строкой, что въ пожизненныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина эта пьеса печаталась подъ заглавіемъ „къ NN““[564]).

Но откуда почерпнуто „Библіографическими Записками“ и Н. Г. Геннади свѣдѣніе, что посланіе посвящено Чаадаеву—на это отвѣта нигдѣ не находимъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что указаніе „Библіографическихъ Записокъ“ и Геннади основано исключительно на бросающейся въ глаза связи между посланіемъ „Любви, надежды, тихой славы“ и позднѣйшимъ посланіемъ, дѣйствительно посвященнымъ Пушкинымъ Чаадаеву: „Къ чему холодныя сомнѣнья“,—той именно связи, на которую обращаютъ вниманіе всѣ издатели сочиненій Пушкина. Напомнимъ здѣсь о ней.

Въ первомъ посланіи (стихи 17-й—22-й) поэтъ говоритъ:

Товарищъ, вѣрь, взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Во второмъ посланіи читаемъ (стихи 13-й—21-й):

Чаадаевъ, помнишь ли былое?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

Но доказываетъ ли сама по себѣ эта связь, являющаяся ссылкою одного стихотворенія на другое, что оба они посвящены одному лицу?—Если припомнить обстоятельства и условія, при которыхъ написано и появилось второе посланіе, то пожалуй придешь къ заключенію прямо противоположному.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ срединѣ Декабря 1824 г. Пушкинъ написалъ Дельвигу письмо, въ которомъ передалъ свои воспоминанія о поѣздкѣ въ Крымъ, совершенной въ 1820 г. Въ письмѣ этомъ Пушкинъ сообщаетъ между прочимъ, что у Георгіевскаго монастыря онъ видѣлъ развалины храма Діаны. „Тутъ посѣтили меня риѳмы", пишетъ онъ; „я думалъ стихами о Г." [565]) (въ варіантѣ: „я думалъ стихами о ***" [566]). Вотъ они: „Къ чему холодныя сомнѣнья" (приведена вся пьеса).

Но если рѣчь идетъ о посланіи къ Чаадаеву, заключающемъ напоминаніе о другомъ посланіи къ нему же, то при чемъ тутъ Дельвигъ, и по какому психологическому мотиву замѣшалъ его сюда Пушкинъ? Казалось бы, для поэта не только не было основаній, но было бы даже неделикатнымъ избирать Дельвига подставнымъ лицомъ для обнародованія такого, совершенно не касающагося его, стихотворнаго обращенія къ другому лицу. Не естественнѣе ли поэтому предположить, что подставнымъ лицомъ въ данномъ случаѣ является Чаадаевъ, и что ему Пушкинъ напоминаетъ о своемъ посланіи къ Дельвигу, роковое имя котораго онъ мыслилъ предать развалинамъ инымъ. Во всякомъ случаѣ по синтаксическому смыслу стихотворенія, „роковое имя" принадлежитъ третьему, постороннему лицу—не Пушкину и не Чаадаеву,—и при этомъ слова: „наши имена" могутъ означать имена не двухъ, а трехъ лицъ: Чаадаева, Пушкина и этого третьяго лица. Въ самыхъ словахъ: „я думалъ стихами о Г. (?) или о ***"—не подразумѣвается ли подъ буквою Г. и двумя звѣздочками Дельвигъ, котораго Пушкинъ и тутъ боится выдать, какъ боялся выдать впослѣдствіи, печатая посланіе къ нему подъ заглавіемъ „Къ NN"?

Напоминаніе, въ письмѣ къ Дельвигу, фиктивному Чаадаеву о роковомъ имени Дельвига и явило бы собою ту любезность относительно послѣдняго, тотъ комплиментъ ему, безъ котораго трудно объяснить побудительную причину обращенія къ нему поэта съ указаннымъ письмомъ, заключающимъ посланіе къ постороннему.

Предположеніе, что лицомъ подставнымъ является Чаадаевъ, какъ бы подтверждается тѣмъ, что посланіе „Къ чему холодныя сомнѣнья" написано повидимому въ 1824 г., т. е. въ то время, когда онъ находился такъ сказать въ безвѣстномъ отсутствіи, въ Лондонѣ (съ 1820 по 1826 г.). Правда, Пушкинъ посвятилъ ему еще посланіе, въ 1821 г.,—но съ 1821 по 1826 г. врядъ ли находился съ нимъ въ сношеніяхъ, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ на этотъ счетъ никакихъ подтвердительныхъ указаній, и вѣроятно самые стихи „Къ чему холодныя сомнѣнья" въ дѣйствительности никогда ему посланы не были.—Но именно однимъ изъ недоумѣній, относящихся къ этимъ стихамъ, является спорный вопросъ о томъ, въ какомъ году они написаны—въ 1820 или въ 1824?

Какъ уже сказано, пьеса впервые приведена въ письмѣ къ Дельвигу отъ Декабря 1824 г.; затѣмъ она была послѣдовательно напечатана въ „Сѣверной Пчелѣ" за 1825 г. подъ заглавіемъ „къ Ч.", въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" за 1825 г. въ статьѣ: „Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ Дельвигу"

lib.pushkinskijdom.ru

(стр. 104—105) и въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг., при чемъ впрочемъ всюду помѣчена самимъ Пушкинымъ 1820-мъ годомъ, а въ „Сѣверной Пчелѣ“ къ этой датѣ прибавлено: „Морской берегъ Тавриды“.—Л. Н. Майковъ обратилъ однако вниманіе на то, что черновикъ стихотворенія, находящійся въ тетради Румянцевскаго музея № 2369, л. 44 об. и л. 45, несомнѣнно относится къ числу записей 1824 г., и на этомъ основаніи отнесъ пьесу къ указанному году[567]). Напротивъ, Академическое изданіе, т. II, прим., 330, 331, хотя и признало фактъ, что черновая запись пьесы относится къ 1824-му году, но не нашло въ этомъ достаточнаго основанія, чтобъ отвергнуть дату, „такъ опредѣленно установленную самимъ Пушкинымъ“ (?), и придало этой датѣ рѣшающее значеніе.—„Для того чтобы отвергнуть Пушкинскую дату этого стихотворенія“, пишетъ В. Е. Якушкинъ[568]), „и перенести его въ 1824 г., не только должны мы признать, что Пушкинъ, написавъ посланіе въ 1824 г., забылъ объ этомъ или намѣренно скрылъ это, печатая пьесу въ 1825 г., и поставилъ при стихахъ ложную помѣту съ ложной ссылкой на морской берегъ Тавриды; но мы должны сдѣлать и болѣе того, должны признать, что Пушкинъ въ письмѣ къ Дельвигу 1824 г. зачѣмъ-то сочинилъ цѣлую исторію о томъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ создано было посланіе“.

Это „формально“-логическое разсужденіе врядъ ли можетъ выдержать критику, если только дать себѣ трудъ вслѣдъ за нимъ прочесть самое посланіе, вникнувъ, разумѣется, въ его содержаніе и смыслъ. Когда прочтешь посланіе—поймешь, что если оно и написано заднимъ числомъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ посѣщенія Пушкинымъ развалинъ храма Діаны, но въ формѣ настоящаго времени („помнишь-ли“, „теперь“, „пишу“),—то Пушкинъ не могъ не сослаться на берегъ Тавриды и не могъ не помѣтить стихотворенія 1820-мъ годомъ, тѣмъ годомъ когда ѣздилъ на Южный Берегъ, какъ не могъ бы пьесу „Кавказъ подо мною“ и проч. обозначить „1831-мъ годомъ, съ береговъ Невы“, если бъ, предположимъ, написалъ ее черезъ 10 лѣтъ послѣ своего путешествія по Кавказу. Ссылка на берегъ Тавриды и на 20-й годъ прямо замѣнила стихотворенію заглавіе и впослѣдствіи была частью перенесена въ заглавіе („Съ морского берега Тавриды“).

Вообще, казалось бы, надо помнить, что поэтическое произведеніе не вексель, и что выставленную подъ нимъ дату, психологически вѣрную, но астрономически и географически не совсѣмъ точную, нельзя считать подлогомъ.

Съ другой стороны, если принять во вниманіе, что письмо къ Дельвигу написано Пушкинымъ столько же для Дельвига, сколько быть можетъ и для печати, то почему и не допустить, что поэтъ не только „сочинилъ цѣлую исторію“ о времени и обстоятельствахъ написанія посланія, но и сочинилъ вообще все письмо, какъ сочинилъ „Пиковую Даму“, „Метель“, „Дубровскаго“. На то онъ и былъ поэтомъ.

За самое послѣднее время вопросъ о годѣ написанія посланія затемненъ еще однимъ мелкимъ, случайнымъ обстоятельствомъ. Въ своей вели-

lib.pushkinskijdom.ru

колѣпной книгѣ „Труды и Дни Пушкина“, Н. О. Лернеръ раздѣляетъ точку зрѣнія Академическаго изданія. Это бы еще ничего: какъ ни великъ авторитетъ этого выдающагося изслѣдователя, съ г. Лернеромъ позволительно было бы поспорить, опираясь на другой авторитетъ—Л. Н. Майкова. Но къ сожалѣнію взглядъ г. Лернера, и такъ уже выраженный можетъ быть слишкомъ категорично, подкрѣпляется для не очень освѣдомленнаго читателя прямо-таки фатальною опечаткой. „Л. Н. Майковымъ“, читаемъ въ „Трудахъ и Дняхъ Пушкина“ [569]), „эта пьеса („Къ чему холодныя сомнѣнья“) отнесена къ 1824 г. Это *невѣрно*. Она напечатана впервые въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1820 г., № 12-й, съ помѣтой „1820 г., Съ морского берега Тавриды“. *Ошибка* Майкова подробно *разъяснена* (?) В. Е. Якушкинымъ“ (курсивъ нашъ; вопросительный знакъ тоже).—Если пьеса напечатана въ періодическомъ изданіи 1820 г., то конечно Л. Н. Майковъ ошибался. Но дѣло именно въ томъ, что у Н. О. Лернера въ годѣ ошибка: пьеса появилась въ „Сѣверной Пчелѣ“ не 1820-го года, а 1825-го, и лишь въ датѣ самаго стихотворенія указанъ 1820 г. Впрочемъ, какъ любезно сообщилъ намъ г. Лернеръ, досадная опечатка эта уже оговорена въ печати.

Всѣ вышеприведенныя соображенія основываются на сопоставленіи одного посланія „Къ Чаадаеву“ съ другимъ. Но и независимо отъ такого сопоставленія, по самому содержанію перваго посланія трудно допустить, чтобъ оно было посвящено Чаадаеву. Въ этомъ смыслѣ нельзя не удивляться довѣрчивости, съ какою принято было не только публикою, но и серьезными изслѣдователями, упомянутое указаніе „Библіографическихъ Записокъ“ и Н. Г. Геннади. По существу, посланіе не подходитъ ни къ облику Чаадаева, ни къ обстоятельствамъ, обусловливавшимъ связь между нимъ и поэтомъ. Если прилагать пьесу къ Чаадаеву, все въ ней непонятно и неясно.

Въ редакціи Каверинскаго списка первые два стиха читаются такъ:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нѣжитъ насъ обманъ [624]).

Какъ мало подходятъ подчеркнутыя слова къ сухой фигурѣ Чаадаева!

Большее соотвѣтствіе съ нею находимъ въ печатной редакціи этихъ стиховъ:

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тѣшилъ насъ обманъ.

Но и тутъ что значитъ „недолго“?—Чаадаевъ переведенъ въ лейбъ-гусарскій полкъ въ 1816 г., послѣ чего—уже въ 1817 г. [621])—впервые познакомился съ Пушкинымъ, находившимся въ то время еще въ лицеѣ. Посланіе же написано въ 1818 г.—Неужели это „недолго“ можетъ относиться къ краткому сроку ихъ знакомства? И какой былъ за этотъ срокъ переворотъ, долженствовавшій отрезвить мечтателей?

Далѣе: „Исчезли юныя забавы“.—Въ приложеніи къ Чаадаеву стихъ этотъ положительно не имѣетъ смысла. Если Пушкинъ за указанный срокъ изъ воспитанника учебнаго заведенія сталъ окончившимъ курсъ юношей, то Чаадаевъ, какъ былъ, такъ и остался великовозрастнымъ лейбъ-гусаромъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Но въ насъ кипятъ еще желанья.

Почему е щ е кипятъ?—Да и какой смыслъ констатировать, что въ 1818-мъ году въ Пушкинѣ и Чаадаевѣ кипятъ тѣ же желанія, какія кипѣли въ нихъ годъ или полтора тому назадъ?

Въ 17-мъ стихѣ встрѣчаемъ обращеніе—„Товарищъ!“. Если сопоставить это обращеніе съ упоминаніемъ объ исчезнувшихъ какъ дымъ, какъ утренній туманъ юныхъ забавахъ, объ обманѣ любви, надежды и славы, который недолго (т. е въ теченіе быстро промелькнувшихъ „годовъ заточенія“) тѣшилъ товарищей-отроковъ и т. п., то казалось бы трудно усомниться, что рѣчь идетъ въ прямомъ смыслѣ о „товарищѣ“,—т. е. о товарищѣ дѣтства, о товарищѣ по учебному заведенію. Если же настаивать на томъ, что посланіе обращено къ Чаадаеву, названіе „товарищъ“ приходится не безъ натяжки объяснять „совмѣстною серьезною работой“ Пушкина съ Чаадаевымъ[570]), или—уже въ какомъ-то современно-либеральномъ значеніи—тѣмъ, что передъ взоромъ поэта „образъ товарища, виновника духовнаго подъема, встаетъ въ сіяніи гражданской доблести“ и проч.[571]). Судя по нѣкоторымъ указаніямъ, у Пушкина съ Чаадаевымъ никакой серьезной совмѣстной „работы“ не было; все ограничивалось „бесѣдами, младыми вечерами, пророческими спорами“. „Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ, вольнолюбивыя надежды оживимъ“, говоритъ ему Пушкинъ въ посланіи 1821 г. Чаадаевъ былъ конечно серьезнѣе другихъ пріятелей поэта, но и съ другими поэтъ навѣрное велъ такія же бесѣды.—„Il est malheureux, mon ami“, писалъ Чаадаевъ къ Пушкину въ 1831 г., „que nous ne soyons pas arrivés à nous joindre dans la vie. Je persiste à croire que nous devions marcher ensemble et qu'il en aurait résulté quelque chose d'utile pour autrui“[572]). Уже изъ однихъ этихъ словъ можно заключить, что какъ ни тепло относится къ Чаадаеву Пушкинъ въ посланіи 1821 г , онъ врядъ ли могъ назвать его въ 1818 г. „товарищемъ“. Кстати сказать, въ посланіи 1821 г. Чаадаевъ выставленъ скорѣе какимъ-то руководителемъ, менторомъ поэта, чѣмъ ровесникомъ по развитію и по гражданскимъ идеаламъ.

И въ данномъ слу́чаѣ видимъ подтвержденіе нашей мысли: какъ только Пушкинскіе стихи требуютъ сложныхъ комментаріевъ и объясненій, то кругомъ и около слѣдуетъ искать недоразумѣнія, въ которомъ самъ поэтъ неповиненъ.

Допустимъ теперь, что стихотвореніе: „Любви, надежды, гордой славы“ посвящено товарищу Пушкина по лицею, Дельвигу,—и всякія недоразумѣнія разсѣеваются „какъ дымъ, какъ утренній туманъ“.

Какъ бы то ни было, въ Каверинской тетради мы находимъ первое прямое указаніе с о в р е м е н н и к а о томъ, кому именно посвящена пьеса. Указаніемъ этимъ нельзя пренебрегать, и это тѣмъ менѣе, что оно несомнѣнно является свидѣтельствомъ не одного только, а двухъ близкихъ къ Пушкину лицъ—Каверина и Щербинина. Пьеса записана Петромъ Павловичемъ въ Бабаяхъ, имѣніи Щербининыхъ, куда онъ пріѣзжалъ въ 1825 г., на самое короткое время, погостить къ сестрѣ и зятю, и болѣе

lib.pushkinskijdom.ru

чѣмъ вѣроятно, что она была сообщена ему Михаиломъ Андреевичемъ (находившимся въ пріятельскихъ отношеніяхъ не только съ Пушкинымъ, но и съ Дельвигомъ[573])).

Варіанты противъ Академическаго изданія:

Стихъ 1-й: „Любви, надежды, тихой славы", вмѣсто: „...гордой славы".

„ 2-й: „Недолго нѣжитъ насъ обманъ", вмѣсто: „Недолго тѣшилъ"...

„ 4-й: „Какъ сонъ, какъ утренній туманъ", вмѣсто: „Какъ дымъ" и проч.

„ 5-й: „Но въ насъ горитъ еще желанье", вмѣсто: „Но въ насъ кипятъ еще желанья".

Стихъ 6-й: „Подъ гневомъ (?) власти роковой", вмѣсто: „Подъ гнетомъ" и проч.

„ 8-й: „Отчизны внемлемъ призыванье", вмѣсто: „...призыванья" (у Венгерова опечатка: „внемлетъ").

„ 12-й: „Минуты вѣрнаго свиданья", вмѣсто: „....сладкаго свиданья".

„ 16-й: „Души высокіе порывы" (какъ у Ефремова), вмѣсто: „...прекрасные порывы".

„ 18-й: „Звѣзда желаннѣйшаго счастья", вмѣсто: „Заря плѣнительнаго счастья".

„ 22-й: „Напишутъ наши имена", вмѣсто: „Напишетъ" и проч.

Почти всѣ приведенныя разночтенія мы находимъ въ „Полярной Звѣздѣ" (1856 г., книга 2-я), но и отъ редакціи „Полярной Звѣзды" Каверинская запись отличается нѣкоторыми варіантами, такъ что представляетъ особую редакцію,—вѣроятно первоначальную.

Пунктуація послѣднихъ 5-ти стиховъ въ Каверинскомъ спискѣ:

Товарищъ! вѣрь—взойдетъ она
Звѣзда желаннѣйшаго счастья
Россія вспрянетъ ото сна—
И на обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена!

72.—„Un jour le bon Dieu s'éveillant" и проч.

Шестъ осьмистишій.—Извѣстное стихотвореніе Беранже, въ которомъ Богъ категорически отвергаетъ то, что дѣлается на землѣ во имя Его и Его именемъ. Авторъ у Каверина названъ.

„26 juillet. Kaloug.—1 juillet Babai 1825".

73.—„О муза пламенной сатиры!" и проч.

„1. Августа 825. Калуга".

Обращаемъ вниманіе на дату Каверинскаго списка. Не указывая точнаго времени написанія стихотворенія, дата эта во всякомъ случаѣ исправляетъ ошибку всѣхъ изданій, относящихъ пьесу по примѣру Анненъ-

lib.pushkinskijdom.ru

кова, къ 1830 г.. На самомъ дѣлѣ, пьеса можетъ быть написана гораздо ранѣе 1825 г.,—въ 1817—1819 гг., въ эпоху постоянныхъ личныхъ сношеній между Пушкинымъ и Каверинымъ,—и тогда же могла быть непосредственно передана послѣднему.

Варіанты противъ печатныхъ изданій:

Стихъ 3-й: „Не нужно мнѣ гремячей(?) лиры“, вмѣсто: „...гремящей“.

„ 7-й: „Не беззащитнымъ риѳмачамъ“, вмѣсто: „И не поэтамъ мирныхъ дамъ“.

„ 8-й: „Готовлю язвы эпиграммъ“, вмѣсто: „...язву (?) эпиграммъ“.

Стихи 9-й и 10-й: „Миръ вамъ! нещастные поэты!
Миръ вамъ! смиренные глупцы!“
вмѣсто: „Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!“

Стихъ 14-й: „Но если же кого забуду“, вмѣсто: „А если же кого забуду“.

Исходя изъ того соображенія, что въ 14-мъ стихѣ: „А если же“ и проч.—заключается „явная опечатка“, и что Пушкинъ не могъ сдѣлать такой ошибки противъ русскаго языка, изданія Морозова[575]) и Суворина[576]) исправляютъ эту ошибку каждое по своему, оговаривая „опечатку“ лишь въ примѣчаніи. Но казалось бы, не слѣдуетъ исправлять самовольно текста Пушкинскихъ стихотвореній, а на опечатки достаточно указывать въ примѣчаніяхъ, и это тѣмъ болѣе, что редакцій подобныхъ исправленій, одинаково пріемлемыхъ, можетъ быть нѣсколько, напримѣръ, въ данномъ случаѣ: „А ежели кого забуду“, „А если я кого забуду“, „Но ежели кого забуду“ и т. д. Во всякомъ случаѣ Каверинскій списокъ подтверждаетъ, что написанный Пушкинымъ стихъ не соотвѣтствуетъ поправкамъ означенныхъ двухъ изданій[574]).

74.—„Ахъ тетушка! Ахъ Анна Львовна!“

Василья Львовича сестра!
Ты къ папенькѣ была любовна
Ты къ маменькѣ была добра.

* * *

Тебя Максимъ Петровичъ кровный
Всегда встрѣчалъ среди двора;
Тебя Елизавета Львовна
Любила больше серебра.

* * *

Давно ли съ Ольгою Сергѣвной
Со Львомъ Сергѣичемъ, давно ль?
На зло [самой] судьбинѣ гнѣвной
Дѣлила ты и хлѣбъ и соль.

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

Но вотъ уже Василій Львовичъ
Стихами гробъ твой окропилъ
Зачѣмъ стихи его поповичъ
Подлецъ Красовскій пропустилъ.
1 Августа 825. Калуга".

Стихи эти, какъ извѣстно, заключаются въ письмѣ Пушкина къ Вяземскому, отъ конца Апрѣля 1824 г.[578]). Каверинскій списокъ отличается отъ Пушкинскаго текста многими варіантами и ближе подходитъ къ редакціи Лейпцигскаго изданія. Но такъ какъ нѣкоторые изъ варіантовъ быть можетъ принадлежатъ самому Пушкину, то мы сочли нелишнимъ привести всю пьесу въ редакціи Каверинскаго списка.

75.—„Чудесный жребій совершился" (въ оглавленіи: „Ода Наполеону").
„4. Августа 1825. Калуга".

Варіанты противъ печатнаго текста:
Строфа 4-я, стихъ 8-й: „Свободы свѣтлый день вставалъ", вмѣсто, „Свободы яркій день вставалъ" (въ Лейпцигскомъ изданіи, стр. 92, „Свободы свѣтлый день насталъ").
Строфа 6-я, стихъ 4-й: „Вдругъ онѣмѣвъ лишилась крылъ", вмѣсто: „,,,лишилась силъ". Сначала Каверинъ написалъ силъ, но затѣмъ твердо и густо исправилъ по писанному на слово „крылъ".
Строфа 6-я, стихъ 8-й: „Ихъ цѣпи лаврами увилъ", вмѣсто: „... обвилъ".
„ 8-я, „ 1-й: „И се (въ) величіи постыдномъ", вмѣсто: „Сбылось! въ величіи постыдномъ".
„ „ „ 4-й: „Уже не поблѣднѣетъ россъ", вмѣсто: „Теперь не поблѣднѣетъ россъ".
„ 9-я, „ 1-й: „Губитель, кто тебя подвигнулъ!" вмѣсто: „Надменный, кто тебя подвигнулъ".
„ „ „ 4-й: „Ты съ высоты надменныхъ думъ", вмѣсто: „...отважныхъ думъ".
„ 10-я, „ 6-й: „Загладимъ краткій нашъ позоръ", вмѣсто: „Исчезнетъ краткій нашъ позоръ".
„ „ „ 7-й: „Въ Москвѣ нашъ царь, въ Москвѣ Россія", вмѣсто: „Благослови Москву, Россія":
Въ черновой рукописи Румянцевскаго Музея 2395: „Въ Москвѣ не царь"[579]). Въ изданіи Литературнаго Фонда это разночтеніе приведено въ подстрочномъ примѣчаніи[580]).
Строфа 11-я, стихъ 2-й: „Схвативъ кровавый свой вѣнецъ", вмѣсто: „...желѣзный свой вѣнецъ".
„ „ „ 3-й: „Онъ видитъ бездну предъ очами", вмѣсто: „Онъ бездну видитъ предъ очами".

lib.pushkinskijdom.ru

Строфа 12-я, стихъ 1-й: „И все какъ буря з а ш у м ѣ л о“, вмѣсто: „...з а к и п ѣ л о“ (?).

Здѣсь слово „зашумѣло“ казалось бы болѣе подходящимъ. У Пушкина встрѣчаемъ выраженіе: „бури ш у м ъ“ (въ 10-мъ четверостишіи „Къ Морю“). Въ черновомъ наброскѣ Румянцевскаго Музея № 2367[581]) находимъ варіантъ этого стиха: „В с е п р о б у д и л о с ь, закипѣло“. Не попало ли въ окончательную редакцію послѣднее слово изъ этого варіанта по ошибкѣ?

Строфа 12-я, стихъ 5-й: „У ж ъ длань народной Немезиды“, вмѣсто: „И длань народной Немезиды“.

Въ 6-мъ стихѣ 13-й строфы „П о л н о ч н ы й“, вмѣсто „П о л н о щ н ы й“.

Строфа 13-я, стихъ 8-й: „На к а м н ѣ о н о м ъ начертитъ“, вмѣсто: „На о н о м ъ к а м н ѣ начертитъ“.

14-я, „ 5-й: „Т а м ъ иногда въ своей пустынѣ“, вмѣсто: „Г д ѣ иногда въ своей пустынѣ“.

Нѣкоторые варіанты Каверинскаго списка встрѣчаемъ въ упомянутомъ черновомъ наброскѣ[622]).

8-я строфа, 1-й стихъ: „И с е въ величіи постыдномъ“.

9-я „ , 1-й „ : „Г у б и т е л ь, кто тебя подвигнулъ“.

„ „ , 4-й „ : „Ты съ высоты н а д м е н н ы х ъ думъ“,—

что̀ показываетъ, что редакція и этого Каверинскаго списка одна изъ раннихъ.

76.—„Quel pouvoir, quel empire sur la terre peut se comparer à celui d'une femme véritablement aimée, si son amant a du caractère et de l'élévation d'âme! Sans rien exiger elle ordonne, son seul désir entraîne et ses conseils sont des lois révérées. Heureuse celle, qui connaissant ses avantages, sait profiter de l'ivresse de l'amour pour former aux vertus le cœur de son amant! Elle se lie à lui par une chaîne immortelle et sacrée: elle peut jetter sans crainte les yeux sur l'avenir; si l'amant a disparu, elle y verra du moins un ami fidèle et reconnaissant.

23 Sept. Kolodezi (1825 ?) 10. August 825. Зѣмной рай (Калуга?)“.

77.—„Les caprices.

Je lui portai les fleurs qu'elle aime,
Elle les prit avec dédain;
Elle me donna le soir-même
La rose qui parait son sein.
Elle est simple et sans artifices,
Nul amant n'a tenté sa foi,
Et fidèle dans ses caprices
Elle n'aime et ne hait que moi.

24. Sept. 1825. Kolodezi.“

lib.pushkinskijdom.ru

78.—„Quand ta beauté luit à mes yeux
[Un?] nouveau jour m'éclaire:
Je crois voir un ange des cieux
Descendu sur la terre.
Le respect épure dans moi
Le feu qui me dévore,
Je me recueille devant toi;
Prosterné, je t'adore.

24. Sept. 1825. Kolodezi".

79.—„De plaire, sans aimer, j'eus un jour fantaisie,
Je ne cherchoît qu'un simple amusement:
L'amusement devient [582]) un sentiment
Et ce sentiment le bonheur de ma vie.

Kolodezi. 8. Oct.—11. Nov. 1813 Cabbe"

Врядъ ли ошибемся, если припишемъ эти двѣ пьесы №№ 78 и 79—такъ, же какъ и послѣдующую, перу самого Каверина.

80.—„Pour V:
Qui te connaît, connaîtra la tendresse,
Qui vois tes yeux, en boirra le poison:
Tu donnerais des sens à la sagesse
Et des désirs à la froide raison.

8. Octobr. 825. Kolodezi".

81.—„Денисъ Давыдовъ дѣвушкѣ, которую онъ увезъ изъ института—изъ Одессы—на вѣрно не знаю откуда.

Пусть Бога мстителя могучая рука
На темѣ острыхъ скалъ, подъ вѣчными снѣгами
За ребра прикуетъ чугунными цѣпями
Того, кто изобрѣлъ ревниваго замка
Закрѣпы звучные и тяжкими вратами,
За хладными стѣнами
Красавицъ заточилъ въ презрѣніи (въ презрѣніе?) къ богамъ.
—Гдѣ ты, рожденная къ восторгамъ, къ торжествамъ
И къ радости сердецъ и къ щастью юной страсти
Гдѣ ты скрываешься во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Ты, дѣва горести—воспитанница бѣдъ
Смиренная раба, неумолимой власти,
Увижу ли тебя, услышу ль голосъ твой?
И долго ль въ мрачности ночной
Мнѣ съ думой горестной, съ душой осиротѣлой,
Угадывать окно обители твоей;—

lib.pushkinskijdom.ru

Когда снѣгъ вьюгою крутиться средь полей
И свищетъ рѣзкій вѣтръ въ глаза оледенѣлы,
Ахъ можетъ быть къ окну влекомая судьбой—
Или предчувствіемъ, душѣ неизъяснимымъ,
Ты крадешься къ окну, когда мучитель твой,
Станъ гибкій охватя, насильственной рукой
Бросаетъ трепетну къ подругамъ торопливымъ.
Возстань о Богъ боговъ. Да пламенной рѣкой
Твой гнѣвъ жестокій и правдивый
Обрушиться съ небесъ, на зданье горделиво
Темницу адскую, невинности младой.
Да надъ строптиваго преступника главой
Перуны ярые со трескомъ разразяться,
Ахъ кто осмѣлился безчувственно касаться
До юныхъ прелестей красавицы моей,—
Тотъ въ буйной дерзости своей
И ликъ священной твой, повергнетъ раздробленной
И рушитъ олтари тебѣ сооруженны.
Но ты—любимица боговъ
Ты бѣдствій, не страшись. Невидимый покровъ
Приосѣнитъ тебя отъ бури разъяренной,
Твой спутникъ Богъ любви—стезею потаенной
Онъ провести—прекрасную готовъ
Отъ ложа горестей—до ложа наслажденій[584])
О не чуждайся ты благаго поученья
Безсмертнаго вождя.—Учись во тьмѣ ночной
Какъ между стражами украдкой пробираться,
Какъ легкою стопой чуть до полу касаться
И ощупью бродить по лѣстницѣ крутой.
Дерзни.—Я жду тебя кипящій нетерпѣньемъ
Тебѣ ль, тебѣ ль платить обиднымъ подозрѣньемъ
Владыкамъ благъ зѣмныхъ? Ты, вспомни сколько разъ
Отъ ненасытныхъ моихъ глазъ,
Твой аргусъ въ трепетномъ смущеньѣ
Тебя съ угрозой похищалъ
И тайнымъ велъ путемъ обратно въ заточенье?
Все тщетно;—я ему стезю пересѣкалъ,
Крылатый проводникъ меня предупреждалъ,
И путь указывалъ—мнѣ прежде неизвѣстный,
Рѣшись безъ робости, о сердца другъ прелестный.
Не медли—полночь бьетъ
И угасающи лампады закурились
И стражи грозные во мракѣ усыпились
И руку Богъ любви—прекрасной подаетъ.

23. Октября 825. Колодези—9 Августа Москва. 823“.

lib.pushkinskijdom.ru

82.—„Въ царствованіи Наполеона. Jeu de mots et calembourgs.

* * *

Надпись надъ сенатомъ:

Inutile et méchant, engraissé par l'état
Ici digère et dort notre auguste sénat.—

* * *

Quelqu'un disait que le sénat était un corps [cor] aux pieds de l'Empereur qui ne l'empêchait pas de marcher.

* * *

Napoléon créa quantité de chambellans—on a dit ladessus que les mérinos de Rambouillet s'étaient perdus, on les avait retrouvés dans les champs bêllant.

* * *

Si l'Empereur ....
Geoffroi dirait qu'il sent la rose,
Et le sénat aspirerait
A l'honneur de prouver la chose.

* * *

Адресъ къ матери Наполеона: A Madame, Madame la Joie [Lætitia], chez le fabricant de cire [Sires] place des Ciboules [не понимаю]— au Chariot d'or.

* * *

Наполеонъ писалъ къ Talleyrant:

Mon cousin! nous sommes tous à Raab [arabes]. J'ai la Gallicie [galle—ici].—Quand nous aurons vaincu... je vous en ferai part. Je veux également pousser la guerre d'Espagne jnsqu'à la Barbarie [barbarie], afin de faire régner mon frère sur les Maures [morts].—

23. Octobre 825. Kolodezi".

83.—„**N'est ce pas la marque d'une âme ferme,** que de conserver toujours l'espérance dans le malheur. Espérer des jours plus fortunés, c'est les mériter â moitié. Car pourrions nous être fondés dans cette espérance, si nous n'étions pas dans la résolution de nous rendre dignes du bonheur où cet espoir nous dit de prétendre? Et qui sera le protecteur et l'ami d'un infortuné, qui s'abandonne lui-même.

18. Novembre 825. Kolodezi".

84.—„**Qu'est ce que la lumière,** qu'est ce que l'air, la ville, la campagne; qu'est ce que le monde entier sans toi? Tout ce qu'il y a de lumière, de fraîcheur, d'harmonie, de joie dans l'univers, n'est à mon

lib.pushkinskijdom.ru

idée qu'une partie de toi-même: et s'il falait l'exprimer d'un seul mot, ce mot serait..." (впослѣдствіи другими чернилами приписано: „Véra. 20 Octobre[585]) Bogitchi").

„27. Nov. 825. Kolodezi".

85.—„Du bas Poitou, vous saurez qu'un baron" и проч.

„18. Décem. 825. Kaluga".

Содержаніемъ стихотворенія служитъ извѣстная легенда о соперничающихъ охотникѣ въ нижнемъ этажѣ и рыболовѣ въ верхнемъ этажѣ того же дома. Когда охотникъ не пожелалъ прекратить травлю въ своемъ помѣщеніи, рыболовъ сталъ удить у себя рыбу, приказавъ наносить себѣ полны комнаты воды.

76.—„Во всей деревнѣ Катенька" и проч. (десять куплетовъ).

„15. Nov. 827. Borofka".

87.—„Le Schach de Perse Schapoor" и проч. (Запись приведена выше на стр. 47-й).

„15. Novem. 827. Borofka".

88.—„Je te l'ai fait sans te mettre en colère,
Je te l'ai fait la nuit et le jour,
A chaque instant je voudrais te le faire,
Ce tendre aveu du plus ardent amour [bis].

* * *

Quand je l'ai fait, j'étais loin de ta mère,
Je te priai de le faire à ton tour.
Dieu! quel plaisir nous avions à le faire,
Ce tendre aveu du plus ardent amour [bis].

* * *

Si jeunes encore, à l'autel de Cythère
Sacrifions tous les deux chaque jour,
Il vient un tems, où l'on ne peut plus faire
Ce tendre aveu du plus ardent amour [bis].

15 Nov 827. Borofka".

89.—„T'en souviens-tu, disait un capitaine" и проч.

Извѣстное стихотвореніе Дебро—Paul Emile Debraux,—воспѣвающее Наполеоновскія кампаніи. У насъ стихотвореніе это ошибочно приписывалось всѣми, не исключая Пушкина и Вяземскаго, болѣе извѣстному французскому „пѣсеннику", Béranger, вѣроятно на томъ основаніи, что послѣдній издалъ сборникъ пѣсенъ Дебро.

„15 Nov: 827. Borofka".

lib.pushkinskijdom.ru

90.—„Je veux pour ma félicité
Une amie tendre sans artifice:
Qui m'aime avec sincérité
Par goût, pas par caprice.
Pour la trouver,
Moi, je ferai
De la beauté
Partout la ronde.
Faut-il braver la terre et l'onde?
Je le ferai!
Faut-il aller au bout du monde?
Eh bien, j'irai!
28 Novem: 1827. Borofka".

91.—„Но помнишь ли ты, ваше благородіе" и проч.
Въ противопоставленіе пьесѣ „T'en souviens-tu" (№ 89) записана извѣстная „Рефуртація Беранжера" Пушкина.—Такъ какъ въ спискѣ есть не только варіанты, но и лишнія строфы противъ текста изданія Литературнаго Фонда[587]), то мы приводимъ всю пьесу.

„Но помнишь ли ты, ваше благородіе
Мусье французъ, г..... капитанъ,
Что помнишь ли ты прежнихъ войнъ угодье
Надъ нехристомъ, побѣды Россіянъ?
Хоть это намъ не составляетъ много
Не изъ иныхъ мы протчихъ, такъ сказать
Но встарь мы васъ наказывали строго
Что помнишь ли скажи (мосье) ....?

* * *

Но помнишь ли какъ за горы Суворовъ
Переступивъ на васъ напалъ въ разплохъ
Какъ нашъ старикъ, душилъ васъ живодеровъ
И васъ давилъ на ноготкѣ какъ блохъ?
Хоть это намъ не составляетъ много и проч.

* * *

Но помнишь ли какъ царь вашъ отъ угара
Вдругъ одурѣлъ какъ бубенъ голъ да лысъ
Какъ на огнѣ Московскаго пожара
Вы жарили Московскихъ нашихъ крысъ?
Хоть это и проч.

* * *

Но помнишь ли какъ всю призвавъ Европу
На насъ однихъ вашъ Бонапартъ буянъ

lib.pushkinskijdom.ru

Мы видѣли французовъ многихъ ....
Да и твою г..... капитанъ.
Хоть—

* * *

Но помнишь ли, фальшивый пѣснопѣвецъ,
Ты нашъ морозъ среди родныхъ снѣговъ
И батарей, задорный подогрѣвецъ
Солдатской штыкъ и петлю козаковъ?—
Хоть и проч.

* * *

Но помнишь ли какъ были мы въ Парижѣ
Какъ нашъ козакъ иль полковой нашъ попъ
Морочилъ васъ къ винцу подсѣвъ поближе
Да вашихъ женъ похваливалъ .. ...?

9 Февр. 1828. Боровка".

„Рефутацію" относятъ по времени къ 19-му Октября 1828 г.[587]). Дата Каверинской записи показываетъ, что пьеса была извѣстна Каверину ранѣе этого срока. Весьма вѣроятно, что онъ зналъ ее до 15 Ноября 1827 г., т. е. до записанія имъ стихотворенія „T'en souviens-tu", быть можетъ внесеннаго въ тетрадь только для сопоставленія съ „Рефутацією".

До послѣдняго времени „Рефутацію" оставляли подъ сомнѣніемъ. Однако кн. Вяземскій засвидѣтельствовалъ, что эти стихи „рѣшительно Пушкина". Есть и другія подтвержденія этому, прямыя и косвенныя. Такъ П. А. Плетневъ въ концѣ Октября 1830 г. пишетъ Пушкину: „Хотя я и не изъ иныхъ прочихъ такъ сказать"[588]), намекая очевидно на припѣвъ пѣсни. Самъ Пушкинъ въ письмѣ ко кн. Вяземскому отъ 30-го года употребляетъ весьма необычное слово изъ „Рефутаціи": „Я бы съ ней завелъ переписку въ засосъ и съ подогрѣвцами"[589]). Наконецъ П. А. Осипова пишетъ Пушкину отъ 25-го Января 1832 г.: „Je lui avais envoyé (сыну Алексѣю) les vers que Vous écrivites en réponse a Béranger, il en est tout charmé"[590]).

92.—„На що жъ мине женытися" и проч.

„Лагерь при Трояновѣ Валѣ 1830. 11 Сентября—Боровка 1828".

Всего 15 куплетовъ, изъ нихъ—осьмой: „Подывлюся въ квартерочку" и проч.—вписанъ впослѣдствіи, внизу страницы, съ помѣтою: „3 Novemb. 831 Koultchini dicté par Sophie".

93. „Сабуровъ—Корсакову—у котораго привычка была говорить люди мелкіе и не приходится—а я послалъ къ нему картинку и не могъ стиховъ написать(.) Въ 1829 году въ Терговистѣ".

Хотѣлъ стихи писать восторгомъ увлекаемъ;
Но люди мѣлкія, поэзіи не знаемъ

lib.pushkinskijdom.ru

И не приходится стихами намъ писать
Пришлось-же равно такъ, картинку вамъ послать.

1830 года 20 Октября. Богичи".

94.—„Въ 1829 году какъ переходили чрезъ Балканы пить и ѣсть нечего—а денегъ много—и подъ Мезембріемъ мы взяли корабль на верфи и редутъ—Сабуровъ пѣлъ тогда:

Te souviens-tu de ces montagnes arrides,
Où nous prenions redoutes et vaisseaux?
La bourse pleine et l'estomac bien vuide
Dans un pays de vin nous n'avions que de l'eau.

20 Octobre 1830. Bogitchi".

Четверостишіе записано Каверинымъ и на отдѣльномъ оборвышѣ бумаги подъ датою „Garabat 20 Juillet" (1829).

95.—„Забалканская пѣснь.

За горами, за долами
Турки съ разными чалмами
Поднялись на насъ (бисъ).

Пистолѣты зарядивши
И кинжалы нацѣпивши
Крикнули—Алла.

Взявъ застрѣльщиковъ отборныхъ
И наѣздниковъ задорныхъ
Вышелъ самъ Визирь

Съ гущей кофію сваривши
Трубку важно закуривши
Маршъ на Козлуджи.

Вздумалъ взять назадъ Проводы
А тутъ наши скоро(хо)ды
Отколь ни взялись.

Подоспѣвши на подмогу
Имъ отрѣзали дорогу
Ни взадъ, ни впередъ.

Турки кофій не допивши
Трубокъ ихъ не докуривши
Кто куда попалъ.

Побросавъ чалмы и шали
Всѣ кинжалы растѣряли
Кой какъ босикомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

И Визирь безъ войскъ, безъ пушекъ
Не собравъ въ шатрахъ подушекъ
Въ Шумлю безъ сѣдла

Чортъ возьми Проводы съ Варной
Съ дисциплиной регулярной
Ему не до нихъ

Радъ что спрятался за стѣны
Пушки онъ, бунчукъ, знамены
И обозъ—все намъ.

Но графъ Дибичъ не доволенъ
Пусть Визирь покуда боленъ
Ѣстъ тамъ свой пилафъ.

Мы въ Силистрью завернувши
И чалму съ нее столкнувши
Подъ ноги ее.

Да шагнули за Балканы
Турки врознь всѣ какъ бараны
Мы жь ихъ за хвосты.

Наловили ихъ стадами
А деревни съ городами
Сами бьютъ челомъ.

Знать то время миновало
Что Балканами бывало
Наводили страхъ.

20 Октября Богичи."

96.—„Когда хотите непремѣнно
Узнать безъ околичныхъ словъ
Я вамъ признаюсь откровенно
Какой я секты филосовъ.

* * *

Моя мораль, мораль святая
Доволенъ я своей судьбой
Живу ея благословляя
И зависти не знаю злой.

* * *

Въ законѣ сердце мой учитель
Я также совѣсти держусь
Она въ дѣлахъ руководитель
Я съ ней ошибокъ не боюсь,

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

Я никому зла не желаю
Со всѣми сохраняю миръ.
Блаженство въ милой полагаю
Свобода—щастье,—мой кумиръ.

* * *

Чины и почести щитаю
Какъ маскарадный я нарядъ
Покой всему предпочитаю
Однако ѣду въ маскарадъ.

* * *

Дугой не знаю изгибаться
Душевно ненавижу ложь
Съ лжецами я готовъ подраться
Мнѣ низость ихъ, какъ въ сердцѣ ножь

* * *

Чтобъ дѣлать что нибудь въ семъ мірѣ
И я какъ будто бы служу
Въ свободный часъ бренчу на лирѣ
О завтрѣ—нонче не тужу.

* * *

За честь, за друга и за (Вѣру) Лилу
Готовъ хоть съ адомъ воевать
Когда жь придетъ пора въ могилу
Въ нее охотно лягу спать,

* * *

Сей свѣтъ не иначе щитаю
Какъ странничества долгій путь
И тамъ лишь якорь свой бросаю
Гдѣ можно сердцемъ отдохнуть.

4 Ноябрь 1830. Богичи."

97.—„**J'arrivais de Bessarabie,**
Suivant un arride terrain.
Le sort, à mon âme ravie
Montre une fleur sur mon chemin.

* * *

Que cette fleur à peine éclose
A de charme en son coloris!
Elle unit l'éclat de la rose
A la douce blancheur du lys.

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

Sur le sentier de l'existence
J'ai vu la fleur, qui doit charmer...
Puissai-je, c'est mon espérance,
Avoir droit de la nommer.

* * *

Je nommerai la fleur que j'aime:
„La plus belle de ce canton".
Mais ma félicité suprême
Serait de lui donner mon nom.

* * *

Auprès de cette fleur si belle
Le sort défend de m'arrêter...
Je ne devais passer près d'elle
Que pour l'aimer, la regretter.

17 Novembre Bogitchi,—Плещеевъ для Lucine Markoffsky".

Между Каверинскими бумагами сохранился и другой, чистовой, списокъ этого стихотворенія, подписанный латинскою буквою P съ одиннадцатью послѣдующими точками—вѣроятно оригиналъ-автографъ, адресованный самой Марковской.

98.—„Чтобъ не почли меня, вы за невѣжу
Въ стихахъ я къ вамъ пишу;
Пришлите то о чемъ въ жару я брежу,
Щепотку чаю я прошу.
Чай завтра, для меня спасенье,
Утихнутъ бредъ и жаръ во мнѣ;
Но къ вамъ сердечное благодаренье,
Мой будетъ бредъ и въ явѣ и во снѣ.

Я страдалъ лихорадкой въ 1829 году въ Гаджиларѣ и чай весь вышелъ. Плещеевъ у меня сидѣлъ и къ Freitag отъ меня это написалъ.

17 Ноября 1830. Богичи".

Имѣется и отдѣльный списокъ на лоскуткѣ, писанный вѣроятно рукою Плещеева.

99.—„2 Souvenirs d'Hadjhlar de l'hiver 1829 et 30.

La plainte est pour le fat, le bruit est pour le sot:
L'honnête homme trompé, s'éloigne et ne dit mot.

* * *

Ah! Cachons nous!—Passons avec les sages
Le soir serein d'un jour mêlé d'orages.

Bogitchi 26 Decembre 1830.

lib.pushkinskijdom.ru

100.—„Старый мужъ, грозный мужъ“ и проч.

(безъ даты).

Варіанты Каверинскаго списка противъ редакціи Ефремовскихъ изданій:

Строфа 1-я, стихъ 4-й: „Ни м е ч а, ни огня“, вмѣсто: „ни н о ж а, ни огня“.

„ 4-я, „ 8-й: „Какъ онъ молодъ и с в ѣ ж ъ“ (какъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ № 11, 1825 г.), вмѣсто: „Какъ онъ молодъ и с м ѣ л ъ“.

„Какъ онъ любитъ тебя, какъ онъ молодъ и с в ѣ ж ъ“, писалъ Пушкину К. О. Рылѣевъ про Кюхельбекера еще въ первой половинѣ Апрѣля 1825 г.

Полный текстъ Цыганъ изданъ въ Москвѣ въ 1827 г., при чемъ по сравненію съ текстомъ „Московскаго Телеграфа“, исправлено одно только это слово—с в ѣ ж ъ—на слово с м ѣ л ъ [591]).

101.—„La vie est un étroit passage
Entre la peine et le plaisir,
Et dans ce pénible voyage
On poursuit toujours un désir;
Guidé par la douce espérance
Le bonheur vient il s'offrir—
Il fuit... mais pour charmer l'absence
Il nous laisse le s o u v e n i r“.

(безъ даты—5 Ноября 1824 г.?).

Первый стихъ почти тожественъ со стихомъ въ пьесѣ Пушкина „Couplets“ (1-й 3-ей строфы): „Amis, la vie est un passage“,—а 7-й—„Il fuit... (le bonheur)“—напоминаетъ 4-й стихъ той же строфы „Couplets“—„Trop tôt il fuit... (l'amour)“.

Вторая тетрадь, въ четвертую долю листа, имѣетъ 116 страницъ, не считая двухъ листовъ обложки; переплетъ картонный, сплошь обтянутый тонкою черной кожей; на корешкѣ вытиснено „1832“. Нѣкоторые листы съ водяными знаками, между прочимъ съ обозначеніемъ 1831 года. На внутренней сторонѣ задней обложки:

„О г л а в л е н і е.

стр.		стр.	
1.	Клеветникамъ Россіи.	45.	Un mot du génér. Augerreau.
3.	Корсаковъ Молодецкой.	—	— — de l' Emp.r Alexandre.
4.	Корсаковъ Яблонской.	72.	Отъ Корша.
45.	Пушкина Вѣра.	46.	Объ Собіѣскомъ.
74.	Краковякъ.	—	— —
75.	— —	47.	Объ Августѣ II.

lib.pushkinskijdom.ru

стр.	
20.	Слово Talleyrand объ 1812. войнѣ.
47.	Epitaphe de Batori.
5.	Слава Богу!
—	Сходство на плантаціи.
62.	Молит[ь]ся.
13.	Les mœurs.
—	Текла. перев.
42.	Воспоминанія Воина.
75.	— поляка.
100.	Скромное желаніе, но истинное.
9.	Любилъ плясать Король Давидъ.
14.	Die Prophezeihung.
27.	Aniversaire des 3 journées.
76.	God save the kingh!
	На югъ, на югъ!!—№ 83, 1834. Литт. Приб.
	Михсачь—№ 86. — — —

стр.	
10.	Алый Сарафанъ.—
7.	На выздоровленіе Лукуллы.
33.	Музыкальная монархія
—	Красавицы Сѣвера.
65.	Проповѣдь.
35.	А Тоі!—[Слова Олги].
24.	Изъ Базили.
55.	Русскіе Города,
12.	Воспоминаніе Еммы о Геттингенѣ въ 1812.
36.	Барклай де Толли.
39.	Пасквиль Лиссабонскій.
5.	La femme Tacite.
20.	Louis Philippe.
—	Hier sitz ich auf Rosen etc.
73.	Равенство людей.
15.	Текла—другой переводъ.

102.—„Клеветникамъ Россіи.

3 Февраля (1832 г.) Кульчины".

Подъ спискомъ: „Прислан(о) отъ Сабурова 27 Ноября 1831. Кульчины".

Разночтеній нѣтъ. Какъ извѣстно, пьеса написана 2-го Августа 1831 г. и появилась въ печати въ Сентябрѣ того же года[592]).

103.—„Не вѣрю чести игроковъ,
Не вѣрю я французской дружбѣ,
Не вѣрю клятвѣ поляковъ
И безкорыстной нѣмцевъ службѣ.

Пушкинъ. 1 Января. 3 Февраля Кульчины" (1832 г.).

Въ печатныхъ изданіяхъ эпиграмма эта, въ нѣсколько иной редакціи, приводится только какъ приписываемая Пушкину[593]).

104.—„Покойникъ Корсаковъ написалъ это какъ Яблон: говоритъ для сестры жены его что теперь за Молодецкимъ.

C'est son âme que j'aime, je la vois dans son regard, elle se trahit dans tous ses mouvements, le son de sa voix la révèle; mais cette âme est encore vierge (,) pure,—elle éclaire, mais elle n'a pas encore brûlé.—

lib.pushkinskijdom.ru

Que le ciel la préserve de sentir aussi vivement que moi! J'aime mieux être malheureux tout seul, que de la voir souffrir. Mais je voudrois pourtant qu'elle comprenne ce qu'elle inspire, qu'elle ne doute pas de ce qu'elle n'a jamais éprouvée, qu'elle n'oublie pas celui qui l'a devinée le premier.

3 Февраля (1832) Кульчины.

Дано мнѣ въ Августѣ 1831 года въ Острогѣ".

105.—„**Ma pensée s'est éteinte et mon front a blanchi;**
L'amour et ses transports ne viennent plus me charmer,
Nul délire, nul espoir ne peut plus pénêtrer
Dans mon âme fatiguée et dans mon cœur flétri,
Je flotte sur l'océan sans boussole et sans guide,
Sans trouver un abris pour y poser mes rames,
Les hommes sont tous de fer—et les serments des femmes
Sont gravés sur les vents et sur l'onde rapide.
Pourquoi donc remuer un foyer qui s'éteint?
Pourquoi m'obligez-vous a rêver le bonheur?
Hélas! les doux pensers, les délices de cœur,
M'ont fui comme les ombres à l'approche du matin,
Vous voguez sans périls au souffle des Zéphirs,
Les fleurs de la jeunesse colorent votre visage,
Le ciel vous a promis une vie sans orage;
Puissiez-vous ignorer le charme des soupirs!

3 Февраля (1832) Кульчины

Korsakoff для К: Яблоновской. И онъ, и она мертвые".

106.—„**Не една**" и проч. Польское стихотвореніе легкаго содержанія.

„3 Февр. (1832), Кульчины. Острогъ—у Яблоновскаго."

„**Крановякъ**

Дали Бугъ же повѣмъ маме" и проч.

„3 Февр. (1832) Кульчины. Ноябр. 1831".

107.—„**Отъ Корша.**

Въ Цукерни*) милой другъ разстались,
Пустились въ Марсовы поля,
И хоть мы долго не видались.
Всегда о другѣ помнилъ я.

*) „Въ Каменцѣ Подольскомъ—конфетная лавка Eléonore. Прим. переписчика".

lib.pushkinskijdom.ru

Теперь узнавши акуратно*)
Что страждетъ милый Геръ Майоръ**)"

. . . . . .

(Пропускаемъ 11 стиховъ, неудобныхъ для печати)

„А я отъ скуки умираю
Всѣхъ удовольствій здѣсь лишенъ
Лишь на Димитрія***) взираю
Ты знаешь—не забавенъ онъ.
Прости!—тебѣ твой другъ желаетъ
Скорѣй—недугъ свой излѣчить
Увы!—изъ опыта онъ знаетъ
Какъ не пріятно хворымъ быть!—

3 Февраля. Кульчины.—Декабрь. 1831".

108.—„**Considérations sur la Révolution Française** T: II page 157.

Le bruit se répandit qu'il voulait (Napoléon) se faire roi de Lombardie. Un jour je rencontrai le général Augereau qui venait d'Italie et qu'on citait, je crois alors avec raison, comme un républicain zelé. Je lui demandai s'il était vrai que le général Bonaparte songeât à se faire roi.

„Non, assurément, répondit-il, c'est un jeune homme trop bien élevé pour cela". Cette singulière réponse était tout-à-fait d'accord avec les idées du moment".

T. III. page 311 Conversation de l'auteur avec l'Emp: Alexandre.

„Vous n'ignorez pas, me dit l'Empereur de Russie, que les paysans russes sont esclaves. Je fais ce que je peux pour améliorer leur sort graduellement dans mes domaines; mais je rencontre ailleurs des obstacles que le repos de l'empire m'ordonne de ménager.—„Sire, lui repondis-je, je sais que la Russie est maintenant heureuse, quoiqu'elle n'ait d'autre constitution que le caractère personnel de V. M."—„Quant le compliment que Vous me faites aurait de la vérité, répondit l'Empereur, je ne serais jamais qu'un accident heureux".

Staël—Holstein. 9 Février Kultchin".

109.—„**Histoire de Pologne** avant et sous le roi Jean Sobieski, par Salvandy.

Истинно молодецъ Sobieski—но жена его мнѣ надоѣдала; онъ послѣ освобожденія Вѣны (1683 Сентября 12) имѣлъ 55 лѣтъ, а она 50 й онъ еще къ ней всегда начиналъ письма, какъ ниже будетъ, T. III, P: 203: „Cette lettre est la seule où, dans l'effusion de sa pieuse allégresse

---

*) „Потому что отъ Нѣмца. Прим: Сочинителя".

**) „Коршъ и Хомутовъ—хотя произвели въ Подполк: все старшимъ Майоромъ зовутъ. Прим: Переписч."

***) „Дмит: Ни(..?) Беклемишевъ полко(:) Командиръ".

lib.pushkinskijdom.ru

il se soit départi de sa formule favorite: Seule joie de mon âme, incomparable et bien aimée Mariette". А „Mariette" 50 лѣтъ, интриганка! Слабость человѣческая.

12 Mars (1832). Starokonstantinoff".

110.— — P.—444. „**La majorité** nomma le neveu de Louis XIV, la minorité proclama Auguste II. Les deux partis chantèrent le Te Deum en la gloire de leur roi. Cette fois chacun consentait à se passer de l'unanimité. De deux compétiteurs Auguste était le plus proche. Il arriva le premier (1697, Auguste), le mieux accompagné, et regna.—C'est de cette révolution qu'on peut dire à juste titre suivant un mot heureux de nos jours, que le trône fut le prix de la course.

13 Mars (1832)—Konstantinowsk".

111.—„Histoire de Pologne etc. T. III. P. 445.

C'est ce qu'on appella (l'avènement au trône d'Auguste) la comédie en cinq actes, savoir: un roi sans diplôme; un enterrement sans cercueil; une diète sans nonces; un sacre sans primat; des protestations sans effets.—Jean Sobieski attendit 36 ans un tombeau.—Salvandy.

13 Mars (1832) Konstantinoff".

112.—„Résumé de l'histoire de Pologne par Léon Thiessé, P. 166.

1586 épitaphe de Batori: „Il fut, dans le temple, plus que prêtre, dans la république, plus que roi; sur le tribunal, plus que jurisconsulte; à l'armée, plus que général; dans l'action, plus que soldat; dans l'adversité et le pardon des injures, plus qu'homme; défenseur de la liberté, plus qu'un citoyen; dans les liaisons de cœur, plus qu'ami; dans le commerce, plus que sociable; à la chasse contre les bêtes féroces, plus qu'un lion; et dans toute sa vie plus que philosophe".—Вотъ совершенство!

14 Avril (1832) Tcherniatine".

113.—„Волынской губерніи, Староконстантиновскаго уѣзда, въ деревнѣ Чернятинѣ, принадлежащей Князю Евстафію Сангушкѣ—мужики имѣютъ въ обычаѣ встрѣтившись привѣтствовать: Слава Богу.—Не знаю давно ли и какъ сіе привѣтствіе вошло въ обычай—но нахожу его очень хорошимъ.

18 Мая (1832) Чернятинъ Волынск. губ."

114.—„Здѣсь же сейчасъ видѣлъ на огородѣ работающихъ дѣвокъ и бабъ—и надъ ними надсмотрщикъ—съ грубымъ черствымъ голосомъ и преважною плетью—это что-то похоже на плантацію.

18 Мая (1832)—Чернятинъ".

lib.pushkinskijdom.ru

115.—„**Questions sur l'Encyclopédie par des amateurs.** VIII partie, Londres, MDCCLXXII. Prières. P. 197.
Toutes les nations prient Dieu: les sages se résignent et lui obéissent. Prions avec le peuple et résignons-nous avec les sages.

15 Juin 1832 Kultchin".

116.—„**Le Diable par Lamothe Langon** T: V. P. 28.
Retif de la Bretonne a dit: „les mœurs sont un collier da perles, ôtez le nœud qui les retient et toutes s'échappent rapidement jusqu'à la dernière".

23 August (1832) Старо-Константиновъ".

117.—„**Текла голосъ духа.**

Я куда полетъ свой устремила" и проч.
„Баронъ Розенъ[505]).

Старо-Константиновскъ—28 Августа (1832 г.), Воскресенье".

118.—„**Madame N: N: écrivait à Fouché** lors de l'avènement au trône de l'Empereur: J'ai vu dans une procession publique le jeune Empereur, précédé par les assassins de son grand-père, entouré des assassins de son père et suivi de ses propres assassins."—Bonaparte dit alors:—„c'est une femme Tacite!"—

30 Августа 1832 Радзивиловъ".

119.—„**Воспоминаніе воина** [подраж: Беранже] смотри въ красной книжкѣ 111 и 112 стран:

Ты помнишь ли, товарищъ неизмѣнный
Такъ капитанъ солдату говорилъ" и проч...

„Августа 1832 М. Максимовъ.—18 Октября (1832)—Строковъ".

120.—„**Гдѣ се подѣлъ тѣнъ вѣкъ злотый**" и проч.—Польскіе стихи.

„18 Октября (1832) Строковъ—5 Іюня (1832) Кульчины".

121.—„**Le bonheur qu'ici bas j'envie,**
C'est une obole audessus du besoin...
Une douce et fidèle amie,
Heureuse ainsi que moi dans un tout petit coin..
Enfin c'est de pouvoir éparpiller ma vie
Sans nul gêne et sans fâcheux témoin".
(Въ оглавленіи: „Скромное желаніе, но истинное").

„23 Мая 1834 Жвирь".

lib.pushkinskijdom.ru

122.—„Друзья! повѣрьте не грѣшно
Любить съ виномъ бокалъ,
Вино на радость намъ дано
Царь Соломонъ сказалъ.
Святъ, святъ, его законъ
Солгать не смѣлъ бы такъ библіи дерзко
Мудрецъ и пѣвецъ Соломонъ bis.

* * *

Онъ изъясняетъ подъ конецъ,
Такъ эту мысль яснѣй:
Сокъ виноградной, пей мудрецъ
Чтобъ быть еще мудрѣй.
Святъ и проч.

* * *

Чтожъ Соломону вопреки
Вино глупцы бранятъ,
Простить имъ можно, дураки!
Не знаютъ что творятъ.

* * *

Любилъ плясать, король Давыдъ!
Но чтоже Соломонъ?
Онъ про прыжки не говоритъ
Вино лишь хвалитъ онъ.
Премудрый Соломонъ!
Друзья! (...?) что въ Библіи точно
Мудрецъ и пѣвецъ первый онъ—bis.

9 Августа 1834. Жвирь".

Еще одни русскіе стихи безъ имени автора.

Какъ видно изъ протокола празднованія лицейской годовщины 1828 г., писаннаго рукою Пушкина, восемь человѣкъ „скотобратцевъ"—Дельвигъ, Илличевскій, Яковлевъ, Корфъ, Стевенъ, Тырковъ, Комовскій и самъ Пушкинъ—пѣли на этомъ празднованіи „Рефутацію Г-на Беранжера", „Пѣсню о царѣ Соломонѣ" и „Скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ".—Что касается „Пѣсни о царѣ Соломонѣ", то по словамъ Я. К. Грота, обыкновенно Дельвигъ затягивалъ торжественно:

„О Соломонъ,
Въ Библіи первый мудрецъ и первый пѣвецъ" и проч.[538]).

Не можетъ быть сомнѣнія, что приведенное выше стихотвореніе и есть „скотобратская" „Пѣсня о царѣ Соломонѣ". Кто сочинилъ ее—неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ обстоятельство, что пьеса попала, на ряду съ „Рефутаціею", въ тетрадь Каверина, какъ бы указываетъ на то, что получена она имъ отъ Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

123.—„Alte Prophezeihung, aufgefunden zu Freiberg im Erzgebirge.

Wer im Jahr 1834 nich verdirbt,
Wer im Jahr 1835 *) nicht stirbt,
Wer im Jahr 1836 nicht wird todtgeschlagen,
Der hat im Jahr 1837 von Glück zu sagen.
(Kurz und bündig!)

Жвирь 6. Октября 1831".

124.—„Aniversaire des 3 journées.

Amis, si vous passez aujourd'hui vers la tombe
Où dort du dernier roi la sanglante hécatombe,
Là, vers le Louvre en deuil, le cœur serré, les yeux
Rongés de pleurs amers et levés vers les cieux,—
Amis, à deux genoux sur l'angle d'une pierre,
N'oubliez pas, au moins, de dire une prière".

Длинное стихотвореніе въ нѣсколько страницъ, подписанное „l'Homme rouge".

„1 Aout 1834—3me année № 212 Vendredi Charivari.

30 Октябрь 1834.—Жвирь".

125.—„Герцогиня Пертская говоритъ, что Англицкая пѣснь God save и проч. произходитъ изъ Франціи отъ Люлли.—Короля въ Сен-Сире дѣвушки встрѣчали:

Grand Dieu, sauvez le roi!
Grand Dieu, vengez le roi!
Vive le roi!
Que toujours glorieux,
Louis victorieux,
Voie ses ennemis
Toujours soumis.
Grand Dieu—sauvez le roi!
Grand Dieu—vengez le roi!
Vive le Roi.

Гендель королю Георгу 1ому вывезъ это въ Англію.

13 Ноябрь 1834. Жвирь".

126.—„Сарафанъ.

Не шей ты мнѣ матушка" и проч.—

„18 Марта 1834: Жвирь".

---

*) «Wo der grosse Comet wieder kömmt, und gleich grosse andere Dinge zu erwarten stehen sollen».

lib.pushkinskijdom.ru

127.—„На выздоровленіе Лукулла (Шереметьева) подражаніе Латинскому.

Ты угасалъ богачъ младой“ и т. д.

„11 Февраль 1836. С.-П.Бургъ“.

Когда Каверинъ записывалъ стихотвореніе въ тетрадь, оно уже было напечатано[594]), но запись безъ сомнѣнія сдѣлана съ сохранившейся въ его бумагахъ копіи, писанной неизвѣстнымъ почеркомъ, на почтовомъ листкѣ малаго in octavo, за подписью тою же рукой „А. Пушкинъ“.— Разночтеній нѣтъ. Нѣкоторыя неточности слѣдуетъ приписать ошибкамъ упомянутой копіи.

128.—„Въ Лейпцигѣ основали Музыкальную Монархію. Согласенъ утвердить чины кромѣ Беллини—нѣтъ онъ не кондиторъ—а генералъ-адъютантъ Короля.

Моцартъ—Король.

Гендель—Патріархъ.

Глукъ—Первый Министръ.

Мегюль—Секретарь Перваго Министра.

Гейденъ—Государственный Канцлеръ и тайный Королевскій Совѣтникъ.

Бетговенъ—Генералиссимусъ.

Бахъ—Министръ Юстиціи.

Керубини—Министръ Народнаго Просвѣщенія.

Спонтини—Генералъ Артиллеріи.

Перъ—Главный Смотритель Королевскаго Музеума.

Шпоръ—Директоръ придворной музыки.

Беллини и Россини—придворные кондитеры.

А кто.же Пичинини, Буальдіе, Винтеръ, Оберъ, Мейерберъ, Герольдъ, т. е. Донъ Педро?

11 Февраля 1836. С.-П.бургъ“.

129.—„Красавицъ Сѣвера покрыты
Глаза туманомъ—мысли сномъ
Желанья въ золото зарыты
А души облиты свинцомъ.

С.П.Бургъ. Челищевъ 1835—Декабря 26.

Какъ похоже на Ольгу!!!!..—Москва 12 Марта 1836“.

Находимъ въ бумагахъ Каверина то же четверостишіе на отдѣльномъ клочкѣ, за подписью „П. Челищевъ“ и съ тою же датою, какая проставлена на спискѣ,—безъ сомнѣнія автографъ.

130.—„Слово въ Великій пятокъ.

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чув-

lib.pushkinskijdom.ru

ствомъ бѣдности человѣческой“ (—человѣческаго слова?), „старецъ вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: „Братіе, давайте плакать“, и всѣ пали на землю и пролили слезы.

„Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?... И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго голоса человѣческаго?—На Голгофѣ не было поученія; тамъ только рыдали и били въ перси своя. И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.

Братія! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ:—Начнемъ же молиться и плакать.—Аминь.“

Москва 4 Апрѣля 1836.“

131.—„Toi, dont le souvenir éclaire et brûle ma vie,
Qui vient ravir mon âme et me donner ta foi,
Par qui si peu d'instant je me suis vue chérie
Dis—me seras-tu fidèle comme je le suis à toi??
A toi mes douces paroles et mes plus doux sourirs,
A toi mes rêves la nuit et ma rêverie le jour,
A toi est tout entier ce cœur que tu désires,
A toi tout ce qu'il nourrit d'espérance et d'amour;
A toi, à toi merci d'un passé plein de charmes,
A toi merci encore d'un céleste bonheur,
A toi mes vifs regrets, mes solitaires larmes,
A toi toutes les pensées d'une intime douleur;
A toi mes vœux au Ciel, mes ardentes prières,
A toi tout ce qu'une femme éprouve de dévouement,
A toi tous mes désirs, mes projets, mes chimères
A toi tous les éclairs de mon faible talent.
A toi malgré les fers d'une rigoureuse absence,
A toi malgré le tems, les mortels et le sort,
A toi par cet amour qui se passe d'espérance,
A toi pour toute la vie—à toi après la mort.

Москва. 4 Апрѣля 1836.

Графиня Растопчина—а не слова ли это Ольги???“

132.—„Профаны на кораблѣ несносны; ихъ движенія, ихъ жизнь, самый ихъ языкъ—будто фальшивая нота въ оркестрѣ.

* * *

Колокотрони говорилъ одному изъ Греческихъ Генераловъ:—отъ чего же Цатрасъ не былъ взятъ, какъ не отъ трусости вашей храбрости?...

Архицедагъ Грецiя Базили.— 10 Апрѣля 1836, Москва“.

lib.pushkinskijdom.ru

133.—„Москва городъ Русскаго боярства.

П.бургъ—столица двора и центръ юнаго просвѣщенія.
Архангельскъ—истокъ богатствъ суроваго Сѣвера.
Одесса—ступень левантской лѣствицы.
Рига—портъ Остзейскій
Кіевъ—памятникъ Вѣры и просвѣщенія Эллинскаго.
Велик. Новгородъ—развалины Ганзы—(будто только?)
Казань и Астрахань—монументы покореннаго Татарства.—
Нижній Новгородъ—отчина Русскаго купечества.

Изъ Сѣверной Пчелы № 213. 29 Сентября 1836 г. Почаевъ".

134.—„Wenn zu meinem Schätzchen kommst

Sag' ich liesz ihn grüssen:
Wen er fraget' wie mir's geht,
Sag: auf beyden Füssen.
Wenn er fraget' ob ich krank,
Sag: ich sey gestorben;
Wenn er an zu weinen fängt,
Sag: ich käme morgen.

Это Емма мнѣ написала въ 1812 году въ Геттингенѣ.—Она уже мертвая!!!—Сколько времени и перемѣнъ! Задумаешься.....

Почаевъ 1836 годъ—11 Ноября."

135.—„Полководецъ.

У Русскаго царя въ чертогахъ есть палата" и т. д.

„Почаевъ 27 Ноября 1836".

Выписано изъ Сѣверной Пчелы", № 236 (въ оглавленіи „Барклай де Толли"),

Стихи 43-й и 44-й: И тотъ чей острый умъ тебя и постигалъ
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ

отмѣчены Каверинымъ съ поля чертою, при чемъ слово тотъ подчеркнуто.

136.—„Пасквиль былъ прибитъ на стѣнахъ дворца въ Лисссабонѣ въ 1838 году.

	Словесный переводъ.
Portugal erta na Franca	Португалія зависитъ отъ Франціи
Debaixo de hua Bandeira	Пріосенена знаменемъ
Emprulhado n'hua Manta	Завернута въ одѣяло
Ao fundo de hua Caldeira	На днѣ котла.

Франца, Бандейра, Манта и Калдейра суть въ теперешніе время люди, которые управляютъ ею и которымъ все и всѣ повинуются. Франца

lib.pushkinskijdom.ru

командиръ Баталіона Арсенала и подразумѣвается въ первой строчкѣ также зависимость отъ Франціи земли. Bandeira есть Сада Бандейра который значительную роль игралъ противъ Салданья. Манта, убійца Фрейра и начальникъ клубовъ вольности—и Калдейра Генералъ-Администраторъ въ Лиссабонѣ одинъ изъ Матадоровъ уничтоженія Карты (конституціи).

Ожиговцы 1838 г. Марта 14".

137.—„Mémoires de Bourrien T VIII. P. 265.

Talleyrand appella la guerre de 1812: le commencement de la fin.

* * *

У Louis Philippe: биржа—его капиталъ;—а войско—полиція.

8 Novembre 1838. Radzivilow".

138.—„Sommerlust.

* * *

„Hier sitz' ich auf Rosen mit Veilchen bekränzt,—
Hier will ich auch trinken (bis)
Bis lächelnd am Himmel der Abendstern glänzt!

* * *

Zum Schenktisch erwähl' ich das duftende Grün
Und Amor zum Schenker (bis)
Ein Posten, wie dieser, der schickt sich für ihn!

* * *

Das menschliche Leben eilt schneller dahin,
Als Räder am Wagen (bis).
Wer weisz, ob ich morgen am Leben noch bin.

* * *

Wir alle, von Weibe geboren, sind Staub
Der früher, der später (bis),
Wir alle sind einst doch des Sensemanns Raub.

* * *

Und deckt mich des Grabens unendliche Nacht,
Was hilfts, das im Leben (bis)
Ich Tage vertrauert und Nächte durchwacht.

* * *

Drum will ich mich laben an Wein und an Kusz,
Bis dasz ich hinunter (bis)
Ins traurige Reich[547]) der Schattenwelt musz[595]).

* * *

Вспомнилъ Геттингенъ!!!

2 Апрѣля 1839. Радзивиловъ"

lib.pushkinskijdom.ru

139.—„Als Adam hackt' und Eva spann,
Wo war damals der Edelmann!
Der Deutsche Kaiser Maximilian antwortete:
Jch bin ein Mann, wie ein anderer Mann,
Nur dasz mir Gott der Ehen gann" (?).
Въ оглавленіи „Равенство людей".

„12 Февраля 1841 г. Радзивиловъ".

140.—„Я видѣлъ рабскую Россію
П(е)редъ престоломъ олтаря
Гремя цѣпьми, склонивши выю—
... .

23 Сентября 1841. Радзивиловъ".

141.—„Текла, голосъ духа, изъ Шиллера.

Гдѣ теперь я, что теперь со мною" и проч.

„А. Григорьевъ. Радзивиловъ 8 Декабря 1847. Понедѣльникъ".

142.—„Кости зракъ смерти знакъ;
Зри се всякъ,—будеши такъ".
(Писано неизвѣстнымъ почеркомъ; безъ даты).

143.—Вырѣзки изъ газетъ разнаго содержанія наклеены на нѣкоторыхъ страницахъ. Другія вырѣзки, объявленія, афиши и проч. сохранились не наклеенными. Нѣкоторыя довольно забавны; Напримѣръ:

„—Извѣстный по своему механическому театру Г-нъ Никулинъ показываетъ у желающихъ въ домахъ разныя увеселительныя кукольныя представленія, какъ-то: Полишинеля и Маріонетокъ, подъ названіемъ Шерманка, въ разныхъ увеселительныхъ и забавныхъ видахъ.

—Я нижеподписавшійся извѣщая, что по возвращеніи изъ за граничной дѣйствующей арміи, узнавъ о разглашеніи ушедшею отъ меня женою моею Любовью Викторовою по отцѣ Степановою, яко бы меня въ-живѣ нѣтъ, въ предупрежденіе таковаго ея разглашенія прошу не вѣрить ей и тому, съ кѣмъ она проживаетъ. Полковникъ и Кавалеръ Даниловъ.—

—Отпускается въ услуженіе поваръ 20 лѣтъ большаго росту и продается жемчугу крупнаго оріентальнаго шесть нитокъ и корова стельная.

—Продается четверомѣстный бонваяжъ.

—Для дитяти нужна нѣмка, цѣною отъ 100 до 200 руб. Тутъ же продается токарный станокъ.

—Нужна въ отъѣздъ въ деревню изъ Нѣмокъ няня среднихъ лѣтъ; таковая можетъ являться къ нанимающему, которому также нужно имѣть комнатную Англійской породы мордашку.

—Петръ Семеновичъ Павловъ по крайней своей болѣзни рѣшается оставить свое послѣднее утѣшеніе—продаетъ жеребца, сына бывшаго у него

lib.pushkinskijdom.ru

извѣстнаго жеребца Полкана и правнука жеребца Сметанки завода покойнаго графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго; отецъ его составилъ мнѣ въ Москвѣ доходу 130.000.

—Изобрѣтатель механическихъ средствъ и способовъ Московскій мѣщанинъ Иванъ Кириловъ Ельмановъ вновь изобрѣлъ средства и способы начертить карту на каждый день во весь годъ—слѣдъ солнечнаго хожденія прямо, падающій на землю, такую, которая болѣе идей знакомить съ наукою астрономической системы, и по недостатку своего капитала на изданіе въ отечественную и всемірную публику, кто либо желающій съ деньгами 3.000 руб. симъ вызовомъ приглашается участовать.

—Продаются 2 льва, 2 купидона, 2 бесѣдки и отдаются разныя квартиры, маленькія и большія.

—Продаются двѣ оригинальныя картины Италіанской работы, изъ коихъ одна единственная въ своемъ родѣ, представляетъ по всей женской красотѣ и въ полной наготѣ Андромаху, спасаемую Персеемъ, а другая Венеру въ объятіяхъ Марса, въ самомъ живописномъ видѣ.

—Съ дозволенія Правительства въ большомъ театрѣ Виленскими актерами представлена будетъ: Американинъ изъ Лабрадоръ въ Парижѣ, комедія во всѣ новая съ Италіанскаго, соч. г. Фредеричи, перевѣдена Г. И. Каминскимъ въ 5-ти дѣйствіахъ, въ коей г. Асниковскій будетъ играть ролю Американина.

—Представленіи въ театрѣ въ домѣ Лейбовой драматическими артистами подъ управленіемъ Станислава Лясковскаго двухъ комедій и табло со сценою, стихомъ съ картиною и огнемъ бенгальскимъ подъ названіемъ Новый Годъ.

—О вопрещеніи гражданскимъ чиновникамъ носить усы и бороду.— По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали предложеніе г. Министра Юстиціи Т. С. и Кавалера Дмитрія Васильевича Дашкова, что г. Статсъ-Секретарь Танѣевъ отношеніемъ отъ 16-го минувшаго Марта сообщилъ ему, г. Министру, что Государь Императоръ, сверхъ доходящихъ до Его Величества изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники, въ особенности внѣ столицы, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образцу жидовъ или подражая французскимъ модамъ. Е. И. В. изволитъ находить сіе совершенно неприличнымъ и вслѣдствіе сего Высочайше повелѣваетъ всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобы ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи онъ, г. Министръ Юстиціи, предлагаетъ Правительствующему Сенату для надлежащаго исполненія: Апрѣля 2-го дня 1837 г. (по Первому Департаменту)“.

Третья тетрадь, или скорѣе небольшихъ размѣровъ записная книжка, заключена въ деревянный переплетъ, верхняя крышка коего выложена арабесками изъ мѣди, слоновой кости, дерева и перламутра, въ стилѣ Буль;

lib.pushkinskijdom.ru

книжка застегивается мѣдною застежкой, страницы, числомъ 156, не перемѣчены, оглавленія нѣтъ; содержитъ въ себѣ записи съ 1851 по 1855 г.

На первой страницѣ вверху помѣта: „Куплена 28 Февраля 1850, Вторникъ въ Радзивиловѣ“.

144.—„**Предсказаніе погоды** на зиму и лѣто по времени вступленія луны въ ту или другую фазу“ и т. д.

„№ 9. Сентябрь 1851, Трудовъ“.

145.—„**Вся вселенная живетъ**, а все что живетъ,—питается.

Скажи мнѣ, что ты ѣшь, я скажу тебѣ, кто ты таковъ.

Только за столомъ человѣкъ никогда не скучаетъ.

Открытіе новаго кушанья гораздо пріятнѣе человѣчеству, нежели открытіе новой планеты.

За обѣдомъ надобно переходить отъ труднѣйшаго (тяжелаго) къ легчайшему.

Пригласить гостя значитъ принять на себя обязанность сдѣлать его счастливымъ на нѣсколько часовъ“.

(Выписки изъ книги Brillat-Savarin—Physiologie du goût).

„25 Ноябрь 1852 г. Радзивиловъ“.

146.—**Выписки за 1852—1854 гг., изъ журналовъ**, главнымъ образомъ изъ „Друга Здравія“, о разныхъ лечебныхъ средствахъ: „Предохраняющія капли отъ холеры“, „Рецептъ желудочныхъ капель Ѳ. И. Иноземцева“, „Про бѣшенство отъ укушенія собаки: Gentiana cruciata“, „Объ излѣченіи чресленной боли люмбаго“, „Средство противъ зуда“ и проч. За извлеченіемъ изъ статьи профессора Барановскаго о бодягѣ слѣдуетъ отмѣтка: „Я изъ всего этого заключаю, что какъ бодяга ускоряетъ жизненный процессъ—ergo она должна быть принята какъ специфическое средство противъ холеры—употребляя ее снаружи и внутрь. Dixi! Каверинъ“.

147.—„**Chevalier de Boufflers** по возвращеніи во Францію въ 1800 году, былъ спрашиваемъ M^dame^ Staël: не членомъ ли онъ института учрежденнаго Наполеономъ? Онъ отвѣчалъ:

Je vois l'Académie où vous êtes présente:
Si vous m'y recevez, mon sort est assez beau;
Nous aurons à nous deux de l'esprit pour quarante,
Vous comme quatre et moi comme zéro.

Charmant!!!

Онъ умеръ въ 1815 году—и вѣчно былъ въ путешествіяхъ. Самъ написалъ на себя епитафію:

Ci-gît un chevalier qui sans cesse courut,
Qui sur les grands chemins naquit, vécu, mourut,

lib.pushkinskijdom.ru

Pour prouver ce qu'a dit le sage,
Que notre vie est un voyage.

3 Декабря 1852 года Радзивиловъ".

148.—„Vers de Pirron pour un mendiant aveugle.

Chrétien, au nom du Tout-Puissant,
Faites-moi l'aumône en passant.
Le malheureux qui la demande
Ne verra point qui la fera;
Mais Dieu, qui voit tout, le verra:
Je le prierai qu'il vous la rende.

22 Décembre 1852 r. Radziviloff".

149.—„На смерть Каратыгина крестьянинъ Василій Герасимовъ.

Могущій двигатель ума, сердецъ,
Заснулъ сномъ вѣчнымъ, неизбѣжнымъ...
Тяжелъ для насъ нежданный твой конецъ,—
Тяжелъ... Гамлетъ нашъ несравненный!..

31 Марта 1853. Радзивиловъ".

150.—„Запорожская пѣсня.

Ой на горѣ женцы жнутъ", и проч.

(семь куплетовъ).

„30 Іюля 1853 Радзивиловъ.
А съ пѣснею знакомъ съ 1819 года".

151.—„Живоплотъ (Haie-vive) хорошо.

2 Октября 1853 Радзивиловъ".

152.—Патріотическія стихотворенія: „Русскія побѣды", „Ура" Ѳ. Глинки, „Къ Россіи", „Кто кому нужнѣе", „Милости просимъ хлѣба соли откушать". Извлечены „изъ Сѣверной Пчелы" и изъ „Инвалида"; записаны подъ разными датами начала 1854 г., Радзивиловъ.

153.—„La grande Duchesse M. de L.....g demandait gracieusement au sublime de beauté et voix Mario, pourquoi ne voyait-elle pas (ses enfants) les Marionettes?—Veuillez excuser V. A. I. ce sont des Grisettes.

14 Octobre 1854.—Разивиловъ".

154.—„Рисовала Зося 1855 года 21 Марта въ Радзивиловѣ. Жена больна я грустенъ. Господи помилуй!!!"

Эта послѣдняя по времени запись въ 3-ей тетради значится на первой ея страницѣ подъ нарисованымъ чернилами французскимъ ребусомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

155.—Отрывокъ изъ дневника Каверина за Сентябрь 1810 г.; писанъ на листкахъ почтовой бумагѣ in quarto; 9-й, 10-й и 11-й листы.

„...засталъ—очень с' ним познакомился—прелюбезной преучтивой—преученой человѣкъ—который теперъ почти не употреблен за то что сдѣлал глупость Россійскій кабинет когда дал ему позволеніе дѣлать переговоры с' Наполеоном он их дѣлал с' выгодой для Россіи—но цѣль перемѣнилась их надо было уничтожить и потом солгали на бѣднаго Уббри что будто бы он не был на это уполномочен—Графа Ливена не было дома но Уббри сказал мнѣ чтобы я пріѣхал на другой день поутру а между тѣм пригласил меня обѣдать—к' Берту в' трактир в' Thiergarten гдѣ должен был обѣдать весь Россійской Дипломатической корпус находившійся въ Берлинѣ—я явился туда въ назначенной часъ нашел в' саду пропасть компаніи спросил гдѣ обѣдают die Russen меня повели и я увидѣлъ д' Уббри который меня представил Петерсону, Шепингу, deux jeunes Diplomates и Орлову и Rene два Графскія адьютанты—знакомство было скоро сдѣлано обѣд был хорош—шампанское пѣнилось—отобѣдавши поѣхали мы на гулянья Unter die Zählten "(sic)„ удивительное множество народу—пріѣхавшаго avec des chars-a banc (при этом имяни благородном я тотчас вспомнил Сѣверина—милаго Сѣверина Знает ли он что такое char-a-banc) отсюда мы поѣхали в' город—Дипломаты мои куда то разбрели" (sic) „а я поѣхал в' Театр—играли Шилеровы Разбойники—довольно хорошо—тэатр не был полон потому что Прусаки гораздо болѣе любят наслаждаться на чистом воздухѣ даром чѣм в' тѣснотѣ за деньги.—Послѣ Театра я пошелъ гулять Unter die Linden—бульвар наипрекраснѣйшій—Здѣсь я гулялъ всякій вечеръ потому что Hotel de Russie подлѣ него и всегда находил пропасть народу, гуляющаго и даже наслаждающаго" (sic) „разными образами—эдакаго распутства я не видывал говорят что и в' Парижѣ отстали отъ Берлина в' 9 часов вечера на этом гуляньи всякому можно подойд(т)и ко всякой дѣвки, встрѣтившейся, с' ней начать говоритъ—посадить на лавку—заставить воспламенить наши parties animalles—вести ее к' себѣ или идти к' ней и проч и проч—тутъ без исключеніе—можно быть увѣрену что никогда не получишь dementie—Я ничего этаго не дѣлал, я подлинно живу какъ Катонъ какъ я щастлив что могу себя во многом воздерживать!—Я не самому себѣ этимъ одолженъ—Мысль о Елизѣ владѣтельствует над всѣми моими мыслями, над всѣми дѣйствіями. О Елиза! Ежели я сравню эту прогулку с' прогулками дѣланными нами в' Сталіенѣ—какая чистота нравственности царствовала въ наших разговорах

Даже взгляда на тебя
Из душевнаго почтенья
Не позволил я себѣ

Но довольно для нынѣшняго дня—я думаю о Елизѣ я щастлив!

Нынѣ я начал утро тѣм что поѣхал к' Ливену—очень хорошо меня принял, звал обѣдат—я здѣлал ему нѣсколько комплиментов и от(п)ра-

lib.pushkinskijdom.ru

вился домой—дома нашел товарища в' безпокойствах о деньгах у меня их не было—у него очень мало—он отчаевался—я надѣялся.—Здѣсь обѣдаю я обыкновенно à la table d'hôte—всегда пропасть народу—довольно хорошо кормятъ.—Я имѣл наслажденіе ходить всякой день в' ванну—в' Hotel de Russie есть прекрасныя комнаты нарочно для этаго отдѣланныя—прекрасное заведеніе!—Нонче утром ходил я к' Професору Боде, Королевской Астроном—он нам показывал Берлинскую обсерваторію—всѣ инструменты—маленькую библіотеку находившеюся в' самой обсерваторіи—преумной человѣкъ—Lalande чтоб читать его сочиненія уже в' пожилых лѣтах выучился по Немѣцки—честь Лаланду—честь Боде.—Еще я был в' Анатомическом кабинетѣ—препараты славные—он очень богат тѣлами и всѣм вообще не знаю кто его основал и не знаю кто теперь Професором Анатоміи в' Берлинѣ.

Dans l' Hotel où je demeure—loge aussi M^dame^ Burger la femme du poête Burger—j'ai fait sa connaissance—c'est une personne assez aimable—parlant bien le Français—mais on dit qu'elle a rendut son mari trés malheureux et que meme elle a été la cause de sa mort. Elle a avec elle une tres jolie personne nommée Henriettte. La femme du Professeur est devenu actuellement actrice—je l'ai vu joué la Jeanne-d'Arcque—elle a rempli son rôle passablement bien—mais l'ensemble dans cette pièce était superbe la prossession pour aller à l'église était magnifique les décorations superbes—la garderobe passable—Je l'ai vu encore donner des Mimische Darstellungen où j'ai manqué d'étouffer de chaleur.—Финансы наши в' таком же худом положеніи как в' Австріи и в' Россіи Ш. получил во многих уже мѣстах отказ—я от Ливена—полуотказ—у меня в' карманѣ денег только 2 гроша—выѣхать отсюда—а Надежда—Надежда нонче послѣ обѣда ѣздили мы с' Ш.... и какимъ то Швейцаромъ жившим в' одном трактирѣ за город гулят этот Швейцарец кажется быть преумным малым Также я познакомился с' Гименом—молодым человѣком учившимся в' Геттингенѣ—он мнѣ дал письмо к' своему брату которой еще там.

Так то, очень монотонно провожу я дни в' Берлинѣ а неизвѣстность о моих Московских, о Батюшкѣ о Сестриц удивительно меня безпокоитъ—я надѣялся получить хоть здѣсь от них письма, хожу всякой день на почту получать письма и возвращаюсь съ пустыми руками—с' грустью в' сердцѣ—О Геттингенъ когда я в' тебѣ буду когда буду читать письма из Москвы, что всѣ здоровы, что меня не забыли, что меня любят.

Нонче я видѣл проскакавшаго Прусскаго Короля в' каретѣ без свиты, безъ блистанія так точно как наш Император.

29 Auguste[596]) Le malheur me poursuit en Prusse. Point d'argent, point de nouvelles de chez moi—c' est affreux—mais ce n'est pas encor tout—étant aujourd'hui chez le comte de Liven il me demandât si je connaisser "(sic)„ un certain M^r^. de Tourgenieff qui est maintenant ici je fus hors de moi-même,—le cher Serge[548]) à Berlin—je tirai tout de suite ma révérence à l'Ambassadeur et je volai à l'Hôtel de Rome où on m'a dit qu'il

lib.pushkinskijdom.ru

log(e)ai(t)—je descend de la calèche je demande apres un Russe qui va étudier à Gottingue on me dit, o nouvelle déplorable!—q u' h i e r le soir il venait de partir—alors j'envoyai a u d i a b l e l'homme avec cette maudite nouvelle et je retournai tout anéanti à la maison.—

Trop de détails ennuient—c'est pour cela qu'il est bon de garder quelque chose pour la [bonne?] bouche et de finir la le recit de me résidence à Berlin—Je dirai seulement que d'Oubril me pretâ 50 ducats—que je le remerciai beaucoup et je partis de Berlin le 6 de Septembre 1810 à 5 heures apres diner.—

Potsdam—la nuit à 10 heures.

Je suis très peiné d'être dans cette petite ville la nuit ou le soir j'aurai vivement desiré de voir plusieurs choses remarquables par rapport à Fréderic le Grand, à Voltaire.—J'ai cependant quelques idées sur l'extérieur de la ville et ma curiosité m'a mené la nuit dans les rues de Potsdam.—

Witenberg. 8 Septembre.—

Me voilà en Saxe—j'ai remarqué—qu'on est mieux servis, que le paysan n'est pas si grossier qu'en Prusse—En venant ici—je suis allé voir la petite ville si fameuse un meme tems d'avoir produit Martin Luther—les suites de la secte du quel ont produits tant de mal—c'est encore une question à resoudre—ce qui prendra le dessus—mais ce n'est pas le tems de faire ici des réfléxions politiques—laissons cela pour le sejour de Göttingue—mais je dirai ici que j'allai voir un Etudiant appelé Hartman que j'ai connu à Berlin Que je ne le trouvai pas à la maison que je laissai un billet et que je parti de cette ville à 6 heures du soir.

Deux stations après Witemberg—

J'ai rencontré ici à 1 heure de la nuit un des rois qui se trainent par le monde—c'étoit le comte de Gottorp—jadis nommé Roi de Suède et qui le sera toujours dans une vive imagination de chaque homme de bien—quel homme que c'est—grand sur le trône—grand étant malheureux—malheureu(sement) je n'ai pas eu l'honneur de le voir—dans l'instant que j'entrai dans la maison de poste il en sortait—mais cela n'empêche pas que je fis par rapport à lui plusieurs questions chez le Post-meister—qui me dit qu'il était habillé d'un surtout bleu ayant un sobre par dessus comme moi—et deux pistolets qu'il rechargeat même à la poste puisque il craignoit ou plutôt il vouloit prevenir des brigands—qui l'ont attaqué 4—ou 5 jours avant—et parmis lesquels un fut étendu sur le carreau par le domestique de l' é n e r g i q u e la station qu'il devait faire et dont je viens de faire[597]) est affreûse un bois abominablement touffus—la nuit qui n'est pas une des plus claires—tout cela m'a causé des inquiétudes pour lui—et je ne pensai à rien de tout cela en arrivant ici—je lui souhaitai de tout mon cœur un bon voyage jusqu'à un vaisseau anglais où je présume qu'il se mettra sur le bord duquel pour aller chez les industrieus insulaires.—

L e i p s i c

Je passe mon tems assez agréablement—m'ayant reposé des fatigues du voyage—je me promènes dans la ville je pense à mes tendres parent—

lib.pushkinskijdom.ru

à mon futur emprisonnement à Gottingen Je loge ici à l' Hotel de Saxe—superbe auberge—le maitre duquel est un très galant homme—très polis—A diner il est venu aujourd'hui une petite Hongroise qui chante et s'accompagne de la harpe—elle chantait une chanson très melodieuse qui me penetra l'ame le tems est si beau que je n'ai pas envie de voir le théatre de Leipsic et que je suis allé me promener hors de la ville—les environs sont charmantes.—

Aujourd'hui le matin je suis allé à la poste pour recevoir des lettres de mon cher père—mais mon attente fut trompée je n'en ai pas trouvé—à diner j'ai fait la connaissance d'un François Monsieur—Brunel de Lyon—Négociant un très bon diable—Maçon—Nous somme allé avec lui le soir pour nous promener dans un jardin appellé Rosens-Garten où il y avait Concert et tout le beau monde de Leipsic assemblé—nous soupames là—nous nous moquâmes un peu des allemands qui etoit là et—voilà encore une journée fini, sans que j'aie acquis des connaissances solides—excepté quelques sur le monde. Comme le voyage forme l'homme—c'est inexprimable—il fait sentir ceci—non seulement pour la force corporelle mais aussi les spirituelles cela developpe l'esprit en présentant des objets nouveaux à chaque moment variées—Bon nuit mon journal—Bon nuit habitans de Moscou tant aimé de moi!—

Нонче поутру вышедши из городу один потому что la solitude est l'école du génie—нашел или лучше сказать набрел я на прекраснѣйшія мѣста—виды удивительные—алеи и сады публичные которыми город окружен прекрасны—в' здѣшним университетѣ учится пріятно по крайнѣй мѣрѣ есть куда выидти погулять—здѣсь Гусятников жил—здѣсь“ [598])

156.—Свидѣтельство или патентъ на нѣмецкомъ языкѣ о сопричисленіи Каверина ученикомъ (Lehrling) ложи „Augusta zum Goldnen Zirkel“ подъ датою „Im Orient von Goettingen“, 16 Апрѣля 5812 г. (sic). На лицевой сторонѣ патента изображены всякія эмблемы и символы: стѣна, завѣшанная занавѣсомъ, оливковое дерево, сфинксъ, женщина, покрытая покрываломъ, циркуль, отвѣсъ, угольникъ и проч. Патентъ подписанъ нѣсколькими лицами; подъ подписью „E. Ulrich, Secretair“, приложена сургучная печать ложи съ изображеніемъ женщины въ профиль, держащей въ правой рукѣ небольшой шаръ, на которомъ сидитъ птица,—и сфинкса у ногъ женщины, и съ круговою надписью: „Augusta zum Goldnen Zirkel im Or. v. Goettingen“. На обратной сторонѣ нѣсколько визъ, изъ коихъ четыре помѣчены Гамбургомъ, одна Мюнхеномъ, одна Гейлигенштадтомъ и одна Галле. Тутъ же отмѣтка (безъ даты), скрѣпленная тою же сургучной печатью, относительно того, что податель получилъ званіе мастера.

157.—Печатная тетрадь масонскихъ пѣсенъ и мелодій, „Freymaurer-Lieder mit Melodien“ и проч.,—продолговатая, въ голубомъ переплетѣ, $20^1/_2 \times 16$ сантиметровъ, листы съ золотымъ обрѣзомъ; имѣетъ собственно двѣ части: первая, въ 44+XXXII стр., помѣчена „Erste Sammlung vierte

lib.pushkinskijdom.ru

Auflage. Hamburg, gedruckt bey I. G. W. Meyn", вторая, въ 44 стр.,— „Zwote Sammlung. Dritte Auflage. Hamburg, gedruckt bey Gottlieb Friedrich Schniebes". На чистомъ листкѣ, предшествующемъ заглавному, надпись: „Dem geneigten Andenken des sehr verehrten Bruders von Cavarin empfiehlt sich mit treuer Bruderliebe B. G. Hoffman, Provinzial Grosz. Mstr und Logen Mstr der Ehrw. Loge zu den 3 Rosen".

158.—„Тверь П. П. Каверину.

Странѣ Шампаніи счастливой
Ты измѣнилъ, о, мой Гусаръ!
И прихотливо, прихотливо
Налилъ венгерское въ бокалъ.

* * *

Недопивай!—съ заздравнымъ кликомъ
Въ него ли бросишъ перстень свой?
Смотри Гусаръ, чтобъ то уликой
Небыло жизни молодой.

* * *

Клико послѣднюю бутылку
Въ бокалы лью я черезъ край;
Гусаръ, красавицамъ улыбку,
Гусаръ бокалъ свой допивай!

* * *

И вотъ Гусаръ съ заздравнымъ кликомъ
Въ бутылку бросилъ перстень свой
И звукъ бокаловъ былъ откликомъ
Гусарской жизни молодой...

А. Ушаковъ."

(Около 1816 г.?).

159.—„Забудь любезный мой Каверинъ" и проч.—автографъ Пушкина. Пьеса написана на первыхъ двухъ страницахъ почтоваго листа in octavo, безъ водяныхъ знаковъ; подпись „А. Пушкинъ".—См. факсимиле.

160.—Портретъ Каверина карандашемъ, въ два оттѣнка (карандашемъ и обожженною спичкой?), на полулистѣ почтовой бумаги большаго формата, съ водянымъ знакомъ 1816 г.—Каверинъ изображенъ въ полоборота направо (—отъ зрителя), въ разстегнутомъ ментикѣ ,съ нѣсколько наклоненною впередъ головой. Нѣкоторыя черты наведены чернилами. На оборотѣ, карандашемъ, неизвѣстнымъ почеркомъ, надпись къ портрету въ той редакціи, въ какой она записана въ тетрадь (см. выше, № 33).

Трудно предположить, чтобы Пушкинъ нашелъ какой либо портретъ Каверина у него самаго или у кого другого; правдоподобнѣе, что самый

lib.pushkinskijdom.ru

портретъ былъ нарисованъ для случая, на холостой пирушкѣ или иномъ сборищѣ. Какъ мы видѣли выше, въ тетради отмѣчено, что оригиналъ „Надписи къ портрету“ находится у Каверина. Не есть ли настоящій портретъ съ надписью на оборотѣ тотъ „оригиналъ“, о которомъ говоритъ Каверинъ? И не нарисованъ ли самый портретъ Пушкинымъ, послѣ чего кѣмъ либо изъ присутствующихъ записанъ на оборотѣ, съ его словъ, экспромтъ „Надписи“? Оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ. Во всякомъ случаѣ штрихи карандаша, изображающіе опушь ментика, такъ же какъ и черты, наведенныя чернилами по карандашу на лицѣ у Каверина, напоминаютъ тѣ, которые встрѣчаешь на иныхъ рисункахъ Пушкина [599]).—См. факсимиле.

161.—Письмо Татищевой, изъ Москвы, отъ 7-го Іюня 1818 г., къ ея кузинѣ графинѣ Аграфенѣ Ѳеодоровнѣ Ефимовской, о выходѣ замужъ дочери Татищевой Анны, о намѣреніи ея самой поступить въ Алексѣевскій монастырь и проч.

162.—Письмо нѣкоего Рубена Мейера, изъ Геттингена, отъ 17-го Декабря 1818 г., съ напоминаніемъ Каверину о его долгѣ. Въ письмѣ названъ Тургеневъ, котораго Мейеръ видѣлъ у себя „вчера, на обратномъ пути изъ Франціи“, а также упоминается о (Михайловскомъ-)Данилевскомъ. На оборотѣ адресъ: „Monsieur Monsieur Paul (sic) de Caverine, Lieutenant dans les Hussards de la Garde, Aide de Camp. de S. Exc. M^r. le Général Tholl, à St Pétersbourg“.

163.—Письмо нѣкоей Маріи къ Авдотьѣ Сергѣевнѣ и къ Аннѣ Павловнѣ Каверинымъ, отъ 21-го Іюля 1819 г.,—объ изготовленіи заказанныхъ вышивокъ по кисеѣ.—Въ письмѣ попадаются фразы въ родѣ слѣдующихъ: „Предписаніе ваше матушка получила съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ, даже исъ радостнымъ восхищеніемъ закоторое приношу вамъ наичуствительнѣйшею благодарность“... „всіо выполнѣно съ стремительнымъ восхищеніемъ“... „готова навсегда рабски служить вашему превосходительству“... „съ великимъ рабскимъ усердіемъ готова вашему превосходительству служить“ и проч. Письмо подписано: „Всенижайшая раба и слуга ваша Марія“.

164.—Письмо А. П. Каверина къ брату, отъ 29-го Декабря 1819 г., увѣдомляющее, что онъ „у С. А. Архаровой, а не у Энгельгардтовъ“, что „Сабуровъ вышелъ въ Конно-егерскій армейскій полкъ“ и проч.

165.—„Barras“—пасквиль на Наполеона-консула и отчасти на Жозефину Богарнэ, для печати неудобный. На Французскомъ языкѣ. Семь осьмистишій, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ заглавія, напр. „Sa naissance“, „Expédition en Egypte“, „Sa réputation“. Писанъ на большомъ листѣ сѣрой бумаги съ водянымъ знакомъ „1820“.

lib.pushkinskijdom.ru

Фотот п павлова.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

166.—Письмо въ стихахъ, нѣкоего Григорія Зеленѣцкаго къ П. П. Каверину, „маіору Павлоградскаго Гусарскаго полка", съ просьбою о покровительствѣ для поступленія въ мѣстную межевую контору. Относится къ началу 20-хъ годовъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ него для примѣра.

Военачальниче посредственныхъ героевъ!
Подпора отчества! правитель взбранныхъ воевъ!
Вамъ за сіе продлитъ Творецъ нещетны лѣта
И слава будетъ въ вѣкъ гремѣть въ нутри полсвѣта
До тѣхъ поръ времена какъ вѣчность не пожретъ
Какъ не потухнетъ сей шаровъ небесныхъ свѣтъ,
По смерти васъ вселитъ въ непостижимость міра
Что всетончайшаго, превыше есть эфира и т. д.

167.—Лубочное изображеніе генерала въ треуголкѣ (Наполеона I ?), на бѣлой лошади, съ отмѣткою рукою Каверина: „При мнѣ набито 22 Марта 1823 г. въ Сластуры Саратовской губ. Марцевскій и Кудрявцевъ были свидѣтелями. Оригиналъ-художникъ".

168.—Вторая глава Евгенія Онѣгина. Списана Петромъ Павловичемъ тщательнымъ почеркомъ на 32-хъ страницахъ тетрадки изъ золотообрѣзной почтовой бумаги in octavo. На первой страницѣ выписано: „Евгеній Онѣгинъ глава 2-ая", на оборотѣ:

„O rus!... H o r.
О Русь".

Водяные знаки въ бумагѣ года не указываютъ. Въ виду нѣкоторыхъ варіантовъ противъ печатнаго текста и присутствія въ Каверинскомъ спискѣ тѣхъ мѣстъ, которыя не пропущены цензурою, глава эта очевидно списана съ рукописи до появленія въ печати,—быть можетъ съ автографа, присланнаго Пушкинымъ П. А. Вяземскому. Пушкинъ писалъ къ нему отъ 7-го Апрѣля 1826 г.: „Онѣгина переписываю. Немѣдленно и онъ явиться къ тебѣ" [600]); затѣмъ въ срединѣ Апрѣля того же года: „Я переписываю для тебя Онѣгина. Желаю, чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя те sourit; извини эту плоскость: въ крови! А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ: отъ роду ничего не переписывалъ, даже для Голицыной" [601]); наконецъ отъ конца Апрѣля 1825 г.: „Пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина (тебѣ единственно и только для тебя переписаннаго)" [602]).—„Я получилъ вторую часть Онѣгина", отвѣчалъ ему Вяземскій 7-го Іюня 1825 г.[603]).—Безъ сомнѣнія не одинъ Каверинъ имѣлъ копію съ этой главы. „Стращаютъ меня, что въ городѣ есть списки второй главы", писалъ Плетневу Пушкинъ отъ 21-го Января 1826 г.[604]).—„Твоя 2-я пѣснь „Онѣгина", сообщалъ ему около того же времени Дельвигъ, „вездѣ читается и переписывается" (начало Февраля 1826 г.[605]).—Въ рукописи, впослѣдствіи, вѣроятно по сличеніи съ другими списками

lib.pushkinskijdom.ru

или съ напечатаннымъ текстомъ,· въ три пріема сдѣланы исправленія и дополненія: болѣе блѣдными чернилами, чернымъ карандашемъ и краснымъ карандашемъ.

Отмѣтимъ прежде всего своеобразную пунктуацію въ стихахъ 10-мъ и 11-мъ I-й строфы, оттѣняющую смыслъ этихъ стиховъ и пожалуй болѣе правильную, чѣмъ принятая въ печатныхъ изданіяхъ.

Предъ нимъ (домомъ Онѣгина) пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотые;
10. Мелькали села; здѣсь и тамъ
Стада бродили по лугамъ,

вмѣсто: 10. Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ, и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ слова „здѣсь и тамъ“ казалось бы болѣе подходятъ къ чему-то подвижному, какъ стада, чѣмъ къ предметамъ неподвижнымъ, какъ села. У Пушкина находимъ и въ другомъ мѣстѣ точку съ запятою въ серединѣ стиха передъ словами „здѣсь и тамъ“.

Глядишь и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла...[606]).

Каверинская точка съ запятой заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что Петръ Павловичъ знаками препинанія вообще пренебрегалъ и отъ себя всеконечно лишнихъ знаковъ не ставилъ,—напротивъ, часто опускалъ ихъ или вмѣсто всякихъ другихъ знаковъ ставилъ одни тире [607]).

Затѣмъ приводимъ варіанты, добавленія и особенности списка противъ текста, напечатаннаго въ изданіи Литературнаго Фонда. Изъ варіантовъ отмѣчаемъ одною звѣздочкой тѣ, которые встрѣчаются въ текстѣ Суворинскаго изданія 1903 г., т. IV, а двумя—приведенные въ примѣчаніяхъ того же изданія (т. VIII, 1905 г.).

* II-я строфа, 7-й стихъ: „Царей портреты на стѣнахъ“.—Въ спискѣ у Каверина читаемъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе къ этому стиху: „Для Цензуры: „Портреты дѣдовъ на стѣнахъ““. Изъ примѣчанія этого можно заключить, что и послѣдняя редакція стиха—Пушкинская, а потому и ее слѣдовало бъ помѣщать въ примѣчаніяхъ къ тексту Онѣгина.

IV-я „ , 6-й „ : „Яремъ отъ барщины старинной“[302]), вмѣсто: „Яремъ онъ барщины старинной“.

IV-я „ , 8-й „ : „И рабъ судьбу благословилъ“, вмѣсто: „И небо рабъ благословилъ“ (у Ефремова тоже „И рабъ судьбу...“).

** V-я „ , 6-й „ : „Завидятъ ихъ домашни дроги“ (какъ въ изданіи 2-й главы, 1826 г.), вмѣсто: „Заслышатъ ихъ домашни дроги“.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ 10-мъ стихѣ V-й строфы слово „фармазонъ“ у Каверина подчеркнуто.

VI-я строфа, 6-й стихъ: „Душой Филистеръ Гетингенской“, вмѣсто: „Съ душою прямо геттингенской“ (у Каверина слово Филистеръ подчеркнуто).

VI-я „ , 11-й „ : „Вольнолюбимыя (?) мечты“, вмѣсто: „Вольнолюбивыя мечты“.

6-й стихъ VIII-й строфы—„Его лелѣяла надежда“—очевидно по ошибкѣ пропущенъ и затѣмъ вставленъ въ выноскѣ другими чернилами.

** X-я строфа, 2-й стихъ: „Но пѣснь его была ясна“, вмѣсто: „И пѣснь его“ и проч.

X-я „ , 8-й „ : „И нѣчто и туманну даль“—слова: „нѣчто“ и „туману даль“ у Каверина подчеркнуты.

X-я „ , 11-й „ : „Гдѣ долго въ лонѣ тишины“, вмѣсто: „Гдѣ долго въ лоно(?) тишины“. Послѣднюю редакцію, едва ли не ошибочную, встрѣчаемъ во всѣхъ изданіяхъ.

** XI-я „ , 14-й „ : „Еще былъ менѣе уменъ“ (какъ въ изданіи 2-й главы 1826 г.), вмѣсто: „Гораздо меньше былъ уменъ“.

Въ стихахъ 11-мъ и 14-мъ XII-ой строфы слова „Дуня примѣчай“ и „Приди въ чертогъ ко мнѣ златой“ у Каверина подчеркнуты. Въ печатныхъ изданіяхъ они поставлены въ кавычки. У Суворина 14-й стихъ и въ кавычкахъ и курсивомъ (при ошибочной перестановкѣ словъ, оговоренной впрочемъ въ примѣчаніяхъ, т. VIII, 484).

** XIII-я строфа, 6-й стихъ: „Заря и полночь ледъ и пламень“, вмѣсто: „Стихи и проза“ и проч.

XVI-я „ , 1-й „ : „Межъ ими все рождало споры“, вмѣсто: „Межъ ними все рождало споры“.

** XVI-я „ , 6-й „ : „И гроба таинства нѣмыя“, вмѣсто: „И гроба тайны роковыя“.

XVI-я „ , 7-й „ : „И—жизнь, и рокъ въ свою чреду“, вмѣсто: „судьба и жизнь въ свою чреду“.

** XVIII-я „ , 5-й „ : „Ихъ своевольство, ихъ порывы“, вмѣсто: „Ихъ своевольство иль порывы“.

XX-я „ , 11-й „ : „Ни чужестранныя красы“, вмѣсто: „Ни чужеземныя красы“.

** XXII-я „ , 3-й „ : „И мысль объ ней одушевила“, вмѣсто: „И мысль о ней“ и проч.

XXII-я „ , 13-й „ : „Но нынче видимъ только въ ней“, вмѣсто: „Но нынѣ“ и проч.

XXIII-я „ , 13-й „ : „Позвольте-жъ мнѣ, читатель мой“ вмѣсто: „Позвольте мнѣ...“

lib.pushkinskijdom.ru

XXIV-я „ , 11-й „ : „(Не говоря ужъ о стихахъ)", вмѣсто: „(Не говоримъ ужъ о стихахъ").

XXV-я „ , 6-й „ : „Какъ лань нѣмая боязлива", вмѣсто: „Какъ лань лѣсная боязлива". Впослѣдствіи слово „нѣмая" переправлено Каверинымъ на „лѣсная".

** XXVII-я „ , 1-й „ : „Но куколъ даже въ эти годы", вмѣсто: „Но куклы даже въ эти годы" (потомъ переправлено).

** XXXI-я „ , 13-й „ : „Привычка небомъ намъ дана", вмѣсто: „...свыше намъ дана".

Номерація и порядокъ строфъ XXXII-й и XXXIII-й у Каверина другіе: послѣ заключительнаго стиха XXXI-й строфы: „Замѣна счастію она" слѣдуетъ: „Бывало писывала кровью" и т. д., т. е. XXXIII-я строфа, обозначенная у Каверина XXXXII-ою, а за нею XXXII-я, обозначенная XXXIII-ею,— съ незначительнымъ варіантомъ въ 1-мъ стихѣ: „Но онъ любилъ ея сердечно", вмѣсто: „Но мужъ любилъ ее сердечно". При такой перестановкѣ, послѣдовательность—и логическая и по формѣ—сохраняется вполнѣ. Впослѣдствіи, согласно печатному тексту, Каверинымъ измѣнена нумерація строфъ и слово „онъ" переправлено на слово „мужъ".

** XXXII-я строфа, 7-й стихъ: „Самодержавно управлять", вмѣсто: „Единовластно..." (въ изданіи 2-й главы, 1826 г.: „Какъ Простакова управлять").

XXXIII-я „ , 2-й „ : „Она въ альбомахъ нѣжныхъ дѣвъ", вмѣсто:„... въ альбомы..."

** " „ , 3-й „ : „Звала Полиной Парасковью" вмѣсто: „Звала Полиною Прасковью".

XXXV-я „ , 2-й „ : „Привычки милой старины", вмѣсто: „...мирной старины" (опечатка?); въ прочихъ изданіяхъ „милой".

12—14-й стихи XXXVI-й строфы, надгробная надпись, написаны съ сокращеніями и съ титлами: „Смиренный грѣшникъ Дм: Ларинъ Госп̃. рабъ и бригадиръ, Подъ камнемъ симъ вкуш^{аетъ} миръ!" Кромѣ того у Каверина строки эти подчеркнуты другими чернилами,—очевидно впослѣдствіи, быть можетъ по сличеніи съ печатнымъ изданіемъ 1826 г., гдѣ онѣ напечатаны курсивомъ.

Въ 5-мъ стихѣ XL-й строфы слова: „(Лестная надежда)" заключены въ скобки, какъ въ изданіи 2-й главы 1826 г. Въ изданіи Литературнаго Фонда они поставлены между тире.

* XXXX-я „ 9-й стихъ: „Прими жъ мои благодаренья" (какъ въ 2-й главѣ, изданія 1826 г.), вмѣсто: „...мое благодаренье" (?).

169.—Рескриптъ императора Николая Павловича министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому, отъ 21-го Апрѣля 1826 г., съ повелѣніемъ истребо-

lib.pushkinskijdom.ru

вать ото всѣхъ находящихся на службѣ и отставныхъ чиновниковъ и неслужащихъ дворянъ обязательство, что они къ тайнымъ обществамъ принадлежать не будутъ. Рукописная копія.

170.—Манифестъ и указъ правительствующему сенату, отъ 1-го Мая 1826 г., о назначеніи верховнаго уголовнаго суда надъ обвиняемыми въ государственныхъ преступленіяхъ. Печатный экземпляръ.

171.—Письмо Пушкина къ Каверину, отъ 18-го Февраля 1827 г., съ припискою Соболевскаго, на почтовомъ листѣ большого формата (in quarto). Упоминается выше на стр. 59. Какъ указано въ прим. 354, текстъ напечатанъ въ „Перепискѣ". Строки Пушкина, числомъ 14, умѣщаются на первой страницѣ, приписка Соболевскаго занимаетъ верхнюю половину второй (9 строкъ). Листъ сложенъ письмомъ. На обратной сторонѣ (т. е. на четвертой страницѣ) рукою Соболевскаго: „Каверину", съ указаннымъ выше, на стр. 48-й, прибавленіемъ о Ерофеичѣ.—Письмо было запечатано гербовою печатью по сургучу; оттискъ печати расплюснутъ и стертъ, видны только съ одного края общіе атрибуты герба лицъ военнаго званія—знамена и проч.

172.—Записка Пушкина:—(1835-36 гг.?)
„Mille pardons" и проч.—См. выше, стр. 60, и прим. 502.

173.—Дневникъ Каверина за 1854—1855 гг. (по новому стилю).—Эта часть дневника писана на почтовыхъ, голубоватаго цвѣта, листкахъ малаго формата, сложенныхъ въ аккуратныя тетрадки, такъ и просящіяся въ переплетъ. На первой, заглавной, страницѣ (для 1854 г.) надпись:

Meliora×præsumo
1854
De mes sentiments secrets
Dépositaire

Затѣмъ слѣдуетъ нѣмецкій эпиграфъ, приведенный на страницѣ 57-й,—ниже еще два эпиграфа или девиза: „Dieu le veut", „Вѣрую, благоговѣю", и въ заключеніе подпись по-французски: „Pierre de Kavérine". Совершенно такою же заглавной страницей открывается дневникъ и за слѣдующій 1855 годъ (съ тою только разницей, что слова „Вѣрую, благоговѣю" замѣнены словами: „Господи помилуй"). Записи дневника за каждую отдѣльную недѣлю, начиная съ Воскресенья и кончая Субботою, неизмѣнно расположены en regard, на двухъ противолежащихъ страницахъ, и при этомъ такимъ образомъ, что на той и на другой страницѣ имѣются записи за всѣ семь дней недѣли; только записи на страницахъ справа почему-то озаглавлены „remarques", хотя въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ записей на страницахъ слѣва.

lib.pushkinskijdom.ru

Дневникъ Петра Павловича въ эпоху непосредственныхъ его сношеній съ Пушкинымъ, когда для него были еще новы „всѣ впечатлѣнія бытія“, несомнѣнно имѣлъ значительный интересъ. Но за два послѣдніе года жизни Петра Павловича отрывочныя замѣтки его, нимало не отвѣчающія приведенному выше велерѣчивому заглавію, касаются только мелкихъ фактовъ будничной жизни старика, заброшеннаго судьбою въ глухое мѣстечко, и потому общаго интереса не представляютъ. Чтобы дать о нихъ нѣкоторое понятіе, группируемъ по содержанію краткія выдержки изъ нихъ, не придерживаясь хронологической послѣдовательности.

Изъ записей видно, что Петръ Павловичъ былъ занятъ служебными дѣлами, предпринималъ частыя поѣздки по казенной надобности, ѣздилъ иногда полубольной, „только тиранилъ себя для службы“, покупалъ для своей части лошадей, „смотрѣлъ и радовался“, когда онѣ были хорошо содержимы, и въ торжественные дни для представительства бывалъ въ мундирѣ въ церкви.

Въ свободное отъ служебныхъ занятій время, а быть можетъ отчасти и по службѣ—въ качествѣ цензора для заграничныхъ журналовъ, присылаемыхъ въ Россіи—Петръ Павловичъ предавался чтенію. Проснувшись рано, иногда въ 5 часовъ, онъ первымъ дѣломъ принимался за книгу или газету. Весь дневникъ испещренъ фразами въ родѣ слѣдующихъ: „Читалъ и читалъ“, „Читалъ долго“, „Читалъ бездну“, „Скоро читать нечего будетъ“, „Гомеопатически читаю, чтобъ все не прочесть“, „Уморился отъ чтенія“. Читалъ Петръ Павловичъ безъ системы, что̀ случится: историческіе труды, „Пчелу“, „Несчастнаго обруганнаго Барбье“, „Illustration“, „Другъ Здравья“, „Pour rire“, „Русскія поговорки“—вѣроятно Даля[583]); читалъ домашнимъ вслухъ „Дядюшку на трехъ ногахъ“. Нѣкоторыя книги онъ хвалилъ: „Revues—хороши“, „Прочелъ Библіотеку, послѣднюю, 1853 года,—интересный журналъ!“, „Діана хороша, но запутана“.—Петръ Павловичъ и писалъ не мало. Въ дневникѣ читаемъ: „Писалъ про Душеньку и Севастополь (?)“, „Писалъ князю Вяземскому и въ Труды“, „Писалъ до изнеможенія“.

Дѣлалъ онъ между прочимъ, хотя и поверхностныя, но постоянныя метеорологическія наблюденія, записывая неукоснительно каждый день температуру воздуха, состояніе погоды и т. п. Изъ отмѣтокъ этихъ видно, что онъ любилъ природу.—„23-го Декабря 1853 г. При всходѣ солнца 3/4 8-го часа метеоръ, отъ N до NE полоса яркая, вотъ какъ будто такъ“ (проведена чернилами горизонтальная черта). „2-го Марта 1854 г. Говорятъ, жаворонки поютъ... 21-го Марта. Комета видна; по двору при лунѣ гулялъ; время чудное; въ саду все наслаждался... 27-го Апрѣля. Соловья слышалъ... 21-го Мая. Въ саду прелесть; соловьи поютъ... 14-го Іюня. Птицы поютъ, кричатъ; солнце, славно, паритъ... 22-го Ноября. Радовали утромъ снѣгъ и морозъ... 16-го Марта 1855 г. Алексѣя Божьяго человѣка, Алексѣя теплаго... 14-го Апрѣля. Гроза: громъ и молнія и дождь. Потомъ ласточки на дворѣ летали; соловьи поютъ; солнце, прекрасно, въ лѣсъ хочется... 5-го Іюня. 28° въ тѣни,—это Азія“.

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ можно уже заключить изъ XVI-й строфы 1-й главы „Евгенія Онѣгина“, однимъ изъ важныхъ отправленій въ жизни Петра Павловича было священнодѣйствіе ѣды и питія. Вотъ нѣкоторыя изъ безчисленныхъ закусокъ и кушаній, называемыхъ имъ въ дневникѣ: семга, измайловскіе огурцы, всякіе грибы, всевозможные супы—лапши, борщи, щи (простые, лѣнивые, зеленые), уха, пирожки, растегаи, кулебяки, чуть не всѣ извѣстныя породы рѣчныхъ рыбъ, начиная со снятковъ и пискарей и кончая осетриной, бѣлугой и стерлядью (которую Петръ Павловичъ ѣлъ иногда „холодною, съ цвѣтною капустой“), а изъ морскихъ рыбъ, помимо свѣжихъ сельдей, о которыхъ было сказано выше, упоминается треска; далѣе ветчина, солонина, поросенокъ, головка, ножки, языкъ, печенка, почки, сосиски, пилафъ, битки, котлеты изъ мозговъ, щипы (?), бигосъ, домашняя птица, дичь—отъ дупелей до драхвы и дикой козы включительно—и разнообразнѣйшія овощи: брюква, спаржа, кукуруза, салатъ съ эстрагономъ и т. д. Петръ Павловичъ не ограничивался только занесеніемъ въ дневникъ названій блюдъ, онъ дѣлалъ также критическую оцѣнку съѣденному: „Ростбифъ славный“, „Гусь чудесный, жирный, вкусный“, „Отличный крупникъ“ „Горчицу пробовалъ—хороша“, „Стерлядь—прелесть“, „Супъ дурной“, „Maigre souper“, „Славный завтракъ“, „Изрядный ужинъ—мадера лучше“. Вообще поваренное искусство было у него въ высокой чести. Читаемъ напримѣръ записи: „Поваръ пришелъ, увидимъ“... „Все забочусь объ обѣдѣ въ Субботу, хочется что бы все было хорошо“. На рогаткѣ, угощая пограничныхъ нѣмцевъ, онъ самъ готовилъ, и нѣмцы бывали отъ его кухни „въ восхищеніи“. Послѣ одной поѣздки къ нимъ, „съ кастрюлею и филеемъ“, въ дневникѣ отмѣчено: „славно удалось и славно съѣлъ!“— О винѣ и винахъ Петръ Павловичъ говоритъ рѣже, чѣмъ можно было ожидать. Только кое-гдѣ читаемъ: „Жена вино разливала—хорошее“, „Изрядный шамбертень“, „Доброе вино фэслауэръ“, „Славный хересъ“, „Кордіаль хорошъ“, „Купилъ вина и портеру“. Вотъ почти всѣ записи по этой части.

Другихъ развлеченій—помимо ѣды—у Петра Павловича было не много. Онъ купался, удилъ рыбу („Линя вытащилъ и два крючка рыба оборвала,“ „Окуня вытащилъ“), „Игралъ въ свайку... Игралъ на скрипкѣ... Изъ пистолета стрѣлялъ... Пробовалъ пистолетъ—пуля слаба... Перепела взялъ для клѣтки—кричитъ... Каро забавлялъ... Купалъ Каро въ Бугѣ—онъ уже знакомъ съ Днѣстромъ... По-турецки говорилъ... Въ таможнѣ двѣ сигары укралъ—дрянь... Купилъ себѣ изюму, табаку Жукова и трубку. Послѣ обѣда важно закурилъ, всѣ смѣялись“. Повседневнымъ, непріятнымъ „развлеченіемъ“ были недоразумѣнія съ „подлымъ Аѳанасіемъ“, который изводилъ Петра Павловича своимъ нетрезвымъ поведеніемъ и бывалъ „съ утра пьянъ, какъ стелька“. Петръ Павловичъ угрожалъ ему тѣлесными наказаніями, сажалъ его подъ арестъ,—но ничто не помогало.

Отмѣтки объ особыхъ событіяхъ или происшествіяхъ встрѣчаются въ дневникѣ рѣдко: „Знакомство съ Булгаринымъ... Гирсъ скончался—миръ ему... На обѣдѣ у городничаго; мадамъ нехороша, дѣти дрянь,

lib.pushkinskijdom.ru

какой-то скучный мужъ... Былъ Лемингъ; добрый, натянутый дуракъ... У Орлова на обѣдѣ, только я и Игнатьевъ". Вечеромъ, въ семейномъ кругу, Петръ Павловичъ игралъ въ дураки, въ мельники, въ преферансъ (при чемъ ему „везло безъ денегъ!"), но чаще онъ оставался дома одинъ и раскладывалъ пасьянсъ. Многолюдныя собранія были ему въ тягость: „Гости, игры, карты"... „Николай гостей натащилъ—шумно, глупо!". Порою среди однообразія радзивиловской жизни Петръ Павловичъ вспоминалъ старину: „Хорошо назади!"... „19 Марта—Дарья и входъ въ Парижъ"... „Разсказы о прошедшемъ, про Петра Николаевича" (?)

Послѣднія годы, Петра Павловича угнетали болѣзни, бѣдность и мысль о томъ, что онъ ничего не оставитъ дѣтямъ. Въ дневникѣ постоянно читаемъ жалобы: „Худо себя чувствую, хиагра дергала", „Мнѣ очень нехорошо, дурно вылежался—брюхо болѣло", „Голова болитъ, я почти брежу, лежу, уксусъ на головѣ и бузина", „Чудная баня оживила", „Опять мнѣ тяжело: все боли и боли, непріятныя сновидѣнія, отъ слабости лежалъ", „Ночь не спалъ почти всю, плохо ѣлъ, все не по вкусу", „Тяжело мнѣ", „Слабѣю и слабѣю", „Худѣю и глупѣю", „Плохондасъ я!"

Петръ Павловичъ хоть и жилъ весьма скромно, все же едва сводилъ концы съ концами. „Сердился на жену за хозяйство—куча денегъ идетъ", и особенно радовался денежнымъ наградамъ: „Вышелъ высочайшій подарокъ, 500 пришло, слава Богу!" О деньгахъ и ихъ отсутствіи говорится часто: „Охъ деньги, деньги", „Маленькій Дембицъ—просилъ денегъ—нашелъ богача!..." „Я бѣденъ comme un rat d'église"... „Денегъ взялъ казенныхъ" (—очевидно заимобразно)... „Половинная награда, грустно, но и то слава Богу"... „Грустно мнѣ про Николая и про мою бѣдность"... „Спалъ богатырски—а грусть, а бѣдность?"... „Въ хатѣ тепло, а въ сердцѣ грусть завѣтная"... „Здоровью лучше, а думка тяготитъ"... „Грусть разбудила"... („Вралъ и дурачился" онъ въ эту пору жизни очень рѣдко, лишь въ видѣ исключенія).

Не смотря на стѣсненныя обстоятельства, Петръ Павловичъ не поступался своими принципами, и темные поступки подчиненныхъ возмущали его. „Адъютантъ съ Т.—Гадкая исторія.—Просилъ денегъ у богатаго!"... „Въ Шидловцахъ случай съ В.—Досадно и грустно за подлое человѣчество. Дуракъ, но опасный"... „В. прощенія просилъ; низко; Богъ проститъ!"

Патріотизмъ Петра Павловича, не изсякалъ съ годами. Отрывочныя записи о ходѣ войны 1854—1855 гг. показываютъ, какъ онъ страдалъ душею отъ нашихъ неудачъ и какъ радовался рѣдкимъ нашимъ успѣхамъ. „3-го Января. Флотъ Европы вышелъ въ Черное море—что будетъ?... 26-го Января. Что-то грустно; будто Французы шесть фрегатовъ нашихъ взяли. 28-го Января. Послы наши изъ Парижа и Лондона выѣхали; стало война близка... 28-го Февраля. Авось не будетъ Европейской войны—можетъ обдумаются Англичане... 15-го Марта: Морское сраженіе подъ Синопомъ—Господи помилуй!... 17-го Марта. У Калараша дрались...

lib.pushkinskijdom.ru

24-го Марта. Газетъ нѣтъ, писемъ нѣтъ... (24-го же). Будто 2000 русскихъ въ Дунаѣ утонули... 25-го Марта. Черное море сцена; Россія оркестръ; Франція и Англія танцуютъ; Австрія и Пруссія—зрители; Швеція и Данія фигурантки; Венгрія и Италія кавалеры за кулисами волочатся, а Турція занавѣсъ, который „спустятъ“... 30-го Марта. Русскіе 11-го Марта Дунай перешли, дай Богъ счастья!... 31-го Марта. Паскевичъ главнокомандующій. Стихи. Плакалъ отъ смѣха и восторга... 1-го Апрѣля. Австріецъ занялъ денегъ у Англичанъ; подлецъ!... 4-го Апр.—Будто Европа вся противъ Россіи... 18-го Апр.—Будто Одессу Англичане жгутъ. Жалко! Порохъ въ Кронштадтѣ взлетѣлъ—глупо!... 22-го Апр.—Будто 11 кораблей въ Черномъ морѣ нашихъ пропало—глупость!... 24-го Апр.—Вооружаются, огрызаются на насъ; помоги Господи!... 8-го Мая. Англичанъ почесали и въ Черномъ и въ Балтійскомъ морѣ... 26-го Іюня. Старыя шутки и глупости надъ русскими—что мы всюду разбиты, убѣжали,—дураки!.. 13-го Іюля. Получено преписаніе секретное—буди воля Господня; помоги Господи и царю и намъ!.. 28-го Августа. Аландъ взяли—грустно!.. 23-го Сент.—Будто Севастополь взятъ; напечатано; сердце заболѣло; и будто Австрійцы собираются на насъ... 23-го Сент.—Не могъ отъ Севастополя спать... 23-го Сент. Не взятъ Севастополь... 24-го Сент. Все только о Севастополѣ... 28-го Сент.—Изъ Крыма отъ 14-го Сент. ничего—грустно все еще неизвѣстность... 22-го Октября. Почта и журналъ дѣйствій Меньшикова; и Альма и бомбардировка—Господи помилуй!... 24-го Окт.—Липранди разбилъ Англичанъ; слава Тебѣ Господи; душевно веселъ; облекся въ форму, поѣхалъ къ обѣднѣ... 10-го Ноября. Подробности 24-го Октября подъ Севастополемъ; жаль Соймонова; Бибиковъ раненъ... 17-го Ноября. Великіе князья Георгія получили. Весело!.. 25-го Ноября. Нѣмцы увѣрены, что Севастополь взятъ. Цуръ имъ, пекъ имъ! Нѣмцы злы, подлецы... 11-го Декабря. Буря. Что въ Черномъ Морѣ?.. 29-го Апрѣля 1855 г.—Отъ Николая веселое письмо; уже обстрѣленъ. Поплакалъ отъ радости съ женой... 27-го Мая. Правда, Керчь и Еникале взяты. Помоги Господи!.. 16-го Іюня. Ура, поколотили французовъ. Я въ восхищеніи; весело. Даже водки выпилъ. Ура!.. за здоровье Севастопольскихъ и царя... 24-го Іюня. Отъ Сохатскаго, что французы разбиты. Созвалъ всѣхъ въ саду къ забору и кричали, ура! 25-го Августа. Реляція поганая про 4-е. Мальчишки! Какъ царю больно должно быть“...

Кончина государя Николая Павловича произвела на Петра Павловича удручающее впечатлѣніе. „22-го Февраля Тумановъ новость изъ за границы, ужасную—будто царь кончилъ жить 15-го. Грусть, отчаяніе беретъ... 25-го Февр.—Читалъ Львовскія газеты: про смерть и послѣднія минуты царя... 24-го Февр.—Грусть про царя—объявили о смерти царя 18-го февраля; плохо; поплакалъ и саблю снялъ; молился и за него и за себя“.

Въ старости Петръ Павловичъ отличался особымъ благочестіемъ, по существу далекимъ отъ ханжества. Мысль о Богѣ неотступно пребывала въ немъ. Слова „Господи помилуй“, поставленныя въ заголовкѣ дневника

lib.pushkinskijdom.ru

и такъ часто повторяющіяся на его страницахъ, были не одними словами, а несомнѣнно и горячею молитвой. Вмѣсто нихъ иногда читаемъ: „Господи прости!.. прости! прости!..“. Вѣровалъ онъ всѣмъ сердцемъ—глубоко и искренно, притомъ вѣровалъ по-просту, какъ вѣрилось, не мудрствуя лукаво: 22-го Октября, въ день празднованія иконѣ Казанской Божіей Матери, молился Пресвятой Богородицѣ; молился иногда у святаго Іова; молился и другимъ святителямъ. Въ Каверинской церкви, строившейся и затѣмъ украшавшейся подъ его наблюденіемъ, онъ продавалъ свѣчи, читалъ страсти, акафистъ, участвовалъ въ хорѣ. Въ тетрадкахъ за 1854-й годъ читаемъ заключительную запись: „Да будетъ воля Твоя Господня и на 1855 годъ. Сохрани нашего императора и попри нашихъ враговъ, напавшихъ на насъ не по христіанству; да со мною и съ моими пребываетъ вѣра, надежда и любовь, и да храни насъ Твоею благодатью на сей текущій 1855 годъ“. Слѣдующія краткія молитвеныя слова на одной изъ страничекъ дневника выражаютъ еще полнѣе истинное христіанское настроеніе Петра Павловича и сердечную благожелательность его къ людямъ: „Давай Богъ всѣмъ, всѣмъ, всего хорошаго!...“

174—„Des Kriegers Abschied.

Leb wohl, mein Bräutchen schön!
Muss nun zum Kampfe geh'n“!

и проч. пять шестистишій; безъ даты; стихотвореніе патріотическо-героическаго содержанія, относящееся, какъ кажется, къ 1814-1815 гг. Въ немъ идетъ рѣчь о борьбѣ съ французами, о налагаемомъ ими ярмѣ, о берегахъ Рейна и проч.

175.—„Войнаровскій, поэма, часть 1-ая“. Полулистъ большого формата. Списокъ обрывается на стихѣ: „Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ“. Дата тоже не выставлена.

176.—Каррикатура на какого-то литератора, держащаго въ рукѣ книгу съ заглавіемъ: „Дмитрій Донской“; нарисована весьма тщательно; бумага синяго цвѣта, съ водяными знаками: двуглавымъ орломъ и годомъ—1821. (Годъ этотъ указываетъ, что каррикатура врядъ-ли можетъ изображать автора трагедіи „Дмитрій Донской“ Озерова, умершаго еще 1808 г.).

177.—Силуетъ мущины, съ длинными усами, вырѣзанный изъ черной бумаги. На бумажкѣ, въ которую завернутъ силуэтъ, надпись почеркомъ Каверина: „Валерьянъ Григорьевичъ Столыпинъ въ Носковкѣ“.

178.—Литографированный съ карандашнаго рисунка видъ Одессы съ надписью рукою Каверина: „Видъ отъ Соколовской таможни на Одессу и море.“ На ближнемъ зданіи слѣва, его же рукою надпись: „Портовая таможня.“

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМѢЧАНІЯ.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

[1]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 1-я, XXX.

[2]) Жуковскій къ Пушкину отъ 9-го Августа 1825 г.: „Прошу не играть безразсудно жизнью... До сихъ поръ ты тратилъ ее съ недостойною тебя и съ оскорбительною для насъ расточительностію, тратилъ и физически и нравственно. Пора уняться". Дельвигъ къ Пушкину отъ 21-го Марта 1827 г.: „Ты помнишь, сколько изъ молодечества выпилъ лишняго" („Переписка Пушкина", Академическое изданіе, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова, I, 258, и II, 14). 1818 г. Сентября 4-го А. И. Тургеневъ сообщаетъ кн. П. А. Вяземскому о разгульной жизни Пушкина (Н. О. Лернеръ, „Труды и дни Пушкина", С.-Петерб. 1910 г., стр. 41).

[3]) „Каверины и имъ подобные эпикурейцы... такъ неумѣстно вторгнулись своимъ вліяніемъ въ тишину Царскосельскаго училища" (Сочиненія Пушкина, изд. Поливанова, IV, 37).

[4]) „Раздѣляю твое мнѣніе, что картины свѣтской жизни входятъ въ область поэзіи", писалъ Рылѣевъ къ Пушкину отъ 12-го Февраля 1825 г. (Переписка Пушкина, I, 177).

[5]) Выраженіе самого Пушкина. См. письма его къ Толстому и къ Бестужеву, Переписка Пушкина, I, 53 и 122.

[6]) Въ кружкѣ Зеленой Лампы „встрѣчались такіе люди, интересы которыхъ далеко не исчерпывались веселыми затѣями и театральными похожденіями" („Отъ Лицея до Ссылки" П. Морозова. Венгеровъ, I, 492).

[7]) Моя мать Екатерина Михайловна Щербачева была старшею дочерью Михаила Андреевича и Елизаветы Павловны Щербининыхъ, а Петръ Павловичъ Каверинъ былъ роднымъ братомъ Елизаветы Павловны.

[8]) Дочери его младшаго брата, Алексѣя Павловича, Маріи Алексѣевнѣ († 23 Декабря 1908 г.).

[9]) Нѣкоторыя цѣнныя свѣдѣнія любезно сообщены намъ дочерью Петра Павловича Каверина, Екатериною Петровной Соколовой, сохранившей, несмотря на свои 90 лѣтъ, совершенную свѣжесть памяти вмѣстѣ съ вожделѣннымъ здоровьемъ и бодростію.

[10]) Впрочемъ грусть эта быть можетъ происходила отчасти отъ какой-то внутренней болѣзни.—„Je ne puis me rendre raison de ma tristesse", пишетъ между прочимъ Елизавета Павловна, „je crois pourtant que mes souffrances [physiques] en forment le principe" („Не могу отдать себѣ отчета въ моей грусти, но мнѣ кажется, что общею причиной ея служатъ мои [физическія] страданья").

[11]) Кромѣ того въ дневникѣ упоминаются имена нѣсколькихъ сотъ лицъ, русскихъ и иностранцевъ, изъ коихъ многія извѣстны въ области администраціи, дипломатіи, литературы, искусствъ. Объ обликѣ нѣкоторыхъ приводятся краткія замѣчанія. Князь Н. Н. Голицынъ, бывшій секретарь великой кня-

lib.pushkinskijdom.ru

гини Маріи Павловны, нынѣ покойный, обязательно составилъ для меня подробный указатель этихъ именъ.

[12]) Все, что осталось отъ архива П. П. Каверина, въ томъ числѣ и тетради, любезно предоставлено намъ его родными внучками: Софьею Николаевной Угрюмовой и Екатериною Николаевной Кавериной.

[13]) Чему приписать исчезновеніе этихъ бумагъ? Деревенскій домъ, въ которомъ жилъ и умеръ Михаилъ Андреевичъ, не подвергался пожару и существуетъ до сихъ поръ. Часть конторской переписки уцѣлѣла. Не были ли бумаги сознательно уничтожены послѣ его смерти, въ видахъ охраны, для потомства, его добраго имени, по части какихъ нибудь любовныхъ исторій? Но какое дѣло потомкамъ, кого любили ихъ прадѣды, и были ли они вѣрны ихъ прабабушкамъ? Е. Юнге („Вѣстникъ Европы", Май 1895 г., 138, 139) пишетъ, что подробныя записки и цѣлые ящики писемъ были уничтожены ея матерью: „Я не желаю, чтобы знали подробности интимной жизни отца", говорила она дочери.—Можно впрочемъ предположить и то, что частная переписка Михаила Андреевича исчезла послѣ смерти старшаго его сына Павла Михайловича, скончавшагося въ Харьковѣ на чужихъ рукахъ. Но вообще нельзя не признать, что охота уничтожать старые архивы, у насъ, у русскихъ, врожденная и непреодолимая. Начала она остывать лишь въ самое послѣднее время. Еще сравнительно недавно, покойная княжна Екатерина Андреевна Гагарина, столь извѣстная Москвѣ своимъ остроуміемъ, благотворительностью и другими высокими умственными и душевными качествами, съ легкимъ сердцемъ разсказывала кому случится, что она сожгла объемистые дневники своего дяди кн. Меньшикова. Послѣ смерти младшей сестры П. П. Каверина, Анны Павловны, вся ея переписка была истреблена однимъ изъ ея племянниковъ, проведшимъ за этимъ дѣломъ нѣсколько дней у растопленнаго камина. Бо́льшая часть бумагъ П. П. Каверина намѣренно уничтожена лицами предшествующаго поколѣнія, какъ ненужный хламъ, въ которомъ заводятся мыши. Отъ дневниковъ его сохранились только 9-й, 10-й и 11-й листы записей 1810 г. и затѣмъ отмѣтки за 1854—55 гг. (см. въ текстѣ №№ 155-й и 173-й). Между тѣмъ то мелочное на первый взглядъ обстоятельство, что и въ эти послѣдніе годы онъ велъ записи по новому стилю, какъ бы указываетъ, что онъ не прерывалъ ихъ со времени пребыванія своего за границею. Въ уцѣлѣвшихъ частяхъ нигдѣ не пропущено ни одного дня.—Самый дневникъ Елизаветы Павловны только случайно спасенъ отъ истребленія: его послѣ долгихъ убѣжденій выпросила себѣ на память моя жена у своей менѣе разборчивой кузины, настоятельно стремившейся бросить его въ огонь.

[14]) Заимствуемъ текстъ изъ тетради Каверина, соблюдая Каверинскія орѳографію и пунктуацію—соотвѣтствующія вѣроятно Пушкинскимъ, такъ какъ пьеса несомнѣнно списана съ автографа.—Автографы поэта Петръ Павловичъ, какъ увидимъ ниже, переписывалъ съ особою тщательностью.

[15]) Въ интересную статью Б. Л. Модзалевскаго: „Въ Альбомъ М. А. Щербинину" (Венгеровъ, I, 530) вкралась опечатка, а именно тамъ сказано, что „поэтъ называетъ Венеру Паѳоской царицей въ посланіи къ Каверину"; слѣдуетъ читать: „въ посланіи къ Кривцову".

[16]) см. Академ. изд., II, 47, прим., 120. Варіантъ этотъ, давно уже извѣстный въ печати, не отмѣченъ въ „Матеріалахъ для Академическаго изданія сочиненій Пушкина", Л. Н. Майкова.

[17]) т. II, 47.

lib.pushkinskijdom.ru

[18]) Портретъ поэта „большого формата“, гравированный Уткинымъ, продавался въ квартирѣ Дельвига („Пушкинъ и его Современники“, VI, 147, „О двухъ изданіяхъ Братьевъ Разбойниковъ“ В. Чернышева, со ссылкою на „Сѣверную Пчелу“ 1827 г., № 152). Портретъ, подаренный Дельвигомъ Щербинину, размѣромъ въ восьмую долю листа—вѣроятно тотъ, что былъ приложенъ къ „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“ на 1828 г. („Труды и дни Пушкина“, Н. О. Лернеръ, С.-Петерб. 1910 г., 168).

[19]) Фотографія съ портрета и подписи любезно доставлена намъ внукомъ Михаила Андреевича, старшимъ сыномъ Андрея Михайловича отъ втораго брака, Филиппомъ Андреевичемъ Щербининымъ, у котораго этотъ портретъ хранится.

[20]) Онъ, кажется, называлъ такъ всякое посланіе. Напримѣръ, относительно „Русской Думки“ кн. А. А. Шаховскаго, сообщенной имъ въ „Русскій Архивъ“ въ 1896 г. (I, 510—512), Андрей Михайловичъ отмѣтилъ, что стихотвореніе это „написано въ альбомъ Екатеринѣ Михайловнѣ Щербининой“. Между тѣмъ пьеса прислана Е. М. Щербининой въ формѣ письма (оригиналъ у меня, съ него и была послана копія въ „Русскій Архивъ“).

[21]) т. I, 496.

[22]) Михаилъ Павловичъ Щербининъ по рожденію собственно не Щербининъ. Онъ былъ однимъ изъ побочныхъ дѣтей брата Настасьи Михайловны Щербининой, рожденной княжны Дашковой. Будучи бездѣтною, Настасья Михайловна дала этимъ дѣтямъ фамилію своего мужа. Кн. С. М. Воронцовъ, интересовавшійся Михаиломъ Павловичемъ, обращался между прочимъ къ Михаилу Андреевичу съ просьбою не возставать противъ принятія Михаиломъ Павловичемъ фамиліи и герба Щербининыхъ, ручаясь, что онъ никогда не посрамитъ свое новое имя.

[23]) т. I, 473.

[24]) Формулярный списокъ за 1823 г. о службѣ полковника Муромскаго пѣхотнаго полка Щербинина.

[25]) См. его статью „Яковъ Николаевичъ Толстой“, стр. 10, прим. 1.

[26]) прим., стр. 126.

[27]) т. I, 530—542.

[28]) „Щербинины Россійскому престолу служили разныя дворянскія службы и жалованы были отъ государей въ 7162/1654-мъ и другихъ годахъ помѣстьями и чинами. Все сіе доказывается копіями съ жалованныхъ на помѣстья грамотъ и родословною Щербининыхъ“ (Архивъ департамента герольдіи, дѣло № 3253). Родословная эта у насъ имѣется, но она кажется уже напечатана въ одномъ изъ сборниковъ родословій.—Въ описи писцовымъ, переписнымъ, отказнымъ и прочимъ книгамъ молодыхъ лѣтъ по Бѣлгороду, вязка 1-ая (Архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ), упоминаются Щербинины: Данило, Данило Ѳеодоровъ, Иванъ, Иванъ Михайловъ, Ларіонъ, Лукьянъ, Іуда Лукьяновъ, Ѳеодоръ Семеновъ.—Гербъ рода Щербининыхъ утвержденъ 30-го Іюня 1798 г. (Арх. департ. герольдіи, дѣло № 3253; II ч. Гербовника, стр. 37).

[29]) Указаніе это было любезно сообщено намъ Н. Н. Кашкинымъ.—Въ свое время и Строгановы не избѣгли презрительнаго отношенія къ себѣ знати. „Этому Строганову и потомству его“, пишетъ Веберъ („Русск. Архивъ“ 1872 г., ст. 1438), „дарованы большія льготы и имѣнія, и въ настоящее время эти Строгановы иначе и не называются какъ богатыми крестьянами (reiche Bauern)“. Но на самомъ дѣлѣ, казалось бы, происходить отъ русскихъ

lib.pushkinskijdom.ru

холоповъ XIV в. по меньшей мѣрѣ столь же лестно, какъ вести родъ отъ всякихъ позднѣйшихъ разночинцевъ, выходцевъ „изъ нѣмецъ“, „изъ татаръ“ и пр.

[30]) Картина писана въ 1771 г.; имя художника Abril Brandt.—Ниже упоминается и о нѣкоторыхъ другихъ семейныхъ портретахъ, но подробный перечень изображеній и описаніе портретовъ многихъ изъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, должно появиться въ прекрасномъ изданіи княжны М. Н. Щербатовой (нынѣ г-жи Безобразовой) „Матеріалы для справочной книги по русскимъ портретамъ“.

[31]) Е. А. Щербининъ, сенаторъ, депутатъ отъ Пскова въ коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія 1767 г. (Москва молодыхъ лѣтъ, Архивъ министерства юстиціи); съ 1-го Ноября 1771 г. намѣстникъ харьковскій и воронежскій („Русскій Архивъ“ 1863, стб. 435, 6). Въ 1774 г. въ концѣ турецкой войны дѣйствовалъ противъ татаръ, распоряжаясь частью войскъ; посылалъ при этомъ графу Румянцеву „описаніе о татарахъ“ („Русск. Архивъ“ 1882 г., ч. II, стр. 66 и др.). Осенью 1774 г. по отъѣздѣ князя Долгорукова производство татарскихъ дѣлъ было ввѣрено уже ему одному. „Евдокимъ Алексѣевичъ есть человѣкъ качествъ отличныхъ“, писалъ о немъ гр. Панинъ къ гр. Румянцеву отъ 15-го Сентября 1774 г.,—„имѣющій отъ природы достаточное просвѣщеніе, пылающій къ службѣ истинною ревностью... Удостаивая Евдокима Алексѣевича частою довѣренностью, будете въ немъ взаимно находить человѣка къ дѣлу отлично способнаго“ („Русск. Архивъ“ 1882 г., III, 60 и 61). Въ 1781 и 1782 гг. отозванъ отъ губернаторства и принужденъ подать въ отставку, „которую онъ и получилъ“, пишетъ Пикаръ ко князю А. Б. Куракину, „но совсѣмъ неоскорбительнымъ образомъ“. Императрица милостиво пожаловала ему значительную пожизненную пенсію („Русская Старина“ 1878 г., т. XXII, 48). Былъ онъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Осиповнѣ Барятинской (Москва молодыхъ лѣтъ, Арх. мин. юст.); имѣлъ двухъ сыновей; изъ нихъ одинъ, вѣроятно Андрей, бригадиръ, будучи еще подпоручикомъ гвардіи, былъ посланъ къ Екатеринѣ съ вѣстью о взятіи Керчи и Еникале (Письмо императрицы Екатерины II ко кн. В. М. Долгорукову отъ 17-го Іюля 1771 г., „Русск. Архивъ“ 1871 г., стб. 1348—1350); должно быть о немъ же упоминается въ „спискахъ первыхъ пяти классовъ придворныхъ чиновъ, обрѣтавшихся въ Петербургѣ по 1758 г.“, гдѣ онъ значится дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и дѣйствительнымъ камергеромъ („Архивъ Воронцова“, VI, 323). См. о немъ также въ „Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина“, VIII, 437, 439, 455, и записку Дашковой въ „Русской Старинѣ“ 1906 г., ч. I.—Андрей Евдокимовичъ былъ женатъ на упоминаемой выше, въ прим. 22-мъ, княжнѣ Настасьѣ Михайловнѣ Дашковой (дѣло ея въ журналѣ комитета министровъ 1810—1812 г.). Супруги жили не въ ладахъ и въ запискахъ Храповицкаго (отъ 25-го Дек. 1780 г.) названы „шалунами безсчетными“ (приложеніе къ „Русскому Архиву“ за 1864 г.). О Настасьѣ Михайловнѣ Щербининой говорится въ подлинныхъ запискахъ княгини Дашковой (статья М. Шугурова, „Русск. Арх.“ 1880 г., III, 200). Настасья Михайловна поставила памятники дѣду, кн. И. П., и брату, кн. П. М. Дашковымъ („Московскій Некрополь“).—Другой сынъ Евдокима Алексѣевича, Сергѣй, поручикъ Измайловскаго полка, участвовалъ въ кампаніи 1773 г.; умеръ отъ раны смертной въ Іюнѣ того же года („Русск. Архивъ“ 1882 г., III, 54). Письмо по этому предмету Румянцева къ его отцу напечатано въ „Русской Исторіи“ С. Глинки, Москва, 1825 г., изд. 3-е, ч. 9-я, стр. 139—140.—Евдокимъ Алексѣевичъ былъ дѣдомъ поэта Д. В. Давыдова („XVIII-й

lib.pushkinskijdom.ru

Вѣкъ", II, 284). По семейному преданію носилъ прозвище „Пѣтухъ". Портретъ его масляными красками, изъ Бабаевской коллекціи, находится въ Харьковѣ у гг. Флота; воспроизведенъ въ „Исторіи Слободско-Украинской губерніи" проф. Багалѣя.

[32]) Рогань, Алексѣевка, Жихоръ, Филиппово Село, Ледное, Березовое, Ржавцы, Яковлевка, Буды, Рогозянка и другія.

[33]) 29-го Іюня.—Не именинъ ли?

[34]) „Русскій Архивъ" 1872 г., Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго, стб. 103.

[35]) Вигандъ, о немъ ниже.

[36]) По „Московскому Некрополю" въ Донскомъ монастырѣ похоронена была Щербинина Татьяна Яковлевна, жена секундъ-маіора Петра Александровича (?) Щербинина; умерла Окт. 9-го 1776 г. (ссылка на „Путеводитель къ древностямъ Московскимъ", IV, 121).

[37]) Вотъ еще нѣсколько отрывочныхъ данныхъ, касающихся ближайшихъ родственниковъ Петра Андреевича. Отецъ его, Андрей Петровичъ, былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ; мать звалась Акилиною Ермолаевной, родилась 7-го Іюня 1707 г., умерла 21-го Іюня 1784 г. въ 3-мъ часу пополуночи; тезоименитство 13-го Іюля; вдовствовала 23 г. 5 мѣс. 26 дней; жила 77 лѣтъ 14 дней, похоронена въ Донскомъ монастырѣ („Московскій Некрополь").— Братъ Петра Андреевича 1) Александръ Андреевичъ, статскій совѣтникъ, р. 6-го Марта 1747 г., ум. 4-го Февраля 1816 (?); портретъ его, масляными красками, въ Бабаяхъ; имѣлъ дѣтей: Григорія, Семена и Сергѣя Александровичей (миніатюры всѣхъ трехъ у С. К. Оливъ).—2) Григорій (1), оберъ-прокуроръ правительствующаго сената, род. въ Саратовѣ 7-го Іюня 1784 г., ум. въ Петербургѣ 21-го Февраля 1843 г.; 3) Семенъ (1), „началъ службу „въ Преображенскомъ полку, въ который былъ зачисленъ при рожденіи. „Затѣмъ въ царствованіе Александръ I-го долгое время былъ гражданскимъ „губернаторомъ въ Петербургѣ. При Николаѣ, по навѣтамъ враговъ, отрѣ„шенъ отъ должности по обвиненію въ растратѣ сиротскихъ денегъ и на „время слѣдствія сосланъ на жительство во Владимірскую губернію въ (свое?) „имѣніе Просы, Зыково тожъ. Однако слѣдствіе не только доказало его полную „чистоту, но и открыло, что въ кассѣ находится собственныхъ его денегъ сто „тысячъ рублей ассигнаціями. Призванный обратно Николаемъ Павловичемъ, „Семенъ Александровичъ, на пути въ Петербургъ, умеръ въ Тоснѣ. Государь „прибылъ на панихиду и, поклонившись праху, громко сказалъ: „Щербининъ, „прости меня". (Семейное преданіе, записанное со словъ покойнаго С. В. Оливъ). Судя по неизданнымъ запискамъ А. А. Щербинина, Семенъ Александровичъ умеръ не въ Тоснѣ, а въ Арзамасѣ. 4) Сергѣй (1), убитъ или пропалъ безъ вѣсти въ сраженіи при Аустерлицѣ.—У Григорія Александровича были сыновья: 5) Андрей (2), тайн. сов., служилъ въ сенатѣ, ум. 16-го Янв. 1884 г., и 6) Александръ (2), тоже тайн. сов., служилъ въ Азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, вышелъ въ отставку, не поладивъ съ П. Н. Стремоуховымъ; ум. 23-го Мая 1880 г.; оба были холостяками;—и дочери: 7) Софія (2), въ замужествѣ за чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ Павломъ Александровичемъ Ушаковымъ, и 8) Елизавета (2), въ замужествѣ за Арсеньевымъ. У Сергѣя Александровича была дочь 9) Софья (4), вышедшая замужъ за адъютанта великаго князя Константина Павловича, французскаго выходца Вильяма Оливъ, имѣла отъ него дѣтей: Константина, Іосифа, Сергѣя (бывшій главноуправляющій учрежденіями императрицы Маріи Ѳеодо-

lib.pushkinskijdom.ru

ровны), Вильяма (одно время Таврическій предводитель дворянства), Марію, въ замужествѣ за І. Н. Шатиловымъ, Александру, въ замужествѣ за А. И. Бедрягою, и Екатерину, въ замужествѣ за бывшимъ московскимъ комендантомъ С. С. Уньковскимъ.—Изо всѣхъ поименованныхъ лицъ въ настоящее время никого въ живыхъ не осталось. О дальнѣйшемъ довольно многочисленномъ потомствѣ не распространяемся.—Сестра Петра Андреевича Щербинина, Александра Андреевна, была сначала въ связи, а потомъ замужемъ за маіоромъ Александромъ Николаевичемъ Хомутовымъ.—Генеральша Спечинская, рожденная Апостолъ, приходилась дѣтямъ Петра Андреевича бабушкою, а старикъ Козодавлевъ, бывшій вице-губернаторъ въ Смоленскѣ, дядею. Вѣроятно другой дядя Щербининъ былъ адъютантомъ въ Измайловскомъ полку („Русская Старина“ 1892 г., т. 74). Отдѣльный поясной портретъ Петра Андреевича масляными красками находится у Ф. А. Щербинина (въ д. Руднѣ Смоленской губ.).—Нѣкоторыя приведенныя выше хронологическія данныя обязательно сообщены намъ В. И. Саитовымъ.

[38]) Княгини Крапоткиной? (Письмо Мих. Андр. Щербинина отъ 13-го Апрѣля 1820 г.). Вѣроятно это тотъ портретъ, писанный на кожѣ, пастелью, который уцѣлѣлъ до настоящаго времени у А. П. Флота въ Бабаяхъ.—Андрей Петровичъ род. 1-го Іюля 1760 г., ум. 28-го Февраля 1820; похороненъ въ Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ; по проекту, на памятникѣ его съ одной стороны должна была значиться надпись: „Здѣсь погребено тѣло..., родившагося..., скончавшагося...“, а съ другой: „Мы живущіе, оставшись, купно съ нимъ восхищены будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Гдне на воздусѣ, а тамо всегда съ Господомъ будемъ. Тѣмъ же утѣшайте другъ друга въ словесѣхъ сихъ“ (къ Солун. посл. св. Ап. Павла, гл. IV). Послѣ наводненія 1824 г. родственники Щербинина считали памятникъ исчезнувшимъ, но въ 30-хъ годахъ онъ былъ случайно найденъ однимъ постороннимъ лицомъ (Неизданныя замѣтки А. А. Щербинина).

[39]) Умеръ 20-го Февраля 1824 г. (Неизданныя замѣтки А. А. Щербинина).

[40]) Дочь была замужемъ за Михаиломъ Степановичемъ Веселовскимъ; имѣла отъ него трехъ дочерей, изъ которыхъ двѣ умерли одновременно отъ кори: третья, Марія Михайловна, въ замужествѣ за княземъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Голицынымъ, имѣла отъ него двухъ сыновей—Сергѣя, женатаго на А. А. Карамзиной, и Дмитрія, женатаго на графинѣ М. А. Сиверсъ. Къ сыновьямъ князя Дмитрія Ѳедоровича—Александру (бывшему члену Г. Д.) и Сергѣю—перешло отъ Щербининыхъ по женской линіи упоминаемое выше имѣніе Должики, доставшееся послѣ Петра Андреевича Дмитрію Петровичу. Дочь князя Ѳеодора Григорьевича отъ второго брака, съ Е. И. Зарудной, Варвара Ѳедоровна, была замужемъ за С. М. Духовскимъ).—М. С. Веселовскій былъ женатъ вторымъ бракомъ на Шиповой; у нихъ былъ сынъ Михаилъ, умершій бездѣтнымъ, и дочь Надежда, въ замужествѣ за кн. А. П. Трубецкимъ, отъ коего она имѣла трехъ дочерей—Эмилію, умершую молодою дѣвушкой, Марію, въ замужествѣ за Л. Лауницемъ, и Вѣру—за Гудимъ-Левковичемъ.

[41]) Указъ сената отъ Дек. 1796 г.

[42]) „L'Enseigne des gardes Nicolas Stcherbinine se trouvant entraîné pendant sa minorité dans des dettes considérables, le colonel André Stcherbinine, son frère aîné, les paya au préjudice de ses propres intérêts. Nicolas désirant ensuite en dédommager les enfants de son frère, résolut de leur faire don de la terre Boudy“. Une note sur le procès du colonel André Stcherbinine contre le lieutenant Zaslav-

lib.pushkinskijdom.ru

sky, qui lui dispute la propriété sur la terre Boudy („Гвардіи прапорщикъ Николай Щербининъ, будучи несовершеннолѣтнимъ, былъ вовлеченъ въ крупные долги. Уплатилъ ихъ братъ его, полковникъ Андрей Щербининъ, въ ущербъ собственнымъ интересамъ. Впослѣдствіи, желая возмѣстить эти убытки дѣтямъ своего брата, Николай рѣшилъ подарить имъ свое имѣніе Буды".—Замѣтка касательно тяжбы полковника Андрея Щербинина съ поручикомъ Заславскимъ, оспаривающимъ у него права на имѣніе Буды).—Бабаевскій архивъ.

[43]) Родилась 14-го Марта 1770 г., ум., едва достигнувъ 25-ти лѣтняго возраста, 29-го Апрѣля 1795, „исполненная благонравія, любви къ ближнимъ и почтенія къ родителямъ", какъ значится на ея памятникѣ. См. „Петербургскій Некрополь."—На основаніи свѣдѣній этого изданія, мы должны тутъ же сдѣлать поправку къ тексту, въ ту минуту какъ мы пишемъ эти строки уже отпечатанному: мужа Варвары Петровны звали не Рамбахомъ, а Рамбургомъ (Александръ Ивановичъ, генералъ-маіоръ и кавалеръ, род. 13-го Августа 1758, ум. 3-го Мая 1826 г.). Упоминаемые въ „Некрополѣ" Иванъ Александровичъ и Марія Александровна (Эссенъ) Рамбургъ—вѣроятно ихъ дѣти. Одна дочь была замужемъ за Ломаномъ.

[44]) „Пасторъ Вигандъ" В. В. Тимощукъ („Русская Старина", т. 74, 545 и слѣд.).—Въ статьѣ этой къ сожалѣнію нѣтъ ни малѣйшаго указанія, гдѣ находятся записки Виганда. По наведенной нами справкѣ, въ Германіи онѣ отдѣльно напечатаны не были (быть можетъ заключаются въ какомъ либо сборникѣ?)

[45]) На черной каменной доскѣ, вдѣланной снаружи въ стѣну церкви со стороны алтаря, значится слѣдующая надпись: „Устроенъ храмъ сей во имя Святаго Архистратига Михаила при Державѣ Благочестивѣйшія Самодержавнѣйшія Великія Государыни Нашея Императрицы Екатерины Алексѣевны всея Россіи и при наслѣдникѣ Ея благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ и супругѣ его благовѣрной Государынѣ и Великой Княгинѣ Маріи Феодоровнѣ и благовѣрныхъ Государяхъ и Великихъ Князьяхъ Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ и благовѣрной Государынѣ и Великой Княжнѣ Александрѣ Павловнѣ благословеніемъ преосвященнаго Аггея епископа Бѣлоградскаго и Обоянскаго стараніемъ харьковскаго намѣстничества господина губернскаго прокурора Петра Андрѣева сына Щербинина и дѣтей его Андрѣя Дмитрія Николая и Варвары. Закладывалъ сей храмъ священникъ Іяковъ Правицкій 1782-го года маія 12-го числа строеніемъ же (sic) производилось подъ смотреніемъ господина губернскаго архитектора Петра Антонова сына Ярославскаго".

[46]) Сходство это, немного утратившееся въ самое послѣднее время послѣ наружнаго ремонта храма, можетъ быть объясняется и другимъ образомъ.—Домъ позднѣйшихъ Щербининыхъ, внучатныхъ племянниковъ Петра Андреевича, Андрея и Александра Григорьевичей (см. выше, прим. 37), находился на Фурштадтской противъ церкви св. Анны, нѣсколько наискось, на другой сторонѣ улицы. Если домъ этотъ принадлежалъ ихъ предкамъ и если въ немъ жилъ Петръ Андреевичъ, знавшій эту церковь съ дѣтства, то не имѣлъ ли онъ въ виду перенести въ Бабаи ея архитектуру, какъ память о Петербургѣ?—Образа въ Бабаевской церкви, заказанные Андреемъ Петровичемъ одному мюнхенскому живописцу, болѣе похожи на картины, чѣмъ на образа, и смущали не одного харьковскаго архіепископа. Но прихожане изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкли къ нимъ, и теперь было бы конечно святотатствомъ

lib.pushkinskijdom.ru

замѣнять ихъ другими,—тѣмъ болѣе что въ наши дни даже въ знаменитыхъ соборахъ допускается прямо-таки декадентская живопись.

[47]) Архивъ этотъ попалъ совершенно незаконнымъ путемъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ въ смыслѣ безопасности отъ пожара и отъ другихъ возможныхъ несчастій, онъ несомнѣнно находится въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ находился въ Бабаяхъ.

[48]) Послѣдніе годы жизни Екатерина Петровна была православною. Вѣроятно приняла православіе послѣ свадьбы. Состояла начальницею Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ (1814—1816 гг.). Скончалась 8-го Марта 1849 г. на 82-мъ году отъ рожденія; похоронена въ оградѣ Бабаевской церкви. Имѣются (частью въ Бабаяхъ, частью въ Катринѣ, нѣкоторые въ двухъ-трехъ экземплярахъ) портреты—ея, писанный П. Орловымъ въ 1834 г., и ея брата Якова Петровича (оба масляными красками), а также миніатюра отца ихъ, Петра Яковлевича Барцъ (ум. въ 1794 г.). Портретъ самой Екатерины Петровны воспроизведенъ въ „Историческомъ очеркѣ дѣятельности Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ“, Н. Жебылева, Харьковъ, 1912 г., и въ иллюстрированномъ прибавленіи къ № 10986 газеты „Южный край“ отъ 16-го Сент. 1912 г.— Братъ Екатерины Петровны Яковъ Петровичъ участвовалъ въ походѣ 1813—1814 гг. О немъ упоминается въ „Дневникѣ Свитскаго офицера, 1813 г.“, какъ объ „умномъ и пріятномъ человѣкѣ“ („Русск. Архивъ“ 1869 г., стр. 295).

[49]) Свѣдѣнія о Петрѣ Андреевичѣ младшемъ весьма скудны. Сохранилось принадлежавшее ему евангеліе съ пятью-шестью собственноручными его замѣтками о главныхъ событіяхъ его жизни. Онъ былъ женатъ на дочери гофъ-фурьера Сергѣя Ильича Крылова, Софьѣ Сергѣевнѣ (умерла 30-го Ноября 1823 г., похоронена въ Бабаяхъ 5-го Дек.). Живя не по средствамъ, способствовалъ отчасти разстройству дѣлъ Щербининыхъ. Служилъ въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку; въ 1813 г. имѣлъ отъ военнаго министра порученіе въ Слободско-Украинскую губ., между прочимъ кажется по пріему рекрутъ; умеръ въ томъ же году (въ ночь съ 7-го на 8-е Ноября, въ Бабаяхъ), оставивъ сына Павла и дочерей Софью и Марью. Павелъ ослѣпъ въ молодости; былъ женатъ на англичанкѣ; проживалъ всю жизнь за границею, предоставивъ управленіе харьковскими своими имѣніями дядѣ Александру Андреевичу. Софья была въ замужествѣ за Шеффером (похоронена въ Нѣжинѣ), а Марья за Калачевымъ; дочь Калачевыхъ, Софья Александровна, вышла замужъ за Медовщикова, имѣетъ дѣтей.

[50]) Александръ Андреевичъ (род. 28-го Іюня 1790 г., ум. въ Харьковѣ, на 87-мъ году отъ рожденія, 18-го Ноября 1876 г.) личностъ во многихъ отношеніяхъ незаурядная и заслуживаетъ въ этомъ очеркѣ—являющемся отчасти общею семейной хроникой Щербининыхъ—болѣе подробной біографической замѣтки. Воспитывался онъ въ Горномъ корпусѣ. Началъ службу въ 1808 г. по министерству внутреннихъ дѣлъ, въ 1810 перешелъ въ военное вѣдомство, въ 1816 вышелъ въ отставку, затѣмъ, какъ указано ниже въ самомъ текстѣ статьи, состоялъ по выборамъ въ должности предсѣдателя уголовной палаты въ Харьковѣ; въ 1833 г., а быть можетъ и ранѣе, снова опредѣлился на государственную службу—въ этотъ разъ въ министерство двора.—Казалось, и военное и гражданское поприще одинаково сулили ему блестящую карьеру. Двадцати лѣтъ отъ роду, прямо изъ юнкеровъ, попалъ онъ въ свиту государя— колоновожатымъ по квартирмейстерской части,—и въ Отечественную войну, несмотря на молодость, уже игралъ немаловажную роль, состоя послѣдовательно при Вольцогенѣ, Мухинѣ, Толѣ, Милорадовичѣ, въ секретной квартир-

lib.pushkinskijdom.ru

мейстерской канцеляріи Кутузова при Коновницынѣ и наконецъ при начальникѣ штаба государя князѣ Волконскомъ; у Кутузова имѣлъ личный докладъ; во время похода Александра Павловича противъ Наполеона, по самому роду своей службы, находился въ непосредственной близости къ государю; участвовалъ въ сраженіяхъ—подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутинымъ, Малымъ Ярославцемъ, Вязьмою, при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ, Лейпцигѣ, Бріеннѣ, Арсисѣ, Феръ-Шампенуазѣ и подъ Парижемъ. О немъ упоминается въ романѣ Толстаго „Война и Миръ“: во время Бородинскаго сраженія онъ доноситъ Кутузову о занятіи французами флешей и Семеновскаго и проч. Имя его встрѣчается и въ историческихъ мемуарахъ той эпохи, напр. въ запискахъ А. Н. Попова („Русская Старина“, т. 18, стр. 25, „отъ Мало-Ярославца до Березины“), Михайловскаго-Даниловскаго (Н. К. Шильдеръ, Императоръ Александръ I, т. 3; гл. 8, стр. 213—214), Н. М. Муравьева (который помѣшалъ дуэли его съ Муромцевымъ—„Русскій Архивъ“ 1885 г., т. 3, стр. 232, 233). Особенно лестно и тепло отзывается о немъ „Свитскій офицеръ“ въ запискахъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1869 г.: „Щербининъ и я“—пишетъ онъ—„почти каждый вечеръ проводимъ у Толя, разговаривая о происшедшихъ сраженіяхъ“. „Съ Щербининымъ я болѣе всѣхъ друженъ. Онъ отличный малый и любимецъ всѣхъ генераловъ и нисколько тѣмъ не гордится“. „Онъ всегда былъ хорошій, добрый товарищъ. Орловскій—добрякъ, но не такъ уменъ, какъ Щербининъ“. „Щербинина—(котораго Волконскій пожелалъ оставить при себѣ)—всѣ очень сожалѣемъ“.—Въ Русской Старинѣ т. 105, стр. 722—724, помѣщены два письма Александра Андреевича, относящіяся къ началу 1815 года. Изъ нихъ между прочимъ видно, что онъ былъ массономъ ложи Желѣзнаго Креста (Въ указателѣ Щербининъ ошибочно названъ „писателемъ“).— Не мало воспоминаній вынесъ Щербининъ изъ своихъ походовъ. Участвовалъ онъ и въ торжественномъ въѣздѣ въ Парижъ. Числясь въ свитѣ однимъ изъ младшихъ, Александръ Андреевичъ ѣхалъ впереди всѣхъ и былъ свидѣтелемъ любопытнаго недоразумѣнія, которому самъ послужилъ невольною причиной. У Шильдера въ исторіи императора Александра 1-го воспроизведено современное изображеніе означеннаго въѣзда (т. 3, 288). Подъ государемъ была бѣлая или говоря правильнѣе свѣтло-сѣрая лошадь, по прозванію Эклипсъ (тамъ же, III, 211). Какъ извѣстно, Французы восторженно встрѣчали русскаго монарха. „Народъ съ восхищеніемъ принималъ государя императора“, отмѣчено Щербининымъ на памятномъ листкѣ подъ 19-мъ Марта*). „Бульвары были покрыты разряженною толпой“, говоритъ другой очевидецъ; „казалось, народъ собрался, чтобы погулять на праздникѣ, а не для того, чтобы присутствовать при вступленіи непріятельскихъ войскъ“ (тамъ же, 210). „Наше вхожденіе въ Парижъ было великолѣпное“, разсказывалъ самъ государь князю Голицыну: „все спѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ; народъ бросался цѣловать мои руки, ноги; хватались даже за стремена: оглашали воздухъ радостными криками, поздравленіями“ (тамъ же, 220). Этотъ-то порывъ всеобщаго энтузіазма въ первыя минуты устремлялся непо-

*) Вотъ остальной текстъ этого краткаго листка, относящагося до пребыванія въ Парижѣ: «20-го Марта въ Большой Оперѣ давали «Весталку», императоръ и король присутствовали въ театрѣ.—22-е. Вербное Воскресеніе. Парадъ. Молебствіе на площади Людовика XIV. 31-е. Въѣздъ графа Артуа въ Парижъ. Вечеромъ во Французскомъ театрѣ: «La partie de chasse de Henri IV».

lib.pushkinskijdom.ru

средственно на Щербинина, котораго народъ, видя его во главѣ шествія, принималъ за государя. Чтобы устранить ошибку и указать, кого слѣдовало привѣтствовать, Александръ Андреевичъ сталъ громко говорить, наклоняясь направо и налѣво къ толпѣ: "Cheval blanc, panache blanc".—У Шильдера же (т. 3-й) воспроизведено факсимиле письма князя Волконскаго къ Винценгероде съ извѣщеніемъ объ отреченіи Наполеона отъ престола и съ высочайшимъ повелѣніемъ схватить бывшаго императора французовъ живымъ. Текстъ этого письма написанъ рукою Щербинина.—Географическая карта, служившая Александру Павловичу во время похода 1814—1815 гг., оставлена была княземъ Волконскимъ на память Александру Андреевичу.—Щербининъ покинулъ военную службу можно сказать случайно—изъ за того лишь, что Толь не согласился отпустить его въ продолжительный отпускъ. Отставленъ онъ съ чиномъ полковника.—На службу въ министерство двора Щербининъ поступилъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ—около 1833 года, при чемъ былъ переименованъ изъ полковниковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Здѣсь онъ почти сразу достигъ высокаго положенія вице-президента гофъ-интендантской конторы, съ пожалованіемъ въ исправляющіе должность гофмейстера. Начальствующія лица, начиная съ князя Волконскаго, ставшаго министромъ двора, продолжали относиться къ нему съ крайнею благосклонностью. Завѣдывающіе отдѣльными частями, въ томъ числѣ и самъ Толь, старались переманить его къ себѣ одинъ отъ другого. Между прочимъ ему предлагали мѣсто Подольскаго губернатора.—Но блестящія ожиданія не оправдались. Продолженію служебной его дѣятельности помѣшало несчастіе 17-го Декабря 1837 г.—пожаръ Зимняго дворца. Президентъ гофъ-интендантской конторы графъ Кутайсовъ въ это время отсутствовалъ изъ Петербурга, и вся тяжесть царскаго неудовольствія пала на Александра Андреевича, хотя послѣдній врядъ ли долженъ былъ нести какую-либо долю отвѣтственности за случившееся. Уже на самомъ пожарѣ государь гнѣвно отнесся къ нему. Согласно одному разсказу, „государь велѣлъ полкамъ Преображенскому и Павловскому и командамъ гофъ-интендантскаго вѣдомства выносить мебель и прочія вещи и складывать на дворцовой площади, а болѣе громоздкіе предметы, статуи, вдѣланные въ стѣну украшенія, чтобы не подвергать людей опасности, оставлять на жертву пламени". Между тѣмъ въ одной изъ залъ Николай Павловичъ нашелъ цѣлую толпу гвардейскихъ егерей, силившихся оторвать вдѣланное въ стѣну зеркало. Его величество бросилъ въ зеркало бинокль, отъ котораго оно разлетѣлось въ дребезги („Русскій Архивъ" 1865 г. стб. 1113). По семейному преданію, дошедшему безъ сомнѣнія отъ самого Александра Андреевича, государь разбилъ зеркало каблукомъ, грубо оборвавъ Щербинина, распоряжавшагося людьми. Это-то немилостивое обращеніе послужило будто бы, какъ утверждали потомъ, побудительною причиной къ выходу Александра Андреевича въ отставку. Но на самомъ дѣлѣ онъ удалился позднѣе, вслѣдствіе другого обстоятельства, усугубившаго полученную обиду. Не прошло и мѣсяца со дня катастрофы, какъ произошелъ новый переполохъ—вслѣдствіе незначительнаго пожара, случившагося въ Эрмитажѣ; тутъ, несмотря на званіе и титулы Щербинина, государь приказалъ посадить его на гауптвахту.—Хотя быть-можетъ сдѣлано это было отчасти на зло князю Волконскому [73]), тѣмъ не менѣе таковое взысканіе превысило мѣру служебнаго смиренія вѣрноподданнѣйшаго, но притомъ крайне гордаго и самолюбиваго Щербинина, и онъ подалъ прошеніе объ увольненіи. „Не входя"—писалъ онъ Волконскому,—„въ разборъ самъ съ собою, я покорствую душевно царскому гнѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

ву. Но какъ къ несчастью моему, лишенъ довѣренности государя императора, которая составляетъ принадлежность мѣста, мною занимаемаго, то я не считаю себя въ правѣ медлить оставленіемъ онаго". Непреклонный Николай Павловичъ, лично, не сдѣлалъ ни шагу, чтобы смягчить огорченіе Щербинина, но наслѣдникъ, какъ кажется съ вѣдома своего августѣйшаго отца, въ теплыхъ выраженіяхъ принесъ ему по поводу происшедшаго свои сожалѣнія. Это однако не удержало его. Честолюбіе при значительной долѣ тщеславія было несомнѣнно однимъ изъ преобладающихъ свойствъ Александра Андреевича. Казалось, идеаломъ его жизни была государственная служба и успѣшное прохожденіе по ней. Вотъ почему такой вынужденный выходъ въ отставку, соотвѣтствовавшій гражданскому самоубійству, былъ для него глубоко трагиченъ. Ударъ этотъ и наложилъ на него, на протяженіе всей дальнѣйшей его жизни, печать особой замкнутости и сухости. За время остального царствованія Николая Павловича Александръ Андреевичъ держался въ сторонѣ отъ всякой не только государственно-служебной, но и общественной дѣятельности, и лишь по восшествіи на престолъ Александра II-го, уже на седьмомъ десяткѣ, принялъ на себя какія-то почетныя обязанности. Дожилъ онъ и до осуществленія завѣтной мечты—утвержденія въ званіи гофмейстера. Послѣдніе годы жизни провелъ сановникомъ въ забвеніи, въ Бабаяхъ, поднося высочайшимъ особамъ, при проѣздѣ ихъ черезъ Харьковъ, цвѣты изъ своихъ оранжерей.—Благодаря такту, способностямъ, необыкновенной добросовѣстности, безукоризненной честности и передовымъ взглядамъ, могъ бы вѣроятно быть полезнымъ государственнымъ дѣятелемъ.—Ко всѣмъ отраслямъ знанія питалъ онъ живой интересъ: въ бумагахъ его находимъ выписки изъ всевозможныхъ литературныхъ, сельско-хозяйственныхъ, философскихъ и политическихъ статей. Читалъ онъ и „Тысячу и одну ночь", и Виргилія, и Аріоста, и Шамполіона, и Вольтера. Изъ наукъ особенно любилъ ботанику и собиралъ гербаріи.—Къ памяти императора Александра Перваго, особенно послѣ опалы, испытанной въ послѣдующее царствованіе, относился съ глубокимъ благоговѣніемъ. Заказанный имъ Торвальдсену бюстъ этого государя сохранился у его потомковъ (въ Харьковѣ).—Замѣтки Александра Андреевича объ Отечественной войнѣ и послѣдующей кампаніи послужили однимъ изъ источниковъ для историковъ этой эпохи—Михайловскаго-Данилевскаго, Бернгарди и Богдановича. Небольшая часть ихъ напечатана въ сборникѣ Харкевича: „1812 годъ въ дневникахъ, запискахъ и воспоминаніяхъ, Вильна 1900 г.".—Другія замѣтки и письма появились въ четвертой книгѣ „Чтеній въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. Университетѣ" за 1912 г. Существовалъ и дневникъ Александра Андреевича за 1813 г., но въ настоящее время онъ утраченъ или хранится среди массы другихъ матеріаловъ въ военномъ министерствѣ. А. А. Щербининъ велъ также позднѣйшія записки; касаются онѣ двухъ его путешествій въ Западную Европу—въ 1819—1821 годахъ—и жизни въ Петербургѣ въ бытность на службѣ при дворѣ, съ 1833 г. Записки эти не лишены общаго интереса. Страничка изъ нихъ, относящаяся до дуэли Пушкина, напечатана въ XV-мъ выпускѣ сборника: „Пушкинъ и его Современники", гдѣ приведены также краткія біографическія свѣдѣнія о Щербининѣ. Записки оканчиваются вскорѣ послѣ пожара Зимняго Дворца. Многое о катастрофѣ не договорено. Сказать всего не хватило силъ.—Отмѣтимъ въ заключеніе одну семейную заслугу Александра Андреевича. Какъ упомянуто выше, дѣдъ его П. А. Щербининъ обладалъ значительнымъ богатствомъ. Ниже, въ текстѣ, на стр. 33-й указано, какое большое состояніе

lib.pushkinskijdom.ru

перешло отъ него къ отцу Александра Андреевича Андрею Петровичу. Однако по причинѣ неумѣлаго завѣдыванія послѣдняго, а позднѣе когда имѣніе его было взято въ опеку, вслѣдствіе недобросовѣстности опекуновъ, матеріальное положеніе семьи Щербининыхъ пришло въ полное разстройство, и ей грозило окончательное разореніе. Молодымъ офицеромъ, Александръ Андреевичъ въ полномъ смыслѣ слова бѣдствовалъ. Въ одномъ изъ писемъ къ брату онъ пишетъ: „Я началъ службу квартирмейстерскаго офицера *пѣшкомъ* во время самаго похода, съ 35-ю рублями въ карманѣ.—Съ прорванными локтями, замазанными тушью, ходилъ я съ докладомъ къ Кутузову, и, не имѣя на что купить мясо, коимъ лагерь всегда изобиловалъ, жилъ хуже солдата... Потомъ, въ 1815 и 1816 гг. я въ такомъ былъ крайнемъ положеніи отъ совершеннаго оскудѣнія денежныхъ средствъ, что долженъ былъ продавать мои необходимыя вещи—какъ-то однажды одинъ изъ двухъ моихъ аксельбантовъ,—чтобы жившій тогда со мною отецъ не остался безъ обѣда... Эти подробности никому неизвѣстны".—Послѣ смерти старшаго брата Петра Андреевича, Александръ Андреевичъ былъ назначенъ соопекуномъ надъ имѣніями отца и всецѣло посвятилъ себя заботамъ объ ихъ устройствѣ. Но дѣла были такъ запущены, что успѣшнаго результата ожидать было трудно. „Князь Лопухинъ,—говоритъ Александръ Андреевичъ въ другомъ письмѣ,—зная во всей тонкости положеніе дѣлъ нашихъ, сказывалъ многимъ, что ему жаль меня, ибо я, горячо принимаясь за дѣла наши, коихъ исправить невозможно, могу погибнуть". И все же въ концѣ концевъ благодаря его неусыпнымъ попеченіямъ и настойчивости, они были приведены въ совершенный порядокъ.—Александръ Андреевичъ былъ женатъ на Юліи Осиповнѣ Бобровской (родилась 12-го Дек. (16 Ноября?) 1813 г., ум. 14-го Ноября 1880; похоронены рядомъ въ оградѣ Бабаевской церкви).

[51]) Марья Андреевна вступила 10-го Ноября 1815 г. въ бракъ съ Иваномъ Бедрагою или Бедрагинымъ (Бедрягою), затѣмъ, овдовѣвъ (26-го Августа 1829 г.), вышла замужъ за Павла Лаптева. Имѣла многихъ дѣтей: отъ Бедряги (старшинства не упомню)—Владиміра, женатаго на Екатеринѣ Петровнѣ Кузиной, Егора, женатаго на Нечай, Александра—на Куликовской, Алексѣя—на Александрѣ Вильямовнѣ Оливъ, и Михаила (страдалъ меланхоліею, отравился), и дочерей: Екатерину, Елену—въ замужествѣ за Поповымъ и Марью—въ замужествѣ за Ленци, а потомъ за Катарскимъ; отъ Лаптева: сына Петра, застрѣлившагося въ шестидесятыхъ годахъ, изъ охотничьяго ружья, въ доставшемся ему послѣ матери имѣніи Алексѣевкѣ подъ Харьковомъ, и дочь Анну—въ замужествѣ за Карповымъ.

[52]) Венгеровъ, I, 530, „Въ альбомъ М. А. Щербинину" Б. Модзалевскаго.

[53]) По домашнимъ обстоятельствамъ, высочайшимъ приказомъ отъ 22-го Марта.—Формулярный списокъ за 1823 г. о службѣ Михаила Андреевича.

[54]) Письмо А. А. Щербинина ко князю П. М. Волконскому отъ 1/13 Января 1821 г., изъ Рима (Бабаевскій архивъ).

[55]) Венгеровъ, I, 532.

[56]) Съ 1-го по 11-е Февраля 1829 г. Записи въ его календарѣ за этотъ годъ.

[57]) Такимъ образомъ свѣдѣніе (Венгеровъ, I, 532), что онъ женился по выходѣ въ отставку, неточно. Въ формулярномъ его спискѣ за 1823 г. читаемъ: „холостъ (а въ прошеніи объ увольненіи отъ службы значится женатъ, но на комъ не показано)".

[58]) Въ малороссійскихъ черныхъ лѣсахъ чередуются: дубъ, кленъ, черноклень, берестъ, ясень, дикая яблоня, дикая груша и проч., а подлѣскомъ

lib.pushkinskijdom.ru

всюду служитъ лещина, разростающаяся, особенно на срубахъ, въ сочные густолиственные кусты.

[59]) Поселокъ этотъ, теперь значительно разросшійся, зовется Карачевкою—названіе, перешедшее на всю окрестную мѣстность.

[60]) Закладка дома произошла 16-го Мая 1829 г. (запись въ календарѣ Михаила Андреевича за этотъ годъ).

[61]) Тутъ находились: двоюродная сестра Михаила Андреевича Екатерина Яковлевна Барцъ (родилась 15-го Января 1805 г., окончила курсъ съ шифромъ въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ, затѣмъ бо́льшую часть жизни прожила въ Бабаяхъ; ум. 7-го Сентября 1890 г., похоронена въ оградѣ Бабаевской церкви); племянница Михаила Андревича—дочь старшаго его брата Петра Андреевича—Марія Петровна Щербинина; племянница Елизаветы Павловны—дочь сестры ея Елены Павловны—Полина Ивановна Малышева (была впослѣдствіи замужемъ за Павловымъ, сынъ ихъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ) и другъ.

[62]) Описаніе это принадлежитъ перу француза Martigny, служившаго въ Щербининской семьѣ гувернеромъ.

[63]) Изъ письма Пушкина къ брату отъ 6-го Апрѣля 1831 г. видно, что послѣдній находился въ этомъ году въ Чугуевѣ („Труды и дни Пушкина", Н. Лернеръ, 1910 г., стр. 238). Въ началѣ 1835 г. Левъ Сергѣевичъ былъ въ Харьковѣ (тамъ же, со ссылкою на Павлищева 382—383).

[64]) Б. Модзалевскій, Поѣздка въ Тригорское въ 1902 г., „Пушкинъ и его Современники", I, 17.

[65]) „Русскій Архивъ" 1880 г., III, 288. Воспоминанія Н. И. Шенига.—Въ автографѣ Пушкина (тетрадь Румянцевскаго Музея, № 2367, 7 об.) послѣдній стихъ посланія къ Чадаеву 1821 г. читается такъ: „Гони ты Шенинга отъ нашего порога". Академическое изданіе (III, примѣч., 64, 65) объясняетъ, надо думать не безъ основанія, что вмѣсто „Шенинга" слѣдуетъ читать „Шеппинга", и тутъ же прибавляетъ, что „Шенингъ—лицо совершенно неизвѣстное".—Но „Шенингъ" можетъ въ одинаковой степени быть опискою какъ противъ имени „Шеппингъ", такъ и противъ имени „Шенигъ". Лица же, носившія эти имена, были оба знакомцами Пушкина. Поэтому, если рѣчь можетъ идти только о Шеппингѣ, а Шенига дѣло касаться не можетъ, слѣдовало бы объяснить, почему именно.

[66]) „Графъ Толстой сейчасъ отъ меня уѣхалъ. Кланяется тебѣ. Онъ сегодня возвращается въ Москву" (письмо М. А. Щербинина къ брату, отъ 4-го Мая 1827 г.).

[67]) „Переписка Пушкина", II, 55.

[68]) Подъ 7-мъ Сентября въ календарѣ 1829 г. Михаиломъ Андреевичемъ записано: „Départ du sénateur Gorgoly".

[69]) Похороненъ въ оградѣ Бабаевской церкви.

[70]) Елизавета Павловна, очутившаяся послѣ смерти мужа въ довольно стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, получила, благодаря связямъ, мѣсто начальницы Полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ. Къ новымъ своимъ обязанностямъ она отнеслась съ особенною любовью и усердіемъ; дѣло вела прекрасно, вслѣдствіе чего пользовалась благоволеніемъ и могущественною поддержкой императрицы Александры Ѳеодоровны. Однажды, за вмѣшательство въ дѣла института, главная полтавская административная власть получила свыше строгій выговоръ, а Елизаветѣ Павловнѣ было въ самыхъ лестныхъ

lib.pushkinskijdom.ru

выраженіяхъ подтверждено питаемое къ ней довѣріе (мой семейный архивъ въ Катринѣ, Харьковскаго уѣзда). Елизавета Павловна пробыла начальницею института лѣтъ десять и лишь въ самый годъ своей смерти, по болѣзненному состоянію, отказалась отъ дальнѣйшей службы. Родилась 7-го Октября 1800 г., ум. въ Елизаветполѣ 10-го Сентября 1860 г.; похоронена рядомъ съ мужемъ въ Бабаяхъ.

[71]) Павла, Андрея, Екатерину и Софью. Павелъ Михайловичъ род. въ 1826 г.; одно время былъ харьковскимъ уѣзднымъ предводителемъ; ум. 15-го Октября 1864 г.; похороненъ въ оградѣ церкви села Жихора (при перестройкѣ церкви могила его потревожена, и нынѣ мраморная надгробная плита вставлена снаружи въ стѣну храма).—Андрей Михайловичъ род. 7-го Сентября 1829 г.; первымъ бракомъ былъ женатъ на Варварѣ Николаевнѣ Сушковой (впослѣдствіи замужемъ за Башмаковымъ); вторично женился на Вильгельминѣ Осиповнѣ Рупертъ; имѣлъ отъ перваго брака сына Михаила *), а отъ второго сыновей: Филиппа, Андрея, Алексѣя и дочерей: Марію и Елизавету. Ум. 9-го Апрѣля 1899 г.; похороненъ въ оградѣ Бабаевской церкви.—Екатерина Михайловна, въ замужествѣ за Н. А. Щербачевымъ, родилась 17-го Іюля 1822 г., ум. 3-го Марта 1879 г.—Софья Михайловна, въ замужествѣ за Л. А. фонъ-Мензенкампфъ, родилась 2-го Августа 1836 г., ум. 11-го Ноября 1895 г. Обѣ похоронены въ Бабаяхъ въ оградѣ церкви. Послѣ нихъ осталось потомство.

[72]) Съ 1826 г. (съ конца лѣта?) по 30-е Апрѣля 1829 г. (Запись Михаила Андреевича въ календарѣ 1829 г.). Иногда онъ замѣнялъ брата въ уголовной палатѣ (въ письмѣ къ брату отъ 7-го Августа 1826 г. Михаилъ Андреевичъ жалуется, что не можетъ „найти часу свободнаго въ многосложныхъ своихъ занятіяхъ“, что „живетъ въ палатахъ“).

[73]) Неизданныя записки и замѣтки А. А. Щербинина.

[74]) „Jusqu'à présent votre frère n'est pas revenu de son sémestre. Cela peut lui faire tort dans l'esprit de ses chefs et particulièrement auprès du général Toll, lequel comme vous le savez mieux que moi n'est pas déjà trop bien disposé pour votre famille, malgré la grande intimité et parenté qui vous unissaient jadis. Vous feriez bien, je pense, d'employer vos conseils et même votre autorité pour lui faire quitter la province, où un sot amour doit le retenir: il est maintenant en vogue d'être fort sévère avec les subordonnés, et Michel sera dans le cas d'avoir recours à la clémence de son ex-oncle (Вашъ братъ до сихъ поръ не вернулся изъ отпуска. Это можетъ повредить ему во мнѣніи начальства и въ особенности во мнѣніи генерала Толя, который, какъ вамъ самимъ лучше меня извѣстно, безъ того уже не особенно расположенъ къ вашей семьѣ, несмотря на большую близость и свойство, нѣкогда васъ соединявшія. Вамъ по-моему слѣдовало бы повліять на вашего брата совѣтами и даже употребить вашъ авторитетъ, чтобы принудить его уѣхать изъ провинціи, гдѣ вѣроятно его удерживаетъ какая нибудь глупая любовь. Теперь принято очень строго относиться къ подчиненнымъ, и Михаилъ будетъ поставленъ въ необходимость прибѣгнуть къ милосердію своего бывшаго дяди)“. Письмо Н. Дурново къ А. А. Щербинину отъ 10-го Февр. 1821 (?) г.

---

*) Кончилъ курсъ въ Александровскомъ лицеѣ, женился на шведкѣ Бригиттѣ Лаггаръ, выселился въ Сѣверную Америку и, пройдя тамъ тяжелую школу переселенца-фермера, достигъ благосостоянія. Имѣетъ нѣсколькихъ сыновей и одну дочь. Изъ сыновей двое завѣдываютъ крупными финансовыми предпріятіями въ Англійской Канадѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

[75]) Стихъ 20-й: „Безпечны, молоды и здравы“, „Матеріалы“ Л. Н. Майкова, 36. „И въ немъ блаженствуетъ безпечный“ (Описаніе Пушкинскихъ рукописей, находящихся въ музеѣ Онѣгина, Б. Л. Модзалевскаго, „Пушкинъ и его Современники“, XII, 10).

[76]) Академическое изд., II, прим. 33.

[77]) Венгеровъ, I, 589.

[78]) Тамъ же, I, 488.

[79]) Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I“, IV, стр. 208. Извѣстная записка Грибовскаго, изъ коей почерпнуто это свѣдѣніе, находится въ копіи въ Бабаевскомъ архивѣ въ числѣ бумагъ А. А. Щербинина. Въ заголовкѣ ея написано: „Генералъ-отъ-кавалеріи Васильчиковъ поднесъ императору Александру Павловичу, въ Маѣ 1821 г., записку статскаго совѣтника Грибовскаго слѣдующаго содержанія“.

[80]) Благодаря связямъ свойства съ гофъ-фурьеромъ С. И. Крыловымъ, который былъ тогда „въ случаѣ“ (Переписка между братьями Щербиниными, Бабаевскій архивъ).

[81]) „Русскій Архивъ“, года не упомню.

[82]) „Моя родословная“ Пушкина.

[83]) Не этой ли самой Наденькѣ посвящено осьмистишіе, относимое къ той же эпохѣ,—въ прежнихъ изданіяхъ Пушкина къ 1818 г., а въ послѣднемъ, А. Суворина, 1903 г., I ч., стр. 331, къ 1819 г. Въ Майковскихъ „Матеріалахъ“ (стр. 38) осьмистишіе это приведено непосредственно вслѣдъ за стихотвореніемъ „Къ Щербинину“. Впрочемъ въ Академическомъ изданіи, II, пьеса помѣщена лишь въ примѣчаніяхъ, стр. 54, такъ какъ по мнѣнію издателя „самая принадлежность стихотворенія Пушкину не представляется вполнѣ установленною“. Венгеровъ раздѣляетъ этотъ взглядъ (II, 533, 534).

[84]) Вотъ выписка изъ письма ко мнѣ моего дяди А. М. Щербинина, отъ 8-го Ноября 1873 г.: „Présente-toi toi-même à titre de mon neveu et du fils de la dame qui a fait le portrait du P-ce Schakhowskoi (dont l'image photographique se trouve entre les mains de Issakoff) (Представься Исакову лично въ качествѣ моего племянника и сына той дамы, которая написала портретъ кн. Шаховскаго (фотографическій снимокъ съ этого портрета находится въ рукахъ Исакова)). Однажды я былъ долженъ [ему] 500 р., а теперь за мною рублей 50. Этотъ кредитъ достался мнѣ за стихотвореніе Пушкина твоему дѣдушкѣ... Итакъ поклонъ Ѳеод. Ив. Колесову и Мартынову [прикащикамъ Исакова]. Самому Исакову лѣтъ 70. Если узришь его, пади ему въ ноги. Онъ зналъ Пушкина и пивалъ съ нимъ вино кометы. Исаковъ ко мнѣ благоволилъ, а я доставилъ ему нѣсколько стихотвореній Пушкина, ему неизвѣстныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ я зналъ только по памяти. Даже князь Вяземскій (Петръ Андреев.) радовался, что нашлись нѣкоторыя стихотворенія, которыя онъ узналъ за истинныя, и даже поправилъ изъ своей памяти два-три стиха“.—Упомянутый портретъ кн. А. А. Шаховскаго, акварелью,—по свидѣтельству современниковъ одинъ изъ самыхъ схожихъ,—написанъ моею матерью лѣтомъ 1843 г.; находится въ настоящее время въ Петербургѣ у моего старшаго брата А. Н. Щербачева.

[85]) Впрочемъ называлъ его такъ не онъ одинъ (Н. О. Лернеръ, „Труды и дни Пушкина“, 1910 г., стр. 81).

[86]) Не по этой ли причинѣ, будучи прилажено къ извѣстному обстоятельству, одно только настоящее посланіе, изо всѣхъ стихотвореній, посвященныхъ членамъ „Зеленой Лампы“, „совершенно свободно отъ какихъ либо политиче-

lib.pushkinskijdom.ru

скихъ намековъ". П. Е. Щеголевъ, „Зеленая Лампа", Пушкинъ и его Современники, VII, 23.

[87]) Въ самомъ дѣлѣ содержаніе пьесы не вяжется съ „основнымъ мотивомъ" прочихъ „застольныхъ пѣсенъ и дружескихъ посланій" Пушкина, на который указываетъ П. Морозовъ („Отъ Лицея до Ссылки", Венгеровъ, I, 487), а въ особенности „съ полнымъ ласковой симпатіи отношеніемъ къ озаряющей дружескія собранія „нашей лампадѣ". „Горишь ли ты лампада наша?" любовно восклицаетъ поэтъ въ одномъ изъ Кишиневскихъ стихотвореній" (Венгеровъ, I, 550, „Періодъ Зеленой Лампы" Алексѣя Веселовскаго). „Покидая лѣтомъ 1819 г. Петербургъ, Пушкинъ уже мечталъ объ удовольствіяхъ возвращенія подъ тѣнь „Зеленой Лампы":

Пріѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября" и проч.

(П. Е. Щеголевъ: „Зеленая Лампа", „Пушкинъ и его Современники", VII, 22). Про милую его сердцу „Зеленую Лампу" Пушкинъ говоритъ:

Вотъ онъ, пріютъ гостепріимный,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ.

[88]) „Матеріалы" Майкова, 36.

[89]) Такъ читается этотъ стихъ въ автографѣ, см. факсимиле.

[90]) „Матеріалы" Майкова и рукопись Румянцевскаго Музея № 2364, л. 71 об.

[91]) Кто знаетъ, не тожественна ли самая „Фанни", или „Наденька", съ Каверинскою „красавицей"?

[92]) Объ этомъ можно заключить изъ дневника Елизаветы Павловны.

[93]) Это видно между прочимъ изъ писемъ его къ брату 1825 г.

[94]) Письмо А. И. Кошелева ко князю Одоевскому, изъ Москвы, отъ 21-го Февраля 1831 г. Въ „Русской Старинѣ", гдѣ напечатано это письмо (1904 г. Апрѣль, 206), высказывается предположеніе, что означенная Щербинина была Настасья Михайловна, рожденная Дашкова, но тутъ же говорится, что послѣдняя скончалась въ Москвѣ лѣтомъ 1830 г. (очевидная опечатка), при чемъ приведена ссылка на „Русскій Архивъ" 1876 г, книга 3, стр. 293, гдѣ однако о Щербининой нѣтъ рѣчи. На самомъ дѣлѣ Н. М. Щербинина умерла въ Іюлѣ 1831 г. („Русск. Архивъ" 1906 г., I, 146).—Что́ касается самаго предположенія, высказаннаго въ „Русской Старинѣ", то и оно не можетъ не быть подвергнуто сомнѣнію, такъ какъ имѣется свѣдѣніе, что послѣдніе годы Настасья Михайловна прожила „въ бѣдности" („Русскій Архивъ" 1880 г., III: О подлинныхъ запискахъ княгини Дашковой, М. Шугурова, стр. 200, прим. 81).

[95]) Бабаевскій архивъ.

[96]) „Въ прошломъ вѣкѣ, а особенно во Франціи, такіе портреты были въ большой модѣ и служили свѣтскою забавой въ высшемъ и литературномъ обществѣ" („Русскій Архивъ", „Изъ старой записной книжки". Сочиненія кн. Вяземскаго, т. VIII, 102). У самого Пушкина есть стихотвореніе—не это, а другое, французское—тоже озаглавленное „Mon portrait" (1814 г.).

[97]) „Матеріалы" Майкова, 90.

[98]) Изданіе Анскаго 1882 г., I, 351.

[99]) Къ слову замѣтить, не худо бы нѣкоторымъ пѣвцамъ-актерамъ, исполняющимъ партію Онѣгина въ прекрасной быть можетъ по музыкѣ, но кощунственной по либретто, операѣ Чайковскаго—заимствовать нѣкоторыя по-

lib.pushkinskijdom.ru

дробности у портрета Михаила Андреевича: укоротить, напримѣръ, ихъ волосы и вообще умѣрить преувеличенности тогдашней яко бы моды, на самомъ дѣлѣ далеко не столь карикатурной, какъ ее теперь возстановляютъ на сценахъ, въ особенности на провинціальныхъ.—Портретъ воспроизводится здѣсь въ фототипіи. Лишенный живыхъ красокъ, онъ конечно много теряетъ. Подпись подъ фототипіею снята съ одного изъ писемъ Щербинина къ его матери.

[100]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 8-я, VII.

[101]) „Какъ извѣстно, для Татьяны у Пушкина была модель: „О ты, съ которой образованъ Татьяны милой идеалъ“ (въ прим.: „Мы имѣемъ лишь одно современное свидѣтельство, указывающее гдѣ можно искать ту, на кого сдѣланъ здѣсь намекъ поэтомъ“).—Соч. Пушкина, изд. Поливанова, IV, 47. См. также статью Б. Л. Модзалевскаго „Поѣздка въ Тригорское въ 1902 г.,“ Пушкинъ и его Современники, I, 4.—„Пушкинскіе дни въ Одессѣ“, Сборникъ Имп. Новороссійскаго Университета. Пушкинъ и Новороссійскій край, стр. 140. Затѣмъ см. слѣдующее примѣчаніе.—Впрочемъ, по заключенію А. Кодлубовскаго, „поиски оригинала Татьяны до сихъ поръ успѣхомъ не увѣнчались и не идутъ дальше общихъ предположеній“ („Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина“, Пушкинъ и его Современники, V, 21).

[102]) „Анненковъ (А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху) высказываетъ съ увѣренностью, что основою поэтическихъ образовъ Татьяны и Ольги Ларинныхъ были именно двѣ дочери г-жи Осиповой отъ перваго ея брака“ (Изд. Поливанова, IV, 48).

[103]) Американецъ Толстой—„Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-ой пѣснѣ Онѣгина“ (Переписка Пушкина, I, 207; Поливановъ, IV, 108).

[104]) Поливановъ, I, 166.

[105]) Переписка Пушкина, I, 187.

[106]) Венгеровъ, III, 225.

[107]) IV, 106—107.

[108]) Поливановъ, 169.

[109]) Тамъ же, 145.

[110]) Тамъ же, 48.

[111]) Б. Л. Модзалевскій: „Поѣздка въ Тригорское въ 1902 г.“, Пушкинъ и его Современники, I, 4.

[112]) Поливановъ, IV, 155.

[113]) Тамъ же, 151.

[114]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 1-я, LVI.

[115]) Поливановъ.—Третій томъ Академическаго изданія появился, или по крайней мѣрѣ попалъ въ наши руки, уже послѣ того какъ первые листы настоящей статьи были отпечатаны. Поэтому нѣкоторыя справки изъ этой книги мы имѣемъ возможность помѣстить только здѣсь.—Въ примѣчаніяхъ къ III-му т., стр. 321—323, указывается, что „демонъ какъ бы объединяется съ Онѣгинымъ“, а что въ лицѣ демона „люди, близко знавшіе Пушкина, узнавали А. Н. Раевскаго“.

[116]) „Русскій Архивъ“ 1886 г.

[117]) Берже, „Русская Старина“ 1877 г., XIX: Посольство А. П. Ермолова въ Персію, 397.

[118]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 7-я, XXVI.

[119]) „On plaça Stcherbinine avec les vieilles dames, cela le mit en fureur... Fameuse conversation entre ma belle-mère et Stcherbinine; il a pleuré, gémi.....

lib.pushkinskijdom.ru

Il est comme fou, ma belle-mère dit qu'il pleure, qu'il veut se brûler la cervelle... (Щербинина помѣстили со старыми дамами—это привело его въ ярость... Знаменательный разговоръ между моею мачихой и Щербининымъ; онъ плакалъ, стоналъ... Онъ похожъ на сумасшедшаго, моя мачиха говоритъ, что онъ плачетъ, хочетъ застрѣлиться...)". Мачиха посовѣтовала Елизаветѣ Павловнѣ быть съ нимъ похолоднѣе: „Il remarqua mon changement et devint à son tour d'une tristesse affreuse. Il pleura à chaudes larmes et fut dans le plus grand désespoir. (Онъ замѣтилъ мою перемѣну и въ свою очередь сталъ ужасно грустенъ. Онъ проливалъ горючія слезы и былъ въ величайшемъ отчаяніи)".—Дневникъ.

[120]) „Tout cela ne me plait pas. Passion si ardente n'est pas durable. Il est tout flamme... Sa tendresse m'effraie. Sera-t-elle durable?... Il est tout feu... Je n'aime pas la promptitude, tout ce qui est prompt ne vaut rien. Je crois que si l'on est facilement enchanté, l'enchantement passe comme un songe (Все это мнѣ не нравится; такая пылкая страсть не можетъ быть продолжительною. Онъ весь пламя... Его нѣжность пугаетъ меня: продлится ли она?... Онъ весь огонь... Я не люблю стремительности; все что стремительно никуда не годится. Думаю, что у того, кто легко поддается очарованію, оно проходитъ какъ сонъ)".—Дневникъ.—Впрочемъ не одна Елизавета Павловна сомнѣвалась въ устойчивости чувствъ Михаила Андреевича. „Comment vit-il avec sa femme?" запрашивалъ о немъ Н. Дурново Александра Андреевича; „on dit que c'est un ange de bonté. Je doute fort qu'elle soit parvenue à fixer son volage époux (Какъ живетъ онъ съ женою? говорятъ это ангелъ доброты. Сомнѣваюсь, чтобы ей удалось остепенить ея непостояннаго супруга)".—Письмо Дурново отъ 5-го Дек. 1824 г.

[121]) „Je n'ai ni grand bien, ni surtout grand mal à dire de lui. Je ne puis pas ne pas remarquer ses petits défauts.... Il me plait tantôt, et tantôt il m'est désagréable.... Je n'ai pas été contente de Michel.... Hier soir encore [наканунѣ свадьбы] mon promis m'a fait de a peine. (Я ничего не имѣю сказать про него особенно хорошаго, а тѣмъ менѣе особенно дурного. Я не могу не замѣчать его маленькихъ недостатковъ... Иногда онъ мнѣ нравится, иногда онъ мнѣ непріятенъ... Я не была довольна Михаиломъ... Еще вчера вечеромъ [наканунѣ свадьбы] женихъ мой огорчилъ меня)".—Дневникъ.

[122]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 4-я, XIV.

[123]) Всѣхъ дѣтей у нихъ было семь; три дочери умерли въ младенчествѣ.

[124]) „Нужно взять во вниманіе чрезвычайную охоту, съ которою послѣдовалъ М. А. желанію дворянъ относительно вчисленія насъ обоихъ на службу".—Неизданныя замѣтки А. А. Щербинина.

[125]) Поливановъ, IV, 3, и В. И. Срезневскій: „Автографы Пушкина", Пушкинъ и его Современники, II, 3.

[126]) Михаилъ Андреевичъ имѣлъ еще только австрійскій орденъ Леопольда 3 кл., знакъ отличія Военнаго ордена и медаль за кампанію 1812 г. (формуляръ).

[127]) Надпись на ея памятникѣ (въ оградѣ Бабаевской церкви): „Дѣвица Христина Кондратьевна Шрейдеръ православнаго исповѣданія, скончавшаяся въ селѣ Бабаяхъ 8 января 1838 г. на 96 году добродетельной жизни, изъ коей болѣе 30 лѣтъ провела въ Бабаяхъ какъ вѣрный другъ семейства Щербининыхъ".

[128]) Звали его Barbelin. Самъ Михаилъ Андреевичъ оказывалъ ему впослѣдствіи полное вниманіе, а Елизавета Павловна, овдовѣвъ и ставъ начальницею Полтавскаго института, исходатайствовала ему штатное мѣсто учи-

lib.pushkinskijdom.ru

теля французскаго языка въ этомъ заведеніи. До самой смерти онъ пользовался особымъ уваженіемъ во всей семьѣ Щербининыхъ.—Поступилъ онъ къ нимъ отъ Самариныхъ: Ю. Ѳ. Самаринъ былъ его воспитанникомъ.

[129]) Поливановъ, IV, 144.

[130]) Петра Михайловича Волконскаго. Оба брата всегда пользовались особеннымъ его покровительствомъ.

[131]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 1-ая, XXV.

[132]) Академическое изд., I, 143; Венгеровъ, III, послѣ 244 стр.

[133]) Т. III, 239.

[134]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 1-я, IV.

[135]) Изданіе Суворина, VIII, 474.

[136]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 1-я, V.

[137]) Поливановъ, IV, 37.

[138]) Александръ Андреевичъ настолько хорошо владѣлъ обоими этими языками, что издалъ безъ посторонней помощи одну французскую и одну нѣмецкую книги: „Extraits de la vie de l'Empereur Alexandre I", и нѣмецкій переводъ „Исторіи Отечественной войны" генерала Богдановича.

[139]) Старшая его дочь Е. М. Щербачева и младшій сынъ А. М. Щербининъ правильно и свободно говорили и писали пофранцузски, понѣмецки и поитальянски, а Щербачева сверхъ того и поанглійски.

[140]) Записи Михаила Андреевича въ календарѣ 1829 г.

[141]) Гл. 1-ая, VI.

[142]) Гл. 1-ая, XLIII.—Дурново, выражая въ письмѣ къ Александру Андреевичу сожалѣніе по поводу выхода въ отставку его брата, упрекаетъ послѣдняго въ лѣни: „Rien de plus facile que de perdre l'habitude du travail, mais aussi rien de plus difficile que de s'y remettre... Je suis l'ennemi juré de la paresse et de l'inactivité. Tous les moments de ma vie sont calculés... Tout le monde ne peut pas en dire autant. Michel s'est ennuyé sûrement plus d'une fois dans sa vie (Ничего нѣтъ легче какъ потерять привычку къ труду; за то нѣтъ ничего труднѣе, какъ снова пріучить себя къ нему. Я заклятой врагъ лѣни и сидѣнія сложа руки. Всѣ мгновенія жизни у меня разсчитаны. Не всякій можетъ сказать это про себя: Михаилу безъ сомнѣнія не разъ случалось скучать)".

[143]) Гл. 1-ая, XXV.

[144]) Гл. 1-ая, XXVI.

[145]) Изданіе Суворина, VIII, 476. Въ одной рукописи: „Ч...."; въ изданіяхъ 1825 и 1838 гг.—„***". В. И. Срезневскій: „Автографы Пушкина", Пушкинъ и его Современники, II, 4.

[146]) „Записка о щитающемся на мнѣ и братѣ Михаилѣ Андреевичѣ долгу, А. А. Щербинина, капитана".—Бабаевскій архивъ.

[147]) Гл. 1-ая, XXIV.

[148]) Варіантъ въ исправленной рукописи. Изданіе Суворина, IV, 8.

[149]) Гл. 1-ая, XVI.

[150]) Венгеровъ, I, 528.—Въ автографѣ читаемъ и начало третьяго имени: „Къ Дав.", очевидно—„Къ Давыдову", бывшему вѣроятно въ близкихъ отношеніяхъ съ ними обоими.

[151]) Рукопись Румянцевскаго Музея № 2364.

[152]) Рисунки эти, кои мы имѣли случай видѣть въ подлинникѣ, воспроизведены у Венгерова, въ т. I, послѣ стр. 556.

lib.pushkinskijdom.ru

[153]) „Въ Москвѣ... ѣдятъ исправно, т. е. много“, „Въ немногихъ домахъ порядочный столъ“, „Chauvat былъ поваромъ у Оберъ-Шальме. Узнаю, гдѣ Chauvat теперь стряпаетъ. А Копъ, преемникъ Шальме, кормитъ теперь супами нѣмецкими и савусами, напоминающими искусство Калины Романовича“, „Не разстраивая Бабаевскую кухню, мнѣ необходимъ Василій поваръ“, „Благодарю тебя, любезнѣйшій братъ... Особенно за повара“, „Что дѣлать съ поваренкомъ? онъ *чрезвычайно* хорошо готовитъ для дороги... Кормитъ насъ славными котлетами“, „Сегодня постимся [наканунѣ Крещенія]; вспоминали за столомъ про Бабаевскіе сочельники. Много ли у васъ было горшечковъ?“ (Изъ разныхъ писемъ Михаила Андреевича къ брату).

[154]) Отъ 27-го Января 1825 г.

[155]) Изданіе Суворина, VIII, 129.

[156]) Состоявшимся 6-го Января 1825 г.

[157]) Письмо его отъ 25-го Января 1825 г.

[158]) Письмо его къ дѣтямъ отъ 12-го Августа неизвѣстнаго года.

[159]) Гл. 1-ая, XXXVI.

[160]) Письмо его къ брату отъ 15-го Мая 1830 г.

[161]) Отъ 3-го Ноября 1824 г.—„Прошу тебя взять на себя трудъ отправить лошадей моихъ съ новыми хомутами, кучера и форейтора въ Москву, въ домъ Ланга, на Кисловку“ и проч.—Письмо отъ 15-го Сент. 1824 г.

[162]) Гл. 1-ая, XLVI.

[163]) Письмо А. А. Щербинина отъ 26-го Мая 1830 г.

[164]) Вотъ для образца двѣ-три выдержки изъ немногихъ сохранившихся писемъ Михаила Андреевича: „Жена такъ толста, что насилу двигается, но соблюдаетъ милые европейскіе обычаи, съ утра до вечера веселится, ѣздитъ съ визитами“.—„Медики Московскіе, какъ я и не ошибся, выглядятъ—sehen aus—нехорошо; по ухваткамъ видно, что они, какъ и наши грѣшные убійцы, многихъ смертныхъ далеко до сроку отправили въ Елисейскія“.—„Здѣшніе врачи и врачихи отвѣчаютъ головой своею за совершенное излѣченіе старинной болѣзни Лизы. Имъ легко давать поголовныя клятвы: медики знаютъ, что они не въ Турціи“.—„Принцъ Оранскій здѣсь, его угащиваютъ, увеселяютъ здѣшними балетами, операми, ѣдою, и такимъ образомъ 12 дней сряду будутъ съ нимъ нянчиться. Эдакъ Парижъ бы прискучилъ, а Москва?“—„Получилъ восточную цыдулу отъ Ганджери. Она вся состоитъ изъ метафоръ Сади. Я вспомнилъ переписку нашего Негри со вторымъ тузомъ Персидской монархіи;—видно и Турки поэты“.—„Насчетъ свиней скажу тебѣ, что О. здѣсь нѣтъ. Я постараюсь поискать въ книжныхъ лавкахъ traité des cochons и привезу тебѣ. Теперь приступаю къ самому интересному вслѣдъ за свиньями: К. явился ко мнѣ сейчасъ“ и проч.—„Здѣсь все одно и тоже, и удовольствія москвичей весьма однообразны. Кромѣ скучныхъ визитовъ, оканчивающихся взаимными нѣжностями на манеръ персидскихъ, рѣдко бываютъ вечера, на которыхъ кромѣ виста нѣтъ никакихъ забавъ. Всѣ пустились въ игру, даже дѣвицы. Игра здѣсь усовершенствована до высочайшей тонкости, и кто хорошо играетъ, тотъ почитается человѣкомъ хорошаго тона“.—„Тимофей Мироновичъ Времевъ былъ здѣсь завлеченъ въ игру. Былъ побитъ больно и, выѣхавъ отсюда, умеръ на 9-ой верстѣ. Его схоронили, не освидѣтельствовавъ тѣла. Теперь идетъ страшное дѣло. Когда началось дѣло, то должны были вырыть тѣло.—Люди, участники сего злодѣйства, приняты здѣсь въ лучшемъ обществѣ. Вообразить себѣ нельзя, чтобы въ столицѣ было столько мерзавцевъ, которыхъ всѣ знаютъ по

lib.pushkinskijdom.ru

случавшимся прежде подобнымъ исторіямъ, и которые, не менѣе того, пользуются уваженіемъ, хотя только и наружнымъ".—(Въ связи съ послѣдними сѣтованіями невольно вспомнишь афоризмъ Грибоѣдова:

У насъ ругаютъ
Вездѣ—и всюду принимаютъ).

[165]) Гл. 1-ая, I.

[166]) Подъ 20-мъ Февраля 1821 г.

[167]) Впослѣдствіи, однако, судя по записи въ календарѣ, онъ дважды въ году служилъ „панафиды по батюшкѣ". Вѣрно въ самомъ дѣлѣ жена исправила его.

[168]) Гл. 1-ая, LIII.

[169]) Сохранилась среди конторскихъ бумагъ записка Михаила Андреевича къ старостѣ: „Григорій Новицкій, ты нехорошо сдѣлалъ, что заворотилъ подводы, пріѣзжавшія на Карачевку за дровами. Вмѣсто того, чтобы мнѣ дать знать о семъ, какъ тебѣ было отъ меня приказано, ты самоуправно дѣйствовалъ. Приказываю тебѣ впредь лучше понимать мои приказанія, да чтобы самоуправства отнюдь не происходило съ твоей стороны".

[170]) Увидавъ однажды съ балкона, въ подзорную трубу, что воловикъ, пасшій въ полѣ, версты за четыре отъ дома, „череду", напрасно старается вытрусить на ноготь, изъ пустого рожка, нюхательнаго табаку, Михаилъ Андреевичъ послалъ ему съ верховымъ понюхать табаку изъ своей табатерки. Воловикъ (Матѳей Крищенко) до конца жизни разсказывалъ объ этомъ случаѣ какъ о чудѣ.

[171]) Гл. 8-ая, XI.

[172]) Гл. 8-ая, XII.

[173]) Гл. 1-ая, LIV.

[174]) Тамъ же.—Другъ братьевъ Щербининыхъ Н. Дурново угадывалъ настроеніе Михаила Андреевича: „C'est de vous le premier—писалъ онъ къ Александру Андреевичу отъ 16-го Января 1825 г.—que j'apprends que Michel a pris son congé. Connaissant son caractère, je ne doute nullement que le séjour de la campagne ne peut pas avoir de charmes pour lui, même avec une épouse charmante (Отъ васъ отъ перваго узнаю о выходѣ въ отставку Михаила. Зная его характеръ, ничуть не сомнѣваюсь, что пребываніе въ деревнѣ, даже съ прелестною женой, не можетъ представить для него пріятностей)".

[175]) Письмо А. А. Щербинина къ брату отъ 29-го Декабря 1824 г.

[176]) „Quels yeux ferez-vous quand je vous dirai qu'il y a de cela quelques mois que mon mari a voulu prendre du service ici, et que c'est moi qui lui ai conseillé de n'en rien faire, qui lui ai observé que ce serait une folie, et qu'il valait bien mieux arranger ses affaires avant, passer quatre, cinq ans à la campagne et puis faire des plans etc. (Какими удивленными глазами вы на меня посмотрите, когда я скажу вамъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мужъ мой хотѣлъ поступить здѣсь на службу, и что отсовѣтовала ему это я, представивъ, что это было бы сумасшествіемъ, что лучше устроить сначала свои дѣла, проведя четыре, пять лѣтъ въ деревнѣ, а потомъ уже строить планы)". Письмо Елизаветы Павловны къ Александру Андреевичу отъ 20-го Января 1825 г.—„Mon mari s'amuse à gronder Moscou, à la trouver ennuyeuse, insupportable et à envoyer la ville et ses habitants à tous les diables (Мой мужъ развлекается тѣмъ, что бранитъ Москву, находитъ ее скучною, несносною и посылаетъ ее и ея жителей ко всѣмъ чертямъ)". Елизавета Павловна къ

lib.pushkinskijdom.ru

Александру Андревичу отъ 20-го Ноября 1825 г.—„Какъ далекъ я чувствовать какое либо удовольствіе, пока живу въ Москвѣ“... „Не имѣю здѣсь никакой радости“... „Въ Москвѣ скучно“... Письма Михаила Андреевича къ брату отъ 1825 г. Онъ жаловался также на обязанность дѣлать въ Москвѣ визиты съ женою.

[177]) Гл. 1-ая, XXXVIII.

[178]) (Григорьевъ) Поливановъ, IV, 153.

[179]) Поливановъ, IV, 178.

[180]) Благодаря любезности А. Ѳ. Онѣгина, Императорской Академіи Наукъ (въ лицѣ Б. Л. Модзалевскаго) и П. Е. Щеголева, я получилъ копію съ осьмистишія, хранящагося въ Пушкинскомъ музеѣ г-на Онѣгина и представляющаго или начало приведеннаго выше посланія, въ варіантѣ, или же самостоятельное, сокращенное, посланіе къ Щербинину. Въ осьмистишіи этомъ стихи 1-й—4-й вполнѣ соотвѣтствуютъ первымъ четыремъ стихамъ извѣстнаго посланія (въ XII-мъ выпускѣ „Пушкинъ и его Современники“ опечатка: вмѣсто „братъ“, слѣдуетъ читать „другъ“); но стихи 5-й—8-й являются совершенно самостоятельными. Не считая себя въ правѣ обнародовать ихъ цѣликомъ, пользуюсь изъ нихъ отдѣльными словами и выраженіями.

[181]) Гл. 8-ая, XIII.

[182]) Правда, что во многихъ мѣстахъ онъ побывалъ по обязанностямъ службы, въ теченіе кампаніи 1812—1815 гг. и проѣздомъ съ посольствомъ Ермолова въ Персію.

[183]) Вотъ это стихотвореніе. Принадлежитъ оно перу того же Martigny.

L' Absence et le Retour.

Quand le doux printems de mon âge
S'écoulait dans les jeux, les ris,
J'ignorai que le mariage
M'apporterait les maints soucis.
Le mari parcourt monts et vaux,
Captivé par mille objets nouveaux,
Et la femme reste au logis
Rêvant seulette à ses tristes ennuis.

* * *

Mais chut!... J'entends une clochette
Dont le tintin frappe les airs;
Oh! pour le coup, ma chère Annette,
A l'espoir mon coeur est ouvert.
Oh!... oui.... c'est lui qui revient,
Tin, tin, tin, tin, relin, tin, tin...
Allez-vous-en, sombres chagrins,
Les plaisirs reviennent soudain.

* * *

C'est lui... je vois son tchalavéka
Qui, comme lui brûlant d'amour,
Accourt au devant de la diewka
Qu'il voit au milieu de la cour.
Oh... oui... c'est Mical qui revient,
Tin, tin, tin, tin, relin, tin, tin etc.

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

Anne, Agraphène, paslouche,
Allez sichas dire à Mari-Van
D'apporter le dada Pawlouche
Pour fêter cet heureux instant.
Oh!... oui... le cher Mical revient etc.

* * *

Catinke, Annette, Pauline,
Vite accourez le saluer,
Car d'ici je vois à sa mine
Qu'il brûle de nous embrasser.
C'est lui, le mari qui revient etc.

* * *

Des fatigues d'un long voyage,
Mon cher Mical, reposez-vous,
Ecartez tout sombre nuage,
Le bonheur est auprès de nous.

---

[184]) Отмѣтки за Январь въ календарѣ 1829 г. Общая сумма проигрыша за этотъ мѣсяцъ 943 р., выигрыша—297 р.

[185]) Гл. 4-ая, XVIII, и гл. 8-ая, XXXXVIII.

[186]) Въ неизданномъ дневникѣ А. А. Щербинина читаемъ (перевожу съ французскаго): „27-го Февраля 1837 г.—Получилъ отъ моего брата сообщеніе о сценѣ, сдѣланной въ его домѣ харьковскимъ губернаторомъ кн. Т. по поводу разстегнутыхъ мундировъ. Я передалъ это свѣдѣніе гр. Сиверсу и генералу Горголи. Послѣдній пришелъ затѣмъ ко мнѣ и оставилъ записку, которую при семъ прилагаю, какъ доказательство благородства его мыслей, привязанности, постоянно питаемой имъ къ нашему семейству, и энергіи, съ какою онъ оказываетъ услуги своимъ друзьямъ, въ числѣ коихъ кн. Т., несмотря на дальнее съ нимъ родство, не находится".—Къ дневнику въ этомъ мѣстѣ приложена писанная карандашемъ, пофранцузски же, записка Горголи слѣдующаго содержанія: „Благодарю васъ за приложеніе къ письму вашего брата. Поступокъ кн. Т. является верхомъ смѣшного; узнаю его. Я былъ убѣжденъ, что рано или поздно онъ выкажетъ себя, какимъ онъ есть. Онъ не можетъ придти въ себя отъ почетнаго званія на него возложеннаго,—и я думаю, разгнѣвали его не столько разстегнутые мундиры, сколько то, что молодые люди суть адъютанты графа Строганова, а этотъ послѣдній колетъ ему глаза и мутитъ разсудокъ. Прошу у васъ позволенія сохранить на нѣсколько дней приложеніе къ письму вашего милаго брата, который въ этомъ случаѣ поступилъ какъ вполнѣ порядочный человѣкъ".

[187]) Ему былъ отведенъ одинъ изъ домиковъ, выстроенныхъ для дворовыхъ; до послѣдняго времени домикъ этотъ носилъ названіе „Головкинской хаты".

[188]) Отъ 7-го Марта 1830 г.

[189]) Гл. 2-ая, XIV.

[190]) Гл. 7-ая, XIX.

[191]) Гл. 7-ая, XXII.

lib.pushkinskijdom.ru

[192]) Изданіе Суворина, IV, 3.

[193]) Гл. 1-ая, III.

[194]) Бабаяхъ, Жихорѣ, Ледномъ, Яковлевкѣ и Алексѣевкѣ.

[195]) Руководимся документальными данными. У Венгерова, I, 530, несовсѣмъ точно указано, что у Андрея Петровича было всего 1400 душъ.

[196]) 3978 десятинъ луговой и пахотной земли, 4238 дес. чернаго лѣса и 960 дес. бора.—„Ращетъ объ отдачѣ Маріи Андреевнѣ деревни Алексѣевки", Бабаевскій архивъ.

[197]) Будъ, Ржавца и московскаго имѣнія Митина.

[198]) Гл. 1-ая, VII.

[199]) Бабаевскій архивъ.

[200]) Тамъ же.—Въ объясненіи причинъ разстройства фамиліи Щербининыхъ, разстройство это приписывается „непріязненнымъ поступкамъ разныхъ лицъ".

[201]) Письмо управляющаго конторою, 9-го класса кавалера К. Михайлова, къ Екатеринѣ Петровнѣ Щербининой, отъ 12-го Января 1815 г.

[202]) Гл. 1-ая, II.

[203]) Венгеровъ, III, 208.

[204]) Тамъ же, 209.

[205]) Гл. 1-ая, XXIII.

[206]) Поливановъ, I, 59.

[207]) Евгеній Онѣгинъ, „Альбомъ Онѣгина".

[208]) Кажется былъ у него и другой альбомъ, содержавшій исключительно записи и рисунки легкаго содержанія.

[209]) Въ предисловіи къ 1-му изданію 1-ой гл., Пушкинъ говоритъ, что она „напоминаетъ Беппо". Въ самомъ романѣ Онѣгинъ сравнивается съ Чайльдъ Гарольдомъ: „Какъ Чайльдъ Гарольдъ угрюмый, томный" и проч. (гл. 1-ая, XXXVIII).

[210]) Гл. 1-ая, VIII.

[211]) Гл. 1-ая, X.

[212]) Поливановъ, IV, 10.

[213]) Тамъ же, IV, 17.

[214]) Академическое изданіе, II, прим., 12, 13.

[215]) Получивъ смертельную рану, Пушкинъ вспомнилъ объ офицерѣ л.-гв. Московскаго полка Щербачевѣ (Михаилѣ Николаевичѣ), который былъ смертельно раненъ въ животъ, Дороховымъ, на дуэли, въ 1818 г. („Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина, со словъ бывшаго его лицейскаго товарища и секунданта К. К. Данзаса", изданіе А. А. Исакова, С.-Петербургъ 1863 г.); быть можетъ Пушкинъ зналъ этого Щербачева лично (не съ нимъ ли былъ у гадалки, сдѣлавшей обоимъ извѣстное предсказаніе?—„Пушкинъ, Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки", Л. Н. Майкова); однако въ нашей семьѣ не имѣется свѣдѣній о существованіи между ними близкихъ отношеній (М. Н. Щербачевъ приходится мнѣ двоюроднымъ дѣдомъ). Поэтъ зналъ еще другого Щербачева, моряка, а по преданіямъ одной изъ отраслей Щербачевыхъ, былъ пріятелемъ (?) нѣкоего Александра Александровича Щербачева, офицера Сумскаго гусарскаго полка, убитаго на дуэли въ 1838 или 1839 г. Но въ данномъ случаѣ ни о томъ ни о другомъ не можетъ быть рѣчи: съ первымъ Пушкинъ встрѣтился только въ Одессѣ, слѣдовательно послѣ 1818 г. (источника не припомнимъ,—„Пушкинъ въ Южной Россіи" П. Бартенева?), а второму въ 1818 г. было всего 5 лѣтъ.

lib.pushkinskijdom.ru

[216]) Гл. 1-ая, XXXVI.

[217]) Гл. 1-ая, XV.

[218]) „Матеріалы“ Л. Н. Майкова, 37; рукопись Румянцевскаго Музея, 2364, л. 7, об.

[219]) Гл. 1-ая, XXVII.

[220]) Гл. 1-ая, XXXVII.

[221]) Кромѣ приведеннаго мѣста, еще въ XVI-й строфѣ 1-ой главы.

[222]) Полное собраніе его сочиненій, IV, 136.

[223]) Венгеровъ, I, 550.

[224]) I, прим. 359—360.

[225]) „Незначительны свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Каверинѣ“, говоритъ Н. О. Лернеръ, „но всѣ они ясно рисуютъ бурную и даровитую натуру, полную страстей и привлекательную“. По Лернеру, Каверинъ былъ богатою и сложною натурой, соединявшей любовь къ наукѣ и способность къ серьезному мышленію съ разгуломъ и „скиѳскою жаждой“ (Венгеровъ, I, 131).

[226]) Дворянскій адресъ-календарь 1898 г., II, 43.

[227]) Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона.

[228]) Дворянскій адресъ-календарь 1898 г., II, 43. Въ семействѣ Кавериныхъ имѣлась жалованная грамота на имя Матвѣя Каверина, безъ сомнѣнія брата означеннаго Ивана (см. ниже родословную, прим. 232-е); нынѣ грамота эта утеряна.

[229]) Болотовъ, т. III, 884, 892—895.—А. Т. Болотовъ былъ женатъ на Кавериной.

[230]) Дворянскій адресъ-календарь 1898 г. (?)

[231]) „Русскій Архивъ“ 1872 г., стб. 2398. „Грибоѣдовская Москва“, „Вѣстникъ Европы“ 1874, 1875 гг., письмо М. А. Волковой отъ 17-го Сентября 1812 г.

[232]) Вотъ часть этой родословной: 1. Илья Каверинъ.—2. Иванъ Ильинъ сынъ, стольникъ, пожалованъ вотчиною въ 7177 г. (1).—3. Матвѣй Ильинъ (1).—4. Василій Ильинъ (1).—5. Ѳедоръ Ильинъ (1).—6. Ѳедоръ Ильинъ (1).—7. Иванъ Ивановъ, капитанъ (2).—8. Григорій Матвѣевъ (3).—9. Иванъ Васильевъ (4).—10. Алексѣй Васильевъ (4).—11. Гаврила Ѳедоровъ (5).—12. Иванъ Ѳедоровъ (5).—13. Ѳедоръ Ѳедоровъ (5).—14. Василій Ѳедоровъ (6).—15. Захаръ Ѳедоровъ, полковникъ (6).—16. Андрей Ивановъ, прапорщикъ (7).—17. Михаилъ Григорьевъ (8).—18. Александръ Григорьевъ (8).—19. Никита Ивановъ, надворный совѣтникъ (12).—20. Михаилъ Ѳедоровъ (13).—21. Никита Васильевъ (14).—22. Александръ Захаровъ (15).—23. Иванъ Андреевъ (16).—24. Николай Александровъ, капитанъ (18).—15. Александръ Александровъ (18).—26. Иванъ Никитинъ (19).—27. Петръ Никитинъ (19).—Михаилъ Никитинъ (19).—29. Павелъ Никитинъ (21).—30. Степанъ Никитинъ (21).—31. Павелъ Ивановъ (23).—Варвара Иванова (23).

[233]) Сочиненія кн. Вяземскаго, VII, 395.

[234]) „Русскій Архивъ“ 1876 г., I, 205, 206: „Изъ старой записной книжки“. Сочиненія Кн. П. А. Вяземскаго, VIII, 435, 436.—Въ своей словоохотливости П. Н. самъ сознавался (см. ниже, прим. 257). Забавна разсказанная имъ самимъ Вяземскому шутка умирающаго Офросимова, который по выходѣ Каверина изъ его спальни, послалъ къ нему въ догонку слугу спросить, не желаетъ ли онъ взять съ собою кого нибудь въ карету, чтобы было съ кѣмъ поговорить (см. сочиненія кн. Вяземскаго, XIII, 435, 436). Равнымъ обра-

lib.pushkinskijdom.ru

зомъ и по свидѣтельству Булгакова, Павелъ Никитичъ „не изъ послѣднихъ былъ говоруновъ". „О чемъ рѣчь бы не была, онъ имѣлъ всегда въ готовности какой-нибудь анекдотъ" („Старина и Новизна", VII, 11).—Княгиня Варвара Сергѣевна Голицына, рожденная Кагульская, отзывается о Павлѣ Никитичѣ не такъ благосклонно; описывая въ своемъ дневникѣ неожиданную встрѣчу съ нимъ въ Радзивиловѣ, у его сына, она между прочимъ говоритъ: „Le père est le même—un vieux radoteur, ne manquant pas d'esprit, mais vaniteux et sans le moindre bon sens (Отецъ все тотъ же—старый болтунъ, не лишенный остроумія, но тщеславный и безъ малѣйшаго здраваго смысла)".—Дневникъ этотъ не изданъ; выдержки изъ него были сообщены мнѣ покойнымъ кн. Н. Н. Голицынымъ.

[235]) Сочиненія Кн. П. А. Вяземскаго, VII, 394, 395. О здравости сужденій Каверина можно между прочимъ заключить изъ его записокъ и писемъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" и въ другихъ изданіяхъ.

[236]) Остафьевскій Архивъ, III, 431, и дневникъ Елизаветы Павловны.

[237]) Павелъ Никитичъ былъ пожалованъ въ 1795 г. орденомъ св. Владиміра 4-ой степени „за многіе труды, понесенные имъ по разнымъ возложеннымъ на него порученіямъ отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала кн. Потемкина Таврическаго, которыя Каверинъ исполнялъ съ похвальнымъ радѣніемъ и точностью" (копія съ высочайшей грамоты, мой семейный архивъ въ Катринѣ).

[238]) Оберъ-полицмейстеромъ назначенъ по указу отъ 31-го Марта 1797 г.

[239]) Относительно распорядительности Павла Никитича А. М. Тургеневъ разсказываетъ между прочимъ, что его стараніемъ въ Мартѣ 1797 г. для императрицы Маріи Ѳедоровны въ одинъ день былъ счищенъ снѣгъ съ дороги между Петровскимъ дворцомъ и Москвою. Московская полиція гнала за Поварскую заставу на эту работу всѣхъ, кто только ей попадался на улицѣ, кромѣ лицъ въ мундирахъ („Русская Старина", т. 62, 199, 200). Такое распоряженіе при императорѣ Павлѣ было вполнѣ возможно, но уже со стороны Александра I-го оно встрѣтило бы порицаніе. Въ 1811 г. въ бытность Павла Никитича Калужскимъ губернаторомъ имъ получено было отъ Министра Полиціи Балашева слѣдующее предписаніе (отъ 16-го Августа за № 1329).—„Донесеніе вашего превосходительства о сгорѣвшихъ въ Калугѣ кожевенныхъ заводахъ и о чиновникахъ, употребленныхъ вами въ потушеніи оного пожара, представлялъ я на высочайшее усмотрѣніе государя императора.—Его величество, изъявивъ свое удивленіе, что чиновники должностей такъ отдаленныхъ отъ полицейской, каковы предсѣдатель гражданской палаты и прокуроръ, были употребляемы по части тушенія пожаровъ, высочайше повелѣть соизволилъ замѣтить вамъ оное, что я симъ и исполняю" (Катринскій архивъ).

[240]) Въ бытность императора Павла въ Москвѣ (во время коронаціи), сопровождавшій его при объѣздѣ столицы Павелъ Никитичъ, въ отвѣтъ на вопросы государя, не запинаясь, наобумъ называлъ владѣльцевъ домовъ на всѣхъ улицахъ, по которымъ они проѣзжали.

[241]) Указомъ отъ 9-го Декабря 1798 г.

[242]) Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I", II, 10.

[243]) „Русскій Архивъ" 1870 г., 770, прим. 9. Выдержки изъ дружескихъ писемъ Евгенія.

[244]) Катринскій архивъ.

[245]) Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, VII, 395.—Во всякомъ случаѣ не злоупотреблялъ въ своекорыстныхъ видахъ.

lib.pushkinskijdom.ru

[246]) Записка въ Каверинскомъ дѣлѣ, Катринскій архивъ.

[247]) „Русскій Архивъ“ 1901 г., II, 25, 26: „Народная война въ Смоленской губ. 1812 г.“, А. Слезскинскаго.

[248]) „Остафьевскій Архивъ“, III, 642.

[249]) Письмо главнокомандующаго изъ Спасскаго, отъ 21-го Октября 1812 г. („Русская Старина“ 1877 г., XVIII, 264, „Отъ Малоярославца до Березины“ А. Н. Попова; „Описаніе происшествій 1812 г. въ Калужской губ.“ Зеленицкаго, 151, 154). См. также статью „Еще письма, касающіяся Отечественной войны“, 4-я книга „Чтеній въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ“ за 1912 г.

[250]) „Русскій Архивъ“ 1904 г., II, 346, письмо К. Я. Булгакова отъ 3-го Мая 1813 г.

[251]) Любопытенъ отвѣтъ графа Ростопчина на его просьбу о предстательствѣ по этому предмету предъ княземъ Кутузовымъ: „Что касается до содѣйствія моего у его свѣтлости, могу только сказать то, что я главнокомандующаго не вижу, хотя и самъ при арміи. Образъ моихъ мыслей и любовь къ отечеству не позволяютъ мнѣ быть знакомымъ съ предателемъ Москвы“ (Письмо изъ Пахры отъ 12-го Сент. 1812 г. См. „Еще письма, касающіяся Отечественной войны“, 4-я книга „Чтеній въ Имп. Обществѣ Исторіи Древностей при Московскомъ Университетѣ“ за 1912 г., стр. 3. Оригиналъ въ Катринскомъ архивѣ).

[252]) Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, VII, 99.

[253]) Имя его значится въ составленномъ М. И. Пыляевымъ „Спискѣ главнѣйшихъ мемуаровъ и записокъ, оставленныхъ русскими писателями и общественными дѣятелями и до сихъ поръ еще не обнародованныхъ“.—Историческій Вѣстникъ 1890 г., XXXIX, 232, „Записки Русскихъ людей“.

[254]) Къ числу этихъ недоброжелателей, кромѣ упомянутаго выше А. М. Тургенева, слѣдуетъ отнести Волкову и другихъ. Нападки на него этихъ лицъ можно прямо признать клеветою. Тургеневъ, напримѣръ, обвиняетъ Павла Никитича въ томъ, что онъ тотчасъ послѣ свадьбы продалъ свою жену Валерьяну Зубову за постъ московскаго полицмейстера. Но сохранившіяся письма Зубова къ Каверину не подтверждаютъ этого обвиненія. Изъ нихъ можно заключить, что Зубовъ познакомился съ Кавериной только чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея замужества, и кромѣ того, что онъ состоялъ должникомъ Каверина на крупную сумму, которую годами не могъ выплатить. Письма эти по преимуществу дѣловыя, и объ Аннѣ Петровнѣ упоминается лишь въ позднѣйшихъ изъ нихъ (отъ 1-го Марта 1798 г.: „Кланяйся и цѣлуй ручки у Анны Петровны. Жена моя чрезвычайно желаетъ съ ней видѣться“; отъ 17-го Апрѣля 1801 г.: „Аннѣ Петровнѣ мое почтеніе, цѣлую у нея ручку“; отъ 23-го Іюня 1802 г.: „У милостивой государыни Анны Петровны цѣлую ручки и прошу, какъ вы къ Курляндскимъ водамъ истинно ѣдете, то у насъ на перепутьѣ остановиться. Я надѣюсь, что жена моя съ вами въ Курляндію поѣдетъ, ибо ей въ помощи оныхъ нужда“.—Катринскій архивъ).—Слѣдуетъ еще прибавить, что Павелъ Никитичъ былъ чрезвычайно ревнивъ; уже подъ конецъ жизни Анны Петровны, когда она была матерью шести дѣтей, онъ чуть не разошелся съ нею, заподозривъ ее въ невѣрности.

[255]) Интересно въ этомъ отношеніи письмо его къ сыну Алексѣю Павловичу съ наставленіемъ о томъ, какъ слѣдуетъ ему служить въ качествѣ жандармскаго офицера (тамъ же).—Самъ онъ къ служебнымъ своимъ обязанностямъ

lib.pushkinskijdom.ru

относился съ усердіемъ и сознаніемъ долга. Гр. Ростопчинъ писалъ къ нему отъ 1-го Декабря 1912 г.: „Судьба ваша есть одно изъ моихъ удивленій. Потерпите, война теперь долго продолжиться не можетъ, и при возвращеніи Государя вы имѣете большее право на его вниманіе. Если я успѣлъ сохранить жителей московскихъ въ живыхъ, а Москву оставить безъ бунту, то вы съ вашей стороны успѣли сохранить въ живыхъ остатки военной силы и кормили все войско. Жаль, что дѣла ваши шли черезъ желудокъ Кутузова, а онъ, думая о себѣ, забылъ тѣхъ, кои служили отечеству и жертвовали собою Государю. Вотъ что я о вашей службѣ думаю, что говорю, пишу, и говорить и писать буду“ (См. „Еще письма, касающіяся Отечественной войны“, стр. 11, 4-я книга „Чтеній въ Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“ за 1812 г. Оригиналъ въ Катринскомъ архивѣ).

[256]) Вотъ въ азбучномъ порядкѣ имена лицъ, письма которыхъ къ Павлу Никитичу имѣются въ Катринскомъ архивѣ: гр. Петръ и Степанъ Степановичи Апраксины, бар. Казимиръ Ашъ, кн. П. Багратіонъ, Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, гр. Бенигсенъ, графиня Анна Бутурлина, гр. З. Бутурлинъ, кн. Петръ Вадбольскій, его жена, бар. Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, гр. Артемій Воронцовъ, кн. Гавріилъ П. Гагаринъ, княгини Анна, Варвара, Елизавета Голицыны, кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ, другой кн. Александръ Голицынъ, князья Дмитрій, Михаилъ, Николай и Сергѣй Голицыны, гр. Юрій Головкинъ, кн. Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, гр. Дмитрій Гурьевъ, гр. Иванъ Гудовичъ, графы Валерьянъ и Николай Зубовы, графиня Елизавета Зубова, Иванъ Инзовъ, гр. В. Кочубей, кн. Александръ Куракинъ, кн. Алексѣй Куракинъ, Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ (съ предписаній кн. М. И. Голенищева-Кутузова имѣются лишь копіи), сенаторъ Ланской, Петръ Коновницынъ, князья Д., Иванъ и Яковъ Лобановы-Ростовскіе, Иванъ и Петръ Лопухины, гр. Милорадовичъ, кн. Сергѣй Одоевскій, гр. Алексѣй Разумовскій, гр. Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, гр. Н. И. Салтыковъ, другой гр. Салтыковъ, кн. Иванъ Тюфякинъ, Егоръ Фуксъ и гр. Шереметевъ.—Имѣвшіеся въ этомъ собраніи подлинные ордера императора Павла давно уже кѣмъ-то выкрадены.

[257]) „Павелъ Никитичъ хотя и болтливъ (въ чемъ онъ самъ признается), но даромъ не будетъ бранить никого“. Письмо М. А. Щербинина къ брату отъ 25-го Янв. 1825 г.

[258]) Сочиненія Кн. П. А. Вяземскаго, VII, 395.

[259]) Катринскій архивъ.—Ростопчинъ упоминаетъ между прочимъ о Каверинѣ въ перепискѣ своей съ Киселевымъ („Русскій Архивъ“ 1863 г., 822). О шуткѣ надъ нимъ Ростопчина см. „Старину и Новизну“, VII, 119—122.

[260]) Сочиненія кн. Вяземскаго, VII, 99.

[261]) „Старина и Новизна“, I, 26, прим. 28.

[262]) „Остафьевскій Архивъ“, III, 432.

[263]) Сочиненія кн. Вяземскаго, VII, 99.

[264]) вице-директора департамента внѣшней торговли: „ Ты, мой любезнѣйшій и многообязательный князь Петръ Андреевичъ“, обращался онъ къ нему въ 1837 г.

[265]) Семьѣ Каверинныхъ дѣлались всякія любезности за услуги, оказываемыя Павломъ Никитичемъ. Напоминаніемъ о „толстобрюхой старинѣ“ вѣетъ отъ нижеслѣдующаго знака вниманія (препроводительная записка, писанная писарскимъ почеркомъ; Катринскій архивъ):

lib.pushkinskijdom.ru

„Князь Серьгій Ивановичъ Одоевскій! имѣетъ честь и удовольствіе послать Ее превосходительству Анне Петровне Кавериной кулебаку въ десять слаевъ и желаетъ чтобы понравилась.

Слои въ кулебаке.

1. каша изъ обварныхъ крупъ
2. рубленые яицы
3. семга
4. фаршъ изъ телятины
5. тешка асетрія
6. каша изъ смоленскихъ крупъ на малакѣ
7. стерледи налимы и налимовы печонки
8. фаршъ изъ налимовъ и щукъ
9. слаткое мясо
10. мозги изъ говяжихъ костей

Апреля 29 дня 1801-го года".

[266]) Жалованная грамота отъ 24-го Апрѣля 1801 г.—Грамота эта, равно какъ и бо́льшая часть другихъ Каверинскихъ документовъ, находится у правнучекъ Павла Никитича С. Н. Угрюмовой и Е. Н. Кавериной.—Въ Іюлѣ 1805 г. за нимъ уже „деревень не состояло, а было 60 человѣкъ дворовыхъ людей" (справка любезно сообщенная намъ, въ числѣ многихъ другихъ свѣдѣній, С. А. Бѣлокуровымъ, изъ дѣлъ Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ).

[267]) гдѣ въ 1775 г. содержался и показывался народу въ желѣзной клѣткѣ Пугачевъ.—„Русскій Архивъ" 1878 г., I, 284.

[268]) Сочиненія кн. Вяземскаго, VII, 99.

[269]) Каверинское дѣло, Катринскій архивъ.

[270]) Одну подмосковную онъ продалъ въ 1813 г.—Въ дневникѣ Елизаветы Павловны попадаются названія: Утѣшкино, Свѣтлое, Свирлово—имѣнія, въ которыхъ Каверины проводили лѣто. О Свирловѣ упоминается и въ письмѣ Мерзлякова къ Жуковскому отъ 22-го Сентября 1803 г. („Русскій Архивъ" 1871 г., стб. 0143).

[271]) Записки А. М. Тургенева, „Русская Старина", т. 62, 197.

[272]) По семейному преданію, Охотный Рядъ пошелъ весь въ уплату карточнаго долга—за баснословно-дешевую цѣну (200.000 р.). Узнавъ, что Павелъ Никитичъ лишается Охотнаго Ряда, купцы, весьма выгодно нанимавшіе у него помѣщенія подъ лавки, собрали будто бы нужную сумму и предложили ее ему, съ поклономъ, взаймы,—но опоздали: Охотный Рядъ уже перешелъ въ другія руки.

[273]) Предложеніе онъ сдѣлалъ ей въ стихахъ, пофранцузски.—Катринскій архивъ.

[274]) Вѣроятно чрезъ Анну Петровну попала въ семейство Кавериныхъ прекрасно сохранившаяся жалованная грамота (на пергаментѣ, за большою подвѣсною печатью въ серебряной позолоченой коробкѣ) царя Петра Алексѣевича, 1709 г., коменданту надъ Копорьемъ ландрихтеру Якову Никитичу Римскому-Корсакову на многія помѣстья въ Новгородскомъ уѣздѣ. Грамота эта находится въ Катринскомъ архивѣ.

[275]) Миніатюры ея и портретъ, масляными красками, прекрасной кисти, сохранились (въ Катринѣ). На одной изъ миніатюръ она изображена уже больною—остриженной, нечесанной и въ шубѣ, замѣнявшей ей халатъ.

[276]) Дневникъ Елизаветы Павловны.—Похоронена въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ; памятникъ ея, существовавшій еще въ 60-хъ годахъ, въ настоящее время убранъ, или съ него изчезла мѣдная таблица съ надгробною надписью.

lib.pushkinskijdom.ru

[277]) „Каверину пришла петля“, писалъ о немъ А. Я. Булгаковъ къ брату отъ 14-го Августа 1813 г. („Русскій Архивъ“ 1900 г., II, 212). Карамзинъ въ письмѣ къ Вяземскому «желалъ ему вылѣзть изъ омута“ („Старина и Новизна“, I, 26, прим. 28).

[278]) „Вѣстникъ Европы“, Мартъ 1875 г., 247, 248.

[279]) Когда Авдотья Сергѣевна путешествовала (а путешествовала она не иначе какъ на долгихъ, на своихъ, съ молельней, кухней и цѣлымъ обозомъ разной прислуги и клади), по ея приказанію при всякомъ случаѣ обнародывались чинъ и званіе ея мужа. Однажды на станціи или постояломъ дворѣ, въ комнатѣ, сосѣдней съ ея помѣщеніемъ, остановился какой-то безпокойный проѣзжій. Къ нему былъ посланъ дворецкій сказать, что „тайная совѣтница, сенаторша Авдотья Сергѣевна Каверина просятъ не шумѣть“.—„Скажи твоей тайной совѣтницѣ“, отвѣчалъ ему проѣзжій, „что тутъ самъ свѣтлѣйшій кутитъ!“—Какъ выяснилось тогда же, это былъ гр. Григ. Ал. Строгановъ.

[280]) „Papa fut fort triste ce soir! Quel bon père! Que je suis heureuse d'en avoir un pareil!—Il tâche de deviner chaque regard, chaque désir. A peine dit-il un mot qu'il croit qui affligera—il s'empresse de (le) réparer en donnant un tendre baiser! Y a-t-il un père qui lui ressemble? (Сегодня вечеромъ папа былъ очень грустенъ. Что за любящій отецъ! Онъ старается угадать всякій взглядъ, всякое желанье. И если у него вырвется слово, способное, какъ онъ думаетъ, огорчить, онъ спѣшитъ загладить его нѣжнымъ поцѣлуемъ. Есть ли на свѣтѣ другой такой отецъ?)“.—Запись Елизаветы Павловны, отъ 25-го Ноября 1816 г.—Какъ увидимъ ниже, о старшемъ сынѣ Павелъ Никитичъ дѣятельно заботился и хлопоталъ, когда тотъ уже находился на службѣ, а младшему, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, преподавалъ полные практической мудрости совѣты (Катринскій архивъ).

[281]) Въ „Остафьевскомъ Архивѣ“, III, 431, 432, ошибочно 31-го Іюля 1827 г.

[282]) На одной: „Въ храмѣ семъ покоится прахъ Тайнаго Совѣтника Сенатора и Кавалера Каверина. Храмъ сей воздвигнутъ иждивеніемъ вдовы Покойника Авдотьею Сергѣевною Кавериной, урожденной Богдановой“.—На другой: „Таблица достопамятныхъ дней жизни во храмѣ семъ въ Бозѣ почивающаго Павла Никитича, Тайнаго Совѣтника, Сенатора и Кавалера Каверина, а именно: день рожденія его—3 Января,—тезоименитства—15 Января,—преставленія его отъ временной жизни къ вѣчной—4 Февраля.—Всѣхъ лѣтъ житія сего достопамятнаго мужа было девяносто“.

[283]) Шестой, Владиміръ, скончался въ младенчествѣ. Сохранился его портретъ пастелью.

[284]) Малышевъ владѣлъ 7-ю тысячами душъ крестьянъ, былъ человѣкомъ мягкимъ, благодушнымъ, но притомъ совершенно бездѣятельнымъ; подъ конецъ жизни разорился—какъ кажется исключительно вслѣдствіе своей безпечности, потому что его „холопы рѣшительно никто ничего не дѣлали, ѣли, платой брали, крали и развратничали“ (изъ письма А. С. Кавериной, отъ 26-го Ноября 1859 г.).—„Получишь ты письмо мое отъ Малышева“, писалъ кн. Вяземскій Пушкину отъ 22-го Ноября 1827 г., „хорошаго мнѣ пріятеля и добраго человѣка. Полюби его, если можешь любить кого-нибудь, и дай ему стиховъ своихъ: онъ скажетъ тебѣ для чего“ (Переписка Пушкина, II, 49 и 50). Елизавета Павловна называетъ Малышева ангеломъ („Malicheff, quel ange“), однако осуждаетъ нѣкоторые странные его взгляды: „Il y eut une conversation entre mon frère et Malich. et j'avais peur qu'elle ne fût trop vive. J'avoue que Malich, a

lib.pushkinskijdom.ru

quelquefois ces idées de se faire corsaire—ces belles idées que lui donnent les conspirateurs qui sont selon lui des hommes sublimes—il répète ce qu'il a entendu dire à Paris et je suis sûre qu'il n'y pense pas même. Je lui ai fait cette remarque—et cela l'a indisposé contre moi (Между моимъ братомъ и Малышевымъ произошелъ разговоръ, и я боялась, какъ бы разговоръ этотъ не сталъ слишкомъ горячъ. Надо признаться, что иногда у Малышева бываютъ странныя идеи—сдѣлаться, напр., корсаромъ;—это славныя идеи, внушенныя ему заговорщиками, которые по его мнѣнію суть великіе люди. Онъ повторяетъ, что̀ слышалъ въ Парижѣ. Я увѣрена, что на самомъ дѣлѣ онъ объ этомъ и не помышляетъ. Я замѣтила ему это, чѣмъ возстановила его противъ себя)". Малышевъ родился 8-го Сентября 1789 г., ум. 27-го Мая 1830 г., похороненъ въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ жены („Московскій Некрополь").

[285]) Дневникъ Елизаветы Павловны.

[286]) Акварель Изабея находится у А. Н. Щербачева, въ Петербургѣ, миніатюра Даффингера—у меня, въ Катринѣ. Бюстъ Елены Павловны, сдѣланный Бартолини, утраченъ; находился въ Елизаветполѣ.

[287]) Сочиненія Батюшкова, III, 570.

[288]) по имени Марія; родилась 9-го Ноября 1814 г., умерла почти внезапно отъ какой-то горловой болѣзни (дневникъ Елизаветы Павловны).—Къ крайней досадѣ Батюшкова, стихотвореніе его появилось въ печати безъ его разрѣшенія. Привезено оно было въ Россію Блудовымъ и напечатано въ „Сынѣ Отечества", въ искаженномъ видѣ, Воейковымъ, подъ заглавіемъ: „Надгробіе русскому младенцу, умершему въ Неаполѣ" („Сынъ Отечества" 1820 г., ч. 64, стр. 83). Искаженіе этихъ стиховъ вызвало полемику между Воейковымъ и Блудовымъ (тамъ же, стр. 137 и 190; см. также „Остафьевскій Архивъ", прим. 2, стр. 416). Батюшковъ, узнавъ за границею объ этой полемикѣ, выразилъ неудовольствіе какъ противъ издателя „Сына Отечества", такъ и противъ появленія эпитафіи въ печати („Остафьевскій Архивъ", II, 416, со ссылкою на сочиненія Батюшкова, III, 570).—Батюшковъ былъ знакомъ и съ Елизаветою Павловной. Въ альбомѣ послѣдней находимъ абрисъ его руки, сдѣланный вѣроятно въ Дрезденѣ въ 1820 г. (Катринскій архивъ).—Отмѣтимъ мимоходомъ слѣдующую опечатку въ изданіи сочиненій этого поэта: въ указателѣ III тома значится имя Каверина со ссылкою на стр. 446, между тѣмъ въ текстѣ указанной страницы имени этого не встрѣчается.

[289]) „Остафьевскій Архивъ", I, 521, и II, 62.

[290]) 17-го Мая. Похоронена была сначала въ Парижѣ на кладбищѣ Père Lachaise, затѣмъ прахъ ея перевезенъ въ Москву, въ Ново-Дѣвичій монастырь, гдѣ покоится подъ общимъ памятникомъ, рядомъ съ останками сестры ея, Олсуфьевой. Въ конторѣ кладбища Père Lachaise, въ одномъ изъ многочисленныхъ реестровъ, содержимыхъ въ удивительномъ порядкѣ, мы нашли подробную запись о ея погребеніи, съ послѣдующею отмѣткой: „exhumée et passée en Pologne (?) le 17 Juillet 1821". Елена Павловна родилась—по дневнику Елизаветы Павловны 29-го Мая 1797 г., а по „Московскому Некрополю" 27-го Мая 1796 г.

[291]) Олсуфьевъ „въ службу Е. И. В. принятъ изъ дворянъ, 1801 г. октября 13, юнкеромъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ къ московскому архиву. 1806 г. генваря 2 произведенъ переводчикомъ. 1812 г. іюня 1 по высочайшему имянному указу отправленъ былъ къ г. генералу-отъ-инфантеріи кн. Багратіону для иностранной переписки. 1812 г. іюля 8

lib.pushkinskijdom.ru

произведенъ въ титулярные совѣтники. 1813 г. генваря 21 уволенъ вовсе отъ службы съ награжденіемъ чина колл. ассессора" (Изъ дѣлъ Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ). Умеръ 31-го Марта 1853 г., „Остафьевскій Архивъ", III, 432.

[292]) „Грибоѣдовская Москва" М. А. Волковой, „Вѣстникъ Европы" 1874, 1875 гг.

[293]) „25 Декабря 1816.... Не понимаю, что́ сдѣлалось съ Олсуфьевой; теперь сестра ея Малышева гораздо красивѣе ея, а прежде Олсуфьева была лучше сестры" (тамъ же).

[294]) Родилась 28-го Мая 1798 г., умерла (въ Москвѣ) 26-го Мая 1819 г. („Московскій Некрополь").

[295]) „Остафьевскій Архивъ", III, 52. Письмо Тургенева отъ 4-го Іюня ко кн. Вяземскому отнесено ошибочно къ 1824 г., вмѣсто 1819 г.—У А. Д. и М. П. Олсуфьевыхъ были: сынъ Павелъ, умершій въ молодыхъ лѣтахъ, и дочь Дарья, въ замужествѣ за Андреемъ Михайловичемъ Миклашевскимъ. У Андр. Мих. и Дарьи Александровны Миклашевскихъ—дочери: Марья Андреевна, по мужу Скоропадская (†), и бывшая гофмейстерина двора великой княгини Елисаветы Ѳеодоровны, нынѣ статсъ-дама, Александра Андреевна, въ замужествѣ за генераломъ-отъ-кавалеріи, почетнымъ опекуномъ, членомъ Александровскаго комитета о раненныхъ, графомъ Алексѣемъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ (сыномъ Василія Дмитріевича, упоминаемаго выше на страницахъ 16-й и 42-й).—У Скоропадскихъ и у Олсуфьевыхъ дѣти.—Портретъ Маріи Павловны Олсуфьевой, масляными красками, находится въ господской усадьбѣ с. Волокитина близъ Путивля; миніатюра—у А. Н. Щербачева въ Петербургѣ.

[296]) Родилась 2-го Ноября 1801 г., ум. 8-го Ноября 1854 г.

[297]) По свидѣтельству Елизаветы Павловны, лицомъ Анна Павловна была красивѣе всѣхъ сестеръ (Дневникъ).

[298]) Имѣніе Скобелева называлось Чернышкино.

[299]) Стихотвореніе это было кѣмъ-то сообщено въ „Русскій Архивъ". Копія, писарскою рукой, за подписью Скобелева, хранится въ Катринскомъ архивѣ.—Скобелевъ былъ такимъ же говоруномъ, какъ Павелъ Никитичъ. По условію они говорили каждый по очереди въ теченіе опредѣленнаго времени; какъ только минутная стрѣлка указывала, что срокъ для одного истекъ, другой перебивалъ его на полусловѣ.—М. А. Щербининъ, гостившій съ женою у тестя въ Колодезяхъ, писалъ къ брату (отъ 16-го Іюня 1824 г.): „Вчера былъ здѣсь Скобелевъ, кричалъ много и игралъ въ вистъ. Я взялъ съ него сто рубликовъ".

[300]) Похоронена была въ оградѣ церкви села Жихора рядомъ съ общею нянюшкой сестеръ Кавериныхъ, страстно любимой ими „мамушкой" Аграфеной Васильевной Чумаковой. При перестройкѣ храма останки обѣихъ очутились подъ спудомъ, въ самой церкви. Позднѣе, внутри храма, на соотвѣтствующей стѣнѣ надъ мѣстомъ могилъ, по распоряженію покойной жены моей повѣшены выписанные съ Аѳона образа св. Анны и св. Аграфены.

[301]) „Русская Старина" 1896 г., т. 85, 429, со ссылкою на „Памятную книжку Имп. Александровскаго Лицея на 1885 г.", приложеніе, 132. Тамъ же ошибочно сказано, что Алексѣй Павловичъ умеръ въ чинѣ подполковника корпуса лѣсничихъ.

[302]) Такъ напечатано въ одномъ изъ изданій—въ какомъ не упомню.

lib.pushkinskijdom.ru

[303]) Указаніемъ на это въ числѣ другихъ данныхъ служитъ относящійся ко днямъ его отрочества портретъ, на которомъ онъ изображенъ въ партикулярномъ платьѣ.

[304]) „Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ, по донесенію вашему отъ 1-го мая, пріѣхавшаго изъ Берлина въ Ригу француза Дебонуаръ, нанявшагося къ дѣйствительному статскому совѣтнику Каверину, пропустить въ Москву я позволяю. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ“.—(Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ Первый“, I, стр. 327).

[305]) „который (какъ указано въ Академическомъ изданіи, I, стр. 375, 376) и сохранилъ о томъ извѣстіе въ своемъ дневникѣ, хранящемся въ Имп. Публичной библіотекѣ“. Но здѣсь повидимому кроется недоразумѣніе. По крайней мѣрѣ намъ не удалось найти въ этомъ дневникѣ упоминанія о Каверинѣ. Авторъ говоритъ только, на первыхъ страницахъ, что его провожали изъ Геттингена русскіе, по имени же никого не называетъ. Названы эти соотечественники, кажется, лишь въ примѣчаніи къ статьѣ Михайловскаго-Данилевскаго въ „Русской Старинѣ“ 1891 г., 71, 482. Даты пребыванія Каверина въ Геттингенскомъ университетѣ можно найти въ книгѣ M. Wischnitzer'a: „Die Univ. Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 16 Jahrh.“ Berlin (E. Ebering), 1907. Книги этой у насъ въ рукахъ не было; о ней упоминается въ статьѣ П. Е. Щеголева: „Зеленая Лампа“, Пушкинъ и его Современники, VII, 35, прим. 3. Петръ Павловичъ находился въ Геттингенскомъ университетѣ и въ 1812 г. „Сынъ мой“, писалъ Павелъ Никитичъ къ Бантышъ-Каменскому, изъ Смоленска, отъ 13-го Февраля 1813 г., „служившій подъ благодѣтельнымъ начальствомъ вашего превосходительства, недавно возвратился изъ Геттингенскаго университета“ (Изъ дѣлъ Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ). См. также въ текстѣ замѣтку Каверина къ записи № 134.

[306]) Письмо его къ Теплякову, „Сборникъ Старыхъ Бумагъ“, 462—464.

[307]) см. ниже документъ № 155.

[308]) Письма ко мнѣ Е. П. Соколовой.

[309]) Указъ объ отставкѣ.—Обязательно сообщенъ мнѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими касающимися Каверина бумагами, покойнымъ Л. Н. Майковымъ. Посвящая этотъ очеркъ памяти Леонида Николаевича, не могу не вспомнить съ чувствомъ глубокой признательности объ интересѣ, который онъ принималъ въ моемъ предполагавшемся тогда трудѣ и о драгоцѣнныхъ указаніяхъ, которыми онъ меня снабжалъ. Л. Н. не только предлагалъ мнѣ и на будущее время всяческое свое содѣйствіе, но и взялъ съ меня обѣщаніе отдать статью, до ея напечатанья, на его просмотръ въ видахъ исправленія возможныхъ погрѣшностей. Обѣщанія этого мнѣ къ сожалѣнію не пришлось исполнить. Занятый въ то время службою, я могъ приступить къ своей хотя и несложной, но кропотливой работѣ только много лѣтъ спустя, когда Леонида Николаевича уже не было въ живыхъ.

[310]) къ которому попалъ благодаря ходатайству отца предъ кн. Алексѣемъ Горчаковымъ. Въ 1813-мъ и 1814-мъ гг. княгиня Варвара Сергѣевна Голицына, рожденная Энгельгардтъ, обращалась ко кн. Александру Сергѣевичу Голицыну, къ сыновьямъ своимъ Василію и Александру и къ самому Бенигсену, прося первыхъ быть ласковыми къ Каверину, а послѣдняго быть къ нему милостивымъ и добыть ему что-нибудь. Предстательство это было вызвано „великими одолженіями“, которыя дѣлалъ княгинѣ Павелъ Никитичъ, способ-

lib.pushkinskijdom.ru

ствовавшій между прочимъ назначенію, согласно ея просьбѣ, пенсіи дочерямъ разстрѣляннаго по приказанію Наполеона полковника Энгельгардта (Семейный архивъ кн. Н. Н. Голицына и Катринскій архивъ; „Смоленская Старина“ 1912 г. стр. 112—119).

311) По крайней мѣрѣ онъ названъ такъ на адресѣ одного посланнаго ему изъ за границы письма,—см. въ текстѣ № 162.

312) Мы имѣемъ указаніе, что Петръ Павловичъ, состоя на военной службѣ, часто нуждался въ деньгахъ. Приходилъ ему на помощь отецъ, хотя и самъ находился въ затруднительномъ положеніи.—Въ Маѣ 1823 г. шла еще оффиціальная переписка о взысканіи съ Петра Павловича „255 марокъ Гамбургскою монетой, или 390 франковъ, для удовлетворенія бывшаго содержателя ресторація въ Гамбургѣ французскаго подданнаго Ренвиля, коему Г. Каверинъ, въ обезпеченіе сего долга далъ росписку, хранящуюся при дѣлахъ французскаго посольства“. Петръ Павловичъ оставался долженъ и въ Геттингенѣ (см. № 162).

313) „14-го Мая въ полночь оставилъ я Саратовъ съ намѣреніемъ посѣтить Каспійское море, Астрахань, Азію“.—Два письма Каверина къ Теплякову 1823, 1824 гг. „Сборникъ Старыхъ Бумагъ“, 462 и слѣдующ.

314) См. даты его записей въ тетрадяхъ.

315) „Русскій Архивъ“ 1888 г., I, 17.

316) въ обоихъ случаяхъ опять-таки благодаря ходатайству за него отца (предъ Д. С. Инзовымъ и кн. П. А. Вяземскимъ).

317) О расторопности его упоминаетъ и Кутузовъ въ письмѣ къ императору Александру, изъ Добрянки, отъ 7-го Ноября 1812 г.; см. „Еще письма, касающіяся Отечественной Войны“ стр. 8, 4-я книга „Чтеній въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“ за 1912 г.

318) На внутренней стѣнѣ церкви надъ мѣстомъ его погребенія, несомнѣнно по распоряженію Авдотьи Сергѣевны, повѣшена третья по числу, мѣдная таблица съ надписью: „Здѣсь покоится прахъ раба Божія Петра Павловича Каверина, Командира Волынской бригады Пограничной стражи, Полковника и разныхъ Орденовъ Кавалера. День рожденія его 9 Сентября, Тезоименитства—29 Іюня, смерти—30 Сент. 1855 г.“

319) „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности при Имп. Московскомъ Университетѣ“, выпускъ 2-й, Москва 1868 г., отдѣлъ 2-й, А. С. Грибоѣдовъ. Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ, стр. 16.

320) Судя по его портретамъ и отзывамъ лицъ, его знавшихъ. Миніатюра его, воспроизведенная въ настоящемъ изданіи не отличается особеннымъ сходствомъ. Удачнѣе въ этомъ отношеніи его портреты маслянными красками, относящіяся къ болѣе позднему времени.

321) Въ стихотвореніи, посвященномъ Петру Павловичу, Комаровъ сравниваетъ его съ Геркулесомъ (см. запись № 11).

322) „Сборникъ Старыхъ Бумагъ“, 462—464, письма Каверина къ Теплякову.

323) Купался онъ такъ въ Москвѣ; разсказывала объ этомъ г-жа Брадке, рожденная Кояндеръ, лично знавшая Петра Павловича (умерла въ Калугѣ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія 80-ти лѣтъ отъ роду).

324) см. запись № 59.

325) „Mon frère (Малышевъ) fut de mauvaise humeur pour les chevaux— Pierre au contraire est toujours content d'un retard: il répète son allez toujours, mot qu'il a adopté... Pierre fut charmant; j'admire sa patience de

lib.pushkinskijdom.ru

voyager si lentement (Мой зять былъ въ дурномъ настроеніи изъ-за лошадей; Пьеръ, напротивъ, радъ всякой задержкѣ... Пьеръ былъ очень милъ; удивляюсь терпѣнію, съ какимъ онъ относится къ подобнымъ замедленіямъ въ пути)".—Дневникъ.

[326]) „La calèche a été renversée dans un fossé, mes frères avaient pu se casser la tête, ils sont de bonne humeur (Коляска опрокинулась въ канаву, братъ и зять могли сломать себѣ шею, тѣмъ не менѣе они въ хорошемъ настроеніи)".—Дневникъ.

[327]) „„Гдѣ намъ дуракамъ чай пить", отвѣчалъ я ему, повторяя любимую поговорку одного изъ самыхъ ловкихъ повѣсъ прошлаго времени, воспѣтаго нѣкогда Пушкинымъ" („Герой нашего времени", Сочиненія Лермонтова, изд. А. Ф. Маркса 1891 г., т. III, стр. 92.)—Собственно, Каверинская редакція была нѣсколько полнѣе: „гдѣ намъ дуракамъ чай пить, да еще со сливками" (см. прим. 308).

[328]) Соч. Пушкина, изд. Литературнаго Фонда, I, 173.

[329]) „Русскій Архивъ" 1880 г., III, 433, 434. Воспоминанія М. В. Юзефовича о Пушкинѣ.

[330]) Я. Гротъ: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники".

[331]) „Историческій Вѣстникъ" 1888 г., XXXII, 331, 332.

[332]) Изъ дѣлъ Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

[333]) Академическое изданіе, I, прим., стр. 359, со ссылкою на „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности при Имп. Моск. Университетѣ", вып. II, статья Д. Смирнова, стр. 17. Но отчего „красный гусаръ"? Каверинъ не былъ еще лейбъ-гусаромъ и числился въ Ольвіопольскомъ полку, а Ольвіопольская форма, кажется, была голубая.

[334]) Варіантъ одного стиха изъ „Посланія къ Каверину".—П. Е. Щеголевъ, „Зеленая Лампа", Пушкинъ и его Современники 1908 г., VII, 21 и 22.

[335]) „Вообрази, простыхъ шалуновъ нѣтъ, квартальныхъ некому бить".—Письмо Дельвига къ Пушкину отъ 28-го Сент. 1824 г.

[336]) П. О. Морозовъ полагаетъ, что шалости эти были „вспышками крупной внутренней силы, не находившей себѣ правильнаго примѣненія".—Венгеровъ, I, 493.

[337]) по разсказамъ г-жи Брадке,—см. выше, прим. 323.

[338]) О Павлѣ Никитичѣ это засвидѣтельствовалъ А. М. Тургеневъ.—„Русская Старина, 62, 197.

[339]) „Quelquefois (Apraxine) fait des enfantillages impardonables. Aujourd'hui, parce que mon bonnet ne plaisait pas à Mr., il l'a déchiré, mais d'une manière à ne pas pouvoir le remettre; on le lui pardonne, je ne sais pourquoi. C'est le cas avec Pierre, auquel on passe encore tout (Иногда Апраксинъ позволяетъ себя непростительныя ребячества; сегодня онъ разорвалъ мою шляпу ,только потому что она ему не нравилась, но такъ разорвалъ, что ее уже нельзя было надѣть. Ему это прощается неизвѣстно почему. То же слѣдуетъ сказать и о Пьерѣ, которому равнымъ образомъ отпускаютъ все)".—Дневникъ.

[340]) Во время путешествія съ сестрою и зятемъ по Западной нашей окраинѣ, онъ подсмотрѣлъ въ дневникѣ слѣдующія строки: „Pierre nous reconduit jusqu'à Mogileff; cela m'enchante; aujourd'hui plus que jamais, sans qu'il s'en doute, je remarque son attachement pour moi (Пьеръ провожаетъ насъ до Могилева,—я въ восторгѣ; сегодня болѣе чѣмъ когда нибудь я замѣчаю его привязанность ко мнѣ; онъ этого не подозрѣваетъ)",—и прочитавъ эти слова, вслѣдъ за ними

lib.pushkinskijdom.ru

приписалъ отъ себя: „15 Septembre 1818, Mstislaff en Judée.—Deinde post curens, c. a. d. les dindes courent la poste [тогдашняя постоянная поговорка Петра Павловича: намекъ на ѣхавшихъ съ нимъ Елизавету Павловну и И. З. Малышева]. Простите, любезная Лизанька, j'aime bien votre pénétration et je lui souhaite d'augmenter autant que mon amitié et mon amour augmentent pour vous (15-го Сентября 1818. Мстиславль въ Іудеѣ. Deinde post curens, т. е. индюшки путешествуютъ на почтовыхъ.—Простите, любезная Лизанька, я люблю вашу догадливость и желаю ей увеличиваться на столько же, на сколько увеличиваются моя любовь и моя дружба къ вамъ)".

[341]) „Pierre nous effraya... Pierre m'effraya... Pierre nous a empêché de jouer. (Пьеръ испугалъ насъ... Пьеръ испугалъ меня... Пьеръ мѣшалъ намъ играть)".

[342]) „Je fus fort mécontente de moi, car Pierre me fit parler politique—поджегъ меня и это мнѣ очень досадно—c'est si ridicule pour une femme (Я очень недовольна собою: Пьеръ заставилъ меня говорить о политикѣ... Это такъ смѣшно для женщины").

[343]) „Pierre m'engagea à aller à pied et eut le caprice de ne pas vouloir emmener Annette... Pierre est contrariant—il n'a pas été aussi bon que toujours ce soir—son emportement lui a fait dire qu'Annette avait dit du mal de ma belle-mère autrefois—elle etait présente. Si elle l'avait même fait, comment le dire! (Пьеръ пригласилъ меня идти гулять и по капризу не захотѣлъ взять съ собою Анны... Досадно на Пьера;—сегодня вечеромъ онъ не былъ такъ добръ, какъ всегда; горячность побудила его сказать въ присутствіи моей мачихи что Анна когда-то дурно отозвалась о ней. Если бъ это и было справедливо, то какъ объ этомъ говорить!)".

[344]) Н. О. Лернеръ. Венгеровъ, I, 410.

[345]) По крайней мѣрѣ ее распѣвалъ въ зрѣлыя лѣта Алексѣй Павловичъ, забавляя своихъ дѣтей. Не объ этой ли самой пѣсенкѣ („Одинъ сижу во компаніи") упоминаетъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату отъ 14-го Марта 1825 г. (Переписка Пушкина, I, 191).

[346]) Къ числу „отчаянныхъ гусаръ" причисляетъ Каверина лицейскій товарищъ Пушкина С. Д. Комовскій.—Венгеровъ, I, 136,

[347]) см. запись № 33.

[348]) см. запись № 11.

[349]) Евгеній Онѣгинъ, гл. I, XXV.

[350]) „Отъ Лицея до Ссылки" П. Морозова. Венгеровъ, I, 493.

[351]) Въ пансіонѣ Петръ Павловичъ учился: „исторіи и географіи, натуральной исторіи и физикѣ, логикѣ и русскому слогу, геометріи и тригонометріи, римскимъ правамъ и политической экономіи, французскому, нѣмецкому и латинскому языкамъ, рисовать и фехтовать; въ университетѣ слушалъ лекціи: россійскаго краснорѣчія и поэзіи, россійской исторіи, статистики, естественнаго права, права народнаго, римскаго, экономіи, политической исторіи, логики и критической метафизики, о теоріи законовъ и правахъ, орнитологіи и минералогіи, физики, пантотехнологіи и химіи.

[352]) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, С.-Петербургъ 1889 г., I, стр. 159, 160.

[353]) см. пьесы подъ №№ 11 и 158.

[354]) Переписка Пушкина, II, стр. 7. Письмо было сообщено мною еще Л. Н. Майкову. Подлинникъ въ моемъ архивѣ.

[355]) В. Г. Теплякову, изъ Астрахани, отъ 30-го Мая 1823 г.

lib.pushkinskijdom.ru

[356]) „Русская Старина“, 1896 г., 85.

[357]) см. выше, стр. 16.

[358]) см. дневникъ Петра Павловича за 1854, 1855 г., № 173.

[359]) „Physiologie du goût“.—Книга эта находилась въ библіотекѣ Пушкина и была имъ читана. См. Русскія Вѣдомости („Новое Время“ 1911 г., №? „Среди газетъ и журналовъ“).

[360]) Письмо его отъ 4-го Декабря 1824 г. „Русская Старина“, 1896 г., т. 85.

[361]) „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской словесности при Имп. Московскомъ Университетѣ“, выпускъ II, Москва 1868 г., отдѣлъ II, А. С. Грибоѣдовъ. Біографич. извѣстія о Грибоѣдовѣ, стр. 16, 17. См. также „Русскую Старину“ 1874 г., X, 161, 162,—„Дуэль съ Шереметевымъ А. С. Грибоѣдова въ 1817 г.“.

[362]) „Русская Старина“ 1899 г., „Пушкинъ, въ изображеніи М. А. Корфа“.

[363]) Я. Грота: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, стр. 252, записка Комовскаго.

[364]) см. запись № 145 и документъ № 173.

[365]) О крѣпкомъ сложеніи Пашла Никитича пишетъ А. М. Тургеневъ.

[366]) О знаніи имъ „разныхъ языковъ“ упоминается въ аттестатѣ, выданномъ 27-го Января 1813 г. изъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ.—Входящія и исходящія дѣла Главнаго архива въ Москвѣ 1813 г., л. 35.

[367]) За это ему было „объявлено высочайшее благоволеніе въ предписаніи г-на главнокомандующаго бывшею Второй арміей“ отъ 7-го Іюля 1830 г. (Указъ о его отставкѣ, отъ 4-го Сентября 1836 г).

[368]) Письмо П. Н. Каверина отъ 7-го Августа 1837 г. ко кн. Вяземскому. Сообщено мнѣ Л. Н. Майковымъ.

[369]) „Надпись къ портрету Каверина“ Пушкина.

[370]) Сочиненія кн. Вяземскаго (...?)

[371]) Хорошенькое стихотвореніе это „принадлежитъ къ тому роду поэзіи, который г. Кюхельбекеръ весьма удачно обозначилъ въ 3-й ч. *Мнемозины* подъ именемъ *тоски о погибшей молодости*“ (Академич. изд., III, прим., 95, со ссылкою на „Четвертое письмо на Кавказъ“, въ „Сынѣ Отечества“ 1825 г., ч. 101, № 110, 197).—Les beaux ans, les amours, le bonheur—tout fuit (слячи съ замѣткою къ пьесѣ № 101, стр. 133).

[372]) Ал. Маркевичъ: Пушкинскія замѣтки, „Пушкинъ и его Современники“ 1905 г., III, 100.

[373]) см. прим. 308 и запись № 94.

[374]) Какой это Сабуровъ—намъ не удалось довѣдаться. Вѣроятно одинъ изъ тѣхъ четырехъ Сабуровыхъ, которые по сообщенному К. Манзеемъ списку одновременно служили въ л.-гусарскомъ полку (Венгеровъ, II, 532). Сабурову (Якову Васильевичу, Академич. изд., прим., 483) Пушкинъ посвятилъ стихотвореніе (неоконченное) „Сабуровъ, ты оклеветалъ“. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, гл. VIII, 26, упоминается о Сабуровѣ, вѣроятно о томъ же, заслужившемъ „извѣстность низостью души“. Въ 1824 г. поэтъ писалъ къ брату: „Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его“, а въ 1825 г.—„Есть у меня друзья: Сабуровъ Яшка, эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина“...

[375]) Сынъ Петра Павловича, Николай Петровичъ Каверинъ, служилъ подъ начальствомъ Хомутова въ Севастополѣ во время осады этого города.

lib.pushkinskijdom.ru

[376]) Описывая эту дуэль, Шубинскій говоритъ: „Секундантами были докторъ Іонъ и гусаръ Каверинъ“.—Откуда у него свѣдѣніе относительно доктора Іона? Не присутствовалъ ли послѣдній лишь въ качествѣ врача? „Русская Старина“ 1874, X, 161, 162. „Дуэль съ Шереметевымъ А. С. Грибоѣдова 1817 г.“ С. Н. Шубинскаго, истор. очерки и разсказы, изд. IV стр. 513 (въ указателѣ имя Каверина по ошибкѣ пропущено).

[377]) хранится у внучекъ Петра Павловича, Софіи Николаевны Угрюмовой и Екатерины Николаевны Кавериной.

[378]) см. № 152.

[379]) см. № 143.

[380]) „Сборникъ Старыхъ Бумагъ“, 467. Объ отношеніи русскаго литературнаго міра къ смерти Байрона см. Академическое изданіе, III, прим., 382.

[381]) „Русская Старина“, т. 85, 428.

[382]) Тамъ же, 429.

[383]) Тамъ же, 430. Здѣсь рѣчь идетъ о малоизвѣстномъ поэтѣ Крыловѣ.

[384]) Одно изъ писемъ къ Теплякову.

[385]) къ тому же Теплякову.

[386]) о чемъ можно отчасти судить по тѣмъ изъ нихъ, которыя появились въ печати (въ „Русской Старинѣ“, т. 85, и въ „Сборникѣ Старыхъ Бумагъ“).

[387]) „J'ai la correspondance en horreur et je ne possède pas malheureusement le talent de feu notre oncle Pierre, talent unique dans son genre (Терпѣть не могу переписываться и къ сожалѣнію не обладаю талантомъ нашего покойнаго дяди Петра—талантомъ единственнымъ въ своемъ родѣ)“.—Письмо Андрея Михайловича Щербинина, изъ Карлсруэ, отъ 19/31 Марта 1864 г.

[388]) Слышалъ я объ этомъ отъ Л. Н. Майкова, имѣвшаго въ рукахъ переписку Вяземскаго съ Каверинымъ.

[389]) См. записи №№ 93—98.

[390]) По крайней мѣрѣ мы не нашли этой пьесы въ изданіяхъ: 1) Стихотворенія Дениса Давыдова, Москва 1832 г., 2) Сочиненія Д. В. Давыдова С.-Петербургъ, 1843 г., 3) Сочиненія Дениса Васильевича Давыдова, Москва 1860 г., два тома. См. ниже въ текстѣ запись № 81.

[391]) Въ старости, въ Радзивиловѣ, пѣлъ по нотамъ на служеніяхъ въ Каверинской церкви.—См. № 173.

[392]) Въ то время Россини былъ особенно въ модѣ. Въ 20-хъ годахъ онъ посѣтилъ Россію. „Правда ли, что къ намъ ѣдетъ Россини и италіанская опера?“ запрашивалъ Пушкинъ Дельвига (Переписка Пушкина, I, 87). Пушкинъ упоминаетъ также о Россини въ письмѣ къ княгинѣ Вяземской отъ первой половины Октября 1824 г. (тамъ же, стр. 137). „Твои письма оживляютъ меня, какъ музыка Россини“, писалъ онъ ко князю Вяземскому (отъ 14-го, 15-го Авг. 1829 г.; тамъ же, стр. 265). Въ Февралѣ 1827 г. Ф. Ф. Вигель встрѣчаетъ Пушкина въ Москвѣ, въ итальянской оперѣ, на представленіи „Сороки-Воровки“ Россини (Н. О. Лернеръ, „Труды и дни Пушкина“ 1910 г., стр. 151). Пушкинъ называетъ Росини и въ своихъ стихахъ:

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій,
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень—Орфей, и проч. (Отрывки изъ Путешествія Онѣгина, XXIV).

[393]) см. запись № 128.

lib.pushkinskijdom.ru

[394]) Въ чьихъ-то воспоминаніяхъ говорится, что Опочининъ, спускаясь гдѣ-то съ лѣстницы—во Флоренціи или въ Римѣ—напѣвалъ русскую пѣсню, и что случившійся тутъ же Россини подхватилъ ея мотивъ. По разсказу моей матери, Россини, бывавшій во Флоренціи у Малышевыхъ, на вопросъ, заданный кѣмъ-то изъ присутствующихъ, скоро ли онъ окончитъ свою оперу, отвѣчалъ, что ему недостаетъ еще одной аріи, но услыхавъ въ это самое время мотивъ русской пѣсни, напѣваемый одною молодой дѣвушкой, графинею Апраксиной *), воскликнулъ: „J'ai mon affaire!"—и тотчасъ убѣжалъ домой, чтобъ записать мелодію. Но здѣсь кроется какое-то недоразумѣніе: Малышевы (съ Елизаветою Павловной) были во Флоренціи въ 1819 г., Севильскій же Цирюльникъ написанъ въ 1815 г.**). Елизавета Павловна почему-то вспоминала о братѣ, когда слушала другую оперу Россини—„Танкреда".—Дневникъ.

[395]) см. записи №№ 108—112.

[396]) Родился въ 1752, умеръ въ 1840 г.—Содержаніе этой записки, нынѣ утраченной, неизвѣстно.

[397]) см. документы подъ №№ 156 и 157.

[398]) „Русская Старина" 1907 г., т. 131, стр. 405, „Матеріалы по исторіи массонства въ прежней русской арміи.—Списки господамъ военнымъ: генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, кои принадлежали къ массонскимъ ложамъ и на основаніи высочайшаго повелѣнія отказались данною подпиской". Каверинъ значится подъ № 227. См. также неизданныя записки Михайловскаго-Данилевскаго въ Имп. Публичной Библіотекѣ, тетр. № 19, 1822 г,, стр. 78.

[399]) Всѣхъ портретовъ Каверина (въ Катринѣ и у внучекъ Петра Павловича) сохранилось шесть: пастель, двѣ миніатюры, набросокъ карандашемъ и два портрета масляными красками.

[400]) „У него былъ масонскій орденъ Андрея Первозваннаго на зеленой лентѣ, на шеѣ" (?.)—Письмо Е. П. Соколовой.

[401]) см. ниже, патентъ, № 156.

[402]) см. отмѣтку на его патентѣ. Годъ этого „производства" не обозначенъ.

[403]) Венгеровъ, I, 131.

[404]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 4-я, VII.

[405]) Сообщено одною изъ его родственницъ.

[406]) см. запись № 79.

[407]) Письмо его отъ 29-го Января 1824 г., „Русская Старина", 85, 427, 429.

[408]) II, 537.

[409]) Упоминается подъ № 53.

[410]) Запись № 54.

[411]) Запись № 76.

[412]) Запись № 84.

[413]) Запись № 42.

[414]) Запись № 55.

[415]) Записи №№ 17, 134.

---

*) Ум. въ Парижѣ въ 1820 г., похоронена на кладбищѣ „Père Lachaise".

**) Дополняемъ настоящее примѣчаніе позднѣйшею справкой, подтверждающей сообщенное намъ Е. П. Соколовой свѣдѣніе о шуткѣ Каверина. Какъ мы освѣдомились недавно и уже послѣ того, какъ текстъ нашего очерка былъ отпечатанъ, въ «Севильскій Цирюльникъ» попалъ именно мотивъ пѣсни «Ахъ, на что было огородъ городить».

lib.pushkinskijdom.ru

[416]) Запись № 134.

[417]) Письмо къ Теплякову отъ 4-го Декабря 1824 г., „Русская Старина“, 85, 429.

[418]) См. Академическое изданіе, III, прим., 174—176

[419]) Письмо его къ Теплякову отъ 8-го Апрѣля 1825 г., „Русская Старина“, 85, 430.

[420]) I, прим., 225.

[421]) Письмо отъ 25-го Янв. 1825 г.; тамъ же, 429.

[422]) см. его четверостишіе подъ № 129 и приписку Каверина.

[423]) см. стихотвореніе графини Ростопчиной подъ № 131 и отмѣтку Петра Павловича.

[424]) Академическое изданіе, II, прим., стр. 43.

[425]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 2-я, VI. Венгеровъ, I, 492, „Отъ Лицея до Ссылки“ П. Морозова.

[426]) см. № 173.

[427]) см. № 51.

[428]) см. стр. 65, въ оглавленіи къ первой тетради; запись этихъ стиховъ приведена подъ № 70.

[429]) см. запись подъ № 140.

[430]) запись № 6.

[431]) запись подъ № 114.—Однако сынъ своего вѣка, Петръ Павловичъ не былъ въ принципѣ противникомъ тѣлесныхъ наказаній и даже кулачной расправы, хотя потомъ и раскаивался въ своихъ вспышкахъ. Такъ въ дневникѣ его за 1854 г. записано: „Стращалъ Аѳанасія розгами,—простилъ“, „Жена взбѣсила за Аѳанасія; этого билъ—и извинялся. Глупо это и грустно!“ и т. п.

[432]) см. № 163.

[433]) Сообщено одною изъ его внучекъ. Петръ Павловичъ вообще любилъ домашнихъ животныхъ и въ особенности кошекъ.

[434]) см. № 139.

[435]) Письмо Е. П. Соколовой.—Намъ извѣстно, что при переводѣ въ армейскія части, подвергавшіеся исправительнымъ наказаніямъ гвардейскіе офицеры лишались права на соотвѣтствующее повышеніе въ чинѣ (Пушкинъ и его Современники, VIII, Е. Веденбаумъ: „Кавказскіе знакомцы Пушкина“).—Не на этомъ ли обстоятельствѣ основано приведенное выше смутное преданіе.

[436]) См. „Алфавитъ“, Пушкинъ и его Современники, VII, 35, прим. 3. П. Е. Щеголевъ: „Зеленая Лампа“.

[437]) „въ виду того, что не принадлежалъ къ обществамъ, возникшимъ послѣ 1821 года“.—Тамъ же.

[438]) „Подъ „прикосновенностью“ не должно разумѣть какое либо дѣйствительное, хотя бы и самое незначительное участіе въ замыслахъ тайныхъ обществъ: достаточно было родства или дружбы съ кѣмъ либо изъ заговорщиковъ, чтобы навлечь на себя подозрѣніе въ неблагонадежности и попасть въ разрядъ прикосновенныхъ“ („О наказаніи, понесенномъ ротмистромъ Семичевымъ“,—Пушкинъ и его Современники, VII, и П. Е. Веденбаумъ: „Кавказскіе знакомцы Пушкина“).—„Сколько было тѣхъ, которые увидѣли Нерчинскъ, не произнеся и слова, но слушавшихъ только другихъ“ (Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди, „Русскій Архивъ“, 1866, ст. 1444). „1826 г. Сентября 25-го,—преданіе суду штабсъ-капитана конно-егерскаго

lib.pushkinskijdom.ru

полка Алексѣева за распространеніе стиховъ Андрей Шенье". Н. О. Лернеръ, „Труды и дни Пушкина" 1910, стр. 141.

[439]) Каверинъ совѣтовалъ ему „дождаться Сентября и въ отставку, а тамъ какъ хотите, а то зачѣмъ набиваться на непріятности". Письмо къ Теплякову отъ 1823 г.

[440]) см. запись подъ № 58.

[441]) см. запись № 121.

[442]) см. запись № 45.

[443]) см. № 96.

[444]) см. запись № 134.

[445]) Письмо Е. П. Соколовой. Умеръ въ одной изъ Житомірскихъ гостинницъ.

[446]) „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", Я. Грота, изд. 2-е, 247, 248. Записка графа Корфа.

[447]) Тамъ же, стр. 220. Записка Комовскаго.

[448]) „Русскій Архивъ" 1880 г., т. III, 433, 434. Воспоминанія М. В. Юзефовича о Пушкинѣ. „Подвигамъ его (Пушкина) повѣсничества рукоплескала молодежь. О шалостяхъ его составлялись даже легенды, и то, что забылось бы о всякомъ другомъ, осталось за Пушкинымъ до сего времени. Многое конечно приписывалось и такого, чего никогда съ Пушкинымъ не случалось".— Рѣшаюсь и я, выписавъ эту чужую замѣтку въ качествѣ оговорки, привести здѣсь анекдотъ, слышанный мною въ дѣтствѣ, въ деревенскомъ захолустьѣ, въ семейномъ кругу, и болѣе чѣмъ вѣроятно, дошедшій до моихъ домашнихъ отъ Щербинина или отъ Каверина—вѣрнѣе отъ послѣдняго. На одномъ кутежѣ Пушкинъ побился, будто бы, объ закладъ, что выпьетъ бутылку рома и не потеряетъ сознанія;—исполнивъ однако первую часть обязательства, онъ лишился чувствъ и движенія и только, какъ замѣтили присутствующіе, все сгибалъ и разгибалъ мизинецъ лѣвой руки. Придя въ себя, Пушкинъ сталъ доказывать, что все время помнилъ о закладѣ и что двигалъ мизинцемъ во свидѣтельство того, что не потерялъ сознанія. По общему приговору, пари было имъ выиграно.

[449]) Венгеровъ, II, 261. Академическое изданіе, прим. 483.

[450]) „Пушкинъ въ Южной Россіи" П. Бартенева, „Русскій Архивъ" 1866 г., ст. 1143. „Москва, Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня". Письмо Пушкина ко князю П. А. Вяземскому отъ 5-го Апр. 1823 г. Переписка Пушкина, I, стр. 69.

[451]) См. „Чаадаеву", Акад. изд., III, 39.

[452]) „Русскій Архивъ" [...?]

[453]) „Впрочемъ на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ К." (несомнѣно съ Каверинымъ), „съ театральнымъ маіоромъ и проч." Къ П. А. Катенину, въ первой половинѣ Сентября 1825 г. Переписка Пушкина, I, 285.

[454]) Аттестатъ Каверина (въ Главн. архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ). Петръ Павловичъ приведенъ былъ къ присягѣ на вѣрность службы (въ церкви Живоначальной Троицы на Хохловкѣ, вблизи Архива) 18-го Іюля 1805 г. „15-ти лѣтъ отъ роду", какъ значится въ его бумагахъ, но на самомъ дѣлѣ въ то время ему не было еще 11-ти лѣтъ. Годъ рожденія Каверина—1794—указанъ Я. К. Гротомъ (см. прим. 491). Годъ этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ хронологіи главныхъ событій его жизни.

lib.pushkinskijdom.ru

[455]) Н. О. Лернеръ. „Труды и дни Пушкина“, 1910 г., 140.

[456]) 3-го Ноября того же года Пушкинъ былъ уже въ Торжкѣ.—Тамъ же, 143.

[457]) Тамъ же, стр. 146—156.

[458]) Письмомъ отъ 2-го Марта 1913 г. Павелъ Никитичъ между прочимъ благодаритъ Н. М. Бантышъ Каменскаго „за снисхожденіе и милости“, оказанныя сыну въ продолженіе службы подъ его начальствомъ (Входящія и исходящія дѣла Главнаго архива въ Москвѣ, л. 208).

[459]) Это усматривается изъ датъ записей въ его тетрадяхъ.

[460]) такъ какъ на оборотѣ остался слѣдъ отъ сургучной печати; на оборвышѣ этомъ водяной знакъ изображаетъ только верхнюю часть фабричной марки.

[461]) Во всякомъ случаѣ записка писана въ позднѣйшее сравнительно время, послѣ ссылки поэта, когда имя его уже широко прославилось; иначе трудно бы объяснить, почему Каверинъ сохранилъ эти двѣ ничего не значащія строчки.

[462]) Венгеровъ, II.

[463]) А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, С.-Петерб. 1874 г., 85.

[464]) „Смерть, которая тутъ вертится, дала Аненкову поводъ предполагать „въ неистовой плясуньѣ“ Истомину, изъ за которой состоялась трагическая дуэль между Шереметевымъ и Завадовскимъ“ (тамъ же). Намъ однако кажется, что „плясунья“ вовсе не танцовщица, а „Лаиса“. Если вглядѣться въ ея костюмъ и позу, то убѣдишься, что она не въ балетной юбкѣ, а въ одной рубашкѣ, притомъ не танцуетъ, а попросту и руками и ногами бьетъ бутылки.

[465]) А сколько шутокъ и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ словъ (Евгеній Онѣгинъ, гл. 4-я, XLV).

[466]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 8-я, III.

[467]) Изданіе Литературнаго Фонда, I, 176. Самое посланіе къ А. Ѳ. Орлову указываетъ на желаніе Пушкина опредѣлиться въ военную службу. Со своей стороны А. Ѳ. Орловъ убѣждалъ поэта не поступать въ гусары (тамъ же, I, 203).—К. Н. Батюшковъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу совѣтуетъ Пушкину не вступать въ военную службу, а въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу выражаетъ сожалѣніе по поводу рѣшенія, принятаго на этотъ счетъ поэтомъ. Тургеневъ сообщаетъ кн. Вяземскому о намѣреніи Пушкина вступить въ военную службу (Н. О. Лернеръ, „Труды и дни Пушкина“, стр. 41, 44, 45). Всѣ эти письма относятся къ 1818—1819 гг. „Въ половинѣ 1819 г. близкіе къ поэту люди сообщали другъ другу положительно, что онъ „идетъ въ военную службу“, „бредитъ войной“ и уѣзжаетъ въ Грузію или въ Тульчинъ, гдѣ находилась въ то время главная квартира первой арміи“ и проч. „Отъ Лицея до Ссылки“ П. Морозова, Венгеровъ, I, 493—494.

[468]) Такъ показалъ его отецъ 28-го Іюля, когда Петра Павловича уже не было въ Москвѣ. 9-го Іюня Каверинъ находился въ Петербургѣ, куда былъ отпущенъ 14-го Февр. 1910 г. на 28 дней. Въ формулярѣ его, составленномъ въ Сентябрѣ 1811 г., отмѣчено: „Уволенъ въ чужіе краи для окончанія наукъ“ (Дѣла Главнаго архива).

[469]) Академическое изданіе, I, прим., 360.

[470]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 2-я, XVI.

[471]) см. записи №№ 2, 21, 52.

[472]) см. запись № 18.

lib.pushkinskijdom.ru

[473]) См. записи №№ 2, 61, 73.

[474]) Сообщено Е. П. Соколовой. Съ тѣмъ же предложеніемъ обращались впослѣдствіи и къ сыну его Николаю Петровичу.

[475]) См. въ записи № 31 варіантъ 35-го стиха.

[476]) Въ копіи съ четверостишія Челищева (см. запись № 129) три знака препинанія не соотвѣтствуютъ знакамъ автографа.

[477]) Евгеній Онѣгинъ, гл. 2-я, XIII.

[478]) Тамъ же, гл. 2-я, VI.

[479]) Изданіе Суворина, VIII, 481.

[480]) См. запись № 16.

[481]) Евгеній Онѣгинъ, гл. I, XXXXV.

[482]) Письма Соколовой. Пушкинъ называлъ такъ Мансурова, Л. С. Пушкина, П. А. Вяземскаго, П. В. Нащокина и друг. (Мансурова кромѣ того называлъ „моя радость“). См. Переписку Пушкина.

[483]) Первыя шесть строкъ первой строфы „Оды на Свободу“, см. № 9.

[484]) Въ описаніи тетрадей Кольцова и Серебрянскаго („Русскій Архивъ“ 1864, 991—994) М. де-Пуле указываетъ на „странную привычку“ Кольцова путать мѣсяцы и числа стихотвореній при записаніи ихъ въ тетради: а именно болѣе позднія стихотворенія записывались имъ прежде раннѣйшихъ“.

[485]) Л. Майкова: „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки“, С. Петербургъ 1899 г., стр. 70; Академическое изданіе, II, прим. 8.

[486]) См. письмо къ нему Пушкина отъ 13-го Іюля 1825 г. и письмо Пушкина къ Полевому отъ 2-го Августа того же года.—Переписка Пушкина, I, 236, 250.

[487]) Венгеровъ, II, 534.

[488]) Напомнимъ, что эти номера наши и выставляются лишь для удобства справокъ; они не имѣютъ ничего общаго съ номераціею страницъ тетради (каковая номерація впрочемъ и сама не представляетъ особаго значенія).

[489]) Н. О. Лернеръ: „Труды и дни Пушкина“, С.-Петерб. 1910, 90.

[490]) „Трудно допустить, чтобы Пушкинъ при окончательной обработкѣ стихотворенія рѣшился оставить стихи безъ риѳмы“ (Лицейскія стихотворенія Пушкина, Вал. Брюсова, стр. 42). „Въ посланіи „Моему аристарху“ Пушкинъ упоминаетъ о риѳмѣ „часто холостой на зло законамъ сочетанья“, но у него самого, въ обработанныхъ стихотвореніяхъ, такихъ стиховъ нѣтъ“ (тамъ же, стр. 12). П. А. Плетневъ писалъ къ Пушкину отъ 29-го Августа 1825 г.: „У тебя въ элегіи: „Желаніе Славы“, одинъ стихъ безъ риѳмы:

Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ ...и проч....

Если это съ намѣреніемъ сдѣлалъ ты, такъ извини, что я по невѣжеству не догадался; если же просмотрѣлъ, то не хочешь ли прислать поправки?“ (Переписка Пушкина, I, 273). Вѣроятно поправка была прислана, потому что въ печатномъ текстѣ имѣется соотвѣтствующій этому стиху стихъ съ риѳмою: „Я новымъ для меня желаніемъ томимъ“. Любопытное совпаденіе: какъ и въ данномъ случаѣ, дѣло шло о риѳмѣ на и м ъ.—Интересно бы сличить редакцію Каверинскаго списка съ текстомъ пьесы въ тетрадкѣ Вощинина, пріобрѣтенной княземъ Олегомъ Константиновичемъ; нѣкоторые варіанты совпадаютъ (см. „Новое Время“ отъ 6-го Апрѣля 1913 г., № 13315, Субботнее приложеніе).

lib.pushkinskijdom.ru

[491]) Списокъ, приложенный къ „Хронологической канвѣ“ Я. К. Грота. Н. О. Лернеръ, „Труды и Дни Пушкина“, С.-Петерб., 1910 г., стр. 420.

[492]) II, прим., стр. 105.

[493]) Въ „Полтавѣ“ встрѣчаемъ стихъ съ тѣмъ же глаголомъ: „И грянулъ бой, Полтавскій бой“.

[494]) Точно ли прочтенъ автографъ? Не написано ли у Пушкина „возсѣли“ (вмѣсто „возсѣла“)? Въ утвердительномъ случаѣ Каверинское чтеніе безусловно правильно: Пушкинское тире послѣ „возсѣли“ соотвѣтствовало бы двоеточію, а отсутствіе знака послѣ слова „власть“ объяснялось бы полнымъ пренебреженіемъ Пушкина, въ извѣстныхъ случаяхъ, къ пунктуаціи.

[495]) Jouy (род. въ 1764 г. въ Jouy близъ Версаля, ум. въ 1846 г.)— модный въ то время писатель. О немъ упоминаетъ П. Я. Чаадаевъ въ одномъ изъ писемъ къ Пушкину (Мартъ, Апрѣль 1829 г.): „Depuis quelque tems on lit le russe partout... M. Bulgarine a été traduit et placé à la suite de M. de Jouі“ (Переписка Пушкина, II, 94). О немъ см. также въ Академич. изданіи, III, прим., 60. Приводимъ стихи Jouy полностью, для тѣхъ кто пожелалъ бы сравнить съ ними подражанье кн. В. Голицына(—см. слѣдующую запись).

[496]) Тутъ, кажется, кавычки не у мѣста; по смыслу этотъ стихъ долженъ бы быть заключенъ въ скобки.

[497]) Черновикъ Пушкина, Академическое изд., II, прим., 69.

[498]) II, прим., 67, 68.

[499]) „Матеріалы“ Майкова, 17.

[500]) I, 180.

[501]) В. Чернышевъ: „Замѣтки о знакахъ препинанія у Пушкина“, Пушкинъ и его Современники, V, 132.

[502]) Напечатана въ Перепискѣ Пушкина, III, 460. Подлинникъ въ Катринскомъ Архивѣ.

[503]) Въ изданіи Литературнаго Фонда, VII, 172, указано, что въ „первоначальной редакціи посланія къ Каверину“ стихъ 9-й читается такъ: „Приличны нашихъ дней блистательной мечтѣ“; но въ автографѣ, посланномъ самому Каверину, написано: „Пристали нашихъ дней блистательной веснѣ“.

[504]) См. ниже № 35. Изд. Литературнаго Фонда, VII, 47, прим., и V, 97; Хронологическій и библіографическій списокъ, IV.

[505]) Выше въ текстѣ, на стр. 52-й, мы ошибочно назвали этого барона Розена Розенгеймомъ.

[506]) По мнѣнію П. А. Ефремова и П. О. Морозова, не раздѣляемому впрочемъ издателемъ II-го тома Академическаго изданія (прим., 9).

[507]) Венгеровъ, I, 500, „Отъ Лицея до Ссылки“ П. Морозова.

[508]) Академическое изданіе, I, 108.

[509]) Въ „Одѣ на Свободу“, въ „Посланіи къ Щербинину“ и въ другихъ стихотвореніяхъ. „Вотще Киѳеру и Паѳосъ мертвитъ дыханіе мороза“... „Жилецъ Паѳоса и Киѳеры, любимецъ вѣтренныхъ Лаисъ“ Толстому, Академическое изданіе, III, прим., 248 (автографъ Пушкина; въ напечатанномъ текстѣ ошибочно „Пафоса“).

[510]) „Кокеткѣ“ (къ Аглаѣ), „Иной имѣлъ мою Аглаю“, „A son amant Eglé sans résistance“.—Академическое изданіе (III, прим., 189) отмѣчаетъ, что имя Eglé одно изъ обычныхъ условныхъ именъ во французской легкой поэзіи XVII—XVIII столѣтій и, очевидно подъ вліяніемъ сомнѣнія, высказаннаго П. Морозовымъ (Венгеровъ, II, 586), тексту послѣдней пьесы предпо-

lib.pushkinskijdom.ru

сылаетъ осторожную оговорку, что она можетъ быть „только записана Пушкинымъ на память, а можетъ быть имъ и сочинена“. Однако съ этими „сомнѣніемъ“ и оговоркою нелегко согласиться. Въ самомъ дѣлѣ стихи записаны рукою Пушкина въ его тетради (Музейная рукопись 2365), наряду съ другими, сочиненными имъ стихами (русскими), при чемъ нѣкоторыя слова въ пьесѣ зачеркнуты и замѣнены другими между строкъ. По мнѣнію Морозова, поправки эти „не свидѣтельствуютъ объ авторствѣ Пушкина, который могъ поправить вспоминаемые имъ чужіе стихи, желая возстановить ихъ какъ можно точнѣе въ своей памяти“. Но уже поправка въ первой строкѣ, казалось бы, свидѣтельствуетъ именно объ авторствѣ Пушкина.

„A son amant ($^{\text{Eglé}}_{\text{Laïs}}$) sans résistance“ *)...

Какъ ни какъ, а оба эти имени—Laïs и Eglé—характерныя, Пушкинскія. Притомъ пришлось бы предположить, что Пушкинъ какъ разъ позабылъ изъ пьесы имя главнаго дѣйствующаго лица, что̀ было бы неправдоподобно. Полагаемъ, что и въ самомъ принципѣ оговорка Академическаго изданія и сомнѣніе П. Морозова недопустимы, такъ какъ иначе ихъ въ одинаковой мѣрѣ можно бы приложить ко многимъ наброскамъ русскихъ стихотвореній въ тетрадяхъ Пушкина.

511) Венгеровъ, IV, 226—„Исторія села Горохова“.

512) О такихъ опечаткахъ см. въ статьѣ В. Чернышева: „Поправки къ Пушкину“, Пушкинъ и его Современники, VIII, 15.

513) Изданіе Н. В. Сушкова, книга 3-я, Москва 1854 г., стр. 248, 249.

514) Входящія и исходящія дѣла Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

515) Суворинское изданіе, VIII, 133.

516) Академическое изданіе, II, прим., 146.

517) Венгеровъ, II, 543.

518) 8-ое изд., I, 501.

519) II, 32.

520) Румянцевскій Музей, тетр. № 2364, л. 51 об.

521) „Матеріалы“ Майкова, 150.

522) Поливановъ, I, 203.

523) 1824 г., ч. II, 85, „Вечеръ“.

524) См. запись № 62.

525) I, 96.

526) Въ Академическомъ изданіи разночтенія извѣстныхъ списковъ и текстовъ печатныхъ изданій не приводятся.

527) I, 523.

528) Н. О. Лернеръ, „Труды и дни Пушкина“, С.-Петербургъ 1910 г., 38.

529) Переписка Пушкина, I, 592.

530) Венгеровъ, I, 556.

531) Тамъ же, 466.

532) „Старина и Новизна“, VIII, 36; „Русскій Архивъ“ 1906 г., II, 604; Н. О. Лернеръ: „Труды и дни Пушкина“, 442.

533) Венгеровъ, I, 548.

534) II, 303.

535) „Старина и Новизна“ (...?).

---

*) Въ Академическомъ изданіи, въ 5-й строкѣ пьесы очевидный пропускъ слова dit: Lui *dit* Eglé...

lib.pushkinskijdom.ru

[536]) Подробныя о немъ свѣдѣнія у Венгерова, I, 538; см. также Академическое изданіе, II, прим., 99, стр. 47.

[537]) Переписка Пушкина, I, 78.

[538]) Изданіе Литературнаго Фонда, II, 54.

[539]) Проф. Е. А. Бобровъ: „А. И. Полежаевъ объ А. С. Пушкинѣ“, Пушкинъ и его Современники, V, 108. „Нѣтъ спора, что Пушкинъ въ молодости нерѣдко для краснаго словца, для острой эпиграммы, забывалъ лучшія правила и чувства“ (Академич. изданіе, III, прим., 59).

[540]) Н. О. Лернеръ: „Труды и дни Пушкина“, С.-Петербургъ 1910, 23, 28 и 29, со ссылкою на „Современникъ“ 1863 г., № 7, 155.

[541]) „Chansons et Poésies de Désaugiers“, édition Elzévirienne, Paris 1842, p. 342—350.

[542]) Тамъ же, стр. 64.

[543]) II, 28, прим., 74.

[544]) Академическое изданіе, II, прим., 74.—Списокъ повидимому соотвѣтствуетъ тексту пьесы въ тетрадкѣ Вощинина (см. прим. 490).

[545]) „Матеріалы“ Майкова, 27.

[546]) Упомянутую выше слизанную запятую, вѣроятно отсутствовавшую въ оригиналѣ, находимъ именно здѣсь.

[547]) Тутъ какъ будто не хватаетъ для размѣра одного слога.

[548]) Каверинъ служилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ („Переводчикъ Сергѣй Тургеневъ. При переводахъ 23-й годъ. По высочайшему имянному указу отъ 15-го Іюля 1810-го г. уволенъ въ чужіе края для усовершенствованія въ языкахъ и наукахъ до окончанія оныхъ“. С. А. Бѣлокуровъ: „Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ 1812 г.“—4-я книга „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“ за 1912 г.

[549]) Въ „Библіографическихъ запискахъ“ 1858 г., № 11, стихъ этотъ неправильно начинается словомъ „непросвѣщенье“. Изданіе Анскаго, I, прим. 537.

[550]) Стихотвореніе это вѣроятно извѣстно во французской литературѣ; намъ однако не удалось доискаться имени его автора.

[551]) См. изданіе Суворина, VIII, 77, 78, и Венгерова, II, 532; Н. О. Лернеръ, „Труды и дни Пушкина“, 39. Въ Академическомъ изданіи, III, прим., 464, надпись эта называется прямо апокрифическою.

[552]) См. „Матеріалы“ Майкова, 208.

[553]) Переписка Пушкина, I, 211.

[554]) Анскаго 1882 г. и Суворина 1903—1905 гг. Къ Каверинскому списку весьма приближается текстъ пьесы въ „Полярной Звѣздѣ“ 1858 г. Въ немъ встрѣчаются тѣ же варіанты 21-го, 30-го, 53-го, 97-го стиховъ, а въ стихѣ 63-мъ та же описка („Ни слогъ пѣвца, порывъ столь чистый благородный“, вм. „Ни слогъ Пѣвца пировъ,“ и проч.).

[555]) Стр. 212-я.

[556]) „Вотъ Муза, рѣзвая болтунья“ (Академ. изд., III, 45); „Я музу рѣзвую привелъ“, Евг. Онѣг., гл. 8-я, строфа III; „И какъ вакханочка рѣзвилась, за чашей пѣла для гостей (Тамъ же). Судя по Академическ. изд., III, прим., 233, въ черновомъ отрывкѣ „Посланіе къ цензору“, сохранившемся въ Майков. собран. Импер. Академіи Наукъ, 40-й стихъ читается какъ въ напечатанномъ текстѣ: „Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ“. Такъ-ли это? Любопытно бы провѣрить. Сличи съ текстомъ въ „Матеріалахъ“ Майкова, 212.

lib.pushkinskijdom.ru

[557]) Академическое изданіе, II, 4, 5, прим., 10.

[558]) „Пушкинъ въ Лицеѣ и Лицейскія его стихотворенія“, В. Гаевскаго, Современникъ 1863 г., 97, 328.

[559]) Венгеровъ, II, 85.

[560]) См. „Лицейскія стихотворенія Пушкина“, Валерія Брюсова, 75, предисловіе, 7, поправки и дополненія, 77.

[561]) „Матеріалы“, Майкова, 193.

[562]) Объ остальныхъ см. у Венгерова, II, стр. 550 и слѣд.

[563]) II, 35—40.

[564]) „Пушкинъ и его Современники“ 1908 г., вып. 8-й, стр. III.

[565]) Въ черновомъ первой редакціи; Переписка Пушкина, I, 163.

[566]) Въ черновомъ второй редакціи; тамъ же, 160.

[567]) „Матеріалы“ Майкова, 196.

[568]) Академическое изданіе, II, примѣч., 331.

[569]) Стр. 58.

[570]) Академическое изд., II, прим., 43.

[571]) Венгеровъ, I, „Періодъ Зеленой Лампы“ Алексѣя Веселовскаго, 556.

[572]) Переписка Пушкина, II, 253.

[573]) См. о портретѣ Пушкина, подаренномъ Дельвигомъ Щербинину, стр. 7 и прим. 18.

[574]) На самомъ дѣлѣ Пушкинъ, не смотря на всю свою геніальность, дѣлалъ именно такія ошибки или описки, хотя и весьма рѣдко. Напримѣръ, онъ писалъ:—въ письмѣ ко кн. П. А. Вяземскому отъ 3-го Августа 1813 г.—„Впрочемъ Франція одна не сунется, Англіи... не для чего съ нами ссориться, такъ а в о с ь-л и выкарабкаемся“ (вмѣсто авось,—авось-ли имѣетъ обратное значеніе), Переписка Пушкина, II, 296; къ П. А. Катенину, отъ 19-го Іюля, 1822 г.—„Если бы ужъ [я] на то рѣшился, написалъ ли стихъ столь слабый и неясный, выбралъ ли предметомъ эпиграммы“ и проч. (двукратный пропускъ частицы бы), тамъ же, I, 48; къ женѣ отъ 6-го Ноября 1833 г.—„Развѣ не заступится ли Бенкендорфъ“ (вмѣсто: развѣ заступится Бенкендорфъ), тамъ же, III, 58.

[575]) II, прим., 125.

[576]) III, 317.

[578]) Изданіе Анскаго 1882 г., VII, 27; Переписка Пушкина, I, 29.

[579]) „Матеріалы“ Майкова, 115, 116.

[580]) См. также „Русскій Архивъ“ 1881 г., книга 1-я, Чирикова,—и отвѣтъ въ изданіи Анскаго 1882 г., прим., I, 516.

[581]) „Матеріалы“ Майкова 110.

[582]) devint?

[583]) „Книгу про поговорки русскія получилъ“—Дневникъ П. П.

[584]) Слова, приведенныя здѣсь въ разрядку, у Каверина подчеркнуты.

[585]) 1830?

[586]) Три тома in 32°, 1835 г.

[587]) II, 54. Пьеса напечатана также у Венгерова.

[588]) Переписка Пушкина, II, 183.

[589]) Тамъ же II, 188.

[590]) Тамъ же, II, 367. Забавный галлицизмъ въ первыхъ трехъ строчкахъ 4-й строфы „Рефутаціи“ (два различныя подлежащія въ двухъ предложеніяхъ, изъ коихъ одно главное, а другое придаточное, съ причастьемъ

lib.pushkinskijdom.ru

вмѣсто глагола)—не былъ повидимому понятъ и оцѣненъ издателями, что вѣроятно и вызвало довольно неуклюжую передѣлку этихъ трехъ стиховъ въ напечатанномъ текстѣ.

[591]) См. изданіе Анскаго 1882 г., I, прим., 539, а равно Суворина, VIII, 397.

[592]) См. изданіе Анскаго 1882 г., III, 441, „Труды и дни Пушкина“ Лернера, 248—251.

[593]) Въ изданіи Анскаго 1882 г., II, 418, Морозова, II, 91, и Суворина, VIII, 318.

[594]) Въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1835 г., Сентябрь, книга 2-я.

[595]) Это студенческая пѣсня Klamer'a Schmidt'a. Директоръ Кенигсбергской гимназіи профессоръ Ніецки, любезно снабжавшій меня указаніями относительно приводимыхъ здѣсь нѣмецкихъ стиховъ, сообщилъ мнѣ любопытный варіантъ этого куплета, касающійся его предка, извѣстнаго врача въ Галле, впервые открывшаго способъ бальзамированія тѣлъ:

Und deckt mich des Grabens unendliche Nacht,
Was hilft's, dass Nietzki (bis)
Mit köstlichen Salben zur Mumie mich macht.

[596]) Поставлено на мѣсто зачеркнутаго слова „Septembre“.

[597]) Эти два слова вставлены между строкъ.

[598]) На этомъ мѣстѣ кончается 11-й листъ дневника; какъ уже сказано, остальная часть, вплоть до записей 1854—1855 гг., не сохранилась.

[599]) См., напр., рисунокъ къ стр. 226 примѣчаній Академическаго изд., II.

[600]) Переписка Пушкина, I, 203.

[601]) Тамъ же, 206.

[602]) Тамъ же, 209.

[603]) Тамъ же, 228.

[604]) Тамъ же, 320.

[605]) Тамъ же, 324.

[606]) Путешествіе Онѣгина, XXII.

[607]) См. выше стр. 16, а также № 155.

[608]) Письмо П. Н. Каверина къ Н. М. Бантышъ-Каменскому (Входящія и исходящія дѣла Главнаго архива въ Москвѣ, л. 300, 301).

[609]) См. запись № 41.

[610]) Академическое изданіе, III, прим., 483.

[611]) „Вчера былъ день именинъ Малышева; Фейерверкъ; Морини и Рейнгартъ играли и пѣли; сюрпризъ на театрѣ: Каверинъ игралъ Тирсиса 13-ти лѣтняго (décolté, съ вѣнкомъ на головѣ), а Морини Амура. Плѣшивый Морини весь въ цвѣтахъ, полуодѣтый и съ крыльями!“ Письмо М. А. Щербинина къ брату отъ 15-го Сентября 1824 г., изъ Середникова (имѣнія Малышева?).

[612]) Дѣла Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

[613]) Изданіе Анскаго 1882 г., I, 501.

[614]) II, прим., 72, 73.

[615]) Венгеровъ, I, 507, 508.

[616]) I, 507.

[617]) 57, поправки и дополненія, „Усы“.

[618]) I, 194, 496.

[619]) Академическое изданіе, III, прим., 338.

lib.pushkinskijdom.ru

[620]) Тамъ же, 311.

[621]) Тамъ же, 448.

[622]) См. также соотвѣтствующіе варіанты въ другой Музейной рукописи, Академическое изданіе, III, прим. 126.

[623]) Переписка Пушкина, I, 192.

[624]) Какъ въ „Сѣверной Звѣздѣ“ 1829 г., стр. 50. Академическое изданіе, II, прим., 36.

[625]) Въ Академическомъ изданіи, III, 127: „разоблачалъ“. Такимъ образомъ по крайней мѣрѣ одна изъ явныхъ ошибокъ прочихъ изданій исправлена.

lib.pushkinskijdom.ru

Ошибки и пропуски.

страница:	строка:	напечатано:	слѣдуетъ читать:
10-я	14-я снизу	Рамбахомъ	Рамбургомъ
35-я	20-я сверху	блаженствовалъ“ [181]).	блаженствовалъ“ [180]).
„	30-я и 31-я „	безконечны“ [181]).	безконечны“ [180]).
42-я	11-я „	полковника [300]);	полковника;
45-я	17-я снизу	квартальныхъ [353]),	квартальныхъ [335]),
52-я	17-я сверху	Розенгейма	барона Розена
60-я	3-я „	imprévue	imprevue (sic)
79-я	20-я снизу	изданіи,	изданіи [498]),
126-я	2-я „	Дебро.	Дебро [586]).
153-я	7-я „	1816 г.—	1815.—
164-я	8-я „	1808 г.	въ 1808 г.

Добавленіе къ прим. 37-му, стр. 171-я: Коллежскій совѣтникъ Петръ Андреевичъ Щербининъ род. въ Кіевѣ 24-го іюня 1739 г., ум. въ Петербургѣ 31-го мая 1791 г. въ 6 часовъ по утру, похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ въ Александро-Невской лаврѣ (Петербургскій Некрополь, т. III).

lib.pushkinskijdom.ru

Ошибки и пропуски.

страница:	строка:	напечатано:	слѣдуетъ читать:
10-я	14-я снизу	Рамбахомъ	Рамбургомъ
35-я	20-я сверху	блаженствовалъ“ [181]).	блаженствовалъ“ [180]).
„	30-я и 31-я „	безконечны“ [181]).	безконечны“ [180]).
42-я	11-я „	полковника [300]);	полковника;
45-я	17-я снизу	квартальныхъ [353]),	квартальныхъ [335]),
52-я	17-я сверху	Розенгейма	барона Розена
60-я	3-я „	imprévue	imprevue (sic)
79-я	20-я снизу	изданіи,	изданіи [498]),
126-я	2-я „	Дебро.	Дебро [586]).
153-я	7-я „	1816 г.—	1815.—
164-я	8-я „	1808 г.	въ 1808 г.

Добавленіе къ прим. 37-му, стр. 171-я: Коллежскій совѣтникъ Петръ Андреевичъ Щербининъ род. въ Кіевѣ 24-го іюня 1739 г., ум. въ Петербургѣ 31-го мая 1791 г. въ 6 часовъ по утру, похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ въ Александро-Невской лаврѣ (Петербургскій Некрополь, т. III).

lib.pushkinskijdom.ru